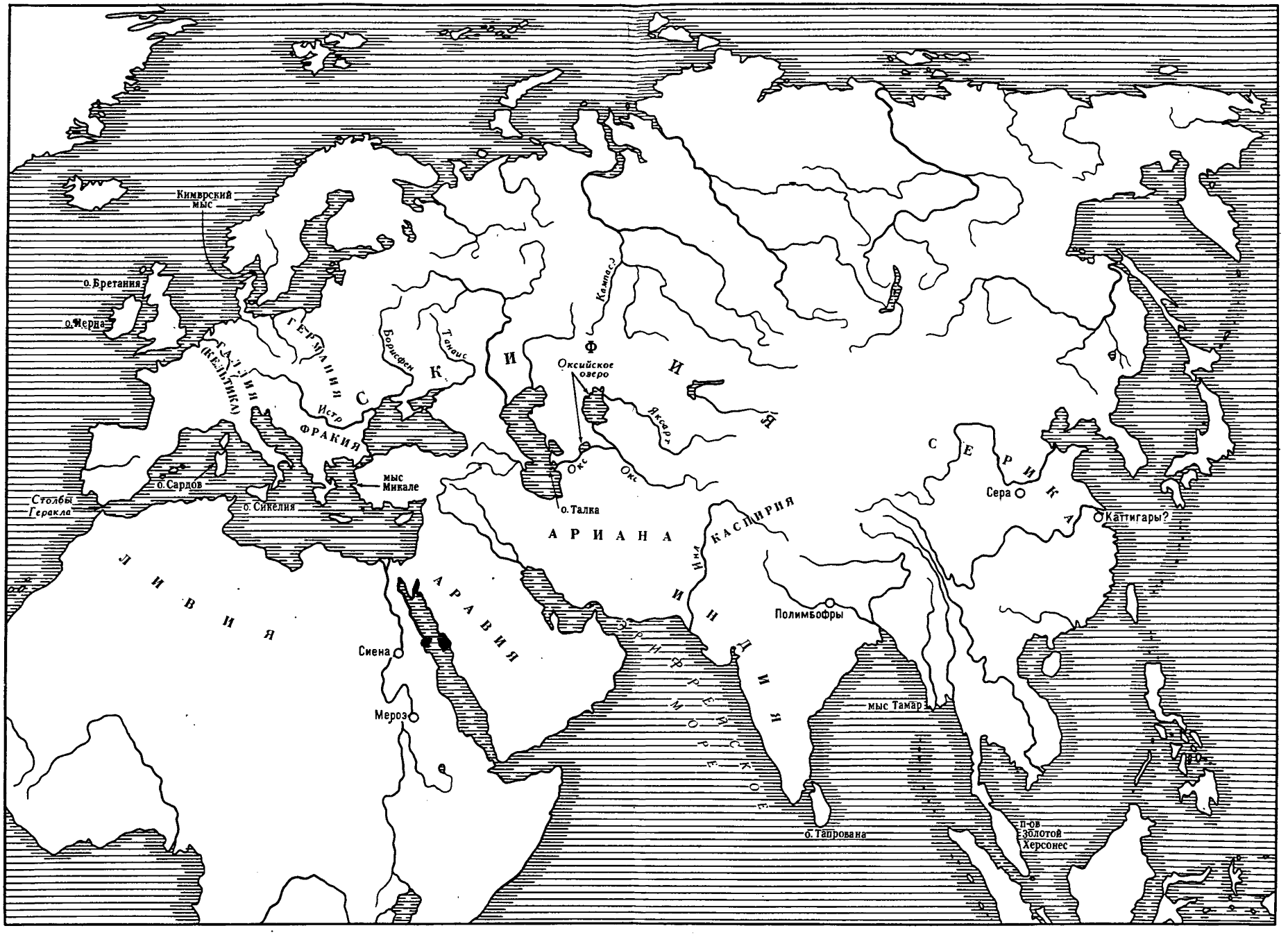

Кимврский мыс
о. Бретания
о. Иерна
ГАЛЛИЯ (КЕЛЬТИКА)
ГЕРМАНИЯ
Борисфен
Танаис
Истр
ФРАКИЯ
о. Сардов
мыс Микале
о. Сикелия
Столбы Геракла
ЛИВИЯ
АРАВИЯ
Сиена
Мероэ
Оксийское озеро
Оксий
Яксарт
о. Талка
АРИАНА
Инд
КАСПИРИЯ
ИНДИЯ
Полимбофры
мыс Тамар
о. Тапрована
ИНДИЙСКОЕ МОРЕ
Сера
Каттигары?
п-ов Золотой Херсонес

ББК 63.3(0)32
П96

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 97-01-16016

Редактор издательства
Н.Б.КОНДЫРЕВА

Пьянков И.В.

П96 Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 343 с.: карты, схемы.
ISBN 5-02-017251-0

Монография представляет собой систематическое исследование всей совокупности античных источников географического содержания, относящихся к Средней Азии. Будучи необходимым этапом в привлечении античных источников для реконструкции прошлого Средней Азии, книга дает возможность проследить историю географических представлений о Средней Азии, изменения в этнографическом составе региона, получить данные о Великом шелковом пути и т.д.

ББК 63.3(0)32

© И.В.Пьянков, 1997
© Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997

ISBN 5-02-017251-0

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа ставит своей целью показать, как отражена Средняя Азия в античных письменных памятниках, хотя, строго говоря, в античном мире не существовало не только термина «Средняя Азия», но и соответствующего ему понятия. В дальнейшем мы будем употреблять вместо этого выражения другое: «Бактриана и соседние страны», имея в виду северо-восточную окраину античной ойкумены, простиравшуюся восточнее Каспийского моря, самой крупной и самой заметной страной которой действительно была Бактриана. На современной географической карте этой группе стран примерно соответствуют республики Средней Азии, северо-восток Ирана и север Афганистана. Античные письменные памятники, о которых пойдет речь, — это сочинения греческих и латинских авторов в основном VII в. до н.э. — II в. н.э. Мы привлекаем и более поздние сочинения, но лишь в тех случаях, когда они отражают сведения ранних авторов, не сохранившиеся в других источниках.

Несколько слов о тех теоретических позициях автора, которые определяют содержание и структуру данной работы и вообще всю ее «логику». Не входя детально в общетеоретические вопросы источниковедения [об этом см. Иванов, 1973; Фарсобин, 1983; см. также специальные работы: Источниковедение древней Греции, 1982; Бокщанин, 1981; Источниковедение истории древнего Востока, 1984], остановимся на понятии «географическая традиция», ключевом для нашей работы.

К. ван Паассен в своей книге «Классическая традиция географии» так определяет географическую традицию: это литературный жанр со своими специфическими особенностями — это не географическая наука, как ее понимают в XX в., но и не некая сумма сочинений, это «литературная традиция», обнаруживающая единые черты от начала до конца классической древности [Paassen van, 157, с. XL]. Со многими моментами в этом определении нельзя не согласиться. Действительно, в качестве источниковедческой категории «географическая традиция» не имеет прямого отношения к географической науке, и не потому

только, что географические знания древности отличались от современных, а потому, что эта категория принадлежит к другой системе понятий — источниковедения, а не истории науки. «Литературную традицию» в принятом здесь значении нельзя отождествлять также с совокупностью текстов, это скорее совокупность семантики текстов. Соответственно и структурной единицей литературной традиции будет не отдельный текст, а то, что мы предлагаем называть «темой», под которой понимаем законченное по смыслу сообщение (ср. употребление этого термина в работе [Заходер, I, 1962, с. 26—33; II, 1967, с. 19—126]).

Остановимся на географической традиции. Слово «география» (γεωγραφία) в собственном смысле прилагалось древними к описанию Земли, носившему картографический характер, будь то сама карта или письменный текст, служивший пояснением к карте [Gisinger, 1924, с. 524, 525; Aujac, 1975, с. 5]. Вместе с тем у древних фигурировало и понятие «хорография» (χωρογραφία); хорография отличалась от географии не только тем, что имела дело с отдельными странами, а не с Землей в целом, но и тем, что гораздо большее значение придавала чисто описательному элементу. Одни ученые строго разделяли географию и хорографию, другие неограниченно раздвигали рамки географии, включая в нее и чисто описательный материал [о двух направлениях в античной географической науке см.: Дитмар, 1980, с. 14—16]. Первую точку зрения четко выразил Птолемей, доказывая, что «география есть линейное изображение всей ныне известной нам части Земли» (I, 1). Такое представление о географии очень близко нашему пониманию «географической традиции». Второй точки зрения придерживался Страбон, включавший в географию наряду с общетеоретическими и картографическими материалами также подробное описание свойств отдельных стран и даже описание населяющих их народов (I, 1, 1—21). Заметим здесь, что, анализируя географическую традицию, и мы используем хорографический и даже этнографический материал, но только как вспомогательное средство. Как видим, два наиболее известных античных географа придерживались противоположных мнений о географии [см. об этом: Gisinger, 1924, с. 524; Aujac, 1975, с. 6; Арский, 1974, с. 44—47].

Итак, предметом настоящей работы является античная географическая традиция. Это значит, что наше внимание в процессе исследования должно быть строго ограничено именно сообщениями античных авторов и не переходить к реалиям, о которых они говорят. Четко вычленить здесь предмет исследования не так просто, как может показаться на первый взгляд, но это необходимо сделать, чтобы работа была по своему содержанию целостной и последовательной. Необходимо, например, отказаться от соблазна приступить к локализации тех географических

объектов, о которых говорят рассматриваемые источники, от различных лингвистических выкладок и реконструкций, выявляющих местные прототипы имен и названий, встречающихся у античных авторов, — все это темы для отдельных изысканий. (Самые необходимые сведения из этой области даны нами в Приложении.)

В дореволюционной русской науке Средней Азии уделялось немало внимания, но изучением ее прошлого занимались преимущественно востоковеды, и античный период, как правило, не затрагивал их интересов. Более других среди русских востоковедов прошлого и начала нашего века писали об античной древности Средней Азии, пожалуй, В.В.Григорьев и В.В.Бартольд. Но и у них специально источниковедческие вопросы, касающиеся античных материалов, стояли на втором плане.

В советское время изучение древней истории Средней Азии получило несравненно больший размах. Велик вклад в эту область науки таких советских ученых, как С.П.Толстов, А.Н.Бернштам, Б.Г.Гафуров, Б.А.Литвинский, М.Е.Массон, В.М.Массон, Б.Я.Ставиский, Г.А.Кошеленко и многие другие. Разработка этими учеными проблем древней истории связана по преимуществу с успехами археологии. Что касается специальных вопросов изучения античных письменных источников, то они опять-таки оставались на втором плане. Правда, в это же время предпринимались попытки заполнить отмеченный пробел. Г.И.Савицкий, С.А.Вязигин и некоторые другие исследователи опубликовали ряд работ, посвященных обзору и интерпретации античных источников, касающихся Средней Азии, — работ, выполненных на достаточно высоком уровне. Но упомянутые работы указали лишь на возможность нового направления в изучении древней истории Средней Азии, так и не получившего дальнейшего развития. В хрестоматии, изданной под редакцией Л.В.Баженова и посвященной специально древней Средней Азии, помещено немало переводов античных текстов, но качество издания и переводов оставляет желать лучшего. Теперь издан еще один специальный свод древних текстов, составленный Б.В.Луниным.

Особо следует отметить работы, в которых трактуются вопросы истории античной географии, и в первую очередь труды А.Б.Дитмара и Л.А.Ельницкого. Настоящая работа многим обязана упомянутым трудам и в ряде случаев базируется на сформулированных там выводах. Но цель нашей работы, источниковедческой по содержанию, не тождественна задачам истории географической науки, кроме того, работа ограничена конкретными территориальными и временны́ми рамками и связана с решением таких специальных вопросов, которые в общих трудах по истории античной географии затрагиваются лишь мимоходом или вообще остаются вне поля зрения.

Несколько иное положение сложилось в зарубежной науке. Давние традиции классической филологии обеспечили солидный фундамент для источниковедческого изучения античных письменных памятников. Произведениям отдельных античных авторов, в том числе и тем, которые имеют значение для нашей работы, посвящено множество специальных исследований. Казалось бы, в них изучены с исчерпывающей полнотой все содержащиеся в этих произведениях сведения. Но в действительности дело обстоит не так. Западноевропейская филология всегда уделяла основное внимание центрам античной ойкумены, окраинам же ее, особенно таким отдаленным, как территория Средней Азии, доставались лишь крохи. Тем не менее исследования о творчестве отдельных античных авторов невозможно не учитывать при работе над нашей темой. Особенно важны в плане источниковедческой разработки античного материала собрания фрагментов сочинений древнегреческих авторов, изданные К.Мюллером и Ф.Якоби.

В зарубежной историографии имеется немало работ, посвященных истории и Средней Азии, и сопредельных с ней стран. Как правило, в них обильно привлекаются данные античных источников. Классиками указанной области науки можно считать В.Томашека, И.Маркварта и А.Херрмана, научная деятельность которых приходится на вторую половину прошлого и первую половину нашего века. В.Томашек обычно брал за основу своих исследований данные античных источников, обильно дополняя их иными данными, которые по объему нередко превосходили первые; названному ученому принадлежит немало заслуг в исторической интерпретации античных сведений, но чисто источниковедческие проблемы его не очень занимали. И.Маркварт продолжил работу В.Томашека, нередко отправляясь от достигнутых им результатов, но колоссальная эрудиция этого ученого, бывшего в равной степени и востоковедом и антиковедом, позволяла ему при рассмотрении античных сведений уделять значительно больше внимания и собственно источниковедческим вопросам. А.Херрман в исследованиях, касающихся интересующего нас региона, опирался преимущественно на античные данные; источниковедческий элемент, иногда даже с уклоном в область истории античной географии, занимает в его работах значительное место. Можно упомянуть и еще некоторых ученых, работавших над темами, очень близкими нам: М.Кисслинга, выдвинувшего ряд оригинальных, хотя и не всегда убедительных гипотез; Ю.Юнге, пытавшегося дать общий обзор античных представлений о северо-востоке ойкумены; В.Тарна, часто обращавшегося в своих работах к специально источниковедческим проблемам и, кстати, иногда развивавшего тезисы М.Кисслинга.

Немалое внимание в зарубежной науке уделялось и истории античной географии. Данную работу невозможно было бы выполнить в том виде, в каком она задумана, без учета выводов и наблюдений, сделанных Г.Бергером, Э.Банбери, К.Миллером, Ф.Гизингером, Дж.О.Томсоном, Р.Хеннигом и другими историками античной географии.

Необходимо также остановиться вкратце на древнегреческих и латинских собственных именах, топонимах и этнонимах, встречающихся в работе. Передавая эти имена при помощи транслитерации, основанной на русской графике, мы считали необходимым соблюдать максимальную точность. Если то или иное название имеет несколько вариантов написания (например: Паропамис, Парапанис, Парпамис и т.д.), мы всякий раз воспроизводим именно тот вариант, который соответствует тексту данного сообщения. Форма собственного имени, названия, употребляемая в источнике, имеет очень большое значение для источниковедческого исследования. При передаче этнических наименований мы придерживались следующих правил: формы типа «бактрийцы», «парфяне» имеют нейтральное значение, остальные формы по возможности точно передают написание оригинала путем подстановки вместо грамматических показателей оригинала (суффиксов, окончаний) соответствующих русских эквивалентов. В большинстве случаев сохраняется буквальное соответствие (например, в названиях типа «бактры», «бактрии», «бактрианы», «парфы», название «парфие-и» воспроизводит греч. Παρθυ-αι-οι). Мы стремились также унифицировать передачу фонетики. Так, греческая «тета» θ (по-латински передавалась как th) везде дана как «ф». Отсюда непривычные порой для читателя формы: «Мифра», «Мифридат», «Эрифрейское море» и др.

Автор приносит свою искреннюю благодарность всем тем, кто взял на себя труд познакомиться с рукописью этой работы и сделать свои замечания, в частности М.А.Дандамаеву, И.М.Дьяконову, С.Г.Кляшторному, В.А.Лившицу, В.М.Массону, Э.Д.Фролову, И.Ш.Шифману, а также Б.А.Литвинскому, с которым автор связан многими годами совместной работы в Средней Азии.

май 1989 г.

ГЛАВА I

ИСТОКИ АНТИЧНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ О СРЕДНЕЙ АЗИИ

Развитие знаний античного мира о далеких окраинах ойкумены, постепенное их расширение и углубление характеризует Страбон. Рассказывая о народах, обитавших на северо-восточных окраинах ойкумены, за Каспийским морем, Страбон говорит, что древние эллинские историки не смогли сообщить ничего достоверного ни об этих народах, «ни о персах, мидянах и сирийцах в силу своей наивности и любви к мифам» (XI, 6, 2). Далее он продолжает: «Они решили сделать свои сочинения приятными, рассказывая под видом истории то, чего никогда не видели и о чем не слышали или во всяком случае слышали не от людей осведомленных, стремясь только к тому, чтобы доставить удовольствие или вызвать удивление. Скорее, пожалуй, можно поверить Гесиоду и Гомеру, которые рассказывают о героях, и трагическим поэтам, чем Ктесию, Геродоту, Гелланику и другим подобным. Нелегко поверить большинству историков Александра, потому что они небрежно обращаются с фактами ради славы Александра и в силу того, что поход его достиг крайних пределов Азии, далеко от нас, а сообщения об отдаленных местах трудно опровергнуть. Однако господство римлян и парфян гораздо больше раскрывает эти [страны], чем предания прежних времен. Действительно, писатели, пишущие об этих [отдаленных от нас] областях и племенах, где [происходили] события, говорят о них достовернее, чем их предшественники, так как видели больше» (XI, 6, 3, 4).

Эту же мысль Страбон высказывает в другом месте своего сочинения: «Распространение власти римлян и парфян прибавило многое к [географическим] познаниям [наших] современников, подобно тому как, по словам Эратосфена, [людям], жившим после похода Александра, [многое в том же отношении дал этот

поход]: ведь он открыл для нас большую часть Азии и всю северную часть Европы до Истра». Далее Страбон говорит о географических заслугах римлян и Мифридата и продолжает: «Парфяне же расширили наши сведения о Гиркании, Бактриане и о живущих выше этих [стран] скифах, которые были менее известны [нашим] предшественникам» (I, 2, 1).

И еще одно упоминание Страбона относится только к северо-восточной окраине ойкумены: «Племена к востоку от Гиркании вплоть до Согдианы, в [странах] за Тавром, были известны сначала персам, а затем македонянам и парфянам» (XI, 11, 6).

Страбон говорит об ойкумене вообще, но в его сообщениях явственно проступает и отдельная группа стран, ограниченная на западе Каспийским морем, а на юге — хребтом Тавра, включавшая Бактриану и Согдиану. Эта группа фигурирует и в первом, и во втором сообщениях, а третье касается только ее. Она представляет собой северо-восточную окраину ойкумены, четкое определение которой дал сам Страбон, называя ее второй частью Азии к северу от Тавра (II, 5, 31; XI, 1, 17).

В цитированных сообщениях Страбон намечает ряд этапов в развитии знаний об ойкумене вообще и северо-восточной ее окраине в частности, которые связывает с принятой в античности схемой истории: сначала три последовательных царства Азии — Ассирийское (Сирийское), Мидийское и Персидское, затем македонское владычество и, наконец, Римская и Парфянская державы, поделившие между собой мир. Действительно, этой схеме истории соответствует и сама античная историография: о трех царствах Азии повествуют сочинения, известные под названием «Персика», о македонском завоевании — многочисленные «Истории Александра Македонского», о Парфянском государстве — сочинения, именуемые «Парфика». Этапы в развитии знаний об окраинах ойкумены, выделенные Страбоном, вполне могут быть приняты и современной наукой [ср.: Junge, 1939, с. 48], если отвлечься от данных им оценок.

Характеризуя расширение географических знаний, Страбон не случайно связывает его со сменяющими друг друга царствами, охватывающими все бóльшую территорию. Действительно, широта и глубина географических познаний зависели в древности в конечном счете от передвижений людей в пространстве — будь то военные походы или торговые путешествия и пр. Описание пути, по которому совершалось такое передвижение, составляло итинерарий. Итинерарий обычно и был тем первоисточником, на котором основывались все географические построения античных теоретиков. Правда, далеко не всегда то или иное географическое представление можно возвести к какому-либо итинерарию: мог бесследно исчезнуть итинерарий, послуживший первоисточником этого представления, да и само представление могло

проникнуть в античную науку помимо итинерария. Поэтому в нашем обзоре итинериариев мы не претендуем на установление истоков абсолютно всех географических представлений, рассматриваемых в последующих главах. Кроме того, следует учитывать, что автор итинерария не обязательно сам являлся лицом, прошедшим по описанному им пути; чаще даже бывало наоборот: путешествовали другие, а он использовал их сведения.

Не будем здесь останавливаться на общем определении итинерария [см. об этом: Kubitschek, 1916, с. 2308 и сл.]. Итинерарий в чистом виде — это перечень пунктов, служащих станциями на пути, и указание на расстояние между ними; сюда могут быть введены некоторые описательные материалы о горах, реках, племенах и т.д. через (или близ) которых проходит путь. Однако такие произведения встречаются в античной литературе сравнительно редко. Чаще итинерарий включается в произведение другого жанра — описание походов, путешествий и подобные им. И хотя итинерарий может и не занимать в них главного места, он легко вычленяется в тексте. Мы выделяем такие виды античного итинерария: собственно итинерарий — путь по суше, перипл — плавание вдоль берегов моря, парапл — плавание (действительное или воображаемое) по реке.

Итинерарии, которые будут рассматриваться, составляют две группы. Группа «А» описывает великий азиатский путь, проходивший через весь материк в широтном направлении, или части этого пути. Нас интересует отрезок упомянутого пути, начинающийся от Каспийских ворот [см. о них: Bunbury, I, 1959, с. 477; Standish, 1970, с. 17 и сл.], которые являлись важной вехой. Восточнее ворот дорога раздваивалась: одна тропа от селения Таги [см. о нем: Marquart, II, 1905, с. 21, 22, 52—55] вела через горные проходы в Гирканию, другая пролегала к югу от гор. Оба пути соединялись в Арии, но здесь же дорога вновь раздваивалась: одно ответвление вело через горные проходы в Бактриану, а другое уводило далеко на юг, в Дрангиану и Арахосию. Эти пути соединялись в Паропамисадах, к югу от горных проходов из Бактрианы в Индию, и вели далее в Индию. Но из Бактрианы была также дорога на север, за Яксарт, в Скифию, или на восток, в Серику.

Группа «Б» объединяет итинерарии, описывающие пути от Эвксинского Понта на восток. Разведка этих путей связана с поисками водного сообщения с Индией. Они и проходили частично по суше, частично по воде: от портов Фасиса и Диоскуриады, служивших конечными пунктами дороги через Кавказский перешеек, к Каспийскому морю, а от него далее на восток, в Бактриану и Индию.

Обратимся теперь к истории знакомства античного мира с северо-восточной частью ойкумены, как эта история отражена в

итинерариях и некоторых других источниках, руководствуясь периодизацией, намеченной Страбоном. Отметим, однако, что рассмотрение итинерариев здесь для нас не самоцель, а лишь средство выявить первоисточники географических построений, о которых пойдет речь в последующих главах. Этим определяется и подбор обозреваемых итинерариев, в число которых, в частности, не включен итинерарий Исидора Харакского. Сообщения, представляющие для нас специальный интерес, в настоящей главе лишь отмечаются, подробный анализ их приводится далее.

1. ЭПОХА ПЕРСИДСКОГО ЦАРСТВА

Итак, по мнению Страбона, Ктесию, Геродоту и Гелланику, древним эллинским историкам, писавшим о персах, мидянах и сирийцах, было известно о северо-восточных окраинах ойкумены, поскольку о них знали и названные народы Азии, но сообщить о них ничего достоверного эти историки не смогли из-за своего пристрастия к мифам. Страбон повторяет это и в другом месте своего сочинения: лучше-де прямо признаться, что излагаешь мифы, чем поступать так, «как Геродот, Ктесий, Гелланик и авторы „Индика“» (I, 2, 35).

Отсюда видно, что в представлении Страбона Геродот, Гелланик и Ктесий объединяются в довольно устойчивую группу «древних эллинских историков», которые первыми дают сведения о далеких северо-восточных странах. Сочинения этих авторов излагали историю Азии в виде истории трех царств — Ассирийского, Мидийского и Персидского, сменявших друг друга [о древнейшей истории Азии в античной схеме всемирной истории см.: Drews, 1965, с. 129—142, 1973], и обычно именовались общим названием «Персика» (Περσικά). Правда, сочинение Геродота гораздо шире по тематике, но «Персика» фактически содержится и в нем, являясь одной из составных частей этого универсального труда. Названные историки не единственные авторы, составлявшие свою «Персика», но о других известно значительно меньше. В своей оценке этих писателей Страбон зависит, по-видимому, от Эратосфена [Dubois, 1891, с. 195; ср.: Jacoby, I, 1923, с. 473, 474]. Показательно четкое отделение «мифа» (μῦθοι) от «истории» (ἱστορίαι), но Страбон не прав, во всяком случае, по отношению к Геродоту, обвиняя его в подмене истории мифом [Wardman, 1960, с. 403, 406; о понятиях «миф» и «история» у Страбона см.: Грацианская, 1978а, с. 76—91].

В характеристику рассматриваемого этапа следует внести и другие коррективы. Перечисляя древнейших авторов, благодаря которым мир узнал о северо-восточных окраинах ойкумены,

Страбон не упоминает самого основного и самого древнего из них — Скилака, почти забытого к его времени. К тому же Скилак не был автором «Персика». Сведения Скилака о далеких восточных землях целиком заимствовал еще Гекатей, его младший современник, и тем в немалой степени способствовал забвению основного труда Скилака. Позднее многие сведения Гекатея, в свою очередь, использовал Геродот. Собственные сведения Геродота и Ктесия об интересующем нас регионе [см. о них: Дандамаев, Луконин, 1980, с. 23—35, и указанную там литературу] по своей содержательности не идут ни в какое сравнение с данными Скилака. Гелланик дает некоторые сведения о северо-восточных землях, но к нашей теме они также не относятся.

Скилак

Скилак из Карианды, выдающийся путешественник и мореплаватель, жил во второй половине VI в. до н.э. [см. о нем: Herzfeld, 1947, с. 652—669; 1968, с. 286, 287, хотя и не все здесь можно принять как вполне обоснованное]. С именем Скилака связано грандиозное предприятие — объезд по воде и по суше границ Персидского царства. Прямых известий об этом путешествии сохранилось мало. Согласно Геродоту, Дарий, «желая узнать, где впадает в море река Инд... послал на судах Скилака-кариандца вместе с теми, в чью правдивость он верил, разведать это. Отправившись от города Каспапира и Пактийской земли, они поплыли вниз по реке на восток, к морю, и, плывя по морю на запад, они на тридцатый месяц достигли» Египта (IV, 44). Но город Каспапир был началом лишь непрерывного водного пути. По словам Геродота, при Дарии была открыта бóльшая часть Азии и в результате путешествия Скилака установлено, что Азия, кроме восточной ее части, подобна Ливии (IV, 44), т.е. омывается морем с трех сторон, очевидно Средиземным, Каспийским и Эрифрейским. Поэтому есть основания полагать, что Скилак объехал все, считавшиеся «естественными», границы владений персидских «царей Азии» и плавал не только в Эрифрейском, но и в Каспийском, Эвксинском и Средиземном морях [Herzfeld, 1968, с. 287].

Таков общий размах путешествий Скилака. Говоря же о путешествиях его на восток, следует прежде всего отметить, что Эратосфен, описывая путь от Амиса до Бактр, ссылается на людей, «побывавших на месте» (ὑπὸ τῶν ἐν τοῖς τόποις γενομένων) (Strabo, II, 1, 5 = фр. IIIA, 8), под которыми, несомненно, имеются в виду Скилак с его спутниками [Пьянков, 1972, с. 7—9]. Но разумеется, нет оснований полагать, что Скилак сам прошел в е с ь путь от Амиса до Бактр; это можно утверждать лишь относи-

тельно отдельных его участков. Так, сообщение о плавании от Амиса до Фасиса, видимо, основано на личных наблюдениях (Strabo, XI, 2, 17). Скилак, безусловно, сам плавал вдоль лесистых берегов Гирканского моря и побывал в земле хорасмиев, живших к востоку от парфов [Gisinger, 1927, с. 629; Herzfeld, 1947, с. 662; 1968, с. 287]. Определение Гекатеем Мидии как страны, «расположенной возле (παρακειμένη или παρακεκλιμένη) Каспийских ворот» (Steph. Byz., s.v. Μηδία = фр. 286), свидетельствует о том, что сведения его о Мидии связаны с путем, проходившим через Каспийские ворота. По мнению Э.Херцфельда, Скилак прибыл в район Каспийских ворот от Гирканского моря [Herzfeld, 1968, с. 195]. Если так, то в цитированном выражении Гекатея нужно усматривать связь между плаванием Скилака по Гирканскому морю и путешествием Скилака по «царской дороге» через Каспийские ворота, которые вели из Мидии на восток, к парфам, а затем к хорасмиям и, видимо, далее вплоть до Бактр и скифов. Наконец, парапл Инда от начала до города Каспапир также, очевидно, отражает путь Скилака вдоль реки [ср. Gisinger, 1927, с. 623, 629, 630], во всяком случае, обнаруживает «несомненную связь с путешествием Скилака» [Gisinger, 1927, с. 627].

Путешествие Скилака в Индию обычно относят ко времени до скифского похода Дария и датируют в пределах между 519 и 512 гг. до н.э., придерживаясь одного из двух вариантов датировки: между 519 и 516 гг. до н.э. и между 516 и 512 гг. до н.э. [историю вопроса см.: Gisinger, 1927, с. 621; Хенниг, I, 1961, с. 138; тех же двух вариантов продолжают придерживаться и в более новых работах, см.: Rehork, 1969, с. 6: 519—516 гг.; Фрай, 1972, с. 169: 516—512 гг.; относительно датировки см. также: Jacoby, I, 1923, с. 365; Пьянков, 1969, с. 172]. Путешествие Скилака на восток, начиная по крайней мере с Каспийского моря, было, очевидно, единым предприятием, и разделять его на части, датируя, например, путешествие к Гирканскому морю, парфам и хорасмиям временем до вступления Дария на престол (522 г. до н.э.) [Herzfeld, 1947, с. 664], нам кажется, нет оснований.

После объезда границ Персидского царства Скилак должен был представить отчет Дарию. На основе этого отчета, видимо, и было составлено сочинение Скилака. Однако оно не дошло до нас, сохранились лишь фрагменты, фигурирующие под двумя названиями. Думается, что одно из них, традиционное для такого рода сочинений, было общим названием всего труда Скилака: «Период земли» (Γῆς περίοδος). Другое прилагалось к части этого труда: «Перипл [морей] по ту сторону Столбов Геракла» (Περίπλους τῶν ἐκτὸς τῶν Ἡρακλέους Στηλῶν). Путешествие Скилака на восток, вероятно, описывалось именно в этой части (ср.: Lasserre, 1973, с. 238), поскольку конечной целью путешествия являлось плавание по Эрифрейскому морю (если, конечно, это

путешествие вообще не послужило темой отдельного сочинения [ср.: Gisinger, 1927, с. 626, 627]). Дошедший до нас под именем Скилака «Перипл моря населенной Европы, Азии и Ливии» (Περίπλους τῆς θαλάσσης τῆς οἰκουμένης Εὐρώπης καὶ Ἀσίας καὶ Λιβύης) — более позднее переложение, он составлен, как полагают, в середине [Bunbury, I, 1959, с. 405: между 360 и 347 гг.] или второй половине IV в. до н.э. [Шелов-Коведяев, 1988, с. 255], но связан с подлинным периплом Скилака [Gisinger, 1927, с. 644], очевидно имея в основе его данные [историю вопроса см.: Lasserre, 1973, с. 238].

Труд Скилака, как можно судить по уже сказанному, был построен в основном на автопсии. Ряд описанных земель, как мы видели, он прошел сам. Но автопсия, разумеется, не являлась единственным источником Скилака. Многое, например, он мог почерпнуть у торговцев, иногда совершавших весьма отдаленные путешествия. В этой связи заслуживает внимания одно любопытное сообщение Псевдо-Арриана в «Перипле Понта Эвксинского»: в греческий город Фасис, «как говорят, сходятся шестьдесят племен, говорящих на разных языках; в их числе, говорят, приезжают варвары из Индии и Бактрианы» (44). Исследователи давно уже отмечают, что указанный перипл, составленный из кусков разного происхождения, содержит и части, общие с аналогичным периплом Псевдо-Скилака [см., например: Скржинская, 1980, с. 115]. Правда, цитированное сообщение не входит в их число. Но не заимствовано ли оно из оригинала, общего для периплов Псевдо-Арриана и Псевдо-Скилака, а в конечном счете из подлинного перипла Скилака? Через торговцев до Скилака могли дойти слухи о возможности пройти водным путем от Понта Эвксинского к Каспийскому морю по Фасису и Араксу [см.: Пьянков, 1975, с. 57, 58]. Подчеркнем, что речь идет именно о представлениях древних, а не реально существовавших путях.

Труд Скилака знал и усиленно использовал Гекатей, хотя высказываются сомнения, был ли он знаком с подлинным текстом перипла или с текстом, уже подвергшимся сокращению [Reese, 1914, с. 56, 57; ср.: Jacoby, 1912, с. 2689; I, 1923, с. 365]. Геродот, как и некоторые другие ранние авторы, знал сочинение Скилака, видимо, лишь через Гекатея. Однако такие поздние авторы, как Афиней, вновь ссылаются на перипл Скилака. Естественно возникает вопрос: располагали ли они подлинным текстом? Тем более, что Афиней при цитатах ссылается на «Скилака или Полемона» (II, p. 70). Впрочем, если в тексте Афинея вместо ἢ Πολέμων читать καὶ Πολέμων, как предлагает Ф.Якоби в издании фрагментов Скилака, то слова Афинея можно понять так, что Полемон просто повторял Скилака. Вполне вероятно также, что если перипл Скилака и подвергся обработке в позднее время, то в основе он все же содержал подлинные данные Скилака [о до-

стоверности цитации Афинея см.: Gisinger, 1927, с. 627; об отмеченной цитате Афинея как фрагменте сочинений Полемона см.: Чистяков, 1983, с. 221].

Итинерарий составлял основное, но не единственное содержание труда Скилака, который выходил за чисто эмпирические границы. Даже по сохранившимся фрагментам видно, что Скилак, опираясь на конкретный материал итинерария, ставил широкие теоретические проблемы. Так, общие итоги наблюдений, которые Скилак вел во время плавания по внутренним и внешним морям, отражены в схеме деления Западной Азии на две «акте». Эта схема сохранена нам Геродотом (IV, 38, 39) через посредство Гекатея. Знакомство с водными путями внутренних морей, видимо, позволило Скилаку наметить линию, соединявшую Столбы Геракла и Боспор Фракийский (фр. 8) и послужившую западной частью широтной оси ойкумены на карте, которую, надо думать, в общих чертах подготовил сам Скилак, но воплотил в жизнь Гекатей.

Далее мы остановимся на сведениях об отдельных путях, предположительно восходящих к Скилаку, а именно на тех из них, которые послужили первоисточниками для географических построений, рассматриваемых нами в последующих главах. Исходным пунктом большинства этих путей выступает город Амис. Амис всегда была связан с Синопой, являясь ее торговым портом, причем торговые интересы Амиса в эпоху персидского владычества были направлены именно на внутренние, персидские, земли [Максимова, 1956, с. 14, 81—85, 87, 88; однако здесь говорится только о дороге от Амиса на юг и совсем не учитываются сведения о восточном пути]. Гекатей, видимо, знал о значении Амиса и упоминал о нем в своем сочинении (Strabo, XII, 3, 25 = фр. 199). Поэтому, кажется, нет необходимости в предположении, что в качестве отправного пункта сначала фигурировала Синопа и только много позже, после Эфора и Аполлодора Афинского, она была заменена Амисом [Jacoby, I, 1923, с. 354]. Полагаем, что с самого начала, у Скилака и Гекатея, Амис и Синопа упоминались в итинерариях вместе. Сведения о путях, ведущих от Амиса, по-видимому, уже Скилаку и Гекатею послужили для построения воображаемых прямых линий, составивших потом основу карты. Одна из таких линий проходила через Амис от Пропонтиды и Геллеспонта до переправы к Каспийскому морю, Бактр и скифов. Очевидно, эта линия продолжала дальше на восток линию Столбов Геракла до Боспора Фракийского, т.е. до Пропонтиды. Впоследствии представление о ней заимствовали у Гекатея Эратосфен (фр. III A, 2, 8, 11, 22) и Гиппарх (фр. 33, 51), дискутировавшие по этому поводу. Другая такая линия проходила через Синопу и Амис от устья Нила к устью Истра [см. о ней: Jacoby, 1912, с. 2720; I, 1923, с. 354].

С маршрутами реальных путей такие абстрактные линии совпадали лишь частично.

От Амиса прямо на восток пролегал морской путь к Фасису. Страбон говорит об этом так: «У реки Фасис лежит одноименный город, эмпорий колхов... Отсюда до Амиса и Синопы три или два дня плавания, так как берега и устья рек топки (или: мягки, удобны?)» (XI, 2, 17). Это сообщение, заимствованное у Эратосфена или Артемидора, обнаруживает большую древность. Вероятно, оно основано на данных Гекатея и Скилака (об этом свидетельствует упоминание Фасиса в качестве торгового центра колхов), а не на итинерарии Патрокла, как обычно полагают [Лордкипанидзе, 1957, с. 378; правда, автор считает, что отдельные участки пути, связанные с Фасисом, могли функционировать и задолго до Патрокла, в V—IV вв. до н.э., см. с. 382; Ельницкий, 1961, с. 146—148]. От эмпория Фасиса начинался путь в глубины материка. На значение Фасиса указывает то обстоятельство, что в древнейшее время именно здесь искали пункт, где Понт достигает наибольшей длины (Herod, IV, 86) и, стало быть, перешеек наиболее узок, — таким местом всегда считали порт, к которому выводила сухопутная дорога через перешеек.

Какие сведения об этой дороге имели значение для более поздних географических построений? О том, что за Кавказом, к востоку, простирается Каспийское море, знал Геродот (I, 203, 204). О том, что туда же, на восток, течет река Аракс, которая начинается в горах Матиены и изливается сорока рукавами, а из этих рукавов все, кроме одного, теряются в болотах и лишь один впадает в Каспийское море, знали и Геродот (I, 202; IV, 40) со слов Гекатея, и Каллисфен (фр. 38) со слов Геродота, и Посидоний через Каллисфена или независимо от него, а традиции Посидония следуют Страбон (XI, 8, 6) и Касторий (Tab. Peut., XI, 5 — XII, 5). Причем Каллисфен соединяет Аракс Скилака с другим Араксом совсем иной традиции, а Посидоний вдобавок к этому переиначивает данные Скилака в угоду своей общей географической концепции. Для самого Скилака сведения об Араксе имели значение в связи с поисками водного пути от Фасиса к Каспийскому морю: не случайно подчеркивается, что один рукав Аракса все же «течет по открытой местности в Каспийское море» (Herod., I, 202). Предположение о существовании такого пути было бы вполне естественно для Скилака: ведь граница Азии с другой стороны — и вместе с тем конечная цель его путешествия — проходила тоже по перешейку, там разделявшему Средиземное море и Аравийский залив и пересеченному каналом, который «Дарий провел из Нила» (Herod., IV, 39, 41). В теоретическом плане указанные сведения имели значение для установления границы между Азией и Европой: Скилак традиционную ионийскую границу по Фасису провел дальше по

Араксу и Каспийскому морю [Пьянков, 1975, с. 56—58]. Об этой уточненной границе Азии говорит Геродот (IV, 38, 40). О ней же говорит Агафемер, сообщая, что, по мнению «древних» (ἀρχαῖοι), границами Азии являлись «река Фасис и перешеек вплоть до Каспийского [моря]» (I, 3).

Перипл Каспийского моря, принадлежавший Скилаку, дошел до нас в очень незначительной части. На то, что сведения о Каспийском море были оформлены в виде перипла, указывает следующее сообщение Геродота, восходящее к Скилаку [Пьянков, 1975, с. 61]: море имеет «в длину пятнадцать дней плавания на веслах, а в ширину, в наиболее широком его месте, восемь дней» (I, 203). Цифры эти точны; по крайней мере последняя из них выражает не протяженность по прямой, а обычный срок плавания вдоль западных и южных берегов моря [Бартольд, II, 1, 1963, с. 657]. На построения более поздних античных географов оказали влияние следующие данные о Каспийском море, восходящие к Скилаку: отмечаемый Геродотом факт замкнутости, «отдельности» Каспийского моря (I, 202, 203); описанные Гекатеем высокие и лесистые горы, простирающиеся «вокруг так называемого Гирканского моря» (фр. 291) (очевидно, Скилак здесь говорил именно о гирканском побережье Каспийского моря); описанная Геродотом необозримая равнина к востоку от Каспийского моря, заселенная скифским племенем массагетов (I, 204); наконец, сведения Эратосфена, заимствованные у Гекатея и отраженные, в свою очередь, у Арриана (III, 23, 1; ср. VII, 16, 2) и у Курция (VI, 4, 16, 19), — сведения, которые как бы соединяют описание Гекатея и Геродота: о высоких и лесистых горах Гиркании, переходящих в непрерывную равнину, примыкающую к Каспийскому морю. Для самого Скилака особенно важен был факт замкнутости Каспийского моря. Вопрос о природе Каспийского моря связывался у Скилака с одной из главных его задач: установить место впадения в море Инда, а шире — установить существование единого внешнего моря. История античной географии показывает, что признание замкнутости Каспийского моря всегда сочеталось с отрицанием единого внешнего моря. Тот факт, что Скилак, говоривший о таком едином море, все же признавал Каспийское море замкнутым, свидетельствует о надежности его сведений и его добросовестности.

От Амиса на юг путь шел по суше в Киликию. Характерно, что указание на этот путь имеется у Псевдо-Скилака в его перипле (102). Геродот, повторяя Гекатея, замечает, что от Киликии до Синопы пять дней пути (II, 34). Эратосфен, опираясь на материалы Гекатея, говорит о пути от залива у Исса на север к местностям около «Амиса или Синопы» как о расстоянии в 3000 стадиев (Strabo, II, 1, 3 = фр. III A, 36). Сведения об этом пути, возможно, использовали в своих построениях Эратосфен

(фр. III A, 2), пользовавшийся данными Гекатея, и Страбон (XI, 1, 3; XIV, 5, 22).

Далее еще две дороги отходили на юг: одна — от Фасиса, другая — от Аракса. Первая дорога шла через земли колхов, саспиров, мидов и персов, живших у Эрифрейского моря. Геродот, опять-таки заимствуя у Гекатея, говорит об этой дороге так: путь от Меотиды до реки Фасиса и страны колхов занимает 30 дней, а путь от Колхиды до Мидии через страну саспиров — не больше (I, 104; ср. I, 110). Свидетельства об этом пути тоже весьма древние. Э.Херцфельд считает, что связанное с этими сведениями представление о гористой и лесистой земле близ Понта Эвксинского как мидийской территории принадлежит Скилаку [Herzfeld, 1968, с. 287; ср.: Bretzl, 1903, с. 231, 232], а Ф.Якоби отмечает, что указанное сообщение о мидийской земле по тону совершенно аналогично фрагментам сочинения Гекатея о горах вокруг Гирканского моря и о гористой стране хорасмиев [Jacoby, 1912, с. 2698] — фрагментам, бесспорно восходящим к Скилаку. О другой дороге сведений сохранилось мало. Известно лишь, что она начиналась от Аракса и Каспийского моря, а кончалась у миков, обитающих у Эрифрейского моря. Сведения об этих двух путях использовал сам же Скилак для схемы деления Азии на две половины: западную и восточную. Основываясь на данных о первом пути, Скилак составил ряд народов, на карте как бы окаймлявших с востока западную половину. Этот ряд через посредство Гекатея дошел до Геродота (IV, 37). Располагая данными о втором пути, Скилак составил другой ряд народов, подобным же образом окаймлявших на карте с запада восточную половину. Этот последний ряд нашел отражение в одном из фрагментов сочинения Гекатея (фр. 289), через Гекатея он был известен и Геродоту (IV, 40).

Наконец, основной путь на восток вел через Каспийские ворота по «царской дороге». Итинерарий Скилака, описывавший этот путь, принадлежал к группе итинерариев «А», к той их разновидности, где говорилось о северном ответвлении пути. Эратосфен, основываясь на этом итинерарии, известном ему через Гекатея, говорит о «дороге» (ὁδός), ведущей на восток к Бактрам (Strabo, II, 1, 3, 11 = фр. III A, 2, 11). Разбирая античные географические построения, мы будем далее неоднократно обращаться к фрагментам указанного итинерария. Лишь два из них принадлежат самому Скилаку, остальные — Гекатею и некоторым другим авторам. Таковы сообщение Гекатея о Мидии и Каспийских воротах (фр. 286), известие Арриана об обитающих рядом парфиеях и хорасмиях (VII, 10, 6), сообщение Страбона о гористой и лесистой Парфии (XI, 9, 1) и сообщение Гекатея о хорасмиях, живущих к востоку от парфов, на равнинах и в лесистых горах (фр. 292, 293). В этой связи следует упомянуть

и о восходящих к Гекатею сведениях Страбона (XI, 6, 2; 8, 2), Арриана (VII, 10, 5, 6) и Курция (V, 9, 5; VI, 3, 9; VII, 4, 6) о скифском народе саков, обитающем к востоку от Каспийского моря, — видимо, восточнее массагетов и севернее бактрийцев. Далее, сообщение Скилака о какой-то гористой, обильно орошенной стране (фр. 3), — видимо, о горах этой же страны, тянущихся вдоль Инда, упоминал и Гекатей (фр. 296). Может быть, это страна опиев, описанная Гекатеем (фр. 299) по данным того же итинерария. Наконец, сообщение Скилака о лесистых горах по обеим сторонам Инда (фр. 4). Возможно, что здесь речь идет о стране упомянутых Гекатеем гандариев, где находился и город Каспапир (фр. 294, 295). Сюда нужно добавить сведения Геродота об индах, живущих около Каспапира, на север от остальных индов, и близких бактрийцам (III, 102), а также о безграничной песчаной пустыне к востоку от Индии (III, 98, 104; IV, 40).

Эратосфен через Гекатея широко использовал данные этого итинерария о цепи гор, тянущихся на восток. Описывая эту горную цепь, Эратосфен заимствовал у Гекатея даже этническую номенклатуру: горы идут вдоль земель мидов, парфиев, хорасмиев, бактриев (фр. III А, 5). Заимствовал Эратосфен и указания на направление цепи гор и положение ее относительно дороги. Так, он отмечал, что дорога к Бактрам и скифам, живущим по другую сторону от них, проходит прямо на равноденственный восток, а горы остаются справа от дороги (фр. III А, 2, 8, 11, 22). Гиппарх, полемизируя с Эратосфеном, имел в виду те же данные (фр. 33, 51). Другие указания такого же рода сохранились в заимствованиях у Эратосфена, сделанных Аррианом и Страбоном. Судя по Арриану, дорога в Бактры сначала шла так, что горы, прикрывавшие Гирканию, находились слева от нее (III, 23, 1). По Страбону, на крайнем востоке ойкумены горы тянулись между индами и скифами (II, 5, 14, 31) — видимо, теми, которые жили по другую сторону от Бактр. Рассматриваемый итинерарий использовал и Тимосфен: думается, именно отсюда происходит его представление о том, что бактрианы обитают на равноденственном востоке, инды — к югу от них, а саки — к северу, за Каспийским морем (фр. 6). Еще позднее Равеннат в той части своей схемы, которая восходит к Тимосфену, помещает на краю ойкумены неизведанную пустыню, простирающуюся на восток от индов (I, 2, 1). Данные итинерария, видимо, использовал и сам Скилак для своих теоретических построений. Есть некоторые основания полагать, что река Инд служила у Скилака границей между индийской и скифской частями ойкумены. Это положение Скилака заимствовал Гекатей, и намек на него, как мы считаем, сохранился в том фрагменте сочинения Гекатея, в котором говорится о «Скифской акте» (фр. 295). Следовательно, Инд у Скилака исполнял на крайнем востоке ойкумены ту же

роль делителя ее на Азию и Европу, какую в более западных частях Скилак придавал Фасису, Араксу и Каспийскому морю.

Геродот

Геродот из Галикарнасса, «отец истории», как назвали его уже в древности, жил около 484—425 гг. до н.э. [см. новейшее исследование о Геродоте: Доватур, Каллистов, Шишова, 1982]. Геродот много путешествовал, некоторое время провел на Самосе и в Афинах, а конец жизни — в Фуриях (в Италии). Совершил путешествие вдоль берегов Понта Эвксинского, причем в Ольвии, возможно, останавливался на достаточно долгий срок [Жебелев, 1953, с. 315—319; ср.: Jacoby, 1913, с. 258, 259]. Совершил путешествие и в Персию; состоялось оно, как полагают, в 448—447 гг. до н.э. [Jacoby, 1913, с. 267; ср.: Лурье, 1947, с. 15]. Путь Геродота начинался, видимо, на финикийском побережье, в Тире [Jacoby, 1913, с. 262], и пролегал через Вавилон, а одним из самых восточных его пунктов было селение Ардерикка [см. о нем: Herzfeld, 1968, с. 12], расположенное, по Геродоту, в 210 стадиях от Суз (VI, 119). Путешествовал он преимущественно по тем местам, где мог встретить греков (Лурье, 1947, с. 15). В Экбатанах и остальной Мидии Геродот не был и даже, возможно, не посетил Суз [ср.: Jacoby, 1913, с. 263, 276, 277]. Бывал ли Геродот в Бактриане? В одном месте он, кажется, намекает на это. Сообщая о том, как возникло в Бактриане греческое селение Барка, Геродот говорит, что оно было обитаемо в Бактрийской земле «еще и при мне» (IV, 204: περ ἔτι καὶ ἐς ἐμέ). Но это выражение, как и другие подобные, не обязательно свидетельствует об автопсии [Jacoby, 1913, с. 249, 263; Podlecki, 1977, с. 262].

«История» (Ἱστορίαι) Геродота полностью сохранилась. Видимо, какая-то часть ее была написана на Самосе перед 445/44 г. до н.э., но вообще Геродот работал над ней до конца жизни и, возможно, так и не завершил ее (историю вопроса см.: Pötscher, 1966, с. 1100). В «Истории» нет книг, специально посвященных географии, но географических сведений тем не менее много, особенно в многочисленных экскурсах [см. о них: Доватур, 1957, с. 167, 168], иногда разрастающихся в большие «рассказы» (λόγοι), посвященные какой-либо одной стране. Так что если Геродот — отец истории, то, по выражению К. ван Паассена, география у него — приемное дитя [Paassen van, 1957, с. 201].

О недостоверности Геродота и пристрастии его к басням говорил не только Страбон, но и другие античные авторы. Однако следует учитывать, что античная оценка достоверности в принципе отличается от нашей. Античность определяла достовер-

ность автора просто по степени правдоподобия того, о чем он рассказывает. Мы — по тому, насколько точно он воспроизводит свои источники. В этом отношении Геродот почти безупречен в противоположность другим античным авторам, например Ктесию. Он сам неоднократно подчеркивает, что считает себя обязанным именно передать услышанное, а не верить ему.

Об источниках своих знаний Геродот говорит, разделяя их на следующие группы: виденное своими глазами, полученное путем расспросов и, наконец, «рассказы» (λόγοι) (II, 99), т.е. собственные наблюдения, устные сведения и, очевидно, письменные источники. Личными наблюдениями и устными сообщениями Геродот, безусловно, пользовался широко. На известия, полученные от современников, он ссылается часто, хотя обычно называет не имя информатора, а лишь указывает на его народность. Ссылается он и на сообщения «некоторых из персов» (περσέων μετεξέτεροι). Очень вероятно, что одним из этих персов был Зопир, бежавший из Персии в Афины в сороковых годах V в. до н.э. (Herod., III, 160; ср.: Phot., Bibl., LXXII = Ctes., фр. 14, § 45; см. [Дьяконов, 1956, с. 17]). Несомненно, что в Греции было немало и других персов, рассказы которых могли послужить источником для Геродота (Myres, 1953, с. 159).

Что касается письменных источников, то можно с уверенностью сказать, что Геродот пользовался сочинениями Гекатея. Вопрос о том, насколько Геродот зависит от Гекатея, обсуждался долго и решался по-разному (историю вопроса см.: Paassen van, 1957, с. 69). Однако, как представляется, Ф.Якоби, а также и ряд других ученых крайне преувеличили эту зависимость. Высказывалось даже предположение о почти буквальном заимствовании Геродотом у Гекатея «Мидийского рассказа» (Μηδικὸς λόγος), т.е. рассказа о персах и их соседях, причем без ссылки на Гекатея, который якобы служил действительным источником даже там, где Геродот ссылался на персов или на представителей других народов [Prašek, 1904, с. 208; ср.: Немировский, 1979, с. 52, 53].

Во многом обязан Геродот предшествовавшим авторам и своими географическими познаниями. Еще Дж.Л.Майрс установил, что Геродот базировался на двух разных представлениях об ойкумене, на двух «картах»: «ионийской» и «персидской», причем последняя была выработана Скилаком [Myres, 1896, с. 623, 624; 1953, с. 34—39; эта точка зрения была принята и более поздними учеными, см.: Heidel, 1937, с. 50; Paassen van, 1957, с. 383]. Такое представление соответствует в общих чертах и нашему выводу: у Геродота действительно отражены две разные географические традиции, одну из которых мы называем общей ионийской, а другую — ионийской традицией Скилака, причем последняя была воспринята Геродотом через посредство Гекатея.

Итинерарии содержатся и в сочинении Геродота. Наиболее известным из них является описание «царской дороги» на протяжении от Сард до Суз с прибавлением данных о пути от Эфеса до Сард (V, 52—54). Определяя источники этого описания, следует учитывать, что хотя Геродот и совершил путешествие в Персию, но, по-видимому, не по «царской дороге» [Jacoby, 1913, с. 262, 439; иначе Дитмар, 1961, с. 32—35]. Следовательно, описание этой последней основано не на собственных его наблюдениях, а заимствовано из сочинения одного из его предшественников, которое, надо думать, содержало карту. Таким предшественником скорее всего был Гекатей [Herzfeld, 1968, с. 288]; сам же Гекатей мог взять итинерарий «царской дороги» из какого-то официального персидского документа.

О более восточных участках пути Геродот прямо ничего не говорит; о них, по-видимому, не было данных и в том итинерарии «царской дороги», который послужил ему источником. Но какие-то слухи о путях, ведущих в Бактриану, до него, возможно, доходили, причем от современных информаторов. Во всяком случае, о связях с Бактрианой в его время свидетельствует уже цитированное выше сообщение Геродота о греческом селении Барка в Бактрийской земле (IV, 204). Однако у Геродота есть и более определенные свидетельства того, что ему были известны итинерарии восточных участков «царской дороги» — точнее, описание пути, принадлежащее к группе итинериариев «А», описывавших южную дорогу. Это прежде всего фигурирующий в легенде о реке Акес перечень народов, окружающих горную равнину, некогда принадлежавшую хорасмиям: сами хорасмии, а также гиркании, парфы, сарангеи и фаманеи (III, 117). Геродот использовал древнюю легенду о громадных горах на востоке Азии и текущих с них в разные стороны пяти реках — одно из самых ранних выражений орогидрографической схемы Верхней Азии, — но попытался истолковать ее с точки зрения известной ему конкретной географии. Мифический источник вод в горах он отождествил с реальными ирригационными сооружениями на «равнине, заключенной в горах», т.е. в Арии, действительно считавшейся частью земли хорасмиев. Для того чтобы назвать пять конкретных народов, якобы окружавших Арию, Геродот просто воспользовался итинерарием: нашел в нем хорасмиев и затем выбрал имена двух народов, предшествующих хорасмиям, и других двух — следующих за ними. Первыми двумя оказались гиркании и парфы, вторыми двумя — сарангеи и фаманеи. Думается, что такова самая естественная расшифровка перечня, для истолкования которого было предложено множество гипотез. Последовательность «парфы — хорасмии», как мы видели, выступает и в итинерарии Скилака; сарангеи, т.е. дранги, в описаниях южной ветви пути всегда следуют за ариями, а фаманеи

[см. о них: Herzfeld, 1968, с. 332, 333] находились на том же пути за дрангами.

Но рассказ Геродота о походе Кира на массагетов (I, 201, 204—214), т.е. та часть его сочинения, которая могла бы содержать подробный итинерарий и служить великолепным источником для познания далеких восточных земель, не оправдывает этих надежд. Еще Страбон отмечал, что «древние эллинские историки», к которым он причислял и Геродота, рассказывая о войне Кира с массагетами, не смогли сообщить ничего определенного о северо-восточной части ойкумены (XI, 6, 2). Из данных о маршруте Кира явствует лишь, что персы, вступая в землю массагетов или возвращаясь из нее, пересекали реку Аракс (I, 205—211; III, 36). Этот факт в той же связи отмечает Трог (фр. 29 a,b,f), опираясь, видимо, на неизвестного автора «Персика» [ср. Jacoby, 1922, с. 2068], который, как мы думаем, дополнял версию Геродота за счет сочинения Харона, еще более древнего автора «Персика», наиболее близкого в изложении событий к Геродоту. О самом Араксе Геродот здесь ничего не говорит, видимо считая, что сказал о нем достаточно в других местах своего сочинения, и не подозревая, что те сведения относятся к другим Араксам.

Часть сведений Геродота об этих других Араксах заимствована у Гекатея, часть обязана его собственным источникам. Под последними мы подразумеваем известия о торговом пути из Боспора к Араксу и массагетам, которые Геродот получил в Ольвии [Пьянков, 1975, с. 52, 53, 68—69]. Из этих источников Геродот узнал об Араксе, сравниваемом с Истром, и об островах его, сравниваемых с Лесбосом (I, 202), о массагетах как народе, обитающем на востоке, «по ту сторону реки Аракс, напротив исседонов» (I, 201), почерпнул описание этих же массагетов (I, 215, 216), а также один из рассказов о происхождении скифов (IV, 11, 12). Все это вместе с известиями об Араксе, извлеченными из Гекатея, довольно рано было соединено с описанием орогидрографической схемы, в которой тоже фигурировал Аракс, но совсем другой. Мы думаем, что упомянутая контаминация была произведена Эвдоксом. Во всяком случае, она налицо уже у Каллисфена (фр. 38) и представлена в традиции Клитарха — у Курция (VII, 3, 19), у Лукана (III, 266—268) и его схолиаста (In Luc., III, 280) и в традиции Посидония — у Страбона (XI, 8, 2, 6, 7), у Кастория (Tab. Peut., XII, 3) и Равенната (I, 12, 7; II, 8, 2).

Ктесий

Ктесий из Книда жил во второй половине V — начале IV в. до н.э. Особое значение как автору «Персика» придавало ему то обстоятельство, что он провел в Персии семнадцать лет (414—

398 гг. до н.э.) [см.: Пьянков, 1975а, с. 10, 11]. Попал он туда в качестве пленника и вначале находился, видимо, при лидийском сатрапе Тиссаферне [ср.: Дьяконов, 1956, с. 22, примеч. 1], но последние годы являлся придворным врачом Артаксеркса II (правил с 405 г. до н.э.) и лечил его жену, детей, а также мать, знаменитую Парисатиду, у которой пользовался особым доверием [Jacoby, 1922, с. 2033]. Находясь при царе, Ктесий жил в основном в Сузах — как полагают, в местной греческой колонии [Дьяконов, 1956, с. 22, примеч. 1]. Вместе с царским двором он, возможно, побывал и в других столицах Ахеменидов — в Вавилоне и, может быть, в Экбатанах [Пьянков, 1975а, с. 12, 13]. Но в восточных областях Персидского царства он не был.

Сочинения Ктесия дошли до нас только во фрагментах. Написал их Ктесий после возвращения на родину. Основные его сочинения — «Персика» (Περσικά) и «Индика» (Ἰνδικά). Первое из них было закончено не ранее 393 г. до н.э. Географических сведений в них немало, особенно, если говорить о «Персика», в книгах I, II, VII—XI. Экскурсов, которые были свойственны сочинению Геродота, у Ктесия нет, но «Персика» содержит два приложения, и одно из них — географическое. Ктесий написал и собственно географическое сочинение, «Перипл» (Περίπλοι), но от него мало что сохранилось. Среди сочинений Ктесия упоминаются также «О горах» (Περὶ ὀρῶν) и «О реках» (Περί ποταμῶν), но ссылки на них признаны ложными [Jacoby, 1922, с. 2036].

О сведениях Ктесия, как и Геродота, уже в древности нередко говорили как о недостоверных и баснословных. Но если по отношению к Геродоту такое суждение несправедливо, то по отношению к Ктесию оно имеет больше оснований. Источники, на которые опирался Ктесий, значительно менее качественны, чем у Геродота, да и сами показания источников обычно служили Ктесию лишь поводом для его фантазии. Не случайно поэтому современные исследователи отмечают, что многими своими чертами «Персика» Ктесия приближается к роману. Тем не менее Ктесий, стремясь отличиться от своих предшественников, дает иногда ценные и уникальные сведения [см., например: Дандамаев, 1963, с. 123—125], которые, правда, очень трудно очистить от шелухи Ктесиева сочинительства.

Ктесий утверждает, что в своих сочинениях «Персика» и «Индика» он рассказывал то, чему сам был свидетелем или о чем слышал от других, которые также были очевидцами (Phot., Bibl., LXXII, p. 35b, 50a). Конечно, нельзя отрицать, что Ктесий использовал собственные наблюдения и устные известия. При этом Ктесий в силу своей склонности переносить в древность черты современности [Пьянков, 1975а, с. 24, 25] мог использовать личные наблюдения и в описании далекого прошлого. В качестве своих информаторов Ктесий в «Персика» называет персов: он

передает то, что «лично слышал от самих персов» (αὐτήκοος παρ'αὐτῶν Περσῶν) (Phot., Bibl., LXXII, p. 35b). Конечно, в первую очередь имеются в виду персы, составлявшие ближайшее окружение царя, — именно с ними у Ктесия должны были завязаться наиболее близкие отношения. Есть основания думать, например, что Ктесий в большой мере использовал сообщения Парисатиды [о Парисатиде как источнике Ктесия см.: Пьянков, 1975б, с. 55]. Даже во фрагментах сочинений Ктесия сохранилась прямая ссылка на нее: «слышал от самой Парисатиды» (Παρ'αὐτῆς Παρυσάτιδος ἀκοῦσαι) (Phot., Bibl., LXXII = фр.15, § 51). В «Индика» Ктесий ссылается также на рассказы бактрийцев и индийцев: «бактрийцы рассказывают» (Βάκτριοι λέγουσιν), «индийцы говорят» (Ἰνδοὶ φασιν) (Aelian., N.A., IV, 27 = фр. 45h). И тех и других Ктесий мог встретить в персидских столицах.

Наряду с устными источниками Ктесий пользовался и письменными. Можно даже сказать, что сочинения предшественников — основной его источник. При этом зависимость от них проявляется у Ктесия очень своеобразно. Желая показать свое превосходное знание Азии, он всячески критикует предшественников, но у них же и заимствует. Из числа историков, обвиняемых им во лжи, Ктесий называет Геродота и Гелланика (Phot., Bibl., LXXII = фр. 16, § 62; ср.: Phot., Bibl., LXXII, p. 35b, 45a). Этим авторам, особенно Геродоту [Jacoby, 1922, с. 2051], он по преимуществу и следует. Претензии же Ктесия на знакомство с содержанием персидских царских летописей (Diod., II, 22, 5 = фр. 1b; II, 32, 4 = фр. 5), как признано, не имеют оснований [см., например: Marquart, 1893, с. 629; Jacoby, 1922, с. 2048, 2055; Goossens, 1940, с. 27].

Географическое приложение к «Персика» Ктесия целиком представляло собой итинерарий. В нем описывался путь «от Эфеса до Бактр и Индии» и указывалось «число стафм, дней, парасангов» этого пути (Phot., Bibl., LXXII = фр. 33). Никаких других прямых сообщений о нем от Ктесия до нас не дошло. Сама мысль дать описание дороги, проходящей через всю Азию, возникла у Ктесия, несомненно, под влиянием сочинения Геродота, которое служило для Ктесия одновременно и образцом, и объектом критики и нападок. Если Геродот описал дорогу от Эфеса до Суз, то Ктесий, никогда не упускавший случая показать свое превосходство в знании Азии, довел описание этой дороги до Бактр и Индии. Словом, Ктесий создал типичный итинерарий группы «А».

Западные участки описанного им пути Ктесий мог знать лично, но о восточных участках сказать того же нельзя, поскольку Ктесий вряд ли бывал восточнее Экбатан и определенно не был в Индии [Reese, 1914, с. 84]. Возможно, что Ктесий, в составе двора сопровождая царя и царицу до Экбатан, узнал о более

восточных участках дороги от своих спутников; показательно в этой связи, что характерные для Ктесия названия восточных народов входят в состав информации, источник которой выявляется более или менее определенно — круг Парисатиды [Пьянков, 1971, с. 74—76; 1978, с. 89].

Сведения об интересующем нас пути Ктесий использовал, как мы считаем, в рассказах о походах Нина и Семирамиды. Эти рассказы сохранились лишь в передаче Диодора [по вопросу о точности передачи см.: Пьянков, 1975а, с. 144—182].

Возможно, что общие представления о пути легли в основу сообщения Ктесия о Нине, который, задумав подчинить «всю Азию между Танаисом и Нилом», завоевал ее, «кроме индов и бактрианов» (Diod., II, 2, 1 = фр. 1b). Здесь, очевидно, бактрианы, земли которых простирались до Танаиса, и инды мыслятся как два «крайних» народа Азии. Непосредственно путь в Бактриану Ктесий должен был иметь в виду, когда рассказывал о походе Нина от Сузианы через Каспийские ворота в Бактриану (Diod., II, 2, 3, 4 = фр. 1b). Но Диодор, через посредство которого дошел до нас этот рассказ Ктесия, опускает здесь подробности. Можно лишь догадываться, что на пути от Каспийских ворот до Бактрианы Нин прошел через земли парфиеев и хорамнеев [реконструкцию данного рассказа Ктесия см.: Krumbholz, 1897, с. 273; Пьянков, 1971, с. 73]. Прямыми фрагментами итинерария являются описания Каспийских ворот и горных проходов в Бактриану. О первых Ктесий говорит: «Так называемая Каспиана, в которую ведет весьма узкий проход, поэтому и называемый Каспийскими воротами» (Diod., II, 2, 3, = фр. 1b). Вторые Ктесий имеет в виду, когда сообщает, что доступ в Бактриану непрост «из-за труднодоступности мест и узости проходов» (Diod., II, 6, 1 = Ctes., фр. 1b). Из повествования Ктесия о военных действиях Нина вытекает, что проходы вели через горы на равнину Бактрианы (Diod., II, 6, 3 = фр. 1b). Если считать, что вторжение в Бактриану было произведено с запада, со стороны парфиеев и хорамнеев, то узкие горные проходы (στενά, εἰσβολαί), которые, согласно Ктесию, вели в эту страну, контролировали доступ в нее именно с запада.

Описание дороги с ее достопримечательностями выступает из-под занимательного изложения Ктесием похода Семирамиды. Эта знаменитая царица, шествуя по Азии со своим войском, всюду возводила грандиозные сооружения, многие из которых, по словам Ктесия, сохранились «доныне» (μέχρι τοῦ νῦν) и именуются «работами Семирамиды» (Diod., II, 13, 5; 14, 2 = фр. 1b). В числе этих «работ» и дороги, пробитые в скалах, и мосты. Обойдя всю Азию, как рассказывает Ктесий, Семирамида явилась в Бактры, а отсюда через некоторое время направилась к Инду и, переправившись через реку по понтонному мосту,

вторглась в Индию; оттуда тем же путем возвратилась в Бактры (Diod., II, 16, 1; 18, 1—8; 19, 10 = фр. 1b). Как ни странно, но о перевале через какие-нибудь горы на пути от Бактр к Инду и обратно здесь не говорится ни слова.

Отдельные элементы этого итинерария могли быть использованы позднейшими авторами в их географических построениях. Более определенно это можно сказать относительно представления о р. Танаис, выступающего в итинерарии. Танаис, как мы видели, является рубежом Бактрианы и всей Азии [о Танаисе как границе частей света у Ктесия см.: Jacoby, 1922, с. 2072, 2073], и в то же время, согласно Ктесию, близ него живут «припонтийские народы» (Diod., II, 2, 3 = фр. 1b), т.е. Танаис, как обычно, впадает в Меотиду [о Танаисе Ктесия см.: Пьянков, 1975а, с. 21, 144—146]. Заметим, что Элиан, заимствуя у Ктесия [Jacoby, III C, 1, 1958, с. 458], говорит об «огромном озере» в Каспийской земле (N.A., XVII, 32), т.е. считает Каспийское море замкнутым. Следовательно, Танаис у Ктесия мог обтекать это море с севера. Представление о таком Танаисе могло повлиять через Эвдокса, соотечественника и младшего современника Ктесия, на ту орогидрографическую схему, в которой Танаис, будучи рукавом Аракса, впадает в Меотиду. Оно могло быть непосредственно заимствовано у Ктесия также Клитархом, данные которого воспроизвел Курций (VII, 7, 4; 8, 30).

2. ЭПОХА МАКЕДОНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Следующий этап в познании окраин ойкумены, по Страбону, связан с походами Александра Македонского и отражен в сочинениях его историков. В оценке этих сочинений Страбон прямо ссылается на Эратосфена. Допущенные в них отступления от истины объясняются тем, что они повествуют о слишком уж отдаленных областях, а также тем, что авторы их стремились прославить Александра. В последнем обстоятельстве Эратосфен видит причину приверженности историков Александра к некоторым ошибочным географическим концепциям. Но тут Эратосфен вряд ли прав, так как эти концепции были в ходу среди греческих ученых еще до походов Александра. Авторы разнообразных сочинений «Об Александре» (Τὰ κατ' Ἀλέξανδρον и т.п.), безусловно, отразили большой прогресс в развитии знаний античности об окраинах ойкумены, преимущественно восточных.

Поскольку основным фактором в расширении знаний о северо-восточных странах для рассматриваемой эпохи являются походы Александра, то, естественно, истоки этих знаний нужно искать в сведениях современников Александра и участников его

походов. Некоторые из этих сведений дошли до нас под именем самого Александра; другие принадлежат его ближайшим соратникам, иногда выполнявшим важные поручения Александра, таким, как знатный македонянин Птолемей, Аристобул, Поликлит, Неарх, Харес; наконец, третьи восходят к находившимся в свите Александра представителям разных философских школ [см. об этих философах: Tarn, I, 1948, с. 13], таким, как Каллисфен, ученик Аристотеля, Онесикрит, ученик Диогена, Анаксарх, последователь Демокрита, со своим учеником Пирроном, основателем школы скептиков. Разумеется, здесь перечислены лишь те лица, о сведениях которых будет идти речь в дальнейшем.

Спутники Александра создавали сочинения документального характера и литературные произведения, причем первые иногда могли быть использованы при создании вторых. Документы в основном содержались в македонской царской канцелярии [см. о ней: Крюгер, 1962, с. 18, 19], которой ведали Эвмен и Диодот, с самого начала, с 334 г. до н.э., сопровождавшие царя в Азии [Шофман, 1976, с. 3, 185]. Правда, в Индии в 326 г. до н.э. палатка Эвмена вместе с находившимися в ней документами сгорела, но Александр приказал всем сатрапам и стратегам прислать копии сгоревших документов (Plut., Alex., 2). После смерти Александра они хранились вместе с казной, находившейся в Вавилоне. Этими документами пользовался еще Патрокл, получивший их от Ксенокла, хранителя казны (Strabo, II, 1, 6). Конечно, функции македонской канцелярии не были четко определены, и можно с уверенностью сказать, что в ней содержались документы очень разнородного содержания — и личные, и государственные, и военные, и гражданские [Brown, 1949, с. 78].

Очень интересен вопрос об «описании» (ἀναγραφή), хранившемся в казне, в царском архиве, которое, согласно Патроклу, сделали для Александра «сведущие люди» (ἐμπειρότατοι), описывавшие «всю страну» (τὴν ὅλην χώραν), и которое Патрокл противопоставляет поверхностным, по его мнению, рассказам соратников Александра, т.е. сочинениям историков Александра первого поколения (Strabo, II, 1, 6 = фр. 1). Кем были эти «сведущие люди»? Специалистами, которые планомерно собирали этнографические и географические материалы, сведения о фауне и флоре, составляя особый отдел при «генеральном штабе» Александра [Bretzl, 1903, с. 3; Wenger, 1914, с. 21], или просто любыми участниками похода, кому царь давал самостоятельную задачу и затем требовал письменного отчета [Brown, 1949, с. 80]? Второе предположение кажется более близким к истине. Полагают, что из отдельных описаний были сделаны извлечения типа «записок» (ὑπομνήματα), подготовленные для пользования [Bretzl, 1903, с. 3, 4], — свод их, очевидно, и имел в виду Патрокл. Впоследствии на базе походных записей, служивших отчетами, авто-

ры их могли создавать большие, литературно отделанные сочинения, т.е. выступать как историки Александра. Но в целом архив, видимо, был недоступен историкам Александра, и они не использовали его при создании своих трудов.

Следует отметить еще, что описания шли не только в царскую канцелярию в виде отчета Александру, но, видимо, и на родину участников похода заинтересованным лицам, например Аристотелю и его ученикам, а также и более широкой публике, имея целью привлечение колонистов на новые земли [ср.: Brown, 1949, с. 80]. Очевидно, таким путем Аристотель получил столь характерное для спутников Александра известие о пресноватости воды Каспийского моря (Probl. inedit., III, 45). Тем же путем могли дойти до Феофраста, ученика Аристотеля, новые сведения о сильфии (Hist. plant., VI, 3, 4—6; ср. IV, 4, 12; см.: [Bretzl, 1903, с. 291, 292]) вместе с информацией о других растениях далеких восточных земель [Bretzl, 1903, с. 4; Brown, 1949, с. 79; ср., однако: Pearson, 1966, с. 12]. Показательно, что у Феофраста же появляются упоминания о р. Окс, известия о которой впервые ввели в античную литературу тоже спутники Александра: о золоте Окса (Ps. Aristot., De mirab. ausc., 46 = фр. 248); [см. Bolchert, 1908, с. 77] и — у Плиния, сведения которого, очевидно, восходят к Феофрасту, — о соли Окса (XXXI, 75, 86).

Александру определенно отчитывались Неарх после плавания по Эрифрейскому морю (Plut., Alex., 76) и Онесикрит после посещения индийских «софистов» (Strabo, XV, 1, 63); оба они известны и как авторы литературных произведений, посвященных событиям их эпохи. Легко представить, что Неарх, говоря о горах Индии в связи с описанием летнего сезона дождей в Индии, упоминал обо всем этом, важном с точки зрения флотоводца, уже в своем отчете. Из сочинения Неарха заимствовали сведения о горах Арриан (Ind., 6, 4) и, как мы считаем, Эратосфен (фр. III A, 4, 5; B, 6) и Страбон (XI, 8, 1). Точно так же, надо думать, и Онесикрит имел поручения познакомиться с обычаями и учениями не только индов, но и других народов [см. по этому поводу: Нахов, 1981, с. 5—7, 138—141]. Во всяком случае, в своем сочинении Онесикрит писал об обычаях бактрийцев (Strabo, XI, 11, 3 = фр. 5) и, возможно, каспиев [Jacoby, II, BD, 1927, с. 471], а Посидоний включил его сведения в свой свод обычаев разных народов, и через посредство Посидония они дошли до Страбона (XI, 11, 3) и Порфирия (De abstin., IV, 21). Тот факт, что Онесикрит приписывал проведение в жизнь запрета Александра на обычай бактрийцев правителю Стасанору, ставшему сатрапом Бактрианы уже после смерти Александра, можно объяснять поразному, но это не снижает ценности известий Онесикрита [ср.: Tarn, 1951, с. 116, примеч. 3]. Писал Онесикрит и об особом плодородии неких «долин» Гиркании, приводя конкретные циф-

ры (Plin., XII, 34 = фр. 3; XV, 68 = фр. 4), а Посидоний включил его данные в свой подбор сведений о плодородии стран, расположенных вдоль северного склона Тавра, который заимствовал у Посидония Страбон (II, 1, 14; XI, 7, 2; об Онесикрите как источнике указанных сведений Страбона о Гиркании см. [Brown, 1949, с. 89—92]). Заметим, что те же данные Онесикрита о Гиркании использовал Клитарх, соединяя их с данными иного происхождения [Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 471; Brown, 1949, с. 91, 92], а сообщения Клитарха представлены, как обычно, у Диодора (XVII, 75, 4—6) и у Курция (VI, 4, 21, 22).

Несомненно, большой отчет должны были представить люди во главе с Бердой, посланные Александром к «европейским» скифам, жившим по нижнему течению Танаиса, летом 329 г. до н.э. и возвратившиеся год спустя, которым царь специально поставил задачу познакомиться с природой скифской земли и узнать, как велико ее население, каковы его обычаи и вооружение (Arrian., IV, 1, 2; 15, 1; Curt., VII, 6, 12; VIII, 1, 7). Возможно, сведениями Берды о низовьях Танаиса и Окса воспользовался Патрокл (фр. 6), имевший доступ к царскому архиву, и через Патрокла они дошли до Эратосфена (фр. III B, 68). Аналогичную цель, очевидно, преследовала поездка Эвксениппа к сакам в том же, 329 г. до н.э. (Curt., VII, 9, 19). Вполне возможно, что отчеты должны были давать и полководцы, действовавшие в Бактриане, Согдиане и соседних странах в 329 — 327 гг. до н.э., например Кратер и Полиперхонт, которые вели самостоятельные действия в Паретакене и Бубакене в 327 г. до н.э. (Arrian, IV, 22, 1, 2; Curt., VIII, 5, 2). К сожалению, все эти документы, если они и существовали, погибли вместе с царским архивом.

Александр и его окружение располагали также персидскими царскими документами, захваченными после сражений и взятия столичных городов. Но в сочинениях историков Александра прослеживается также некоторая информация, исходящая как будто из личных известий с персидской стороны, из противостоящего Александру лагеря. В.В.Тарн, обратив на это внимание, даже выдвинул гипотезу о новом источнике, автором которого якобы являлся неизвестный грек, писавший с точки зрения греческого наемника на службе у Дария; следы этого источника обнаруживаются, по мнению Тарна, в сочинениях Диодора и Курция [Tarn, II, 1948, с. 71, 72]. Сейчас предположение об особом «источнике наемника» отвергают, хотя сама возможность получения сведений из персидского лагеря не отрицается; поступали эти сведения не столько от наемников, сколько от самих персов, например от Мифрина и Артабаза, а следы их имеются в сочинениях не только Диодора и Курция, но и Арриана [Brunt, 1962, с. 141, 144, 145]. Особо следует отметить сообщения Фарасмана, царя хорасмиев, лично прибывшего к Александру в 328 г. до н.э.,

касавшиеся расположения его страны, его соседей и путей к Понту Эвксинскому (Arrian., IV, 15, 4—6; Gurt., VIII, 1, 8—10; Iust., XII, 6, 17).

Далее мы остановимся на отдельных авторах, произведения которых можно считать первоисточниками для истории рассматриваемой эпохи.

Александр

Сам Александр истории своих походов не писал, но существовали сборники писем, ходившие под именем царя. В царской канцелярии наверняка имелись копии царских писем, которые впоследствии издавались, хотя письма Александра могли храниться и в других архивах и также издаваться. Вопрос о подлинности сборников таким писем очень сложен, так как известно, что уже в эллинистическое время имели хождение фиктивные письма Александра, из свода которых впоследствии оформился целый роман в письмах; впрочем, последние могли иметь и подлинную основу, но «развитую» в романтическом духе. Предполагают, что Птолемей и Аристобул располагали еще подлинными письмами царя или, во всяком случае, хорошо знали их содержание, а поздние авторы были знакомы с ними лишь через Птолемея и Аристобула, причем только Арриан точно воспроизводит их содержание; прочие же античные авторы, и в том числе Плутарх, цитировали сборники фиктивных писем [Pearson, 1966, с. 19—22, 26; ср.: Крюгер, 1962, с. 19]. Правда, последнее заключение кажется результатом излишнего критицизма, так как по крайней мере некоторые из этих писем должны быть подлинными [ср.: Schwartz, 1957, с. 128].

Письма Александра рисуют вполне убедительную и логичную картину представлений македонского царя о географии Верхней Азии (т.е. «внутренней», материковой Азии), а также изменений в этих представлениях, совершавшихся по мере продвижения царя в глубины Азии. Когда Александр подошел к морю в Гирканнии, то узнал, что вода его преснее обычной морской, и решил, что оно является озером, лишь периодически соединявшимся с Меотидой. Об этом сообщают Плутарх (Alex., 44) и Плиний (VI, 51). Достигнув реки, отделявшей Согдиану от скифов, Александр решил, что это Танаис, хотя, видимо, знал и другое местное название реки. Об этом сообщают тоже Плутарх (Alex., 45), может быть по письму Александра к Антипатру (ср. Alex., 46), и Плиний (VI, 49). Второе мнение логически вытекает из первого: если Гирканское море — замкнутый бассейн, не соединяющийся с внешним морем, то Танаис может обтекать его с севера и впадать в Меотиду. Все это является выражением кон-

тинентальной точки зрения на природу ойкумены, и Александр, конечно, не был ее изобретателем. Здесь он мог опираться и на древнюю карту общей ионийской традиции, игнорирующую карту Гекатея [Heidel, 1937, с. 27], и на представления персов, ко времени своих последних царей вернувшихся к очень древним географическим взглядам и забывших об открытиях Скилака. Когда Александр подошел к Инду и Акесину в их верхнем течении, то принял эти реки за истоки Нила, о чем и написал в письме своей матери Олимпиаде, как сообщает по данным Аристобула [Wenger, 1914, с. 86] Арриан (VI, 1, 2—4; ср. сообщение Неарха у Strabo, XV, 1, 25). И это мнение является частью все того же общего представления о континентальной ойкумене. Такой же точки зрения еще до Александра придерживался персидский царь Ох (Aristot., De inund., 44 [см.: Tarn, I, 1948, с. 86]).

Но вскоре представления Александра стали меняться. Еще находясь в Индии, он узнал от местных жителей, что Инд впадает в море и никакого отношения к Египту не имеет: это заставило его отказаться от прежнего мнения (Arrian., VI, 1,5; ср.: Strabo, XV, 1, 25). Действительно, в речи у р. Гифасис Александр будто бы говорил, что внешнее море окружает всю землю и соединяется с Гирканским морем. Об этом сообщает Арриан (V, 26, 1, 2), тоже, может быть, опираясь на данные писем. Когда же Александр сам через устье Инда вышел в море, он окончательно убедился в правоте морской теории. С этим и связано распоряжение Александра, отданное им уже в конце жизни, в Вавилоне, о подготовке плавания по Гирканскому морю с целью разрешить вопрос, с каким другим морем оно соединяется: с Понтом Эвксинским или с внешним (Arrian., VII, 16, 1, 2), — иными словами, первое или второе суждение о море в Гиркании соответствует истине.

Каллисфен

Каллисфен происходил из Олинфа, жил около 370—327 гг. до н.э. Племянник и ученик Аристотеля, он был послан им к Александру, при котором состоял официальным историографом. Сопровождал македонскую армию скорее всего с самого начала ее похода в Азию, хотя на этот счет имеются разные мнения [Шофман, 1974, с. 216; 1976, с. 373]. Но до Бактрианы он определенно дошел; там он и был обвинен в участии в заговоре, заключен под стражу, но умер уже в Индии.

Сочинение Каллисфена «Деяния Александра» (Ἀλεξάνδρου πράξεις) не сохранилось. Создавалось оно во время похода частями; отдельные книги по мере их написания отсылались в Грецию [Jacoby, 1919, с. 1687; Brown, 1966, с. 37, 38]. Каллисфен

описывал не только сами походы, но и места, в которых они совершались; сочинение его изобиловало экскурсами, в частности, географического содержания [Spoerri, 1967, с. 85, 86; Pédech, 1977, с. 134]. Вопрос о том, до каких событий довел изложение Каллисфен, спорен [см. об этом: Jacoby, 1919, с. 1699; ср.: Шофман, 1976, с. 374, 379]. Считается, что последним событием, описанным в его сочинении, являлась битва при Арбелах 331 г. до н.э., но в источниках как будто имеются указания на то, что в нем говорилось о смерти Дария в 330 г. до н.э. Некоторые исследователи полагают, что Каллисфен довел свое повествование даже до середины 328 г. до н.э. Можно предположить, что в большинстве рукописей сочинения Каллисфена изложение действительно кончалось рассказом о битве при Арбелах и гибели Дария, но существовала книга, написанная последней и представленная не во всех рукописях, в которой рассказывалось о более поздних событиях [о возможности сообщений Каллисфена о событиях более поздних, чем битва при Арбелах, см. также: Pédech, 1977, с. 119].

Каллисфен — первый, самый ранний из историков Александра, литературных предшественников у него не было. Очевидец описываемых событий, он, надо думать, по своему положению имел доступ к таким документам, какие были недоступны многим последующим историкам. Однако все это еще не гарантирует достоверности и точности его сообщений, особенно если учесть панегирический характер его произведения. Общие представления Каллисфена об Азии базируются на том же источнике, что и представления Аристотеля. Возможно, что этим источником были работы Эвдокса, признанного в школе Аристотеля авторитета в области географии.

Каллисфену был даже приписан поздний роман об Александре, также иногда называвшийся «Деяния Александра» (Ἀλεξάνδρου πράξεις). В своей первоначальной редакции это произведение сложилось к III в. н.э., его основными компонентами выступали какое-то более раннее историческое сочинение и упомянутый свод фиктивных писем. Вопрос об историческом источнике, весьма искаженном в процессе включения его в роман, очень сложен [см. об этом: Merkelbach, 1954, с. 30—32; 1977, с. 45—47; Кузнецова, 1969, с. 194—199]. Тем не менее вообще игнорировать этот источник [ср.: Костюхин, 1972, с. 23] вряд ли правильно; даже те исследователи, которые признавали большое значение эпистологического компонента, не отрицали существования исторического источника, лежащего в основе романа. Конкретно определить этот источник невозможно. Но стоит отметить, что последовательное изложение исторических событий в романе, как и у подлинного Каллисфена, доведено до битвы при Арбелах и смерти Дария. Уже в период между 310 —

330 гг. н.э. этот роман был переведен на латинский язык, вольно и с сокращениями, Юлием Валерием, а затем в течение веков переводился на многие другие языки мира.

Видимо, один из географических экскурсов сочинения Каллисфена был посвящен «расположению Азии в целом», а также «размеру и свойствам сатрапий», завоеванных Александром (ср.: Diod., XVIII, 5, 1). Мы думаем, что у Каллисфена этот обзор Азии заимствовал Клитарх, снабдив его своими дополнениями, а через Клитарха он и попал к Диодору (XVIII, 5, 1—6, 4) и был использован Курцием (IV, 5, 4, 5; VII, 3, 19—21). Схема, положенная Каллисфеном в основу своего обзора, это скорее всего схема Эвдокса, принятая в школе Аристотеля. Впоследствии эта же схема, возможно через посредство Каллисфена, была описана Посидонием. Но сатрапии действительно представлены в обзоре в том виде, в каком они существовали при Александре: например, сатрапия, состоявшая из Бактрианы и Согдианы (Diod., XVIII, 5, 4; ср. XVIII, 3, 3; 39, 6), или сатрапии Парфия и Ария (Diod., XVIII, 5, 4), первая из которых, видимо, включала Гирканию, а вторая — Дрангиану (ср.: Diod., XVIII, 3, 3; 39, 6; Strabo, XI, 9, 1; 10, 1).

В указанном обзоре представлены все основные элементы орогидрографической схемы Каллисфена. Это и концепция Кавказа как хребта, делящего Азию на южную и северную половины (Diod., XVIII, 5, 2, 3; Curt., IV, 5, 4, 5; VII, 3, 19—21), — через Клитарха она была воспринята Аристобулом (фр. 23), а кроме того, возможно, повлияла на Дикеарха, который создал собственную схему деления Азии, упоминая при этом гору Имай, выступавшую у современников Александра как часть Кавказа (фр. 110). Это и данные о системе рек, текущих с Кавказа, прежде всего об Араксе и Танаисе, который представлялся, видимо, рукавом Аракса, впадающим в Меотиду (Diod., XVIII, 5, 4; Curt., IV, 5, 4; VII, 3, 19). Известно, что об Араксе Каллисфен говорил, сочетая сведения о восточном Араксе с сообщениями Геродота (фр. 38). Эти данные через Клитарха были заимствованы кроме Курция и другими латинскими авторами, от которых до нас дошли и сведения о реке Бактр как части той же схемы рек. Данные о реках Аристобул принимает лишь частично: представление Каллисфена об Араксе он, видимо, отвергает (ср. фр. 54), представление о Хоаспе как притоке Инда, судя по Страбону, соединяет с иными данными (XV, 1, 26).

Однако характерно, что все перечисленные элементы схемы Каллисфена, заимствованные у Эвдокса, выступают как реальные географические объекты, связанные с событиями походов Александра. Это значит, что Каллисфен располагал дополнительными, современными ему сведениями о горах и реках, известных ему и по данным Эвдокса. Упоминания об Араксе и

Хоаспе в связи с событиями похода Александра ставят вопрос о тех хронологических пределах, до которых было доведено повествование Каллисфена. В отмеченном выше фрагменте Каллисфен говорит об Араксе как рубеже между бактрианами и скифами, что явно связано с рассказом о походе Александра в Бактриану и Согдиану в 329 г. до н.э., когда состоялась переправа через реку, названную у Каллисфена Араксом. Предположения исследователей, доводящих повествование Каллисфена только до битвы при Арбелах, будто здесь речь шла о персидском или арменийском Араксах [Jacoby, 1919, с. 1699; II, BD, 2, 1927, с. 430] или о бактрийском Араксе, но в рассказе о более ранних событиях [Müller, 1846, с. 28], кажутся нам совершенно неубедительными. Отзвуки рассказа о переправе Александра через бактрийский Аракс дошли через Клитарха и до латинских авторов. Очевидно, Клитарх еще располагал той частью сочинения Каллисфена, в которой говорилось о событиях более поздних, чем битва при Арбелах. Но рассказ о переправе Александра через Хоасп, дошедший (тоже через Клитарха) до Курция (VIII, 10, 22), совсем загадочен. Об этом событии Каллисфен уже определенно не мог писать. Видимо, на восприятие этой последней реки как Хоаспа схемы Эвдокса повлияли представления других учеников Аристотеля, среди которых был и сам Александр. Кроме того, Хоасп фигурировал и в близкой схеме Демокрита, о которой, конечно, не мог не знать последователь Демокрита Анаксарх, однажды вступивший с Каллисфеном в спор на географическую тему (Plut., Alex., 52) где-то на территории Бактрианы или Согдианы.

Поликлит

Поликлит происходил из Лариссы, жил во второй половине IV в. до н.э. Исследователи, основываясь, правда, на косвенных данных, единодушно считают, что Поликлит принимал участие в походах македонского царя [Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 440; Brown, 1950, с. 139, 140; Gärtner, 1971, с. 999] и побывал, может быть, и у Каспийского моря, и у Танаиса [Jacoby, II BD, 2, 1927, с. 441]. Впоследствии он, видимо, предводительствовал флотом Птолемея, сына Лага, когда тот уже был правителем Египта, в 315/14 г. до н.э. [ср.: Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 440; Gärtner, 1971, с. 999].

Сочинение его, «История» (Ἱστορίαι), до наших дней не дошло. Оно было посвящено описанию походов Александра, но в нем очень много места уделялось географии [Jacoby, II BD, 2, 1927, с. 440; Paassen van, 1957, с. 270]. Поликлит, как и Каллисфен, был одним из самых ранних историков Александра, и

сведения его основаны преимущественно на автопсии (Gärtner, 1971, с. 999), если не считать примешивающихся к ней географических домыслов. Но и в этих последних он выступал не изобретателем, а просто излагал общепринятые в его среде взгляды.

Поликлит описал в своем сочинении представления, которые в совокупности, собственно, и выражали орогидрографическую схему Верхней Азии, господствовавшую среди современников Александра и последующих поколений греческих поселенцев в Азии. Поликлит считал, что Каспийское море является озером, так как в нем не только вода пресновата, но и водятся змеи, и что озеро это соединяется с Меотидой, так как принимает в себя Танаис (фр. 7); он же, видимо, объяснял, как Меотида через очень узкий перешеек периодически сливается с Каспийским морем. Все это заимствовал Клитарх (фр. 13), взгляды которого по данному вопросу изложили также Диодор (XVII, 75, 3) и Курций (VI, 4, 18, 19). Эти воззрения были известны и Эратосфену, но отвергнуты им, судя по Страбону (XI, 7, 4). Общие представления Поликлита, видимо, проявлялись в разных местах его повествования, в рассказах об отдельных событиях. Так, в рассказе Поликлита об амазонках и прибытии их царицы к Александру (ср. фр. 8) отразилось представление об узости перешейка между Понтом Эвксинским и Каспийским морем; видимо, этот рассказ у Поликлита заимствовал Клитарх (фр. 16), а у Клитарха — Диодор (XVII, 77, 1—3) и Курций (VI, 5, 24—32). В очень живом и точном описании Бактрианы, выдающем в его авторе очевидца, рассказавшего о переходе македонского войска через Бактриану, выражено представление о близости названной страны к Понту; описание это через Клитарха дошло до Курция (VII, 4, 26—30). К Поликлиту, вероятно, восходит и много других сообщений историков Александра, в которых отразились представления о близости Бактрианы, Согдианы и соседних стран к Понту, Меотиде и Европе, но точно выявить происхождение всех этих сообщений невозможно.

В сочинении Поликлита содержался экскурс, где рассказывалось о податях, наложенных персидскими царями, начиная с Артаксеркса[1] Длиннорукого, на подчиненные им страны (Strabo, XV, 3, 21 = фр. 3). Поликлит ввел его в свое сочинение, наверное, по примеру Каллисфена, который, как мы видели, тоже давал экскурс, содержавший обзор сатрапий. Но конкретное содержание экскурса Поликлита скорее было подражанием аналогичному очерку Ктесия «О дани на Азию» (Athen., II, p. 67 = фр. 53; X, p. 442 = фр. 54; см. [Jacoby, II, BD, 2, 1927,

[1] Так, Ἀρταξέρξης следует читать вместо Δαρεῖος рукописей [Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 441].

с. 441]); к тому же известно, что Ктесий, судя по Диодору, действительно говорил о каких-то мерах Артаксеркса I по устройству податей (Diod., XI, 71, 2; ср.: Plut., Themist., 29). По-видимому, в этом экскурсе Эратосфен и нашел сведения о четырех традиционных частях Персидского царства, которые потом использовал в своей теории сфрагид (фр. III A, 15, 23; B, 2 и др.), подобно тому как он нашел там сведения, отраженные у Страбона, о других объединениях стран по признаку уплаты дани, о самой дани при персах и т.п. К этому же экскурсу может восходить и представление о «третьей части Азии» как стране между Каспийскими воротами, Танаисом и Индом, через Клитарха дошедшие до Курция (V, 10, 3). Тот же путь, видимо, проделало сообщение, которым завершается уже упомянутое описание Бактрианы у Курция: бактрианы, чья земля обильна людьми и лошадьми, поставляют 30 000 всадников (VII, 4, 30). Действительно, согласно указанному фрагменту сочинения Поликлита, внутренние земли платили дань натурой, в том числе «скотом» (θρέμματα) (ср. также: Strabo, XI, 13, 8; 14, 9).

Клитарх, Птолемей и Аристобул

Основная масса сведений о походах Александра у поздних историков восходит именно к этим трем авторам, и не всегда бывает возможно определить принадлежность того или иного сообщения кому-то одному из трех указанных историков первого поколения. Вопрос о временно́й последовательности работ этих историков не всегда решался однозначно. Наиболее распространенной является точка зрения, обоснованная Э.Швартцем, согласно которой последовательность такова: Клитарх — Птолемей — Аристобул. Ее пытался оспорить В.В.Тарн, перевернув предложенную последовательность так: Аристобул — Птолемей — Клитарх. Первая версия имеет больше сторонников и кажется более убедительной также и нам [см. один из последних обзоров вопроса с заключением в пользу первой версии: Rabe, 1964, с. 39; Spoerri, 1967a, с. 235].

Клитарх происходил из Колофона (?), жил во второй половине IV и, может быть, в начале III в. до н.э. Сын историка Динона. О жизни его известно очень мало; видимо, он был ритором и жил в основном в Александрии (в Египте). Нельзя даже сказать определенно, участвовал ли он в походе Александра. Диодор как будто противопоставляет его тем писателям, которые сопровождали Александра в Азию (II, 7, 3), но это свидетельство не может считаться решающим [Jacoby, 1921, с. 624; Brown, 1950, с. 135]. Однако его географические представления об Азии, и в частности о тех местах, где проходил Александр, настолько превратны [Tarn, II, 1948, с. 5—15; Schwartz, 1957, с. 176], что трудно представить, чтобы он сам бывал там.

Сочинение Клитарха «Об Александре» (Περὶ Ἀλεξάνδρου) известно только по фрагментам. Написано оно было, видимо, в Александрии, но датируется по-разному, в зависимости от того, какое место отводят его автору в последовательном ряду историков Александра. Если Клитарху отдают первенство в упомянутой «триаде», то написание его сочинения относят примерно к 310 г. до н.э., доводя иногда до 300 г. до н.э., если он занимает последнее место — то ко времени после 280 г. до н.э., иногда даже к 260 г. до н.э. [историю вопроса см.: Rabe, 1964, с. 8—36].

Ритор Клитарх написал свое сочинение так, как было принято у всех историков риторического направления. Очевидно, ему не чужда была склонность к прикрасам и преувеличениям, а также к мифологическим сюжетам, хотя те сказания, которые он передавал, были в ходу уже среди спутников Александра. Но в целом мнение о недостоверности Клитарха, высказывавшееся еще древними, вряд ли справедливо. Есть основания считать, что и общая канва повествования, и многие отдельные описания (если в них не отразились ошибочные представления его литературных предшественников) у Клитарха вполне аутентичны или, во всяком случае, не столь уж далеки от истины.

Ссылки самого Клитарха на источники, насколько их можно проследить в сохранившихся фрагментах, неопределенны: «некоторые» (τινές, ἔνιοι), иногда «местные жители» (ἐπιχώριοι) и однажды «некоторые из историков» (τινὲς τῶν συγγραφέων). Клитарх, возможно, использовал устные сообщения ветеранов, которых было немало в Александрии во время написания им своего сочинения [Fox, 1975, с. 500; Шофман, 1976, с. 4]. Ссылки на местных жителей Клитарх, конечно, нашел уже в своих источниках [Jacoby, 1921, с. 651]. Но в основном Клитарх черпал сведения из литературных источников, из них же он взял большинство сохранившихся у Курция точных и очень живых описаний местности, по которой пролегал путь воинов Александра [ср.: Jacoby, 1921, с. 652, 653]. Это относится прежде всего к сочинению Поликлита [Brown, 1949, с. 91, 166; Gärtner, 1971, с. 999]. Из числа других писателей, своих предшественников, Клитарх усердно заимствовал у Каллисфена, а также использовал сочинения Онесикрита, Неарха и некоторых других историков Александра [Jacoby, 1921, с. 651—653; Fox, 1975, с. 500; относительно Онесикрита как источника см. также: Brown, 1949, с. 6]. В представлениях об Азии авторитетом Клитарха является Ктесий, с позиций которого он даже корректирует географические данные историков Александра [ср.: Schwartz, 1957, с. 176]. Такое влияние Ктесия на Клитарха будет понятным, если учесть, что сочинение Динона, отца Клитарха, являлось обработкой «Персика» Ктесия. Некоторые сведения о персидских делах Клитарх почерпнул, видимо, и у самого Динона [Brunt, 1962, с. 146]. Предположение

о зависимости Клитарха от Патрокла [историю вопроса см.: Brown, 1949, с. 137; 1950, с. 138—140] справедливо отвергается [Rabe, 1964, с. 30—36].

Сочинение Клитарха сыграло очень большую роль в истории традиции об Александре. В нем нашло наиболее яркое выражение одно из двух основных направлений этой традиции, которое принято называть «романтическим» или «вульгатой». Этот тезис был убедительно обоснован еще на рубеже нашего века Э.Швартцем (работа неоднократно переиздавалась; см. [Schwartz, 1957, с. 126, 175—177]) и затем подтвержден Ф.Якоби [Jacoby, II BD, 2, 1927, с. 484]. Его пытался оспорить В.В.Тарн, но современные исследования вновь подтверждают правоту Э.Швартца [Hamilton, 1961, с. 458; 1977, с. 146; Fox, 1975, с. 502; Пьянков, 1972, с. 31]. Указанный тезис сводится вкратце к следующему: рассказы об Александре, содержащиеся в сохранившихся до нашего времени сочинениях трех древних историков — Диодора, Трога (Юстина) и Курция, имеют общую основу, а именно сочинение Клитарха; Диодор воспроизводит ее почти в чистом виде, Трог и Курций — в сочетании с другими источниками, причем у первого она подверглась меньшим изменениям и дополнениям, чем у второго. Особо следует отметить, что Клитарх пользовался популярностью не только среди греческих читателей, но был моден и в Риме [Spoerri, 1967a, с. 235; Hamilton, 1977, с. 145].

Птолемей, сын Лага, происходил из среды македонской знати и принадлежал к числу близких друзей Александра. В восточном походе участвовал от начала до конца. В 330 г. до н.э. был назначен телохранителем царя и после этого выполнял ряд самостоятельных операций: захват Бесса в Согдиане в 329 г. до н.э.; руководство одной из колонн, прошедших от Окса до Мараканд в 328 г. до н.э. [Шофман, 1976, с. 315—318; Гафуров, Цибукидис, 1980, с. 247]. После смерти Александра в Вавилоне в 323 г. до н.э. и распределения сатрапий Птолемею достался Египет, где он сумел прочно утвердиться и в 305 г. до н.э. объявил себя царем. Умер в 282 г. до н.э.

Сочинение Птолемея, условно называемое «Об Александре» (Τὰ κατ' Ἀλέξανδρον), сохранилось лишь во фрагментах. Писал его Птолемей уже будучи царем, на склоне лет, после 290 [Kornemann, 1935, с. 7; Wirth, 1972, с. 1218] или 288 [Tarn, II, 1948, с. 43] г. до н.э. Главное внимание он уделял описанию военных действий; экскурсов, содержавших описание стран и народов, не давал, а географические данные приводил лишь постольку, поскольку они были необходимы в рассказе о военных действиях [см. об этих данных: Wirth, 1959, с. 2470, 2471, см. также: Крюгер, 1962, с. 22, ср.: Wirth, 1972, с. 1218].

Царь Птолемей писал свое сочинение как официальное лицо высокого ранга, и это, конечно, обязывало его излагать события достоверно (Arrian., Anab., prooem., 2) и, может быть, лаконично и несколько сухо. Но обычное представление о сугубой официальности его стиля, как нам кажется, нуждается в некоторых коррективах. Есть основания полагать, что и Птолемей не совсем избежал свойственного его современникам стремления сделать повествование увлекательным, красочным, а вместе с тем и влияния признанных в его время литературных образцов, даже таких, как сочинения Ктесия.

Вопрос о том, насколько Птолемей опирался на документальные материалы при написании своего сочинения, решается по-разному. Обычно считают, что он непосредственно использовал различные официальные записи [например: Tarn, I, 1948, с. 13], но было высказано и предположение, что он писал просто по памяти [Pearson, 1966, с. 7, 8, 27]. Последнее мнение имеет под собой определенные основания. Действительно, царский архив, хранившийся в Вавилоне, вряд ли был доступен Птолемею. Но Птолемей принимал самое активное участие в событиях, о которых писал, и был близок к Александру, даже участвовал в переписке его с женой и матерью Дария; возможно, что он вел и личный дневник [Крюгер, 1962, с. 22].

Птолемей является главным представителем «официального» направления в традиции об Александре. Сочинение его пользовалось большим авторитетом, оно было известно и Арриану и Курцию, но все же, видимо, труд Птолемея оказался менее популярным, чем цветистая, наполненная чудесами история Клитарха, рассчитанная специально на широкую публику.

Аристобул, живший во второй половине жизни в Кассандрии (основана в 316 г. до н.э.), тоже входил в круг близких Александру людей. Он также участвовал в восточном походе, будучи одним из тех греков, которые выполняли царские поручения инженерного характера. Сопровождал ли Аристобул царя с самого начала похода, сказать с уверенностью трудно, но в Бактриане и Согдиане он побывал, поскольку описывал их, видимо, по личным впечатлениям.

Сочинение Аристобула, известное под условным названием «Об Александре» (Τὰ κατ' Ἀλέξανδρον), дошло до нас во фрагментах. Написал это сочинение Аристобул в глубокой старости: когда он приступил к работе над ним, ему уже было 84 года (Lucian., Macrob., 22). Дата написания определяется промежутком времени между 290 и 275 гг. до н.э. (Wenger, 1914, с. 73), причем более вероятен конец этого промежутка. Но В.В.Тарн, стремясь сделать Аристобула первым в упомянутой выше «триаде», датирует его сочинение временем между 294—288 гг. до н.э. [Tarn, II, 1948, с. 42]. Аристобул в отличие от Птолемея уделял

много внимания вопросам географии [Wirth, 1963, с. 564], и его сочинение, видимо, изобиловало экскурсами географического содержания.

В работе над своим сочинением Аристобул, безусловно, широко использовал собственные воспоминания и наблюдения, особенно тогда, когда рассказывал о выполнении им царских поручений. Преимущественно на личных наблюдениях основаны географические данные; прямые указания Аристобула на этот счет сохранились, например, в описании Окса (Strabo, XI, 7, 3 = фр. 20) и земли, пройденной македонянами на обратном пути из Бактрианы в Индию (Strabo, XV, 1, 17—19 = фр. 35). Правда, и географические описания Аристобула не избежали влияния принятых в его время взглядов и литературных сообщений [ср.: Schwartz, 1957, с. 125]. Кроме того, Аристобул был знаком с некоторыми документами, в частности с перепиской царя; возможно, что свою информацию он почерпнул у Птолемея, однако он ссылается и на такие документы, о которых Птолемей не говорил [Крюгер, 1962, с. 23].

Но основным источником Аристобула в описании событий похода Александра являются все-таки литературные произведения его предшественников. Вопрос о литературной базе сочинения Аристобула разработан Э.Швартцем. На наш взгляд, его положения по этому поводу можно считать одной из тех удачных «работающих» гипотез, которые не только сами хорошо обоснованы, но и помогают объяснять многие другие факты. Эти положения сводятся вкратце к следующему: Аристобул рассказывал о походах Александра по литературным источникам, следуя в основном «романтической» традиции, но пытался разбавить и корректировать ее с помощью точных данных «официальной» традиции, выступая в роли скептического рационалиста; контаминация двух традиций получилась у Аристобула совершенно искусственной и большей частью неудачной [Schwartz, 1957, с. 126—128; Rabe, 1964, с. 36—39, там же см. историю вопроса: с. 38, примеч. 87].

Такое решение заставляет обратиться к вытекающим из него более частным вопросам: об источниках, донесших до Аристобула ту и другую традиции. О соотношении сведений Аристобула и Клитарха, главного представителя «романтической» традиции, высказывались две взаимоисключающие точки зрения: согласно одной, Аристобул заимствовал у Клитарха, согласно другой, Клитарх — у Аристобула [историю вопроса см.: Hamilton, 1961, с. 448]. Вообще кажется, что мнение Э.Швартца и Ф.Якоби, согласно которому Аристобул застал «романтическую» традицию уже в литературной обработке Клитарха, более убедительно, чем противоположное мнение В.В.Тарна. Но нужно отметить, что и тогда, когда первым считают Аристобула, а вторым — Клитарха,

наличие самой «вульгаты» у Аристобула не отрицается [например: Wenger, 1914, с. 88—96]. Иногда полагают, что и Аристобул и Клитарх независимо черпали из третьего источника, а именно у Онесикрита [Brown, 1950, с. 142—146]. О соотношении сведений Аристобула и Птолемея, главного представителя «официальной» традиции, высказывались также все три возможные точки зрения: Аристобул зависит от Птолемея, Птолемей зависит от Аристобула, оба они независимы друг от друга [историю вопроса см.: Kornemann, 1935, с. 4—7; Brown, 1950, с. 142]. Нам кажется, что вывод о зависимости Аристобула от Птолемея, который вытекает из положений Э.Шварца и которого придерживался (но непоследовательно) Ф.Якоби, более убедителен, чем возражения против него, выдвинутые В.В.Тарном. Впрочем, и в данном случае нужно отметить, что и тогда, когда Аристобула и Птолемея считают независимыми друг от друга, не отрицают знакомства Аристобула с «официальной» традицией [Wenger, 1914, с. 15—17; 96—100; Kornemann, 1935, с. 7—15]. Возможно, что эта традиция частично дошла до Аристобула и помимо Птолемея, например через сборники писем Александра.

В области общих географических воззрений Аристобул зависел от Клитарха и через него от Поликлита, а вернее, просто придерживался тех взглядов, которые были практически общепринятыми среди его современников. Поздняя дата его сочинения позволила ему, как мы думаем, воспользоваться трудом Патрокла, хотя существует и противоположное мнение: Патрокл заимствовал у Аристобула [Gisinger, 1949, с. 2268].

Остановимся теперь на итинерарии, лежавшем в основе сочинений трех авторов, о которых у нас идет речь. Все они последовательно описывали путь Александра, в частности путь от Каспийских ворот до Индии. Здесь их описание представляло собой итинерарий группы «А», имевший дело с южной ветвью пути. Александр проследовал через Каспийские ворота в 330 г. до н.э., прибыл в Парфию и затем пришел в Арию. Здесь он впервые оказался на подступах к Бактриане. Македонское войско направилось было в Бактры, т.е. по северной ветви пути, но восстание в Арии заставило его свернуть с дороги. Вновь Александр приблизился к Бактриане в 329 г. до н.э., лишь после того как прошел через Арию, Дрангиану, Арахосию и страну паропамисадов, т.е. по южной ветви пути. Ранней весной он преодолел горный хребет, именуемый Кавказом и Паропамисом, и прибыл в Бактриану. В Бактриане и Согдиане Александр провел два года, пытаясь сломить мужественное сопротивление местного населения [см. об этом: Гафуров, Цибукидис, 1980, с. 235—283 и указанную там литературу, с. 407—410], переправился за это время несколько раз через Окс, однажды — через Танаис, а также и через другие реки. В 327 г. до н.э. он вновь перевалил через горы

и направился в Индию. Далее мы подробнее остановимся на отдельных местах итинерария, описывавшего этот путь, — нам еще придется обращаться к ним по ходу исследования.

Следует сказать, что путь Александра специально описывали бематисты Диогнет (Plin., VI, 61, 62 = фр.1), Бетон (Plin., VI, 61—63 = фр. 2а) и, видимо, Аминта, которого цитирует через посредство Эратосфена Страбон (XI, 8, 9; XV, 2, 8). Они говорили о дороге от Каспийских ворот до Индии, отмечая обе ветви ее, и южную и северную. Работы бематистов, казалось бы, должны представлять собой итинерарий в чистом виде. Но, судя по сохранившимся отрывкам, это были обычные литературные произведения, подобные другим историям Александра, содержавшие наряду с путевыми данными рассказы об отдельных народах и странах [Schwartz, 1899, c. 267; Pearson, 1966, c. 13—15, 26]. Любопытно, что бематисты, по-видимому, заимствовали информацию у историков Александра, в то время как у последних, напротив, никаких следов пользования сочинениями бематистов не обнаружено; заимствовали бематисты и у Ктесия, и даже, думается, у Мегасфена. К тому же описывали они, собственно, дорогу, функционировавшую в их время, лишь очень приблизительно совпадавшую с маршрутом македонского царя. Данных, касающихся нашей темы, у них очень мало.

Итак, на пути Александра находился горный хребет Кавказа. Историки Александра говорят и о пунктах, служивших для македонского войска началом и концом перехода через хребет, разделявший страну паропамисадов и Бактриану, и о продолжительности перехода. В «официальной» традиции, изложенной у Арриана, последовательность событий проступает вполне отчетливо: Александр прибыл к Кавказу и основал там Александрию, затем перевалил через Кавказ и прибыл в Драпсаки, где дал войску отдых (III, 28, 4; 29, 1). На обратном пути из Бактрианы Александр пересек Кавказ за 10 дней и вновь пришел в Александрию (IV, 22, 4). «Романтическая» традиция Клитарха, засвидетельствованная у Диодора и Курция, излагает соответствующие события несколько непоследовательно, но и сообщения этих авторов при некоторой корректировке позволяют заключить, что Александр прибыл в Бактриану, отправившись из основанной им Александрии у подножия Кавказа, «у прохода, ведущего из Бактрианы в Индию (Ἰνδικήν)[2]», и перевалив через Кавказ; переход через горы занял у него, по Диодору, 16 дней, а по Курцию, 17 дней (Diod., XVII, 83, 1; Curt., VII, 3, 19, 22, 23). Разница в определении длительности перехода объясняется, видимо, тем, что Курций имеет в виду путь от Александрии, а Диодор — путь

[2] В рукописях: Μηδικὴν, [в] Мидию.

от города, основанного на расстоянии одного дня пути от Александрии (ср.: Diod., XVII, 83, 2).

Аристобул, насколько можно судить по данным Страбона, сообщал, что Александр спустя 15 дней после того, как оставил свой зимний лагерь и основанный им город в стране паропамисадов, прибыл в Адрапсу, город в Бактриане (XV, 2, 10); обратно Александр шел через те же горы, но «другим, более коротким путем» (κατ' ἄλλας ὁδοὺς ἐπιτομωτέρας) (XV, 1, 26). Впрочем, некоторые исследователи считают, что Александр и вперед и обратно двигался через одни и те же перевалы, просто обратный путь совершался в более благоприятное время года [Fox, 1975, с. 336; ср.: Bunbury, I, 1959, с. 438].

Бематисты говорили, судя по Страбону, об «Ортоспанах у перекрестка трех дорог из Бактр» в стране паропамисадов (XI, 8, 9; XV, 2, 8), а судя по Плинию, и о «городе Александра», который «расположен под самым Кавказом» и отстоит от Ортоспан на 50 миль (VI, 61, 62). Очевидно, речь здесь шла о трех перевалах через Кавказ.

Какие наблюдения, сделанные в этих местах спутниками Александра, имели значение для дальнейших географических построений? Прежде всего важен тот факт, что все участники похода Александра признали в хребте Кавказ, хотя им было известно, что местное население называет его Паропамисом. Чтобы подкрепить свое мнение, воины Александра нашли в хребте пещеру, в которой якобы томился Прометей, — о ней действительно рассказывали в македонском войске, это не выдумка Клитарха, у которого заимствовали Диодор (XVII, 83, 1) и Курций (VII, 3, 22). Участникам похода Александра стало известно, какие народы живут близ Кавказа; подойдя к нему с юга, они прошли через землю паропамисадов, а перевалив через него, оказались в Бактриане. Эти их сведения нашли отражение у Страбона (XV, 1, 26; 2, 9, 10). Участники похода Александра, видимо, заметили, что направление главного хребта, разделяющего паропамисадов и бактрианов, — северо-восточное, и это тоже укрепило их в мнении, что они видят настоящий Кавказ, ибо именно так изображали Кавказ на известных им картах. Указанное наблюдение еще можно проследить и в традиции Клитарха, у Курция (VII, 3, 7), и в традиции Аристобула, у Страбона (XV, 1, 26; 2, 10). Некоторые сведения о Кавказе принадлежат к числу собственных наблюдений Аристобула (фр. 23): о высоте хребта, о растущем там сильфии [Wenger, 1914, с. 39, 40].

На пути Александра находилась и река, которую одни из участников похода называли Оксом, другие — Араксом. Мы считаем, что Оксом река была названа у всех трех историков Александра, Араксом — у Клитарха, но только в одном эпизоде, там, где он следовал версии Каллисфена. Сначала через Окс перешел

Бесс. Об этом говорится в «официальной» традиции [Wenger, с. 110; Kornemann, 1935, с. 136], представленной у Арриана (III, 28, 9). Бесс совершил переправу, убегая от Александра из Бактрианы в Согдиану. Александр следовал за Бессом по пятам и, видимо, переправился через Окс в том же месте, что и Бесс. Об этом переходе Александра через Окс сообщается и в «официальной» традиции, представленной у Курция (VII, 5, 13—18), и у Аристобула [Wenger, 1914, с. 110; Schwartz, 1957, с. 122, 123; иначе: Kornemann, 1935, с. 136], версия которого передана Аррианом (III, 29, 2—4). Маршрут похода Александра к Оксу и за Оксом описан здесь довольно подробно: македонское войско шло к Оксу от Бактр и переправилось через Окс в безлесной местности, близ какой-то «высокой горы».

Версия «романтической» традиции, касающаяся того же события, восстанавливается лишь по отрывочным данным римских поэтов, причем эти данные относятся к самой переправе. Вергилий в «Энеиде» упоминает «не терпящий мостов Аракс» (VIII, 728); подобные замечания можно найти и у других римских поэтов (Stat., Silvae, I, 4, 79; Sidon., Carmina, II, 440 и сл.; Claudian., In Ruf., I, 376 и др.), и сопоставление всех этих сообщений позволяет заключить, что здесь имеется в виду какая-то неудачная попытка Александра навести мост на реке Аракс. Действительно, Сервий, комментируя Вергилия, прямо говорит, что Александр построил на Араксе мост, который был снесен «усилившимся напором» (incrementa) реки (In Vergil. Aeneidem comm., VIII, 728). Названный Аракс, конечно, считался рекой Армении —только этот Аракс был тогда известен. Но маршрут походов Александра и его полководцев пролегал далеко от кавказского Аракса. Зато Арриан подробно описывает неудавшуюся попытку Александра соорудить мост на Оксе, течение которого было так сильно, что легко выворачивало колья, забиваемые в песчаное дно (III, 29, 3, 4). Арриан заимствовал это сообщение у Аристобула, который, как обычно, соединил в нем версии Клитарха и Птолемея. Следуя версии первого автора, он говорил о попытке навести мост, у второго автора он взял название реки. Мы предполагаем, что река, фигурировавшая в связи с указанным эпизодом, была названа у Клитарха Араксом. Тогда стало бы понятным, почему та же река названа Араксом и у цитированных выше римских поэтов; Клитарх был популярен даже и в латиноязычной среде времени Вергилия и позднее.

Но упоминания об Араксе, текущем в бактрийских и скифских пределах, у современников этих поэтов уже вызывали недоумение (ср.: Strabo, XI, 14, 13). Потому-то, видимо, поздние историки, писавшие об Александре, — Диодор и Курций — избегали упоминать восточный Аракс в рассказе о деяниях македонского царя. Диодор, писавший об Александре только по Кли-

тарху, вообще выпустил описание переправы через Аракс. Курций, постоянно сопоставлявший версию Клитарха с версией «официальной» традиции, предпочел последнюю при описании переправы (VII, 5, 13—17); в ней река была названа Оксом и о попытке наведения моста не говорилось. Заметим, что вставка из инородной традиции в основную ткань повествования, ведущегося по Клитарху, привела к нарушению правильной последовательности изложения событий у Курция: получилось, что переход македонян через Согдийскую пустыню (VII, 5, 1—12) состоялся до, а не после переправы через реку.

Сообщение о следующем переходе Александра через Окс из Бактрианы в Согдиану представлено в обеих традициях. В «официальной» традиции [Jacoby, II BD, 2, 1927, с. 516; Kornemann, 1935, с. 144], переданной и Аррианом и Курцием, Александр, решив возвратиться из Бактр в Согдиану, идет к Оксу и, переправившись через эту реку, оказывается в Согдиане (Arrian., IV, 15, 7; 16, 1; Curt., VII, 10, 13). На этот раз и в «романтической» традиции [Schwartz, 1957, с. 160], у Курция и Диодора, говорится о переходе через Окс (Каллисфен уже не писал об этих событиях): Александр переправился через Окс и «покорил согдианов второй раз» (Curt., VII, 10, 15; Diod., XVII, prol. 24; о толковании этих сообщений см. [Пьянков, 1970, с. 47]). Судя по тому, что Александр достиг реки Окс на четвертый день (Curt., VII, 10, 13), использовались не ближайшие к Бактрам переправы; скорее всего македонское войско шло по проторенной дороге и переправилось в том же месте, что и первый раз.

Какие наблюдения, сделанные в районе Окса, и слухи о нем, полученные спутниками Александра, имели значение для дальнейших географических построений? Все три историка Александра, как видим, считали, что Окс является границей между Бактрианой и Согдианой. Аристобул, выражая мнение своих современников, говорил, что Окс начинается на Кавказе и впадает в Каспийское море; это утверждение Аристобула передано Аррианом (III, 29, 2), но такое представление стало общим местом для античных авторов, и его придерживался, например, еще Птолемей (VI, 11, 1). Аристобул говорил и о судоходности Окса, и, видимо, о возможности водного пути от Бактр до Каспийского моря (фр. 20, ср. фр. 54). Но был ли он здесь оригинален — вопрос. Мы думаем, что в данном случае он зависел от Патрокла.

Но о землях вниз по Оксу стало известно благодаря другому событию. Спитамен скрывался у массагетов от македонян, и потому Александр собирался совершить поход в пустыню массагетов. Об этом намерении Александра говорилось, видимо, в разных традициях, версии которых трудно разграничить; они отражены и у Арриана (IV, 7, 7), и у Курция (VIII, 3, 1—16), и у

Страбона (XI, 11, 6). Во время подготовки к походу и узнали, что ниже бактрийцев по Оксу обитают массагеты и, видимо, хорасмии. Этими сведениями воспользовался Эратосфен (фр. III B, 63).

На пути Александра находилась также река, которую приняли за Танаис. О событиях, связанных с этой рекой, говорится и в «официальной» традиции, представленной, может быть, с добавлениями из Аристобула [Wenger, 1914, с. 111; ср.: Kornemann, 1935, с. 63] у Арриана, и в «романтической» традиции, представленной у Курция. Судя по Арриану, скифы начали враждебные действия против македонян и подошли к Танаису, когда Александр был занят строительством города у этой реки (IV, 3, 6; 4, 1, 2), а по словам Курция, скифы даже специально прибыли к Танаису с целью разрушить город (VII, 7, 1). Видимо, переправа Александра через реку состоялась в непосредственной близости от города. Сохранились указания и на то, как далеко проникли македоняне на скифскую территорию. Согласно Курцию, Александр преследовал скифов на расстоянии 80 стадиев, но остальные воины продолжали гнаться за ними вплоть до исхода дня и возвратились лишь к полуночи (VII, 9, 13—16).

Какие наблюдения, сделанные в районе Танаиса, и слухи о нем, полученные спутниками Александра, имели значение для дальнейших географических построений? Видимо, все три историка Александра считали, что Танаис является границей между Согдианой и скифами и в то же время между Азией и Европой. Все они были уверены, что эта река — настоящий Танаис и потому все, что находится по эту сторону от нее, — азиатское, а по ту сторону — европейское. Это относится и к скифам. Правда, те скифы, которые выступили врагами Александра, названы в источнике азиатскими (Arrian., IV, 3, 6). Мы объясняем этот факт так: историки Александра знали, что упомянутые скифы являются саками, а саки у греков всегда считались азиатскими скифами. В том, что данная река — настоящий Танаис, был уверен и Аристобул, он даже, если правильно наше понимание одного сообщения Страбона, специально выступал в поддержку такого мнения на стороне Поликлита, хотя его доводы были отвергнуты Эратосфеном (XI, 7, 4). Выражая мнение своих современников, Аристобул говорил, что Танаис начинается на Кавказе и впадает в Каспийское море (фр. 25, фр. 54), являющееся частью Меотиды, — ведь всем было известно, что настоящий Танаис изливается в Меотиду. Представление об истоке Танаиса на Кавказе еще долго держалось в античной традиции.

Участники походов Александра стремились подкрепить свои общие представления отдельными фактами. Так, Арриан, может быть по Аристобулу [Wenger, 1914, с. 72, 111], описывает следующий эпизод: скифы пускают стрелы в македонян через Тана-

ис в том месте, где река неширока (IV, 4, 2). С этим эпизодом явно связан довод Аристобула, приводимый им, судя по Страбону, в пользу мнения, что за Танаисом начинается Европа: у затанаисских скифов стрелы еловые, а в Верхней Азии ель не растет (XI, 7, 2, 4). Курций рассказывает, что воины Александра, преследуя за Танаисом скифов, миновали места, будто бы отмечавшие пределы странствий Диониса; это были «камни» (lapides), расположенные на близких расстояниях друг от друга, и высокие деревья, обвитые плющом (VII, 9, 15; относительно плюща см. [Попов, 1958, с. 18—26]). Плющ тоже считался европейским растением.

Александр переправлялся также через р. Ох. В «романтической» традиции, у Курция, говорится, что Александр, перед тем как переправиться через Окс из Бактрианы в Согдиану второй раз, переходил еще и через Ох (VII, 10, 15; ср.: Epit. R.G.Alex. M., 14) Есть основания считать, что и Аристобул излагал ход событий примерно так же. Во всяком случае, он упоминал здесь об Охе в тесной связи с Оксом [Behr, 1888, с. 13, 14; Markwart, 1938, с. 3]; Аристобул даже перенес на Ох некоторые события похода (Strabo, XI, 11, 5 = фр. 28а), в других версиях отнесенные к Оксу (Arrian., IV, 15, 7, 8; Curt., VII, 10,13, 14; о принадлежности версии Арриана и Курция Птолемею см. [Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 516; Kornemann, 1935, с. 144; иначе: Wenger, 1914, с. 18]; ср.: Plut., Alex., 57). Очевидно, по поводу этих событий Аристобул и говорил об Охе как реке, текущей с Кавказа через Бактриану и впадающей в Окс; эти данные приведены у Страбона как одно из двух мнений об Охе (XI, 7, 3; 11, 5).

Сведения историков Александра о горах и реках как границах стран, о составе сатрапий были использованы наряду с другими данными Эратосфеном (III B, 6, 9, 10, 23, 63 и др.) и Страбоном (II, 1, 15; 5, 31; XI, 8,1, 2; 11, 2 и др.) в их географических построениях.

3. ЭПОХА МАКЕДОНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА. ПРЕЕМНИКИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Вслед за походами Александра наступил период освоения греками и македонянами завоеванных земель. Многие страны Верхней Азии были включены в состав эллинистических монархий. К отдельным восточным народам отправлялись послы эллинистических царей, по распоряжению этих же царей совершались военные походы и морские плавания. Некоторые послы и военачальники составили сочинения с описанием своих путешествий и земель, через которые они проезжали или о которых они слышали. Итинерарии были важной составной частью их

сочинений. К сожалению, ни одно из этих сочинений в своем первоначальном виде до нас не дошло. Далее мы остановимся на отдельных авторах таких сочинений, данные которых мы используем в нашем исследовании.

Мегасфен

Мегасфен, современник Селевка Никатора, жил около 350—290 гг. до н.э. [Stein, 1981, с. 233]. Он был отправлен послом к индийскому царю Сандрокотту в город Пали(м)бофры (Strabo, II, 1, 9; XV, 1, 36), о чем заявляет сам: он «встречался с Сандрокоттом, величайшим царем индов, и с Пором, еще более великим, чем этот» (Arrian., Ind., 5, 3); или: «посещал Сибиртия, сатрапа Арахосии, и часто приходил к Сандрокотту, царю индов» (Arrian., V, 6, 2), причем бывал не только в столице, но и в военном лагере царя (Strabo, XV, 1, 53). Общепризнано, что поводом для посольства послужило заключение союза между Селевком и Сандрокоттом, в результате которого последний получил ряд областей Арианы, расположенных вдоль Инда (Strabo, XV, 2, 9; ср. 1, 10). Это событие дает верхнюю границу для датировки посольства: после 304, скорее всего 303 или 302 г. до н.э. Нижнюю границу определяет дата смерти Сандрокотта: 288 г. до н.э., как считали ранее [Müllerus, II, 1848, с. 398; McCrindle, 1960, с. 14], 292 г. до н.э. [Stein, 1931, с. 231, 232], 297 г. до н.э. [Rehork, 1969, с. 12] или даже 300 г. до н.э. [McCrindle, 1960, с. 229], как полагали позднее.

Однако такой датировке как будто противоречат слова: «...и с Пором, еще более великим, чем этот» (καὶ Πώρῳ ἔτι τούτου μείζονι). Правда, неясно, о каком Поре здесь говорится, и цитированные слова допускают различное толкование [Stein, 1931, с. 234], но все же наиболее вероятно, что Пор этот — знаменитый противник, а затем друг Александра, погибший в 317 г. до н.э. В таком случае получается, что Мегасфен ходил в Индию еще тогда, когда был жив Пор, а Сандрокотт, его союзник, не овладевший к тому времени царством прасиев и гангаридов, действительно считался менее могущественным, чем Пор [см. об этом периоде: Бонгард-Левин, 1962, с. 19]. Но Э.А.Шванбек предложил удачную конъектуру, почти общепринятую после него (в том числе в издании Арриана Roos), которая снимает необходимость синхронизации посольства с Пором: «...с Сандрокоттом, еще более великим, чем Пор» (καὶ Πώρου ἔτι τούτῳμείζονι).

Различное толкование вызывают также слова: Мегасфен «часто приходил (πολλάκις... ἀφικέσθαι) к Сандрокотту». Они как будто согласуются с утверждением о посещении Пора: Мегасфен бывал в Индии неоднократно — и тогда, когда был жив Пор, и после

заключения союза Селевка с Сандрокоттом. Но обычно их толкуют в том смысле, что Мегасфен часто встречался с Сандрокоттом лично во время своего более или менее длительного однократного пребывания в Индии [например: Stein, 1931, с. 233; McCrindle, 1960, с. 16; Pury, 1963, с. 3; Derrett, 1969, с. 1150; Бонгард-Левин, 1973, с. 305].

Наконец, ряд вопросов возникает в связи с сообщением о том, что Мегасфен «посещал Сибиртия, сатрапа Арахосии». Сибиртий — довольно известная личность. Еще Александр назначил его сатрапом сначала Кармании, а затем Арахосии и Гедросии. Последний раз он упомянут в источниках — как сатрап Арахосии — в связи с событиями 317-16 г. до н.э. Конечно, об отношениях Сибиртия с Селевком и Сандрокоттом можно строить разные предположения [Stein, 1931, с. 232], но нам кажется, что Селевк, овладев Арахосией (Appian, Syr., 55), вряд ли мог оставить там Сибиртия, союзника Антигона. Видимо, Селевк, готовясь к борьбе с Антигоном, потому и отдал Арахосию с Гедросией Сандрокотту, что вообще не надеялся на прочность своей власти в этих тылах. То, что Арахосия действительно вошла в состав владений индийского царя, сейчас можно считать установленным [Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 243; 1985, с. 216; Бонгард-Левин, 1973, с. 59], причем нет оснований думать, что Сандрокотту досталась лишь какая-то часть Арахосии. Поэтому Мегасфен, следуя к индийскому царю по поручению Селевка, скорее всего не мог останавливаться у Сибиртия, как обычно полагают, или даже пребывать у него, нанося визиты Сандрокотту [Altheim, I, 1947, с. 258]. Маловероятно также, что Селевк доверил Мегасфену посольство сразу же после того, как тот пользовался гостеприимством Сибиртия.

Все это при решении вопроса о том, посещал Мегасфен Индию один раз или несколько, кажется, склоняет весы в пользу второй возможности [ср.: Бонгард-Левин, 1973, с. 305; теперь весь этот вопрос рассмотрен в работе: Bernard, 1985, с. 89]; приняв ее, следует учитывать, что Сибиртия в Арахосии Мегасфен мог посещать лишь во время более ранних путешествий. Такому решению соответствуют, по-видимому, некоторые черты данных Мегасфена, более соответствующие положению до заключения договора между Селевком и Сандрокоттом. Так, например, границей Индии он считал реку Инд, что удивляло исследователей, стоявших на первой точке зрения [см.: Бонгард-Левин, 1973, с. 319].

Прямых указаний на маршрут путешествий Мегасфена в источниках не сохранилось, но известно общее мнение, что Мегасфен хотя и не объехал всей Индии, но проник дальше Александра и его спутников, за Гипанис до Ганга и Палибофров (Arrian., Ind., 5, 3; Strabo, XV, 1, 27); [см.: Altheim, I, 1947, с. 326,

327]. Судя по содержанию сообщений самого Мегасфена, путь его пролегал по долине Кофена, области Инда и его притоков [McCrindle, 1960, с. 14, 15]. В Индии он, возможно, шел по царской дороге до Палибофров, но далее этого города, вниз по Гангу до его устьев, не путешествовал (ср.: Strabo, II, 1, 7; XV, 1, 11; Arrian., Ind., 3, 4, 5, 7; см. [Stein, 1931, с. 248]; ср. также: Strabo, XV, 1, 50).

Сочинение Мегасфена «Индика» (Ἰνδικά) было посвящено в основном описанию Индии, но содержало кое-какие сведения и о соседних странах. Бóльшая часть его построена на автопсии и сообщениях местных жителей, но Мегасфен не пренебрегал и литературными источниками: он использовал сочинения историков Александра и даже труд Ктесия [Derrett, 1969, с. 1150].

В сочинении Мегасфена содержался итинерарий. По-видимому, уже сам Мегасфен делил свой итинерарий на две главные части: описания пути до Инда и после Инда. Обрывки первой части сохранились у Плиния в описании Арианы (VI, 92, 94). В основе указанного описания лежат данные одного источника, и можно вполне согласиться с тем, что этим источником является Мегасфен, причем сведения Мегасфена, с которыми мы здесь имеем дело, относятся к наименее изученной части его наследия [Detlefsen, 1909, с. 132]. Но вряд ли заимствование у Мегасфена здесь было непосредственным. Возможно, что непосредственным источником Плиния служил в данном случае Варрон [Kroll, 1951, с. 307]. Первая часть описания пути в Индию представляет собой обычный итинерарий типа «А». Реконструируется она примерно так: северная ветвь пути проходит по «горным» (montana) местностям, южная — по «более ровным» (planiora); ветви соединяются где-то в долине р. Кофен, и далее единая дорога ведет к р. Инд. Значительная часть этого итинерария могла быть создана на основе автопсии; во всяком случае, о южной ветви, проходившей через Арахосию, и о пути по долине Кофена Мегасфен мог сообщать, основываясь на собственных наблюдениях.

Северную ветвь Плиний описывает, начиная только с момента выхода ее за пределы Бактрианы. Здесь находится некая область, расположенная «напротив бактрианов» (ex adverso Bactrianorum, хотя в изданиях Mayhoff и Rackham принято иное чтение), в которой находится «Картана, город под Кавказом», а затем город Александрия (VI, 92). Мы считаем, что область, о которой здесь идет речь, — это Каписена (ср. VI, 92, начало; ср. [Tarn, 1951, с. 96, 97]). Картана (В.Томашек предлагает читать Gariana вместо Cartana [Tomaschek, I, 1883, с. 202]), очевидно, находилась непосредственно у перевала через Кавказ на пути из Бактрианы, а вслед за ней на том же пути — Александрия.

Некоторые сведения из второй части итинерария сохранились у Страбона и Арриана. Они говорят об индийской «царской

дороге» до города Палибофры, измеренной «шнурами» (σχοινίοι, по Страбону) или «в схенах» (σχοίνοι, по Арриану)[3], и о плавании от моря вверх по Гангу до Палибофров (Strabo, XV, 1, 11; Arrian., Ind., 3, 4, 5). Протяженностью этих путей, вместе взятых, Мегасфен определял длину Индии с запада на восток (фр. 6; см. [Stein, 1931, с. 248]), и с ним был согласен Эратосфен, сопоставлявший его данные с цифрами «Стафм» бематистов (фр. III B, 6, 10). Вполне возможно, что в итинерарии говорилось и о путях, ведущих по Индии к южному морю, и Мегасфен благодаря этим сведениям смог определить протяженность Индии с юга на север в 20 000 стадиев (фр. 6); эту цифру заимствовал у Мегасфена Гиппарх (фр. 12).

В сочинении Мегасфена содержался и обзор рубежей Индии (фр. 4). Мы не думаем, что Мегасфен в этом обзоре просто повторял историков Александра [Stein, 1931, с. 284]. Рассказывая о странах, окружающих Индию на севере, Мегасфен прямо ссылался на индийских «философов и естествоиспытателей» (Diod., II, 37, 5, 6 = фр. 4). Следовательно, Мегасфен располагал и оригинальными сведениями о рубежах и соседях Индии. Данные Мегасфена об Эмоде заимствовали Артемидор, судя по тексту Страбона (XV, 1, 72), и Агриппа, судя по тексту Мелы (III, 68) и Плиния (VI, 65). Есть основания считать, что горный хребет, проходящий через Верхнюю Азию и образующий северную границу Индии, Мегасфен обобщающе называл Кавказом; действительно, Кавказ фигурировал у Мегасфена как северный рубеж Индии (фр. 6c). Сведения Мегасфена о Кавказе заимствовали Страбон (XV, 1, 56) и Плиний (VI, 92).

Деимах

Деимах продолжал посольскую деятельность Мегасфена. Он был послан в Индию к Амитрохаду, сыну и преемнику Сандрокотта (Strabo, II, 1, 9), Селевком Никатором (убит в 281 г. до н.э.) [Stein, 1931, с. 232; Altheim, I, 1947, с. 258] или Антиохом Сотером (соправитель Селевка с 293 г. до н.э.) [Schwartz, 1957, с. 200]. Как и Мегасфен, он написал после своего возвращения из Индии сочинение «Индика» (Ἰνδικά), которое, однако, забылось гораздо быстрее, чем сочинение его предшественника; работу Деимаха непосредственно цитировали лишь наиболее близкие к нему по времени авторы, и о содержании ее мы знаем мало [Schwartz, 1957, с. 200]. Это, конечно, вызывает сожаления, так как Деимах, заимствуя у Мегасфена, в то же время полемизировал с ним и, видимо, во многом дополнял, опираясь на соб-

[3] Об этих разночтениях см. [Müllerus, II, 1848, с. 408; Aly, 1957, с. 148].

ственные сведения. Даже скудные сохранившиеся фрагменты свидетельствуют, что Деимах говорил не только об Индии, но и о Бактриане, Согдиане и Арии.

Следы итинерария Деимаха сохранились в передаче Страбона (II, 1, 12, 14, 17). И сам Деимах, и Эратосфен, а через посредство последнего и Гиппарх использовали данные итинерария для определения размеров Индии и соседних стран, и только в таком преломлении эти данные и дошли до нас. По мнению Деимаха, расстояние от южного моря до Кавказа в некоторых пунктах более 30 000 стадиев (фр. 2а), причем это расстояние вычислено не просто до Кавказа, а именно до горного прохода к бактриям и согдианам (фр. 2b). Это новая черта по сравнению с данными Мегасфена, который считал границей Индии реку Инд, и объясняется она, очевидно, тем, что ко времени Деимаха Паропамисады, Арахосия и Гедросия уже прочно вошли в состав царства Сандрокотта и его преемников. Основываясь на своих расчетах, Деимах утверждал, что Индия расположена «между осенним равноденствием и зимним тропиком» (фр. 3). Заключение Деимаха о протяженности Индии с юга на север критикуют Эратосфен (фр. III А, 9) и Страбон (II, 1, 12—18) и принимает с некоторыми поправками Гиппарх (фр. 12, 14, 16). В итинерарии Деимаха Бактры и Ария, видимо, одинаково удалены от южного моря (Strabo, II, 1, 1 7 = фр. 2с); расстояние же от Бактр прямо на север до северного моря — несколько больше 4000 стадиев (Strabo, II, 1, 17, видимо, также по Деимаху, см.: Стратановский, 1964, с. 798).

Очевидно, Деимах, как и Мегасфен, описывал путь, ведущий через «горный проход» (ὑπέρθεσις) из Бактрианы в Индию. Он знал также о дорогах из Бактр в Арию и Согдиану; первую, должно быть, представлял себе как направленную в основном по широте, вторую вел на север (хотя этого и нельзя утверждать с уверенностью) через Согдиану к скифам.

Демодам

Демодам из Милета, известный как полководец, жил в IV—III вв. до н.э. [см. о нем: Meyer, 1969, с. 38, примеч. 38; Bernard, 1985, с. 38, 39, 160, 161]. Плиний говорит, что Демодам, «военачальник царей Селевка и Антиоха», переправился через Яксарт и «поставил алтари Аполлону Дидимскому» (VI, 49; ср.: Solin., XLIX, 5; Mart. Cap., VI, 692). О маршруте Демодама можно судить по тем данным Плиния, которые приводятся в непосредственной связи с сообщением о его походе; Александрия, основанная Александром, находится у крайних пределов страны согдианов, и в тех же местах воздвигнуты Дионисом, а также Алек-

сандром и его предшественниками алтари, отмечавшие пределы их походов в этих землях (VI, 49). Очевидно, и Демодам совершил переправу там же, где Александр, близ Александрии, а за рекой он проходил мимо камней, принятых за алтари, которые видели и спутники Александра (Curt., VII, 9, 13—16). Поход Демодама обычно датируют временем совместного правления Селевка и Антиоха, т.е. 293—281 гг. до н.э. [например: Tarn, 1951, с. 83, 84; Массон и Ромодин, I, 1964, с. 96, примеч. 26], но теперь предложена более точная дата: 283—281 гг. до н.э. [Wolski, 1969, с. 205, 206; 1969a, с. 263]. И.Вольский убедительно, на наш взгляд, связывает этот поход с движением кочевых племен даев из-за Яксарта и объясняет его как меру, направленную на поддержание авторитета Селевка и Антиоха на дальних окраинах их государства [Wolski, 1969, с. 200, 201], хотя соотношение указанных событий мы толкуем несколько иначе: полагаем, что поход состоялся уже после разрушительных вторжений даев в Согдиану, Маргиану и Арию и частичного оседания их в местностях по Оксу [об этих последних событиях см.: Wolski, 1969, с. 200—202, 206—208, 253; 1969a, с. 261—263].

О Демодаме известно настолько мало, что даже точное написание его имени и название его сочинения не установлено. Ф.Якоби дает его сочинению название «Индика» (Ἰνδικά), сопровождая его знаком вопроса [Jacoby, III B, 1950, с. 324]. Представляется соблазнительным предположение К.Мюллера о том, что труду Демодама, может быть, тождественно сочинение некоего Тимонакта «Скифика» (Σκυθικά) [Müllerus, II, 1848, с. 444]. О содержании труда Демодама можно судить, по нашему мнению, по следующим текстам более поздних авторов. Это прежде всего текст Плиния, содержащий описание Бактрианы, Согдианы и Скифии за Яксартом, простирающейся на запад, кажется, вплоть до Истра (VI, 48к—51н). Здесь Плиний дает прямую ссылку на Демодама (VI, 49; о значении этой ссылки см. [Detlefsen, 1909, с. 124; Sallmann, 1971, с. 177, 190; Скржинская, 1977, с. 88]. То же описание Скифии использовано Плинием в виде отдельных включений в описание понтийской Скифии (IV, 82—89), а также Танаиса и области между этой рекой и предгорьями Кавказа (VI, 20—22) — описание, в остальном составленное по другим источникам. Общее происхождение с данными текстами Плиния обнаруживают географические и этнографические материалы, использованные Флакком, в наиболее целостном виде представленные в его описании Понта (IV, 711—732) и перечне скифских вождей и племен (VI, 33—167). Это основные тексты, сохранившие наследие Демодама, но отдельные заимствования содержатся и у многих других авторов. Насколько можно судить по всем этим данным, сам Демодам широко заим-

ствовал из литературных источников [Пьянков, 1968, с. 13; ср.: Хазанов, 1975, с. 23], но все же основу его сочинения, видимо, составлял итинерарий оригинального происхождения.

Основные вехи пути, описанного в этом итинерарии, можно проследить по упомянутым текстам. Таковы перевалы через Паропанис, Бактры, переправы через Окс, Мараканды, Александрия, переправы через Яксарт, страна саков. Далее, видимо, путь шел на запад, к северу от Каспийского моря; в некоторых племенных названиях Плиния еще можно распознать название племен и связанных с ними рек, текущих в Каспийское море с севера, приведенные у Птолемея (VI, 14, 2, 8—14); в имени одного из скифских вождей у Флакка, Rhadanus (в тексте: Rhadalus — VI, 69), угадывается название крупнейшей реки, впадающей в Каспийское море с севера, Ра̃, упомянутое только Птолемеем (VI, 14, 1, 4, 9); Флакк персонифицирует реки и в других случаях. Источником при создании итинерария Демодаму могла послужить автопсия, но только для первой половины итинерария; в остальном Демодам, видимо, пользовался слухами.

Итинерарий содержал и данные для географических построений, рассматриваемых нами в последующих главах. Эти данные, собранные по крупицам, в целом рисуют примерно такую картину. Горный хребет Паропанис ограничивает на юге Бактриану, с него течет на юг Инд. Окс и Яксарт текут с востока на запад и сначала параллельно друг другу. Окс служит границей между Бактрианой и Согдианой, а на западе протекает по пустыням Скифии. Истоки его — на Эмоде, где живут гомодоты, и в Согдийских горах; кроме того, к нему присоединяются пять притоков, текущих с Кавказа. Поворачивает на север в области даев, впадает в Оксийское озеро в области оксидранков и затем протекает по стране дрибаков. Устье имеет в Каспийском море, в области песиков, напротив острова Талка. Яксарт образует границу между Согдианой и страной саков, а на западе тоже протекает по пустыням Скифии. Имеет три истока в области саков и исток в Согдийских горах, а устье, может быть, в Оксийском озере.

Все эти данные не получили общего признания у более поздних авторов, так как вскоре после их опубликования появилась работа Патрокла, во многом противоречившая описанной здесь картине. А поскольку выводы Патрокла были приняты Эратосфеном, они и стали основополагающими для последующих авторов. Тем не менее сведения черпали и у Демодама. Далее в обзоре этих заимствований мы будем отмечать лишь информацию, имеющую отношение к нашей теме. Основные элементы карты Верхней Азии, как она выглядела у Демодама и как представлена у Плиния (VI, 48—50), заимствовал тот же Патрокл, и впоследствии они послужили строительным материалом Эрато-

сфену при создании им своей орогидрографической схемы. Непосредственно к Демодаму, возможно, обращался и Никанор (фр. 2), если этот Никанор был действительно автором «Жизни Александра», принадлежавшим, по-видимому, к младшему поколению современников Александра, а не сыном Гермея из Александрии. Позднее данными Демодама пользовался Гиппарх. Мы думаем, что Демодам был одним из тех авторов, данные которых Гиппарх, полемизируя с Эратосфеном, выдвигал в противовес положениям Патрокла (ср. Strabo, II, 1, 6). Наследие Демодама, прошедшее через посредничество Гиппарха, представлено и в греческой, и в латинской литературной традиции. В традиции Посидония оно выявляется у Дионисия (746—750) и оставило кое-какие следы на карте Кастория и Равенната. Прямо у Гиппарха его заимствовали Марин или Птолемей (VI, 9, 1, 8; 11, 6; 12, 1—4; VII, 5, 4). Через Гиппарха его использовал и Агриппа, и в традиции Агриппы оно представлено у Мелы (I, 13; III, 38, 39, 42, 68, 69), Плиния (VI, 38, 47, 48, 65, 71) и Гонория (A, 7, 8, 13, 38; B, 5). Но наследие Демодама дошло до нас и по другому каналу — через Артемидора, и здесь тоже представлено как в греческой, так и в латинской литературной традиции. В первой оно выявляется у комментаторов Дионисия. Во второй оно прошло скорее всего через руки какого-то латинского автора, может быть Варрона, явившегося общим источником для Плиния (IV, 83; VI, 20, 48—50) и Флакка.

Основной тенденцией реконструированной выше картины Верхней Азии является, пожалуй, развенчание убеждения современников Александра в том, что эта часть Азии находится недалеко от Понта Эвксинского и Европы. Местный Кавказ — это не настоящий Кавказ, а горный хребет, который скифы называют Кроукасисом, судя по Плинию (VI, 50). Река, принятая Александром и его воинами за Танаис, — вовсе не Танаис, а Яксарт, который скифы называют Силисом, настоящий же Танаис скифы зовут Акесином; эти положения восстанавливаются по данным Плиния (IV, 83; VI, 20, 49), Солина (XLIX, 5) и Капеллы (VI, 692), а также Никанора (фр. 2) и комментаторов Дионисия: Эвстафия (Ad Dion. Per., 14) и схолий (Ad Dion.Per., 14). Перечень больших рек, впадающих с севера в Каспийское море, должен был показать, каково действительное расстояние между устьем Яксарта и Меотидой. Такая тенденция вполне устраивала Патрокла, и он заимствовал некоторые данные Демодама, не противоречившие его собственным представлениям, особенно данные о Яксарте: судя по Страбону, Патрокл говорил в своем итинерарии о «реке Яксарт, до которой дошел Александр» (XI, 8, 9).

Особенностью труда Демодама являлось то, что в нем охотно приводились местные, особенно скифские, названия географи-

ческих объектов, а в некоторых случаях и их перевод. Относительно Кавказа и Танаиса уже было сказано. Но к Демодаму, по-видимому, восходит уточненное название Согдианы — «Сугдиана», а также более точные, чем у других авторов, названия горных хребтов Паропаниса и Эмода, сохраненные Мелой (III, 68, 69), и, возможно, перевод названия «Имай», приведенный Плинием (VI, 64). От него же берут начало сведения о местном названии Инда, о скифских названиях Меотиды и персов и перевод первого из них — все это сохранено Плинием (VI, 20, 50, 71).

Патрокл

Патрокл выступает в источниках как доверенное лицо Селевка и Антиоха, выполнявшее важные поручения этих царей. Одним из таких поручений было плавание по Каспийскому морю. Плиний сообщает, что Патрокл, флотоводец Селевка и Антиоха, «даже плавал кругом в Гирканском море и Каспийском» (VI, 58; ср.: Strabo, II, 1, 6). О плавании Патрокла известно лишь по косвенным данным, которые приведены у Страбона (XI, 6, 1; 7, 1; 8, 8) и Плиния (VI, 36). Полагают, что Патрокл плыл от какого-то пункта на берегу моря, может быть от устья реки Мард, один раз в северном направлении, другой раз — в восточном и достиг здесь устья реки, принятой им за Окс [Gisinger, 1949, с. 2266, 2267, там же литература вопроса; Ельницкий, 1961, с. 129, 133; ср.: Treidler, 1956, с. 713].

Датируется это плавание временем совместного правления Селевка и Антиоха, т.е. 293—281 гг. до н.э., а точнее — периодом между 285 и 282 гг. до н.э. [Neumann, 1884, с. 185], между 286 и 281 гг. до н.э. [Gisinger, 1949, с. 2264] или между 285 и 280 гг. до н.э. [Ельницкий, 1961, с. 128]. Целью предприятия Патрокла, несомненно, была разведка каспийского пути [Ельницкий, 1961, с. 134] в связи с поисками водных путей из Понта в Индию. Прозрачный намек на последнее обстоятельство дает император Клавдий, когда сообщает о намерении Селевка прорыть канал (Plin., VI, 31 = фр. 5). Поскольку Клавдий непосредственно перед этим говорил о расстоянии между Киммерийским Боспором и Каспийским морем, то речь явно идет о канале между Меотидой и Каспийским морем, а не о соединении Понта и Каспийского моря, как иногда полагают [например: Tarn, 1951, с. 490]. Планы Селевка исследователи толкуют или как результат его исходных представлений и предпосылку плавания Патрокла [Ельницкий, 1961, с. 162; ср.1962, с. 73], или как результат плавания Патрокла [Neumann, 1884, с. 183]. Первое нам кажется более правильным, так как планы Селевка определенно основаны на представлениях о слиянии Меотиды и Каспийского моря

[Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 491], распространенных среди спутников Александра, и открытия Патрокла положили конец этим представлениям. Тот же император Клавдий говорит, что Селевк был убит, когда собирался осуществить свои планы (Plin., VI, 31 = фр. 5). Следовательно, экспедиция Патрокла состоялась в самом конце жизни Селевка и последний еще не знал о ее результатах.

О сочинении Патрокла известно очень мало. Не установлено и название сочинения. Основным его содержанием, судя по сохранившимся фрагментам, было описание путей, в связи с которыми приводились и сведения о странах, лежавших на этих путях. Можно вполне согласиться с Ф.Гизингером в том, что Патрокл не заходил далеко в своих путешествиях и собственные наблюдения обильно дополнял розысками на месте [Gisinger, 1949, с. 2266]. При этом сведения, полученные со стороны, Патрокл воспринимал сквозь призму уже сложившихся географических взглядов. Сам Патрокл считал своим большим преимуществом перед спутниками Александра то, что ему было доступно специальное географическое описание, составленное по распоряжению Александра и полученное Патроклом от Ксенона, хранителя царской казны (Strabo, II, 1, 6 = фр. 1), находившейся тогда в Вавилоне [Bretzl, 1903, с. 3]. Патрокл, несомненно, знал и многие сочинения историков Александра первого поколения, в частности сочинение Поликлита, взгляды которого отвергал [Gisinger, 1949, с. 2269]. Перед написанием своей работы Патрокл успел познакомиться, как уже говорилось выше, и с результатами разысканий Демодама. Работа Патрокла сама по себе была практически неизвестна последующим поколениям античных ученых, но благодаря тому, что ее использовал Эратосфен, положения Патрокла получили широкое распространение в античной географии.

Итинерарий, изложенный в сочинении Патрокла, представлял собой соединение обычного итинерария группы «А» с описанием путей, которое является законченным образцом итинерария группы «Б». Важнейшим пунктом этих путей во времена Патрокла была Диоскуриада, лежавшая на берегу Понта Эвксинского. О значении ее сообщает Страбон (XI, 2, 16; 5, 6), опираясь на Эратосфена, который в данном случае, видимо, соединяет сведения Патрокла с указаниями Тимосфена (ср.: Plin., VI, 15). Теперь уже Диоскуриада, а не Фасис, как во времена Скилака, считалась пунктом, начинающим самое узкое место перешейка между Понтом и Каспийским морем, и Страбон пытается согласовать старую точку зрения с новой (XI, 2, 16). От Диоскуриады насчитывалось пять дней пути до горы Каспий; об этом сообщал Эратосфен (Strabo, II, 1, 39 = фр. III B, 65). Гиппарх, располагая только данными Эратосфена, определял тот же путь в

1000 стадиев (Strabo, II, 1, 39 = фр. 31). От горы Каспий путь вел к Каспийскому морю. В то же время Эратосфен говорил и о расстоянии от горы Каспий до (устья) реки Кир в 1800 стадиев (= 225 миль) (Strabo, XI, 8, 9 = фр. III B, 20; Plin., VI, 45). Очевидно, устье Кира и представляло собой выход в Каспийское море. Действительно, Страбон, заимствуя у Эратосфена [Ельницкий, 1961, с. 152], а этот последний — у Патрокла [Тревер, 1959, с. 42], подробно описывает устье упомянутой реки (XI, 4, 2). Теперь основная трасса пути была связана уже с Киром, а не с Араксом, как при Скилаке.

Патрокл приводил и перипл Каспийского моря. Общепризнано, что к Патроклу восходит тот перипл, который был дан Эратосфеном (Strabo, XI, 6, 1 = фр. III B, 68; XI, 8, 8 = фр. III B, 63; Plin., VI, 36). Он содержал названия народов, живущих вокруг моря, от скифов, витиев и албанов на западе до дербиков на востоке с указанием расстояний вдоль побережья и отмечал устья рек, впадающих в море. Этот перипл лежит в основе многих позднейших периплов Каспийского моря; даже Агриппа взял его за образец, хотя на карте Агриппы он был представлен в очень измененном виде, как можно судить по данным Мелы (III, 39) и Плиния (VI, 38). Для географических построений, рассматриваемых нами в последующих главах, имеют значение такие данные. Во-первых, сведения об устье Окса в Каспийском море между гирканами и дербиками; эти сведения использовал Эратосфен (фр. III B, 63, 68). Во-вторых, сведения Патрокла об устье Яксарта в том же море и о расстоянии между устьями обеих рек в 80 парасангов (фр. 6); и эти данные использованы Эратосфеном (фр. III B, 68). Загадочно происхождение указанной цифры, определяющей расстояние между устьями рек. К.Нейман выдвинул предположение [Neumann, 1884, с. 178, 179], принятое рядом исследователей [Ельницкий, 1961, с. 132, 133; Дитмар, 1973, с. 68, 69; 1980, с. 66], о том, что Патрокл, считая течение рек параллельным, перенес к их устьям расстояние, пройденное от Окса к Яксарту Александром и Демодамом. Однако возможно, что Патрокл основывался на слухах о каких-то местностях восточного берега Каспийского моря, принятых им за устья Окса и Яксарта [Herrmann, 1919, с. 2282; Gisinger, 1949, с. 2269]; возможно также, что Патрокл воспользовался сведениями о настоящих устьях рек Окса и Яксарта, которые греки получили от хорасмиев [Bunbury, I, 1959, с. 435; Толстов, 1962, с. 19], может быть, еще во время походов Александра; эти данные могли также содержаться в отчете Берды [Пьянков, 1964, с. 127, примеч. 75], а с этим отчетом Патрокл, ссылавшийся на документы архива Александра, вполне мог быть знаком.

Очень большое значение для дальнейшего развития античной географии имело заключение Патрокла о том, что Каспийское

море является заливом внешнего моря, омывающего всю северо-восточную часть ойкумены. Этот вывод был принят Эратосфеном, а вслед за ним Страбоном (II, 5, 14, 31; XI, 1, 7; 8, 1; 11, 7) и другими античными учеными. Вывод Патрокла о Каспийском море как части внешнего объясняют разными причинами [об этом см., например: Herrmann, 1919, с. 2279, 2280, 2283; Дитмар, 1973, с. 69; 1980, с. 66, 67], но основную роль здесь сыграло, мы думаем, убеждение Патрокла как сторонника морской теории в том, что Каспийское море должно быть заливом внешнего. С представлением Патрокла о Каспийском море связано и его высказывание о возможности плавания от Индии кругом до «устья» Каспийского моря и Гиркании (фр. 4a,b). Страбон говорит, что мнение, разделяемое Патроклом, не встречает общего признания (XI, 11, 6). Очевидно, с этим мнением соглашался Эратосфен, возражал же против него Гиппарх [ср. Gisinger, 1937, с. 2145]. То, что здесь с самого начала шла речь о плавании именно по внешнему морю, кажется нам наиболее вероятным [ср. иную точку зрения: Berger, 1880, с. 97; Ельницкий, 1961, с. 134]. Представление о предполагаемом плавании по внешнему морю как о действительно совершенном, заметное уже в сообщении Страбона, прямо выражено Плинием, который говорит о таком плавании, осуществленном военными силами македонян при царях Селевке и Антиохе (II, 167, 168).

Обнаружение устья Окса в Каспийском море позволило Патроклу высказать мысль о возможности сношений с Индией по почти непрерывному водному пути от Понта через Фасис, Кир и Каспийское море (Strabo, II, 1, 15; XI, 7, 3; Plin., VI, 52). Представление античных авторов об Оксе во многом основывалось на сведениях о торговом пути от Индии к Понту Эвксинскому. Поскольку эти сведения всегда вызывали большой интерес и у современных исследователей [обзор проблемы см.: Ставиский, 1977, с. 169; см. также: Мукашева, 1972, с. 12—20], мы рассмотрим их здесь подробно. Известия об указанном пути, содержащие данные об Оксе, сводятся к следующим трем сообщениям: (1) Страбон: Окс, «говорят, так судоходен, что индийские грузы, подвозимые к нему сверху, легко доставлять в Гирканское [море]...» (II, 1, 15). (2) Страбон: Аристобул «говорит, что [Окс] судоходен, — [так говорят] и он, и Эратосфен, заимствовавший у Патрокла, и что много индийских грузов доставляют вниз в Гирканское море...» (XI, 7, 3). (3) Плиний: Варрон «прибавляет также, что во время похода Помпея было разведано, что из Индии можно в семь дней прийти в Бактры к реке Бактр, впадающей в Окс, и из него через Каспийское [море]...» (VI, 52). То же повторяет Солин, хотя в его переложении получается, будто Помпей (или Александр?) сам проделал описанный путь от Индии (XIX, 4).

Цитированные авторы сами ссылаются на свои источники: Патрокл через посредство Эратосфена, Аристобул, Варрон. Высказывалось мнение, что Патрокл, Аристобул и Варрон знали о водном пути по Оксу в Каспийское море независимо друг от друга [Herrmann, 1914, с. 25, 26]. Предполагался и один конечный источник сведений об этом пути: Патрокл [Tarn, 1951, с. 489, 490] или Аристобул [Gisinger, 1949, с. 2268]. Для того чтобы проверить эти предположения, посмотрим, из каких источников могло быть заимствовано каждое из цитированных сообщений.

Первое сообщение, видимо, восходит к Патроклу, но не прямо [Tarn, 1951, с. 488], а через Эратосфена. Прямое заимствование Страбоном у Патрокла вообще маловероятно; есть основания полагать, что все данные Патрокла Страбон черпал только у Эратосфена. По-видимому, именно эту информацию имеет в виду Страбон, когда во втором сообщении, цитируя Аристобула, замечает, что то же говорит и «Эратосфен, заимствовавший у Патрокла».

Вопрос об источнике второго сообщения более сложен. Распространенное представление, основанное на неточном переводе, будто Страбон здесь указывал на Патрокла как на общий источник и Эратосфена и Аристобула, неправильно [см. об этом: Wenger, 1914, с. 73, примеч. 1]. Аристобул и Эратосфен выступают как два самостоятельных авторитета. Но какова доля каждого из них в рассматриваемой информации? Построение цитированной фразы и контекст ее показывают, что Страбон здесь излагает именно Аристобула, а ссылка его на Эратосфена и Патрокла является лишь побочным замечанием [так у Jacoby, II BD, 2, 1927, с. 514, 515]. Предположение о том, что Аристобулу принадлежит только сообщение о судоходности Окса, а дальнейшие сведения представляют собой Эратосфенову версию Патрокла [Tarn, 1951, с. 489], кажется совершенно неубедительным.

Вопрос об источнике третьего сообщения тоже решался поразному. Иногда полагают, что сведения Варрона действительно были добыты во время похода Помпея и независимы от литературных источников [так еще: Herrmann, 1919, с. 2289, 2290; Лордкипанидзе, 1957, с. 379, 380]. Однако более вероятно, что и эти сведения восходят к Патроклу [Tarn, 1951, с. 490], а непосредственно взяты у Эратосфена, хотя и снабжены некоторой дополнительной информацией, в частности о времени пути [Sallmann, 1971, с. 245]. Заимствование у Патрокла в данном случае вполне вероятно [вопреки Лордкипанидзе, 1957, с. 380], поскольку Варрон хорошо знал Эратосфена как географа и цитировал его [Sallmann, 1971, с. 245], а следовательно, знал и материалы Патрокла. Даже помимо Варрона о пути по Оксу могли бы

«разведать» (explorare) из литературных источников другие спутники Помпея, такие, как Феофан.

Итак, рассмотренные сообщения позволяют предполагать, что первоисточниками их были данные Патрокла и Аристобула. На Патрокла прямо указывает Страбон (XI, 7, 3 = фр. 5; ср. II, 1, 5). У Патрокла, по словам Страбона, заимствовал Эратосфен (XI, 7, 3 = фр. III B, 67; ср. II, 1,5). Страбон же указывает и на Аристобула (XI, 7, 3 = фр. 20). Существует и другой намек на знакомство Аристобула с предполагаемым водным путем по Бактру и Оксу, впадающему в Каспийское море (фр. 54). То, что Страбон дает ссылку на Аристобула наряду со ссылкой на Патрокла, может свидетельствовать об оригинальности Аристобула, но не исключает и возможности заимствования Аристобулом у Патрокла [Jacoby, II BD, 2, 1927, с. 515]. Некоторые ученые, как уже отмечалось, настаивают на первой возможности; считают даже, что сведения Аристобула основаны на автопсии [Wenger, 1914, с. 24, 122, примеч. 1]. Однако нам кажется, что такое заключение нельзя принять безоговорочно. Ряд моментов говорит в пользу того, что Аристобул был знаком с данными Патрокла. Таким образом, бесспорным первоисточником рассмотренных сообщений можно считать лишь Патрокла.

К сообщениям о водном пути по Оксу следует подходить с осторожностью еще и потому, что сам Патрокл говорил о всем описываемом им пути, видимо, как о возможном, а не действительно существующем [Kiessling, 1914, с. 467; Tarn, 1951, с. 112, 113, 488]. Похоже, что первое из цитированных сообщений Страбона точнее передает первоначальный смысл сообщения Патрокла, чем второе [Tarn, 1951, с. 488, 489], хотя отсюда еще и не следует с необходимостью, что первое сообщение является прямым заимствованием у Патрокла. Эволюция представлений об этом пути выражена в цитированных сообщениях достаточно ясно: от простого предположения о возможности пути в первом сообщении Страбона до личного путешествия в сообщении Солина. Подобное превращение претерпели и другие известия Патрокла [Gisinger, 1949, с. 2265]. Что же касается географических заключений самого Патрокла, то они вообще крайне поверхностны и поспешны. Мы имеем в виду представления Патрокла о слиянии реки Бактр с Оксом, о впадении Яксарта в Каспийское море наряду с Оксом, о соединении Каспийского моря с океаном, о возможности плавания по океану от Индии к Каспийскому морю.

С описанием водных путей в Индию Патрокл соединил итинерарий, который мы относим к группе «А». Описанный в нем путь, как обычно, проходил через Каспийские ворота: от реки Кир до Каспийских ворот, затем до Александрии у ариев, далее до города Бактры и, наконец, до реки Яксарт (Strabo, XI, 8, 9;

Plin., VI, 45). Итинерарий содержал и указания на расстояния между пунктами. Обращает на себя внимание, что последний этап пути, от Бактр до Яксарта, расстояние между которыми определено в 5000 стадиев (620 миль), дан в очень широких рамках. Это заставляет подозревать, что Патрокл и не располагал более детальными сведениями о данном участке пути [ср.: Bunbury, II, 1883, с. 431].

Судя по источникам, этот итинерарий явно представлял собой одно целое с описанием пути от Диоскуриады до реки Кир, безусловно принадлежащим Патроклу, и потому нам кажется несомненным, что итинерарий тоже восходит к Патроклу, хотя на этот счет высказывались и иные мнения. Эратосфен использовал и эти сведения Патрокла (фр. III B, 20, 21). Рассматриваемый итинерарий цитировался Эратосфеном вместе с итинерарием бематистов, и исследователи часто не отделяют их друг от друга, однако отмечают, что цифровые данные их не сходятся [например: Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 408]. М.Кисслинг полагал, что описание пути от горы Каспий до реки Яксарт впервые ввел в литературу Гиппарх в целях критического комментирования данных Эратосфена; лишь Страбон приписал его Эратосфену и под влиянием некоторых новых сведений о географии парфянских земель понял так, будто весь путь проходит прямо по широтной линии и к северу от Тавра [Kiessling, 1914, с. 487—490].

Важные последствия имело заключение Патрокла относительно Яксарта, изложенное им, по-видимому, в рассматриваемом итинерарии: подтверждая данные Демодама, Патрокл считал, что Яксарт отличен от Танаиса и впадает в Каспийское море. Этот вывод принял Эратосфен, а вслед за ним и Страбон (XI, 11, 5). С этим суждением, очевидно, был знаком и Аристобул, судя по тому, что называл Танаис Яксартом (фр. 25).

К итинерарию Патрокла, видимо, относятся и некоторые сведения о дорогах, связывающих Гирканию с основной трассой великого азиатского пути. И эти сведения были использованы Эратосфеном и через него Страбоном. Страбон говорит о расстоянии от Гиркании до Арии (XI, 8, 1; ср. 10,1). Нам кажется, что это замечание Страбона более органично вписывается в рассматриваемый итинерарий, чем в итинерарий Аполлодора [как думает Altheim, I, 1947, с. 292]. Тем более, что другое замечание Страбона, дополняющее первое, определенно восходит к Эратосфену: тапиры живут между гирканиями и ариями (XI, 8,8 = фр. III B, 63). Сам же Эратосфен заимствовал эти данные не у бематистов, но, конечно, и не у Гекатея [ср.: Markwart, 1938, с. 132], а у Патрокла.

В целом данные Патрокла сыграли большую роль в истории античной географии. Опираясь на них, Эратосфен создал свою орогидрографическую схему Верхней Азии. Исходя из тех же

данных, Гиппарх полемизировал с Эратосфеном. Видимо, у Патрокла в основном Эратосфен заимствовал конкретный материал, позволивший ему трактовать горы Тавра как хребет, тянущийся в широтном направлении через всю Азию по прямой линии (фр. III A, 4, 5); вслед за Эратосфеном так же рассматривали Тавр и другие авторы, в частности Страбон (II, 5, 14, 31) и Арриан (V, 5, 4, 5). Данные Патрокла были взяты за основу Эратосфеном и заимствовавшим у него Страбоном также и при описании других элементов схемы: Окса и Яксарта, текущих с гор в Каспийское море, Инда и других индийских рек, текущих с тех же гор (фр. III B, 12, 13; Strabo, XI, 7, 4); диафесы племен, группирующихся вокруг Паропаниса, Окса и Яксарта (фр. III B, 6, 9, 10, 63; Strabo, XI, 11, 12).

4. ЭПОХА ПАРФЯНСКОГО ЦАРСТВА

Последний этап в познании северо-восточной окраины ойкумены, согласно Страбону, связан с господством парфян, и историки, писавшие о парфянах, сообщают об отдаленных областях и племенах, по его мнению, гораздо больше и достовернее, чем их предшественники. Какие историки здесь имеются в виду, Страбон прямо говорит в другом месте своего сочинения: «Мы узнаем о том, что относится к Гиркании и Бактриане, от писавших [сочинения] „Парфика“, от Аполлодора Артемитского и других, которые останавливались на этом гораздо больше [своих предшественников]» (II, 5, 12). Следует отметить, что речь здесь идет о расширении знаний именно о северо-восточной части ойкумены, а не об Индии, о которой Аполлодор, по мнению того же Страбона, ничего нового не сообщил (XV, 1, 3).

Говоря об «Аполлодоре и других», Страбон применяет выражение τῶν περὶ Ἀπολλόδωρον, которое трудно перевести совершенно адекватно. Оно подразумевает самого Аполлодора и какую-то группу связанных с ним людей, причем Аполлодор является среди них лицом, которое «наиболее знаменито из всей группы и потому должно быть скорее всего известно читателю или узнано им» [Грацианская, 1979, с. 436]. Судя по контексту, люди, связанные с Аполлодором, должны быть авторами, писавшими, как и Аполлодор, о парфянских делах, т.е. авторами «Парфика» (Παρθικά), а с учетом того, что почти все сведения о Бактриане и ее соседях у более поздних писателей, в том числе и у Страбона, восходят к одному Аполлодору [Behr, 1888, с. 7], первенствующее положение Аполлодора среди его «спутников» нужно объяснять тем, что он являлся источником сведений для последних.

Однако характеристика, данная Страбоном этому последнему этапу, нуждается в дополнениях. Уже после того как был создан

географический труд Страбона, вновь стали поступать свежие сведения о далеких восточных странах: шло освоение торгового пути к серам. Новые знания о северо-восточной части ойкумены на этот раз были получены главным образом благодаря итинерарию Мая Тициана. Еще позднее знания античности о восточных странах пополнялись благодаря трудам римских картографов, составлявших итинерарии в связи с завоевательными планами римских императоров. Новые сведения поступали и от отдельных путешественников.

Аполлодор

Аполлодор из Артемиты остается для нас личностью практически неизвестной. Наше представление о нем базируется только на данных его сочинения. Артемита в Вавилонии к востоку от Тигра лежала на большой и очень важной дороге, соединявшей Селевкию на Тигре с далекими восточными странами, Бактрианой и Индией [Tarn, 1951, с. 44; Altheim, I, 1947, с. 17]. Вполне возможно, что Аполлодор был как-то связан с торговой аристократией Селевкии [Altheim, I, 1947, с. 18] и именно в силу этого обстоятельства совершал путешествия далеко на восток; полагают, например, что он посетил парфянский город Дара в Апаортене [Altheim, I, 1947, с. 18; ср.: Tarn, 1951, с. 46], но насколько глубоко он проник далее на восток — трудно сказать.

Сочинение Аполлодора «Парфика» (Παρθικά) дошло до нас в немногих фрагментах. На место и время создания труда Аполлодора прямых указаний в источниках нет, и все предположения на этот счет основаны лишь на косвенных данных. Вполне вероятно, что он был написан в пределах Парфянского государства [Tarn, 1951, с. 48], но время написания определить очень трудно. Создание «Парфика» Аполлодора К.Мюллер относил ко времени после 140 г. до н.э. и перед Страбоном [Müllerus, 1851, с. 308, 309]; А.Бер — ко времени между рождением Страбона (63 г. до н.э.) и написанием «Истории» Посидония (между 49 и 44 гг. до н.э., по его мнению) [Behr, 1888, с. 45—49]; Р.Мюнцель — ко времени Суллы (ум. в 78 г. до н.э.) или Цезаря (ум. в 44 г. до н.э.) [Münzel, 1894, с. 2854; ср.: Honigmann, 1931, с. 109: перед 36 г. до н.э.]; В.В.Тарн, отделявший от сочинения Аполлодора так называемый источник Трога, отнес труд Аполлодора ко времени около 100 г. до н.э., а «источник Трога» — ко времени между 87—80 гг. до н.э. [Tarn, 1951, с. 48—50]; Ф.Альтхайм датировал сочинение Аполлодора временем не позднее середины I в. до н.э., а самого Аполлодора считал младшим современником Полибия и старшим — Посидония [Altheim, I, 1947, с. 5, 18].

При датировке Аполлодора, как нам кажется, не следует понимать слишком буквально ссылки на современников и совре-

менность, которыми Страбон часто сопровождает новые сведения о восточных областях. Во-первых, само понятие «современность» вряд ли имело у Страбона точные хронологические рамки; похоже, например, что «современным» этапом в развитии знаний о востоке он считал всю эпоху владычества парфян в Азии (I, 2, 1). Во-вторых, в том случае, когда Страбон, ссылаясь на своих современников, упоминает Аполлодора, он не просто называет этого автора, а говорит о οἱ περὶ Ἀπολλόδωρον (II, 5, 12), т.е. об авторах, заимствовавших у Аполлодора, в первую очередь, видимо, о Посидонии, который действительно был старшим современником Страбона. При датировке Аполлодора с опорой на содержание восходящих к нему сведений нет необходимости, как мы считаем, относить его сочинение ко времени после смерти Мифридата II (87 г. до н.э.): «энкомий» этому царю дан у Трога вне связи с его смертью (Iust., XLII, 2, 3), а рассказывая о смерти Мифридата III, Трог не отличает его от Мифридата II (Altheim, I, 1947, с. 6—8), следовательно, о конце последнего Трог (или его непосредственный источник) ничего не нашел в сочинении Аполлодора. Позднейшее датируемое событие, описанное в сочинении Аполлодора, — это, по-видимому, захват парфянами у скифов части Бактрианы (Strabo, XI, 9, 2 = фр. 4, Behr) в период между 124 и 115 гг. до н.э. [Tarn, 1951, с. 89]. Скорее всего Аполлодор писал, как и полагает В.В.Тарн, во времена процветания Мифридата II [Tarn, 1951, с. 45], но, принимая такую дату, от Аполлодора нельзя отделять, как делает В.В.Тарн, «источник Трога» [см. по этому поводу: Altheim, I, 1947, с. 10—12].

О содержании сочинения Аполлодора по сохранившимся фрагментам точно судить трудно, но есть основания полагать, что оно было посвящено по преимуществу истории Парфянского царства. Однако сочинение явно содержало множество сведений географического и этнографического характера, в том числе и о Бактриане, оформленных, может быть, и в виде отдельных экскурсов (ср.: Athen, XV, 29, p. 682 = фр. 1).

Сведения Аполлодора оригинальны, особенно о северо-восточных частях ойкумены. Большую роль в них, несомненно, играют собственные наблюдения Аполлодора. Исследователи давно уже отметили: когда Страбон говорит, что писатели, рассказывающие о парфянских делах, описывают страны далекого северо-востока достовернее, чем историки Александра, «так как видели больше» (μᾶλλον γὰρ κατωπτεύκασι) (XI, 6, 4), то он имеет в виду Аполлодора [Behr, 1888, с. 7; Tarn, 1951, с. 44, примеч. 6; Altheim, I, 1947, с. 18]. Конечно, трудно сказать, насколько сведения Аполлодора о Гиркании, Бактриане и соседних скифах основаны на автопсии [ср.: Münzel, 1894, с. 2853], но если он сам и не видел наиболее отдаленных северо-восточных областей,

то знал о них от своих современников, видимо совершавших туда торговые путешествия.

«Парфика» Аполлодора была основным источником сведений о парфянских делах (II в. до н.э.) в античной литературе, а для сведений о восточных землях соответствующего времени, очевидно, и единственным, как можно заключить хотя бы из слов Страбона. Полагаем, что сведения Аполлодора стали широко использоваться в античной литературе главным образом благодаря посредничеству Посидония. Во всяком случае, влияние Аполлодора обнаруживается как раз у тех географов, которые много заимствовали у Посидония: у Страбона, Птолемея, Дионисия. Сомнения в возможности заимствования Посидонием у Аполлодора, основанные на поздней датировке последнего [Münzel, 1894, с. 2854], не подтверждаются [см. об этом: Behr, 1888, с. 34, 35]. Действительно, Посидоний из Апамеи в Сирии, много внимания уделявший восточным грекам и парфянам, вряд ли мог игнорировать сочинение Аполлодора из Артемиты, своего старшего современника. При этом Посидоний использовал сведения Аполлодора не только в своей «Истории», как иногда полагают [Behr, 1888, с. 34, 35, 45—49], но и в труде «Об океане»; соответственно влияние их заметно как в рассказе об исторических событиях и в описаниях типа итинерария, так и в рефлексиях учения о климатах.

Но географическое наследие Аполлодора доходило до более поздних авторов и другим путем. У Плиния в книге VI его «Естественной истории» имеется целый пласт сведений, явно общих со сведениями Страбона, восходящими к Аполлодору. Аполлодор дважды упоминается и в индексах авторов, использованных Плинием (к кн. IV и VI). Оба раза он назван после Артемидора, в окружении одних и тех же имен; когда в другом индексе (к кн. V) Артемидор выпадает из этого контекста, то уже не упоминается и Аполлодор; в тексте соответствующих книг ссылки даются на Артемидора, не на Аполлодора. Все это свидетельствует о том, что как источники Артемидор и Аполлодор были для Плиния тесно связаны; очевидно, сочинение одного из них дошло до Плиния через посредство сочинения другого. Посредствующим автором здесь должен быть Артемидор, имевший большое значение для Плиния, который, возможно, использовал его сочинение непосредственно. Упоминаемый Плинием Аполлодор — это, конечно, Аполлодор Афинский, писатель, гораздо более известный в античной литературе, чем Аполлодор Артемитский. Сочинение же Аполлодора, которое здесь имеет в виду Плиний, — какая-нибудь работа типа периегесы: с такими работами связаны и другие рядом стоящие имена, в том числе сам Артемидор. Артемидор и Аполлодор Афинский часто фигуриру-

ют в паре и у Страбона, причем ясно, что первый заимствовал у второго [Schwartz, 1957, с. 267].

Страбон упоминает и сочинение Аполлодора «Период Земли» (Γῆς περίοδος) (XIV, 5, 22), не цитируя его, однако, сам — возможно, потому, что знал о нем лишь через посредство Артемидора. Указанное сочинение, содержавшее описание всей ойкумены и написанное стихами в манере Аполлодора Афинского, признается подложным [Jacoby, II BD, 4, 1930, с. 799—802; Schwartz, 1957, с. 262; историю вопроса см. также: Dörrie, 1963, с. 439]. Обычно такие подложные сочинения основывались все же на подлинных материалах автора, являясь их обработкой. Не включило ли это сочинение наряду с материалами Аполлодора Афинского также и данные Аполлодора Артемитского? Сохранившиеся фрагменты свидетельствуют, что при описании восточных земель в нем рассказывалось о тех же странах и народах, о которых говорил и Аполлодор Артемитский. Через посредство этого сочинения и затем Артемидора сведения Аполлодора Артемитского и могли дойти до Плиния.

События из истории Парфянского царства и соседних стран, с рассказом о которых связана основная масса сведений Аполлодора, используемых нами в дальнейшем исследовании, таковы. Во-первых, события, касающиеся начальной истории Парфянского царства. Страбон сообщает о переселении апарнов, одного из племен даев, из областей «над Меотидой» (XI, 9, 3). О том же событии сообщал Трог, рассказывая о происхождении парфян; рассказ Трога сохранился у Иордана (48 = фр. 157a), Юстина (XLI, 1, 1—2 = фр. 157b) и, видимо, Курция (VI, 2, 14). Даи из племени апарнов поселились близ Гиркании и Каспийского моря, и Страбон рассказывает, что Арсак, вставший во главе этих апарнов, живших по реке Ох, явился основателем Парфянского царства (XI, 9, 2; ср. XI, 7, 1; 8, 2). Этот рассказ приводил в несколько ином варианте и Трог, судя по Юстину (XLI, 4, 6, 7 = фр. 158b). Именно этому рассказу принадлежат сведения Страбона о реке Ох, которая протекает через Несею и Гирканию и впадает в море (XI, 7, 3; 11, 5). Во-вторых, события, связанные с борьбой между Селевкидами и парфянами. Страбон сообщает о бегстве Арсака от Селевка Каллиника (XI, 8, 8). Полагают, что Аполлодор при описании похода Селевка Каллиника мог пользоваться мемуарами этого царя [Haussig, 1979, с. 41]. Возможно, что к рассказу об упомянутом событии относятся сведения Страбона о реке Окс, впадающей в море в пределах Гиркании (XI, 7, 3; 11, 5). В-третьих, события, связанные с походами греческих царей Бактрианы. Страбон, прямо ссылаясь на Аполлодора, сообщает, что эти цари распространили свою власть «вплоть до серов и фаунов», а Менандр переправился через Гипанис и дошел «вплоть до Исама» (XI, 11, 1 = фр. 7a). С этим сообщением

тесно связано принадлежащее Аполлодору описание Бактрианы как очень богатой и могущественной страны (фр. 7а). О богатстве Бактрианы впоследствии говорят и Страбон (II, 1, 14; XI, 11, 1), и Птолемей (Apotelesm., II, 3, 36), и Дионисий (734). В-четвертых, переселение тахаров и других кочевников из-за реки, которую сам Аполлодор называл, по-видимому, Танаисом. Об этом событии рассказывают Страбон (XI, 8, 2) и, возможно, Плиний (VI, 22), сообщал о нем и Трог (prol., XLI). В-пятых, распространение господства парфян при Мифридате I от Кавказских гор до р. Евфрат, о чем рассказывал Трог, судя по Юстину (XLI, 6, 8).

В сочинении Аполлодора много места было уделено итинерариям. Не всегда можно сказать, по какому поводу приводились они в сочинении, но некоторые из них определенно были связаны с рассказами об упомянутых событиях.

Есть основания полагать, что Аполлодор описывал великий азиатский путь. От какого пункта он начинал его описание — сказать трудно, но можно думать, что итинерарий пути от Селевкии на Тигре на восток был представлен в его работе. Остатки этого итинерария сохранились главным образом у Страбона и Плиния. Важным пунктом на указанном пути являлся для Аполлодора его родной город Артемита (Strabo, XI, 11, 7 = фр. 6). Наряду с основной дорогой описывались и побочные ветви. Об одной из них Плиний говорит так: «К сузианам ближе всего с востока — коссиеи, выше коссиеев к северу — Массабатена под горой Камбалид, которая является ветвью Кавказа; оттуда — удобнейший проход в Бактры» (VI, 134; ср.: Strabo, XVI, 1, 18). Здесь имеется в виду дорога, идущая от Суз через землю коссиеев и Массабатену к горе Камбалид, где она соединялась с главной дорогой великого азиатского пути. Эта последняя дорога и подразумевается под «удобнейшим проходом (mollissimus transitus) в Бактры».

Путь, описанный Аполлодором, проходил, как обычно, через Каспийские ворота и шел далее в Бактриану и Индию, т.е. представлял собой путь, о котором шла речь в итинерариях группы «А». Соответствующий итинерарий Аполлодора сохранился в передаче Страбона и Плиния, но представлен у них в очень фрагментарном виде. С прямой ссылкой на Аполлодора говорит Страбон о расстоянии от Каспийских ворот до Гекатомпила (XI, 9, 1 = фр. 5а). Далее Страбон описывает путь в Гирканию (XI, 7, 2; о принадлежности Аполлодору см. [Altheim, I, 1947, с. 13]) и сообщает, что Гиркания отделена рекой Сарний от пустыни, «если идти на восток к реке Ох» (XI, 8, 1), а пустыня эта простирается «между апарнами, Гирканией и Парфией вплоть до области ариев» (XI, 8, 3; о принадлежности Аполлодору см. [Tarn, 1951, с. 45, примеч. 5]). Возможно, что, следуя тому же

итинерарию, Страбон перечисляет после гирканиев племена парфиеев, маргианов и ариев (XI, 8, 1), хотя лишь упоминание маргианов здесь бесспорно принадлежит рассматриваемому итинерарию. Описание Арии и Маргианы у Страбона (XI, 10, 1) также почерпнуто, по всей видимости, из итинерария Аполлодора [Behr, 1888, с. 27—29; возражения Р.Мюнцеля основаны на явно ошибочных посылках: Münzel, 1894, с. 2854]: на путевые данные указывает и определение длины и ширины Арии в 2000 и 300 стадиев. Это относится и к упоминанию Страбона о неких «обитателях палаток», живущих в горах близ Арии и Маргианы (XI, 10,1). Тот же самый источник, как мы считаем [ср.: Kiessling, 1914, с. 492], лежит в основе аналогичных сообщений Плиния. Плиний использует эту информацию в качестве дополнения к материалу, заимствованному у Агриппы. Плиний говорит о Каспийских воротах и Гекатомпиле (VI, 44), об Апаортене и местности Дара (VI, 46), о Маргиане (VI, 46), о Гераклее-Ахаиде в Арии (VI, 48), о диком племени мардов, обитающем «по Кавказскому хребту до самых Бактр» (VI, 47), — очевидно, о тех же «обитателях палаток».

Видимо, именно у Аполлодора Маргиана впервые фигурировала в качестве отдельной области, в то время как ранее она, судя по некоторым данным, считалась частью Бактрианы. Объяснение этому обстоятельству дает сам Аполлодор. Страбон, пересказывая его сведения, сообщает, что часть Бактрианы со времен Эвкратида находится под властью парфянских царей (XI, 9, 2), причем под «частью Бактрианы» (τῆς Βακτριανῆς μέρος) здесь определенно имеется в виду наряду с другими областями и Маргиана [История таджикского народа, I, 1963, с. 308; Массон и Ромодин, I, 1964, с. 135]. Таким образом, упоминание Маргианы как отдельной страны среди соседей Бактрианы объясняется ее политической оторванностью от Бактрианы во времена Аполлодора.

Видимо, к этому же итинерарию относится упоминание о горе Паропамисс, о которой говорилось в «Периоде Земли» Аполлодора (фр. 314), и о горном проходе. Дионисий говорит об «ущелье Парпаниса», близ которого обитают сатраиды и другие племена арианов (1097), о парапанисидах, ариенах, сатраидах упоминает и Равеннат (II, 4, 1).

Другой итинерарий был дан Аполлодором в связи с рассказом о завоеваниях бактрийских царей. Этот итинерарий относится ко времени завоеваний и отражает положение, существовавшее до переселения тахаров и других кочевников. Упомянутые выше походы бактрийских царей совершались в двух направлениях: северо-восточном, «вплоть до серов и фаунов», и юго-восточном, в Индию «вплоть до Исама». Соответственно и итинерарий описывал две ветви. Остатки его сохранились у

Плиния и Дионисия. У Плиния к нему относятся упоминания серов (VI, 54) и затем перечень: «фуны, тохары и, уже у индов, кас(п)иры внутри страны по направлению к скифам» (VI, 55), т.е. каспиры являются индами, обитающими с внутренней, материковой, стороны Индии, обращенной к скифам; прерывая этот перечень, Плиний затем вновь возвращается к нему и продолжает: по ту сторону Гемодских гор (которые являются границей Индии) живут исары, косиры, изы и многие другие племена вдоль гор и рек вплоть до гангаридов и реки Ганг (VI, 64, 65). Косиры, по-видимому, те же самые кас(п)иры [Marquart, II, 1905, с. 28, примеч. 3; Markwart, II, 1946, с. 297, примеч. 2]. Исары (Isari < Isami?), возможно, как-то связаны с Исамом (Ἰσάμος), который фигурирует у Страбона в качестве предела завоеваний Менандра в Индии и еще не получил убедительного толкования [Tarn, 1951, с. 144, 145; Altheim, I, 1947, с. 325, 326]. У Дионисия к тому же итинерарию относится упоминание саков (750) и перечень: «тохары, фауны и варварские народы серов» (753); есть у него и данные, относящиеся к индийской ветви пути: упоминания о Гипанисе, гангаридах, Гангетийской области (1143—1148). О каспирах Дионисий тоже упоминал, но в другом сочинении, в «Бассарика» (Steph. Byz., s.v. Κάσπειρος = фр. 16). Видимо, вслед за Дионисием данные того же итинерария были использованы Касторием при создании карты; на карте Пейтингера от них осталось лишь название народа Caspyre, показанного к югу от бактрианов за горным хребтом (XII, 4), но у Равенната упоминаются «Индия Серийская Бактрийская» (II, 4, 3), саки, тохарии, фаунии (II, 8, 2).

Сведения о Бактриане, Каспирии (Северной Индии) и Серике, восходящие к этому итинерарию, были использованы Посидонием в своих географических построениях и через его посредство воспроизведены Страбоном (II, 1, 14), Птолемеем (Apotelesm., II, 3, 36) и Плинием (VI, 55).

У Аполлодора был и свой перипл Каспийского моря. Во всяком случае, судя по Страбону, Аполлодор [Tarn, II, 1948, с. 17, примеч. 1] описывал побережье, расположенное по левую сторону от какого-то «входа» (εἴσπλους) в Каспийское море: здесь живут сначала даи, именуемые апарнами, затем простирается пустыня, а за ней следует Гиркания (XI, 7, 1; ср. 8, 2).

Некоторые данные, восходящие к Аполлодору, трудно отнести к какому-либо известному итинерарию. Таково сообщение Аполлодора в «Периоде Земли» [ср.: Jacoby, II B, 3, 1929, с. 1117] о дербикках, живущих близ гирканиев (Steph. Byz., s.v. Δερβίκκαι = фр. 311). Сведения об этих дербикках через посредство Посидония дошли до многих авторов. Упомянуты они были и на карте Кастория: карта Пейтингера помещает народ Derbicce у Гирканского моря между Оксом и Нигрином (XII, 2), называет

дербикков и Равеннат (II, 8, 2). Таково же сообщение о горах хриннов как месте истока Танаиса, если оно действительно восходит к Аполлодору. До Иордана (45) эти сведения могли дойти через Посидония и Трога. На карте Кастория название гор превратилось в название реки Нигрин: последняя фигурирует и на карте Пейтингера (XII, 2), и у Равенната (II, 8, 4; 12, 11). Если под хриннами здесь имеются в виду хунны, то указанное сообщение должно относиться ко времени после переселения тахаров и других кочевников.

Аполлодор приводил и административный обзор Парфянского царства, подобно тому как Каллисфен и Поликлит приводили обзоры Персидского царства. Остаток этого обзора, как мы думаем, сохранился в известиях Плиния о «царствах персов, которые ныне мы знаем как царства парфян» (VI, 41, 112). Самих парфянских «царств» (reg um) насчитывалось восемнадцать; они делились на две группы, одна из которых примыкала к Гирканскому морю на севере, другая — к Красному морю на юге (VI, 112). Как видно из другого сообщения, в роли делителя здесь выступал Кавказский хребет (VI, 41). Одиннадцать северных царств именовались «верхними» (superiora; или «старшими»? Ср.: Tacit., A ., XV, 2); они начинались от границ Армении и каспийских берегов и простирались вплоть до скифов, с которыми парфяне жили на условиях равенства (VI, 112). Семь южных царств назывались «нижними» (i feriora; или «младшими»?); их ограничивала р. Евфрат (VI, 112, 116). Списка всех этих парфянских царств Плиний не дает, и вообще, видимо, конкретными данными о каждом из царств он и не располагал.

Сведения о Кавказе, содержавшиеся в данном обзоре, повлияли на своеобразие трактовки Плинием и Страбоном горной системы Азии. Представление Аполлодора о Кавказе, видимо, сказалось и на том, как Посидоний, а вслед за ним Страбон определяли положение группы стран «от Гиркании до Согдианы»: «вне», т.е. по ту сторону от горного хребта, который они называли Тавром (XI, 9, 2; 11, 6).

Май Тициан

Май, носивший также имя Тициан, «македонянин», был скорее всего жителем Сирии, потомком македонских завоевателей, занимавших привилегированное положение в эллинистической Сирии [Cary, 1956, с. 1 0]. Он являлся крупным купцом (ἔμπορος), унаследовавшим свое дело от отца. В распоряжении такого купца, конечно, могло быть немало помощников, торговых агентов. Птолемей прямо заявляет, что Май не ездил сам, а посылал к серам своих людей (I, 11, 6); поэтому говорить о пу-

тешествии Мая, хотя бы только до Каменной Башни [Хенниг, I, 1961, с. 401, 403], у нас нет оснований. Считать пределом путешествия агентов Мая Каменную Башню [Томсон, 1953, с. 428, 429] также нет достаточных оснований, поскольку в источнике прямо сказано, что они были посланы к серам. Время путешествия определяется по-разному, но, в общем, в рамках второй половины I в. н.э. [Tomaschek, I, 1888, с. 22: 50—70-е годы I в. н.э.] и рубежа I—II вв. н.э. [Herrmann, 1938, с. 91, 93: около 97 г. н.э.; Markwart, 1938, с. 59, примеч. 1: 96—98 гг. н.э.; Хенниг, I, 1961, с. 402: между 100 и 105 гг. н.э.]. Однако была предпринята довольно убедительная попытка показать возможность и более ранней датировки путешествия [Cary, 1956, с. 130—134: примерно между 20—1 гг. до н.э.].

На основании сообщений об этом путешествии, как говорит Птолемей, Май и «записал измерения» пути до Серы (I, 11, 6). Итинерарий Мая не дошел до нас, но можно предполагать, что он представлял собой практическое руководство для купцов. Май написал итинерарий со слов своих агентов. Но в какой мере сами эти агенты основывались на личных наблюдениях? Нам кажется, что роль автопсии здесь имела решающее значение. Предположение о том, что сведения агентов — расспросного происхождения и собраны у парфян, базируется на сомнении в действительности их путешествия [Бартольд, II, 2, 1964, с. 458]. Впрочем, выдвинуто и предположение, согласно которому агенты для описания пути от Бактрианы до Серики использовали также данные какого-то путеводителя китайского происхождения [Herrmann, 1938, с. 91, 112, 113, 126, 127; ср.: Haussig, 1959, с. 149].

В научных целях итинерарий Мая использовал Марин, который имел дело именно с сочинением Мая, а не с устными его сообщениями [Kubitschek, 1935, с. 235]. Птолемей же знал об этом сочинении только через посредство Марина [Kubitschek, 1935, с. 235]. Следует заметить, что Птолемей, по-видимому, располагал сведениями о пути в Серу и из другого источника, а именно из рассказов его современников, плававших вплоть до Золотого Херсонеса и Каттигар и упоминавших будто бы также о дороге от Серы на Бактриану через Каменную Башню (I, 17, 4). Однако нет возможности выделить в тексте Птолемея следы этих новейших сведений. Итинерарий Мая интересовал Марина и Птолемея лишь постольку, поскольку его можно было использовать для составления карты. Перенося данные Мая на карту, Марин и Птолемей безжалостно перетолковывали и искажали их. Поэтому даже то, что осталось от итинерария Мая в пересказе Марина и Птолемея, не согласуется с их же картографическими указаниями.

В итинерарии Мая описывался великий азиатский путь, начиная от сирийского города Гиераполь, расположенного к западу

от Евфрата. Переправа через Евфрат являлась рубежом между римскими и парфянскими владениями. Согласно Марину и Птолемею, весь путь делился на две части: от переправы через Евфрат у Гиераполя до Каменной Башни и от Каменной Башни до Серы. По Марину, расстояние от переправы через Евфрат до Каменной Башни составляет 876 схенов, или 26 280 стадиев, а расстояние от Каменной Башни до Серы, которое можно преодолеть за семь месяцев, равно 36 200 стадиям; Птолемей поправляет Марина, указывая, что тот не принял во внимание неравномерность движения и отклонения пути от прямой линии, и соответственно сокращает расстояния, определяя первый отрезок как равный 800 схенам, или 24 000 стадиям, а второй — 18 100 стадиям (Ptol., I, 11, 1—4; 12, 1—3). Все эти данные, подвергнув их некоторым изменениям, Марин и Птолемей использовали для построения карты [Herrmann, 1938, с. 94].

Итинерарий, изложенный Маем, как и другие итинерарии группы «А», описывал дорогу через Каспийские ворота, а точнее, северную ветвь этой дороги, ведущую к Бактрам. Согласно Птолемею, ссылающемуся на Марина, от Каспийских ворот путь шел прямо на восток в Гекатомпил, отсюда на север — в Гирканию, затем на юг — в Арию и снова на север — в Антиохию Маргианскую; «от нее дорога на Бактры тянется к востоку, дорога оттуда до подъема в горную страну комедов — к северу, дорога же по самой горной стране вплоть до ущелья, переходящего в равнину, — к югу... Похоже, что дорога оттуда в пятьдесят схенов вплоть до Каменной Башни отклоняется к северу. Ведь после подъема, говорит [Марин], ущелье сменяется Каменной Башней, к востоку от которой горы, расступаясь, примыкают к Имаю, поднимающемуся от Палимбофр на север» (I, 12, 5—8). Птолемей, по-видимому, только этими сведениями о данном участке пути и располагал. Более подробного описания дороги он не имел, ибо в противном случае он на своей карте не отделил бы Антиохию Маргианскую от Бактр горным хребтом [Ronca, 1971, табл. I].

Столь же скудными и, главное, уже истолкованными в том смысле, какой хотел им придать Марин, были сведения, которыми располагал Птолемей об участке дороги от Бактр до Стоянки торговцев близ Имая [Пьянков, 1985]. А.Херрман, видимо, прав, считая, что Птолемей в данном случае без изменений воспроизвел то, что нашел у Марина [Herrmann, 1938, с. 101]. Источник же Марина, итинерарий Мая, базировался здесь, по мнению А.Херрмана, на собственных данных агентов Мая. Судя по указаниям Птолемея, описательным и картографическим, рассматриваемый отрезок пути представлялся ему, как и Марину, состоящим из четырех последовательных частей: от Бактр до подъема в горную страну комедов, путь по горной стране коме-

дов, путь по ущелью комедов до Каменной Башни, от Каменной Башни до Стоянки торговцев.

Город Бактры, который Птолемей называет «царской столицей» (βασίλειον) (VI, 11, 9), располагался, видимо, на реке Даргойд [Ronca, 1971, табл. I]. Эти сведения Птолемея определенно основаны на данных итинерария Мая. Думается, что в указании на Бактры как на царскую резиденцию не обязательно видеть намек на времена греческих царей Бактрианы [Markwart, 1938, с. 86]. Оно может быть связано и с тохарами, «великим народом» (μέγα ἔθνος) Бактрианы (Ptol., VI, 11, 6).

Сведения об участке пути от подъема в горную страну комедов содержатся не только в цитированном выше тексте, но и в картографической части сочинения Птолемея, где говорится следующее: «У саков имеется уже названная горная страна комедов, подъем на которую со стороны согдианов лежит под 125°/43°, части ее при ущелье комедов — под 130°/39°, и так называемая Каменная Башня лежит под 135°/43°» (VI, 13, 2). Интересно, что координаты подъема точно совпадают с координатами, которые даны Птолемеем для истока Яксарта (VI, 12, 1). Это совпадение не случайно и основано не на каких-то общих соображениях [ср.: Горбунова, 1976, с. 27]. Оно свидетельствует о том, что место, где древние торговцы поднимались в горную страну комедов, действительно находилось неподалеку от истоков реки, считавшейся началом Яксарта.

В сообщениях о подъеме в горную страну комедов бросаются в глаза различия в характеристике, которую Птолемей дает этому подъему. С одной стороны, дорога к нему идет прямо на север от Бактр, с другой — туда попадают от согдианов, и расположен он, скорее, к востоку, нежели к северу от Бактр (координаты Бактр — 116°/41°, подъема — 125°/43°). Очевидно, Птолемей, сам того не замечая, говорит о двух разных подъемах. Это наблюдение дает ключ к расшифровке всех данных Птолемея об участке дороги от Бактр до Стоянки торговцев. Само по себе это наблюдение не ново (на то, что Птолемей описывает два разных подъема, указывал еще В.В.Григорьев, см. [Риттер и Григорьев, II, 1, 1873, с. 63]), но дальнейшие выводы из него не делались, и для анализа текста Птолемея, насколько нам известно, оно не использовалось.

Историю сведений об участке пути от Бактр до Стоянки торговцев можно представить примерно так. В итинерарии Мая описывалась на этом участке не одна дорога, а две ветви, южная и северная: южная вела от Бактр прямо в страну сакского народа комедов и после подъема в эту страну проходила по ущелью, мимо Каменной Башни, и затем по более широкой горной долине; северная — к комедам через Согдиану и после подъема пролегала по горной стране. Марин придерживался распростра-

ненной в его время географической схемы, согласно которой Бактриана, Согдиана и страна саков расположены на одних широтах с запада на восток, будучи отделены первая от второй — Оксом, а вторая от третьей — Яксартом (эта схема, заимствованная у Марина Птолемеем, запечатлена на картах последнего; см. также прямую ссылку на Марина: Ptol., I, 16). Понятно, что такая схема совершенно исключала возможность непосредственного соседства Бактрианы с саками. Марин, наверное, счел ошибкой указание на такое соседство в описании одной из ветвей дороги, но целиком отбрасывать это описание не стал, а попытался, следуя довольно обычному приему, совместить обе ветви в одном маршруте.

Если проследить, как отражен участок пути от Бактр до Стоянки торговцев в картографической части сочинения Птолемея, то искусственность трактовки его Марином будет совершенно явной. Основные вехи этого участка имеют следующие координаты:

Бактра — столица (Бактрианы) — 116°/41°,
Дрепса — метрополия (Согдианы) — 120°/45°,
Киресхата на Яксарте — 125°/46°20′,
подъем в страну комедов у истока Яксарта — 125°/43°,
Ущелье комедов — 130°/39° (41° — по Марину),
Каменная Башня — 135°/43°,
Стоянка торговцев — 140°/43°.

Указания на координаты Птолемей нашел уже у Марина и внес в них лишь небольшие изменения. Очевидно, Марин, помещая в один ряд пункты, относящиеся к разным ветвям, разделял их по широте одинаковым промежутком в 5°, а по долготе постарался уложить в им же вычисленные пределы — параллели Геллеспонта (41°) и Византия (43°) (Ptol., I, 12, 7).

Итак, из отмеченных выше четырех частей отрезка пути между Бактрами и Стоянкой торговцев, как он предстает в описании Птолемея, первая часть (из-за отождествления двух разных подъемов в страну комедов) совмещает северную и южную ветви, вторая относится к северной ветви, а третья и четвертая — к южной. Южная ветвь шла от Бактр на север, через Окс, и прямо из Бактрианы выходила в страну саков. Вскоре после подъема в горную страну сакского народа комедов начинался путь по ущелью комедов на северо-восток, до Каменной Башни, а затем по равнине, где горы расступаются и примыкают к Имаю, на восток, до Стоянки торговцев близ Имайского хребта. Северная ветвь из Бактрианы вела в Согдиану и проходила через ее столицу. В упомянутой Птолемеем Дрепсе — метрополии согдианов (VI, 12, 6) нужно видеть Мараканду; эти два названия уже сам Птолемей поменял местами на карте. Путь от столицы Согдианы шел преимущественно в восточном направлении и выходил к

Яксарту в районе Киресхаты. Киресхата Птолемея (VI, 12, 5), конечно, не имеет ничего общего с Киресхатой времен Александра Македонского. Еще до Киресхаты путь, видимо, пересекал несколько левых притоков Яксарта; Птолемей называет два из них: Дим и Баскатис (VI, 12, 3). От Киресхаты дорога направлялась на юг, к району истоков Яксарта. Здесь она поднималась в горную страну комедов, пересекала ее в юго-восточном направлении и выходила к Имаю.

Обе ветви сходились в Стоянке торговцев (Ὁρμητήριον), расположенной у Имая. Птолемей говорит о ней так: «У соединения горы Аскатанка с горой Имай лежит под 140°/43° Стоянка торговцев, ведущих торговлю с Серой» (VI, 13, 1). К востоку от этой стоянки Птолемей помещает область Касию (VI, 15, 3).

Марин и Птолемей активно использовали данные итинерария Мая при создании карт, корректируя с их помощью карты своих предшественников. В последующих главах работы мы еще не раз будем обращаться к этим данным, сохранившимся благодаря Птолемею (I, 11, 5; 12, 5, 7; VI, 2, 7; 5 2; 9, 7; 10, 4; 11, 9; 12, 1, 3, 6, 7; 13, 1, 2; 16, 8; 17, 7).

Аполлоний и Дамис

Аполлоний из Тианы жил в I в. н.э. Активный приверженец пифагорейства, он занимал видное место в греческом мире своего времени. Совершил большое путешествие в восточные страны в 43—47 гг. [см. о нем: Charpentier, 1934, с. 26—36 и сл.]. Начал Аполлоний свое путешествие в Антиохии в Сирии; в районе Зевгмы переправился через Евфрат в парфянские владения; посетил Вавилон и Ктесифон, встречался с парфянским царем Варданом. Направляясь в Индию, Аполлоний со спутниками прошел по долине Кофена, переправился через Инд и прибыл в Таксилу, во владения Фраота, затем переправился через Гидраот и достиг Гифасиса, где обнаружил следы пребывания Александра. Сведения о дальнейшем путешествии Аполлония в Индии, где он беседовал якобы с местными мудрецами, очень неясны и путаны.

Путешествие Аполлония описал Филострат. Сам Филострат ссылается как на свой источник на полученную им от императрицы Юлии рукопись некоего Дамиса, жителя Ниневии, ученика и спутника Аполлония в его путешествии (Vita Apoll. Tyan., I, 2, 3). Насчет реальности рукописи Дамиса высказывались разные мнения [историю вопроса см.: Charpentier, 1934, с. 15—20]. Ряд исследователей не видит никаких оснований сомневаться в существовании такой рукописи [Charpentier, 1934, с. 66; Грабарь—Пассек, 1969, с. 237; Рабинович, 1985, с. 220—222]. Но описание

путешествия Аполлония в ней сохранилось, видимо, не полностью; судя по тексту Филострата, Дамис подробно описывал лишь путь от Кофена до Гифасиса [Charpentier, 1934, с. 59, 65, 66].

Последовательное изложение путешествия Дамис начинал с рассказа о прибытии Аполлония и его спутников к Кавказу. По Филострату, Аполлоний шел через этот Кавказ к реке Кофен по земле каких-то кочевников (Vita Apoll. Tyan., II, 3; 6). С описанием данного участка пути связаны сообщения Филострата о Кавказе как величайшем хребте, отделяющем Индию от Мидии, о пещере Прометея на Кавказе (Vita Apoll. Tyan., II, 2; 3).

Римский итинерарий

Свидетельства существования большой римской дорожной карты, охватывавшей и восток ойкумены, сохранили карта Пейтингера и сочинение Равенната. Поскольку обе эти работы восходят к карте Кастория, следует полагать, что уже Касторий нанес на свою карту упомянутый путеводитель. В какой мере автором его можно считать самого Кастория — сказать трудно [ср.: Miller, 1887, с. 67—74; 1916, с. XXXVIII и сл.]. Нам кажется убедительным мнение, что одним из основных источников Кастория в данном случае была дорожная карта времен Каракаллы, использованная не только Касторием, но и другими авторами римских дорожников [Kubitschek, 1916, с. 2336; 1919, с. 2118; Томсон, 1953, с. 515, 520; ср.: Lasserre, 1970a, с. 679]. Эта же карта, вероятно, была использована и при переработке труда Агриппы во времена Феодосия.

На римскую дорожную карту, о которой идет речь, была нанесена и сеть дорог Парфянского царства. Римские императоры во II—III вв. н.э. не раз переходили Евфрат и включали в состав империи месопотамские области, строя планы еще более широкой экспансии в парфянские владения. Один из таких больших завоевательных походов задумал и начал (в 216—217 гг.) император Каракалла, подражавший Александру Македонскому [Бокщанин, II, 1966, с. 288]. Естественно, что во время подготовки к такому походу по стопам Александра был предпринят широкий сбор сведений о дорогах, по которым предстояло пройти. Эти сведения явились частью материала, собранного для большой дорожной карты. Впрочем, восточные материалы указанной карты иногда относят и к более поздней эпохе — ко времени императоров Александра Севера [Tozer, 1935, с. 312] и даже Юлиана [Miller, 1887, с. 60], совершавших походы уже во владения Персидского царства, сменившего Парфянское, и к более ранней — ко времени Антиоха III [Tomaschek, I, 1883, с. 145, 146] или Мифридата I [Herrmann, 1938, с. 49, 50]. Слишком поздняя и

слишком ранняя датировка дорожника нам кажется не очень убедительной, хотя следует учитывать, что, с одной стороны, дошедшие до нас остатки дорожника могли подвергнуться поздней обработке, с другой стороны, при составлении дорожника в него могли быть включены и более ранние материалы.

Римский итинерарий в его восточной части принадлежит к итинерариям группы «А». Но Каспийские ворота, являвшиеся важной вехой в более ранних итинерариях этой группы, здесь не упоминаются. Зато приобретает особое значение пункт Таги, расположенный у южного склона хребта Тавр-Имай [см. о нем: Marquart, II, 1905, с. 21, 22]. В нем дорога разделяется на северную и южную ветви [см. об этом участке пути: Tomaschek, I, 1883, с. 202—227; Marquart, II, 1905, с. 66, 67; Miller, 1916, с. 792—798; Пигулевская, 1951, с. 109—114]. Перечни пунктов в итинерарии чередуются с цифрами, указывающими на расстояния между пунктами (в персидских парасангах или схенах).

Северная ветвь, отходя от Таг на север, пересекает горный хребет Тавр-Имай и затем тянется на восток. Карта Пейтингера на линии, обозначающей указанную ветвь, отмечает пункты: Tagae XX Catippa XX Fociana X Stai XXXV Saphani (Saphar) XXXV Oscanidati (Oscanibate) XXII Asbana XX Alexandria LX Antiochia (XII, 2—5; варианты: Geogr. Rav., II, 3). Александрия и Антиохия здесь — известные Александрия в Арии и Антиохия в Маргиане [Tomaschek, I, 1883, с. 214]. В Антиохии путь кончается.

Южная ветвь идет от Таг на восток, вдоль хребта Тавр-Имай, не пересекая его. Карта Пейтингера на линии этой ветви шестой от Таг пункт называет Аспакорой; здесь дорога вновь разделяется на две ветви; линия северной ветви: Aspacora XV Parthona L Magaris; линия южной ветви: Aspacora LXX Scobaru (Scobarum) LV Carsania (Carsamir) (XII, 2—5; варианты: Geogr. Rav., II, 3). В Магарисе и Карсании дорога кончается. Карсания оказалась на карте Пейтингера расположенной близ устья Ганга; недалеко к югу от нее, по ту сторону Ганга, показана Antiochia Tharmata (XII, 5). Карсания и Антиохия Фармата никакой линией не соединены, но возможно, что в оригинале такая линия имелась и не была перенесена на карту Пейтингера или потому, что стерлась, или за недостатком места (промежуток между этими городами на карте занят надписями). В таком случае конечным пунктом южной ветви, идущей от Аспакоры, была бы Антиохия Фармата. К.Миллер считает Антиохию Фармату конечным пунктом северной ветви, идущей от Аспакоры [Miller, 1916, с. 798]. В первоисточнике итинерария Кастория эта Антиохия, разумеется, никакого отношения к Гангу не имела [см. о ней: Tarn, II, 1940, с. 89—94; 1951, с. 118, 119, 525; Bernard, Prancfort, 1978, с. 68].

Данные римского итинерария о далеких восточных землях использовал не только Касторий, но и авторы обновленного ва-

рианта карты Агриппы. Некоторые упомянутые Касторием пункты приводит и Оросий (I, 2, 41—43), списывая с этой последней карты. Следует заметить, что вместе с этими пунктами Оросий упоминает и горы, которые, видимо, тоже отмечались в итинерарии, если были связаны с описываемым там путем; таковы горы Ариобарзан, Мемармал, Парфау. К общему с Оросием источнику восходят сведения Гонория, и мы думаем, что данные Гонория о Комедской горе (A, 4, 7) того же происхождения, что и данные об упомянутых выше горах.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ АНТИЧНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ О СРЕДНЕЙ АЗИИ

Знания античности о восточных землях в значительной своей части развивались в общих рамках античной географической традиции и потому могут быть поняты только в связи с последней. В данной главе мы рассматриваем сочинения отдельных представителей античной географической традиции. Критерием для их отбора служат два признака: во-первых, наличие в них сведений о Бактриане или ее ближайших соседях и, во-вторых, значение их как определенной, заметной вехи в общем развитии античной географической традиции. Обзор ведется так, чтобы показать их как звенья единой цепи развивающейся традиции. В нем представлены, следовательно, не все авторы и сочинения, содержащие сведения о Бактриане и ее соседях. Отметим, что, хотя сведений, относящихся к Бактриане и ее соседям, прямо связанных с именами рассматриваемых нами авторов, как правило, очень немного, эти авторы тем не менее очень важны для нашей работы, так как с ними обычно связано происхождение целых пластов в сохранившихся географических текстах, содержащих и интересующие нас сведения.

Характеризуя этапы развития географических знаний, Агафемер говорит следующее: «Анаксимандр Милетский, ученик Фалеса, первый осмелился нанести на карту ойкумену. За ним Гекатей Милетский, муж многостранствующий, так тщательно выполнил [ту же] работу, что ей удивлялись. Гелланик же Лесбосский, муж многоречивый, изложил историю без карты. Затем Дамаст Сигейский написал „Перипл“, большей частью списав у Гекатея. Вслед за ним Демокрит, Эвдокс и некоторые другие составили „Периоды земли“ и „Периплы“». Затем Агафемер говорит о том, что нового внес в географию Демокрит, «муж многоопытный», и отмечает: «В этом с ним согласен и перипатетик Дикеарх» (I, 1). То же самое сообщает Страбон: «Ведь те, кто

впервые взял на себя смелость заняться ею (географией), были, как утверждает Эратосфен, в некотором смысле философами: Гомер, Анаксимандр из Милета и Гекатей, его соотечественник; затем Демокрит, Эвдокс, Дикеарх, Эфор и некоторые другие их современники. Философами были и их преемники: Эратосфен, Полибий и Посидоний» (I, 1, 1). Наконец, в схолиях к Дионисию говорится: «Кто первые нанесли на карту ойкумену? Первый — Анаксимандр, второй — милетец Гекатей, третий — Демокрит, ученик Фалеса, четвертый — Эвдокс» (Schol. Dion. Per., prooem.).

Все три сообщения восходят к Эратосфену [Knaack, 1909, с. 367; Heidel, 1937, с. 132; ср., однако: Honigmann, 1931, с. 113]: наиболее полный пересказ дан, видимо, у Агафемера, более краткий — у Страбона и очень короткий, небрежный, с ошибками и, видимо, дошедший до схолиаста через много рук, в схолиях. Разумеется, в сообщении Страбона последняя фраза, в которой говорится об Эратосфене, Полибии и Посидонии, добавлена Страбоном уже от себя. Действительно, сам Страбон считал наиболее значительными своими предшественниками в области географии Эратосфена, Гиппарха, Посидония и Полибия (I, 2, 1). Кроме того, если Гомер и упоминался Эратосфеном в данном контексте, то, безусловно, не в той роли основателя научной географии, в какой он выступает у Страбона и в цитированном отрывке, и вообще во всем его сочинении: взгляды Эратосфена и Страбона на значение Гомера для географии в корне расходились [Dubois, 1891, с. 169—180; Шталь, 1975, с. 362—365, 376—380; об упоминании Гомера Эратосфеном в данном контексте см.: Knaack, 1909, с. 367].

В списке выдающихся географов перечислены довольно разнородные фигуры, и, очевидно, прав К. ван Паассен, считающий, что поводом для внесения того или иного ученого в список служило Эратосфену наличие у этого ученого известной картографической работы [Paassen van, 1957, с. 53], за исключением специально указанных случаев.

Рассмотрим теперь отдельные имена, приведенные в цитированных списках, в основном те, которые имеют отношение к нашей теме и связаны с концепциями, оказавшими существенное влияние на развитие географических воззрений античности.

1. ИОНИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. АНАКСИМАНДР И ГЕКАТЕЙ

В списке географов, восходящем к Эратосфену, Анаксимандр и Гекатей упомянуты как ученые, между которыми существует непосредственная преемственная связь. Страбон сохранил и другую выдержку из сочинения Эратосфена, в которой эта связь

подчеркивается: «Эратосфен говорит, что первыми двумя преемниками Гомера были Анаксимандр, ученик Фалеса и его соотечественник, и Гекатей Милетский и что Анаксимандр первым обнародовал географическую карту, а Гекатей оставил труд по географии, приписываемый ему на основании сходства с другими его сочинениями» (I, 1, 11 = фр. I B, 5).

Анаксимандр из Милета жил в первой половине — середине VI в. до н.э. О жизни его известно очень мало.

Карта, видимо, фигурирует в списке работ Анаксимандра под названием «Период Земли» (Γῆς περίοδος) [Paassen van, 1957, с. 59]. Составил ли Анаксимандр географический текст, служивший пояснением к карте, — остается под вопросом (о характере географической работы Анаксимандра см. [Дитмар, 1969, с. 46, 50]). Географический кругозор Анаксимандра был еще очень узок. Есть основания полагать, что Анаксимандру не были известны на востоке даже Кавказ и Каспийское море [Дитмар, 1973, с. 19; 1980, с. 35].

Значение Анаксимандра как географа не только в том, что он был предтечей Гекатея, но и в том, что он стоял у истоков самостоятельной традиции, которую мы называем общей ионийской. Карта Анаксимандра, не подвергшаяся ревизии Гекатея, послужила основой для многих более поздних карт круглой ойкумены, добавлявших к основе новые детали. Такие карты, «Периоды Земли», на которых была изображена ойкумена в виде круга, известны Аристофану (Nubes, I, 6) и Аристотелю (Met., II, 5, 13). О них, судя по Страбону, говорили Эратосфен и Гиппарх, когда вели речь о «древних картах» (II, 1, 2, 11, 34, 36). Принадлежность этих «древних карт» Гекатею, о которой часто говорят [например: Junge, 1939, с. 50—52], по нашему мнению, весьма сомнительна.

Карта Анаксимандра, видимо, была усовершенствована Анаксименом, наложившим на нее схему «ветров». Круглая карта с этой схемой, разработанная в разных вариантах, прошла через всю античную эпоху. Поздние варианты той же ионийской карты давали свою схему гор и рек востока ойкумены, и с этой схемой считался такой автор, как Гиппарх.

Гекатей из Милета жил в конце VI — начале V в. до н.э. Эратосфен называет его мужем «многостранствующим» (πολυπλανής, см. по поводу этого определения [Jacoby, I, 1923, с. 318]), но о дальних его путешествиях на восток неизвестно [ср.: Jacoby, 1912, с. 2671, 2689].

Интересующие нас сведения содержались в сочинении Гекатея, известном как «Периегеса» (Περιήγησις), во второй его книге, именуемой «Азия» (Ἀσίη). Сочинение это сохранилось лишь во фрагментах (о содержании его см. [Jacoby, 1912, с. 2725; I, 1923, с. 354; Spoerri, 1966, с. 978]). В александрийскую эпоху

возникли сомнения в подлинности книги «Азия». Каллимах, один из руководителей Александрийской библиотеки, приписал ее некоему Несиоту (Athen., II, p. 70 = фр. 100 d; ср.: Arrian., V, 6, 5; см. об этом известии [Jacoby, 1912, с. 2667, 2673; Nenci, 1951, с. 356—360]), а Эратосфен, один из преемников Каллимаха по руководству библиотекой, признал ее автором Гекатея (Strabo, I, 1, 11 = фр. I B, 5; см. [Berger, 1880, с. 42; Knaack, 1909, с. 367]). Сомнения в авторстве Гекатея [Wells, 1909, с. 41—52], по-видимому, недостаточно основательны [Jacoby, 1912, с. 2673; I, 1923, с. 318].

Сама «Периегеса» была лишь текстовым приложением к карте Гекатея, сомнения в существовании которой также совершенно неосновательны [Jacoby, 1912, с. 2690; попытку реконструкции карты Гекатея см.: Heidel, 1937, с. 11 и сл.]. Вполне возможно, что описанная Геродотом «медная карта» с вырезанным на ней «кругом всей земли (γῆς ἁπάσης περίοδος), всем морем и всеми реками», которую Аристагор, один из вождей ионийского восстания, привез с собой в Спарту в 500 г. до н.э. (V, 49), именно и была той картой Гекатея (он также был причастен к восстанию), о которой говорил Эратосфен [Дитмар, 1973, с. 20; ср.: Jacoby, I, 1923, с. 317].

Примером для Гекатея в создании географического труда, как мы уже знаем, была карта Анаксимандра. Но в качестве источника эта карта могла послужить Гекатею лишь как самая общая основа (о возможном соотношении карт Анаксимандра и Гекатея см. [Paassen van, 1957, с. 61]). Географический кругозор Гекатея был значительно шире кругозора Анаксимандра. Важным источником новых сведений Гекатея являлось сочинение Скилака, знаменитого мореплавателя, который в последних десятилетиях VI в. до н.э. плавал в Средиземном море, Понте Эвксинском, Каспийском и Эрифрейском морях. В описании восточных земель данные Скилака были единственным источником Гекатея. Относительно того, каким путем известия Скилака дошли до Гекатея, высказывались разные мнения. Иногда полагают, что сочинение Скилака было известно Гекатею уже в обработанном, сокращенном виде [Reese, 1914, с. 56]. Но предположение о том, что Скилак писал позже Гекатея и потому не мог быть его источником [Kiessling, 1914, с. 472], справедливо отвергается [Jacoby, I, 1923, с. 365].

Гекатей заложил основу общих географических представлений античности о востоке ойкумены. Однако следует сказать, что среди исследователей, особенно у Ф.Якоби, а вслед за ним и у многих других, заметна тенденция чрезмерно преувеличивать значение Гекатея: к нему возводят чуть ли не все географические познания античности доэллинистической эпохи. Согласиться с этим нельзя. Карта Гекатея, которую так высоко оценил Эрато-

сфен, была, пожалуй, менее известна, чем канонизированная карта общей ионийской традиции. Разработанная Гекатеем схема деления ойкумены на ряд «акте» не получила развития в последующей традиции и частично отражена только у Геродота. Данные Гекатея о горах востока ойкумены и обитающих близ них народах использовали лишь Тимосфен в схеме «земного круга» и Эратосфен при разработке теории климатов и построении орогидрографической схемы востока ойкумены.

Но на Геродота Гекатей как географ повлиял действительно очень сильно. Геродот в своих географических знаниях о восточных землях базируется почти исключительно на данных Гекатея. Известия Скилака ему также знакомы только через посредство Гекатея [Jacoby, I, 1923, с. 365; ср.: Tozer, 1935, с. 102].

2. ТРАДИЦИЯ ДЕМОКРИТА И ЭВДОКСА

В списке географов, составленном Эратосфеном, особенно в пересказе его у Агафемера, заметно, что Демокрит и Эвдокс как бы объединены в одну группу: «Вслед за ним Демокрит, Эвдокс и некоторые другие...» Такое объединение, как мы покажем далее, имеет свои основания.

Демокрит из Абдер, великий философ, жил около 470—366 гг. до н.э. Он известен своими путешествиями, которые совершал примерно в середине V в. до н.э. в течение восьми лет [Лурье, 1970, с. 391]. Сам Демокрит говорит о них так: «Я объездил больше земли, чем кто-либо из современных мне людей, подробнейшим образом исследуя ее; я видел больше, чем все другие, мужей и земель и беседовал с наибольшим числом ученых людей» (Clem. Alex., Strom., I, 15, 69; о подлинности этого сообщения см. [Лурье, 1970, с. 389—391]). Среди многочисленных свидетельств о путешествиях Демокрита в восточные страны (см. особенно: Diog. Laert., IX, 35; Aelian., V.H., IV, 20; Strabo, XV, 1, 38) подлинными являются, видимо, сообщения о том, что философ побывал в Вавилоне и на Эрифрейском море [ср.: Лурье, 1970, с. 391; Jürss etc., 1973, с. 24]; но и сообщение о путешествии его в Индию нам не кажется столь уж невероятным, особенно если учесть состояние ахеменидских дорог того времени, в частности дороги «от Эфеса до Бактр и Индии», описанной Ктесием (Phot., Bibl., LXXII = фр.33), современником Демокрита.

От географических штудий Демокрита осталось так мало, что К. ван Паассен, например, считает: попытка изучить географическую работу Демокрита вообще должна быть оставлена [Paassen van, 1957, с. 53; ср.: Дитмар, 1959, с. 349—367]. В списке трудов Демокрита упомянуты и собственно географичес-

кие работы: «География» (Γεωγραφίη) и «Перипл Океана» (Ὠκεανοῦ περίπλους). Но нередко высказываются сомнения в том, действительно ли эти сочинения принадлежали Демокриту. Впрочем, о содержании их все равно никаких прямых свидетельств нет. Первое сочинение, судя по его принадлежности к математическим трудам (Diog. Laert., IX, 48), относилось к тому же типу, что и географические работы Эвдокса, Эратосфена, Гиппарха и Посидония. Второе сочинение, видимо, тоже было посвящено теоретическим проблемам [Jürss etc., 1973, с. 526]. Конечно, географические темы могли быть затронуты Демокритом и в других его сочинениях. Безоговорочно считать Демокрита автором карты [Маковельский, 1946, с. 98; Дитмар, 1959, с. 365; 1973, с. 33; 1980, с. 48], как нам кажется, нельзя [ср.: Lasserre, 1967, с. 131].

Основными источниками Демокрита были, судя по его собственному заявлению, материалы, собранные им во время путешествий, из личных наблюдений и бесед с «учеными людьми» [Löwenheim, 1914, с. 141, 142; Асмус, 1960, с. 5, 6; о восточных связях Демокрита см. также: Виц, 1979, с. 150—152]. Особенно много Демокрит мог почерпнуть из общений с магами [Маковельский, 1946, с. 190, 191]. Несомненно, что представление о Демокрите как знаменитом приверженце магии возникло в поздней традиции не на пустом месте. Оценивая степень влияния магов на Демокрита, следует не только исходить из того, что Демокрит мог получить сведения от них во время путешествий, но учитывать и еще одно обстоятельство. Существует античное предание, исторически вполне вероятное [см. о нем: Лурье, 1970, с. 387, 388; Пьянков, 1975а, с. 169—171], о том, что Ксеркс во время похода в Грецию оставил в Абдерах Дамасиппу, отцу Демокрита, магов в качестве наставников его детей (Diog. Laert., IX, 34; Philostr., Vit. soph., I, 10; Val. Max., VIII, 7, 4; ср.: Herod., VII, 109, 120; VIII, 120); одним из этих магов, по всей видимости, был известный Остан (Plin., XXX, 8). Так что Демокрит мог получить первые сведения о далеких восточных землях уже от своих воспитателей.

Демокрит оставил заметный след в истории античной географии. Это относится и к интересующим нас темам. Данные Демокрита, привлеченные им в связи с определением длины ойкумены, были, видимо, использованы Дикеархом при создании теории «диафрагмы». Орогидрографическая схема Верхней Азии, описанная Демокритом, была заимствована и переработана Эвдоксом. Ту же схему Демокрита как будто воспроизвел и Гекатей Абдерский. Следы этой схемы обнаруживаются у Феофраста, хорошо знавшего труды Демокрита и активно использовавшего их [Баммель, 1935, с. 267, 268; Маковельский, 1946,

с. 196], у Аполлодора Иолога и в так называемой псевдодемокритовской литературе.

Гекатей Абдерский, современник походов Александра и первых эллинистических царей, принадлежал к школе Демокрита и был многим обязан своему учителю [Баммель, 1935, с. 274; Маковельский, 1946, с. 191]. В сочинении «О гипербореях» (Περὶ Ὑπερβορέων) Гекатей описывал путь через Меотиду и устье Танаиса к Океану, где находился остров гипербореев [Jacoby, 1912b, с. 2751, 2756]. В этом сочинении Гекатей и воспроизвел географические представления Демокрита.

Аполлодор Иолог, писавший в начале III в. до н.э., охарактеризован в источниках как последователь Демокрита; под этим именем здесь, вопреки М.Вельльману [Wellmann, 1894, с. 2895], подразумевается подлинный Демокрит, а не псевдоним. Сочинение Аполлодора «О животных» (Περὶ θηρίων) не сохранилось. Но оно было изложено Никандром, по-видимому, в конце III в. до н.э. в поэме «Фериака» (Θηριακά) [Kroll, 1936, с. 256].

Из псевдодемокритовской литературы нас в данной связи интересуют два сочинения: «Хирокмета» (Χειρόκμητα) и «Георгика» (Γεωργικά). В целом виде они до нас не дошли, а сохранившиеся фрагменты не всегда возможно точно распределить между ними. Эти сочинения названы в списке трудов и Демокрита, и демокритовца Бола. Бол из Мендеса писал около 200 г. до н.э. Авторство упомянутых сочинений, особенно первого из них, вызывало споры уже в древности. Вопрос остается не разрешенным и по настоящее время. Специально занимавшийся им М.Вельльман пришел к выводу, что оба сочинения были написаны Болом и опубликованы им под именем Демокрита [Wellmann, 1921, с. 3 и сл., 9; 1928, с. 10]. Однако такой вывод, по крайней мере относительно сочинения «Георгика», далеко не всеми исследователями признан убедительным [Hammer-Jensen, 1924, с. 221; Jürss etc., 1973, 525]. Даже если названные сочинения действительно были творением Бола, то они наверняка созданы под влиянием одноименных сочинений Демокрита и с использованием его материалов [Hammer-Jensen, 1924, с. 221, 222], и созданы не под ложным именем Демокрита, а как сочинения, написанные «по Демокриту» (о том, как могло получиться, что эти сочинения были приписаны Демокриту, см. [Лурье, 1970, с. 406]). Частые случаи совпадения материалов, приписываемых Болу, с данными Феофраста и Аполлодора Иолога объясняются скорее всего происхождением всех этих данных из одного общего источника — подлинных сочинений Демокрита, а не заимствованием Бола у Феофраста и Аполлодора (примеры таких совпадений см. [Wellmann, 1921, с. 11; 1928, с. 14, 16, 19—23]).

Эвдокс из Книда жил около 408—355 гг. до н.э. Дальних путешествий в восточные земли он не совершал.

Сочинение Эвдокса «Период земли» (Γῆς περίοδος) сохранилось только во фрагментах. Принадлежность этого сочинения Эвдоксу Книдскому часто оспаривалась: ее приписывали другому Эвдоксу, Родосскому, писавшему в середине III в. до н.э. [например: Marquart, 1893, с. 532; Markwart, I, 1946, с. 135, примеч. 2]. Но, как это уже давно отмечалось, почвы для такого предположения нет, и принадлежность сочинения Эвдоксу Книдскому сейчас считается бесспорной [Jacoby, 1909, с. 930; Paassen van, 1957, с. 55]. Правда, этих авторов, видимо, путали уже в древности, и некоторые незначительные фрагменты географического содержания могли действительно принадлежать родосцу; но основные фрагменты, и в том числе интересующие нас, должны восходить к книдийцу [Jacoby, 1909, с. 930; II, 1926, с. 159; Hultsch, 1909, с. 947, 948]. Сочинение это содержало, по всей вероятности, и описательный и математический, т.е. теоретический, материал [Mau, 1965, с. 410].

Работа Эвдокса, как видно уже по ее названию, была тесно связана с приложенной к ней картой. Возможно, что именно эту карту имел в виду Феофраст, когда говорил в своем завещании о принадлежащих школе Аристотеля картах с изображением «земных кругов» (αἱ τῆς γῆς περίοδοι), помещенных в портике (Diog. Laert., V, 2, 14). Не исключено, конечно, что среди них могли быть и карты Дикеарха, на счет которого иногда относят это сообщение Диогена.

Эвдокс, первым из географов Эратосфенова списка признавший Землю шаром, конкретную картину мира заимствовал у своих предшественников, придерживавшихся еще представления о плоской ойкумене [Düring, 1966, с. 398]. К числу последних относятся и ионийские ученые, и Демокрит. Не использовал ли Эвдокс при составлении своего сочинения и карты, охватывавших всю ойкумену, известий Демокрита о дальних восточных странах, собственными сведениями о которых Эвдокс не располагал? Может быть, зависимость Эвдокса от Демокрита была примерно такой же, как Гекатея от Скилака, и тогда карту Эвдокса действительно можно было считать в известной мере общим творением Демокрита и Эвдокса, чем и объяснялось бы объединение имен этих двух ученых в перечне Эратосфена. В источниках имеются и прямые указания на заимствование Эвдоксом некоторых географических данных у Демокрита (Vitruv., IX, 6, 3; ср.: Eudox., Ars. Astr., XXII, 21; XXIII, 3).

Географическое наследие Эвдокса значительно. Вклад Эвдокса в разработку интересующих нас тем, касающихся ойкумены в целом, не вполне ясен, но созданная им орогидрографическая схема Верхней Азии была хорошо известна среди последующих поколений. Мы считаем, что именно его схема воспроизведена Аристотелем и что та же схема лежала в основе географических

построений Каллисфена и, кроме того, была описана Посидонием.

Указание Эратосфена на согласие с Демокритом перипатетика Дикеарха свидетельствует о преемственности в развитии географической традиции от Демокрита к школе Аристотеля. Ту же преемственность можно проследить в отношении Аристотеля к Эвдоксу, у которого первый заимствовал ряд важных положений, имеющих отношение к географии [Томсон, 1953, с. 174, 177, 178; Зубов, 1962, с. 135; об Эвдоксе как первом учителе Аристотеля см.: Düring, 1966, с. 398]. Эти факты имеют значение для установления источников географических данных Аристотеля, приводимых в одном из его сочинений. Мы имеем в виду «Метеорологию» (Μετεωρολογικά). Относительно времени и места написания этого сочинения существуют разные мнения (историю вопроса см. [Düring, 1966, с. 351]). Но все же кажется несомненным, что оно не могло быть создано после похода Александра в Азию, так как, по единодушному признанию всех исследователей, в нем нет следов тех новых географических сведений, которые дал этот поход (исключение составляет мнение Ельницкого, 1961, с. 108). Аристотель мог написать его и после 356 г. до н.э., во время пребывания в Троаде и других местах в период между 347 и 342 гг. до н.э., а позднее лишь переработать его [Düring, 1966, с. 351—352], и после 341 г. до н.э., возвратившись в Афины в 335 г. до н.э. [Bunbury, I, 1959, с. 401; ср.: Capelle, 1935, с. 339—340].

Источники этого сочинения разнообразны: личные наблюдения, устные сообщения и, конечно, произведения предшественников. Среди последних основным источником, как это сейчас признано, являлась работа Эвдокса [Düring, 1966, с. 398]. Так считал еще Ф.Якоби, который видел действительный географический источник Аристотеля в работах Эвдокса и его предшественников, являвшихся ревизиями карты и текста «Периегесы» Гекатея [Jacoby, 1922, с. 2073]. Правда, согласиться с тем, что первоисточником в данном случае является Гекатей, мы не можем, так как сведения Аристотеля о восточных странах выглядят совсем иначе, чем известия Гекатея, восходящие к Скилаку. Аристотель использовал здесь и сочинения Демокрита, о чем свидетельствуют ссылки на последнего (Met., I, 6, 8; II, 3, 7). Видимо, сведения о восточных странах, заимствованные Аристотелем у Эвдокса, тот, в свою очередь, почерпнул у Демокрита; этим объяснялось бы их явное персидское [ср.: Junge, 1939, с. 43, примеч. 5] в конечном счете происхождение.

Демокрит и Эвдокс оставили свой след в сочинении Страбона. Впрочем, данные первого из них отражены у Страбона очень слабо. Единственное сообщение Демокрита о восточных землях дошло до Страбона через посредство Мегасфена (XV, 1, 38). Но

Эвдокс играет у Страбона заметную роль. Частично Страбон заимствует его сведения через Посидония и Полибия. Однако нельзя отрицать, как нам кажется, и прямое использование Страбоном его труда [ср.: Honigmann, 1931, с. 139], тем более что Страбон дает и общую характеристику этого труда (IX, 1, 2).

3. ТРАДИЦИЯ ЭФОРА И ПОЛИБИЯ

В списке географов у Страбона Эфор стоит одиноко. Но с ним связан Полибий, упомянутый Страбоном в последующей части списка. Оба являются представителями описательного направления в географии. Оба, как отметил Страбон, «включили в свои общие труды по истории в качестве отдельной части топографию континентов» (VIII, 1, 1).

Эфор из Ким жил около 405—330 гг. до н.э. Никаких указаний на путешествие его в восточные страны в источниках нет.

Несохранившийся труд Эфора «История» (Ἱστορίαι) содержал две книги, четвертую и пятую, специально посвященные географии; из них пятая излагала географию Азии. Эфор писал вплоть до своей смерти и еще упоминал о переходе Александра в Азию [Barber, 1935, с. 8—12].

Географические представления Эфора выглядят архаичными даже для своего времени и во многом близки представлениям ионийцев, у которых Эфор в основном и заимствовал свою географию [Schwartz, 1957, с. 21]. Тем не менее обычные утверждения о чуть ли не прямом повторении Эфором географии Гекатея [например: Barber, 1935, с. 118] слишком мало подкреплены фактами, и подходить к ним следует с большой осторожностью. Вообще же основными источниками Эфора, из которых он черпал сведения о восточных землях, являлись сочинения Геродота, Ктесия и, может быть, Гелланика [Barber, 1935, с. 117—120, 134; Schwartz, 1957, с. 17, 22]; полагают, что сочинение Ктесия было использовано Эфором через посредство своего соотечественника Гераклида [Jacoby, 1922, с. 2068].

Эфор как географ оказал определенное влияние на последующие поколения. Схема «земного круга» Эфора в какой-то степени послужила образцом для более поздних вариантов аналогичной схемы, разработанных, с одной стороны, Тимосфеном, с другой — Посидонием и Агриппой. Отголоски схемы Эфора заметны и в теории природных поясов Посидония.

Тимосфен был одним из авторов, вслед за Эфором составивших схему «земного круга». Он жил на Родосе и писал в первой половине и середине III в. до н.э. Упомянутая схема была приведена Тимосфеном, видимо, в его большом географическом сочинении «О гаванях» (Περὶ λιμένων) [Wagner, 1888, с. 13]. Наря-

ду с данными Эфора Тимосфен использовал сведения Гекатея и Геродота, Эвдокса, Аристотеля и Дикеарха, а также и личные наблюдения [Wagner, 1888, с. 34—44; Gisinger, 1937a, с. 1319].

Полибий из Мегалополя жил около 205—123 гг. до н.э. Хотя он и совершал путешествия [Немировский, 1974, с. 93, 103], но направлены они были на запад, а не на восток. Его частично сохранившийся труд «История» (Ἱστορίαι) описывал события вплоть до 146 г. до н.э., хотя в нем имеются сообщения, относящиеся и к более позднему времени. Книга XXXIV этого труда, специально посвященная географии, не сохранилась; полагают, что она была написана после путешествий Полибия, состоявшихся между 151 и 146 гг. до н.э. Впрочем, описания Азии она, видимо, и не содержала [Walbank, 1972, с. 122]. Сообщения, относящиеся к нашей теме, разбросаны в других местах сочинения Полибия, особенно в книге X, а также в мелких фрагментах.

На общие географические представления Полибия во многом повлиял Эфор. Сам Полибий считал Эфора одним из лучших своих предшественников (Strabo, X, 3, 5; см. [Berger, 1903, с. 237]). Но в то же время география Полибия, писавшего много позже Эфора, конечно, отличалась от географии последнего [Paassen van, 1957, с. 292; ср.: Barber, 1935, с. 157]. Большим авторитетом в географии Азии для Полибия был Эратосфен: иногда, видимо, он просто отсылал к нему читателя, чтобы не повторять его [ср.: Walbank, 1972, с. 122]; знал он и Эвдокса. Но источники Полибия в описании близких к нему по времени событий неизвестны [Ziegler, 1952, с. 1563].

Полибий как географ был достаточно видной фигурой. Вслед за Эфором он описывал схему «земного круга». Рассказывал он и о далеких восточных землях. До нас дошло принадлежащее ему описание орогидрографической схемы Верхней Азии, оригинальное и по происхождению почти современное автору. Данные Полибия учитывал Страбон, хотя и полемизировал с ним.

Страбон использовал сведения и Эфора и Полибия. Сочинение Эфора, близкое по содержанию интересам Страбона, было важным источником для последнего. Страбон заимствовал у Эфора немало, в частности этнографические сведения о народах Азии [Dubois, 1891, с. 223, 224], прямо переписывая у Эфора или получая от посредников, особенно от Посидония. Иногда к данным Эфора, цитированным через посредника, он добавлял собственные выдержки из того же сочинения Эфора [Honigmann, 1931, с. 141]. Сочинение Полибия, убежденного сторонника описательного направления, полностью отвечало сформулированному Страбоном пониманию задач географии [Dubois, 1891, с. 301]. Страбон принимал во внимание теоретические соображения Полибия и широко использовал его конкретные сведения, но последние — только из числа тех, которые касаются западных об-

ластей. Бесспорных заимствований у Полибия в описании восточных стран текст Страбона не обнаруживает — возможно, потому, что географическая книга «Истории» Полибия не содержала описания Азии.

4. ТРАДИЦИЯ ДИКЕАРХА И ЭРАТОСФЕНА

Дикеарх в той части списка географов, которая принадлежит Эратосфену, стоит, видимо, последним. И это не случайно, так как есть основания полагать, что сам Эратосфен считал его своим ближайшим предшественником.

Дикеарх из Мессены жил во второй половине IV в. до н.э.: его «акме» приходится примерно на 310 г. до н.э.

Основное географическое сочинение его, которое до нас не дошло, называлось, видимо, «Период Земли» (Γῆς περιόδος). Написано оно было после 309 г. до н.э. [Wehrli, 1944, с. 44, 77]. Исследователи обычно считают, что Дикеарх составил и карту ойкумены [например: Martini, 1905, с. 560; Wehrli, 1944, с. 75; ср.: Дитмар, 1973, с. 62—66; 1980, с. 63—65]. Действительно, Цицерон в одном из писем около 60 г. до н.э. упоминает о «таблицах» (tabulae) Дикеарха (Epist. ad Att., VI, 2, 3 = фр. 20, фр. 115); обычно так называют карту, но в данном контексте смысл этого слова не вполне ясен [см. о нем: Wehrli, 1944, с. 47, 48; Paassen van, 1957, с. 367], и потому считать существование карт Дикеарха бесспорным нельзя [Paassen van, 1957, с. 54].

Авторитетами в общих вопросах географии являлись для Дикеарха Демокрит и, может быть, Эвдокс. Однако в тех скудных сведениях о дальних восточных землях, которые дошли до нас от Дикеарха, уже заметно знакомство его с новыми данными, полученными во время похода Александра.

Место, которое занимает Дикеарх в Эратосфеновом списке географов, вполне соответствует действительному его месту в развитии географических знаний [Wehrli, 1944, с. 77]. К Дикеарху во многом примыкает Эратосфен. Так, «диафрагма», получившая свой законченный вид у Дикеарха, легла в основу карты Эратосфена.

Эратосфен, выдающийся античный ученый, жил около 276—196 гг. до н.э. (существуют и другие датировки: 284—204, 296/5—214/3 гг.). Происходил он из Кирены, но долгое время пребывал в Александрии, где с 235 г. до н.э. встал во главе знаменитой Александрийской библиотеки, обладавшей огромными книжными богатствами [см. о ней: Борухович, 1976, с. 143—170]. Далеких путешествий в восточные страны он не совершал.

Сочинение Эратосфена «География» (Γεωγραφικά) или «Землеописание» (Γεωγραφούμενα) сохранилось лишь во фрагментах, хотя

и довольно многочисленных. Эратосфен написал его в Александрии, возможно после поездки на Родос, состоявшейся несколько позднее 223 г. до н.э., и учитывал в нем результаты своих наблюдений во время путешествий, совершенных около 221 и 217 гг. до н.э. [Дитмар, 1965, с. 34—37, 50—53]. Интересующие нас сведения разбросаны во всех трех книгах этого сочинения, но особенно много их в третьей книге, в отдельных частях которой специально трактовалось об областях, расположенных к северу от Тавра (в том смысле, как понимал его Эратосфен) и к востоку от Каспийского моря, т.е. о Бактриане и ее соседях.

Указанное сочинение содержало описание новой карты ойкумены [см. о ней: Дитмар, 1965, с. 37—46; 1973, с. 73—82; 1980, с. 69—72]. Тем не менее нельзя с определенностью ответить на вопрос, действительно ли Эратосфен составил графическую карту. Одни исследователи допускают существование такой карты [Дитмар, 1965, с. 46], другие — сомневаются в нем [Шибанов, 1968, с. 145] (правда, высказанные автором соображения вытекают фактически из сомнений в существовании вообще графической карты в античном мире, с которыми трудно согласиться).

Во многих общих вопросах географии Эратосфен, видимо, примыкал к Дикеарху [Martini, 1905, с. 560]. Но литературные источники Эратосфена чрезвычайно обильны. Это и неудивительно: стоя во главе Александрийской библиотеки, он мог использовать любое нужное ему сочинение. О составе его источников из эпохи до Александра дает представление уже сам цитированный нами список географов. Особенно следует отметить влияние на него Гекатея [Jacoby, 1912, с. 2701], заметное и в изображении им восточных областей. Но основные сведения о восточных областях Эратосфен почерпнул из сочинений историков Александра и вообще из тех источников, которые были связаны с походом Александра. Особенно высоко оценивает Эратосфен сочинение бематистов «Стоянки», считая его наиболее достоверным и предпочитая его даже данным Патрокла и Мегасфена (Strabo, II, 1, 7; XV, 1, 11 = фр. III B, 6; см. [Schwartz, 1899, стб. 267]). Много сведений о далеком востоке Эратосфен заимствовал и у авторов, писавших после Александра. Более всего среди них он ценит Патрокла, на данные которого преимущественно и опирается; Гиппарх даже упрекает его в том, что он показания только одного Патрокла и принимает во внимание (Strabo, II, 1, 4 = фр. 12), хотя Страбон отводит этот упрек (II, 1, 5).

Эратосфен явился настоящим основателем математического направления в античной географии, хотя на этом пути у него уже были предшественники: Дикеарх, Эвдокс и, может быть, Демокрит. Естественно, что наибольшее влияние Эратосфен

оказал на главных представителей этого направления. Из более поздних географов относительно полное выражение взгляды Эратосфена нашли у Страбона. Последний и воспроизводит с наибольшей (по сравнению с другими географами) чистотой данные Эратосфена о дальних восточных землях. Несомненно также, что эти данные нашли отражение и у Птолемея в его «Географическом руководстве». Эратосфен как географ пользовался авторитетом и у последующих поколений историков. Так, на данные Эратосфена опирается Арриан.

Значение наследия Эратосфена для формирования античной карты ойкумены трудно переоценить. К Эратосфену восходят в конечном счете такие ее компоненты: трактовка главных параллелей; способ деления ойкумены на части, в которых распознаются «сфрагиды»; почти все поздние орогидрографические схемы востока ойкумены, в основе которых тоже лежит схема, выработанная Эратосфеном. А.Херрман так дает историю карты Эратосфена (имеются в виду ее данные о северо-востоке ойкумены): 1) она легла в основу карты Посидония, которая, в свою очередь, была заимствована (не прямо) Дионисием; 2) в греческой обработке она усвоена Мелой; 3) в латинской обработке, осуществленной Агриппой, она отражена у Плиния; 4) наконец, на ее же основе в начале правления Августа был создан источник карты Пейтингера [Herrmann, 1938, с. 41—51]. С нашей точки зрения, эту схему можно принять лишь с большими оговорками, а в некоторых пунктах она и вообще неприемлема. Карта Эратосфена действительно так или иначе повлияла на карты Посидония и Агриппы. Но заимствования Посидония и Агриппы у Эратосфена учитывали весьма существенные замечания Гиппарха, высказанные им по поводу карты Эратосфена, а также дополняли данные Эратосфена большим числом сведений из иных источников. В еще более преображенном виде данные Эратосфена отражены у авторов, зависящих от Посидония и Агриппы. К авторам, продолжающим традицию Посидония, мы относим не только Дионисия, но и Кастория, карта которого послужила образцом для карты Пейтингера. К авторам, описывающим карту Агриппы, следует наряду с Плинием отнести и Мелу.

И Дикеарх и Эратосфен известны Страбону. Дикеарх не играл для Страбона выдающейся роли, и нет свидетельств о прямом использовании последним его данных [Honigmann, 1931, с. 139]. Совсем иной была роль Эратосфена. Эратосфен — «патрон» Страбона в области географии [Dubois, 1891, с. 282] и в известной мере образец для него. Влияние Эратосфена заметно уже в построении труда Страбона, хотя, конечно, различие в целях, поставленных перед собой этими двумя учеными, не могло здесь не сказаться: Эратосфен трактует о частях ойкумены в

одной, третьей (и последней) книге своего географического сочинения, Страбон описывает их во всех книгах — с третьей по семнадцатую. Представления Страбона об ойкумене, ее форме, очертаниях и размерах воспроизводят мнение Эратосфена [Honigmann, 1931, с. 132].

Сочинение Эратосфена Страбон, безусловно, читал сам. Но это не исключает того, что в некоторых случаях, особенно в первых двух книгах, текст Эратосфена мог быть передан и через посредников, в качестве которых выступали прежде всего Гиппарх и Посидоний. Первый полемизировал с Эратосфеном, и Страбон, пересказывая эту полемику, передавал заодно и включенный в нее текст Эратосфена. Второй, принимая данные Эратосфена, во многом дополнял их. В свою очередь, сам Эратосфен был для Страбона посредником в передаче сведений многих более ранних авторов, таких, как Патрокл, Ктесий, Онесикрит, Неарх, Аристобул, Мегасфен и Деймах [Honigmann, 1931, с. 137, 138], а также Поликлит. Однако роль Эратосфена как посредника нередко преувеличивается, причина этого, видимо, кроется в тех временах, когда значение Посидония для Страбона еще не было в достаточной мере выявлено [ср.: Bunbury, II, 1959, с. 311]. Конечно, нельзя отрицать, что отдельные данные всех перечисленных авторов дошли до Страбона через Эратосфена, но возводить только к Эратосфену [ср.: Honigmann, 1931, с. 138] частое, по разным поводам, цитирование Аристобула, Онесикрита, Неарха и Мегасфена и длинные выдержки из них чисто описательного характера нам представляется невозможным. Этому противоречит сравнительно небольшой объем и теоретическая, не описательная, направленность математико-географического труда Эратосфена.

Вторую часть северной половины Азии, т.е. северо-восток ойкумены, Страбон описывает (XI, 6—11) по Эратосфену, но с дополнениями и исправлениями, сделанными по Посидонию. Во многих случаях очень трудно определить, внес ли Страбон сам изменения в сообщения Эратосфена или заимствовал у Посидония уже готовую обработку. Северо-восток ойкумены Страбон представляет в тех же рамках и придает ему те же очертания, что и Эратосфен, хотя уже для Посидония горизонт в этом направлении был значительно шире. Данные Эратосфена лежат у Страбона в основе описания и отдельных стран указанной части ойкумены. Особенно ясно это видно там, где Страбон определяет границы стран; полагают даже, что Страбон опирался в этих определениях именно на карту, а не на текст [Behr, 1888, с. 26].

Эратосфен хорошо известен и Птолемею. Птолемей в его «Географическом руководстве» заимствовал у Эратосфена немало конкретных данных [Lasserre, 1967, с. 134]. Материалы Птолемея, отражающие эпоху Александра Македонского [Polaschek,

1965, с. 754; Lasserre, 1972, с. 1232], видимо, в большинстве случаев восходят к Эратосфену. В содержании седьмой и восьмой карты Азии Птолемея (VI, 9—16), т.е. карты Бактрианы, Согдианы и окружающих стран, вклад Эратосфена весьма значителен [Bernard, Francfort, 1978, с. 45]. У него заимствована основная схема этой карты с линиями границ отдельных стран [ср.: Junge, 1939, с. 55, примеч. 3] — видимо, потому, что и сам Эратосфен уделял ей преимущественное внимание, а конкретного материала приводил мало. Предположение о заимствовании данных Эратосфена через посредство Гиппарха [Junge, 1939, с. 55, примеч. 3] мы считаем неудачным, так как именно в изображении северо-восточной части ойкумены Эратосфен существенно расходился с Гиппархом.

5. ТРАДИЦИЯ ГИППАРХА И ПОСИДОНИЯ

Посидоний упомянут уже в той части списка географов, которая не принадлежит Эратосфену, будучи добавлением Страбона. Гиппарха в списке нет, но Страбон считает его одним из самых значительных своих предшественников (I, 2, 1) и говорит о нем сразу же после изложения списка географов и рассуждения о значении географии (I, 1, 2). Гиппарх и Посидоний представляют собой математическое направление в географии, и оба являются продолжателями Эратосфена, хотя и каждый по-своему. Оба, по словам Страбона, дали некоторые сведения, относящиеся к топографии материков, «в своих сочинениях по физике и математике» (VIII, 1, 1), что нужно понимать как указание на то, что их труды по математической географии содержали какие-то конкретные сведения об отдельных местностях.

Гиппарх, время жизни которого приходится на середину II в. до н.э., происходил из Никеи (в Вифинии), но жил и вел научную работу на Родосе и в Александрии; астрономические наблюдения его относятся к 161—126 гг. до н.э. Отдаленных путешествий на восток не совершал.

Отдельного труда по географии, который являлся бы положительным изложением предмета, Гиппарх не написал; географическое сочинение его, сохранившееся лишь во фрагментах, называлось «Против географии Эратосфена» (Πρὸς τὴν Ἐρατοσθένους γεωγραφίαν). В первых двух книгах этого сочинения подвергались критическому рассмотрению все положения Эратосфена, последовательно, одно за другим, в том числе и представления его о землях к северу от Тавра и к востоку от Каспийского моря. В третьей книге давалась положительная часть: набросок карты ойкумены. По словам самого Гиппарха, содержание этой книги в основном математическое, но «до некоторой степени» и гео-

графическое (Strabo, II, 1, 41 = фр. 34). Скорее всего именно здесь Гиппарх впервые в античной науке сделал попытку описать карту ойкумены в виде списка географических объектов с указанием их широты и долготы, т.е., по словам Плиния, «определил расположение мест и дал обзор народов» (situs locorum et visus populorum) (II, 53, см. [Honigmann, 1929, с. 73, примеч. 3; Rackham, I, 1958, с. 202]). Возможно, что эта книга содержала интересные данные и о востоке Азии. Несмотря на то что указанное сочинение Гиппарха, в сущности, целиком посвящено обсуждению карты ойкумены, настоящей, графической, карты Гиппарх не создал и, видимо, не пытался создать [Rehm, 1913, с. 1678; ср.: Шибанов, 1968, с. 146].

Гиппарх как географ в основном зависит, хотя и в негативном смысле, от Эратосфена, о чем свидетельствует само содержание его сочинения. «Древние карты», которые Гиппарх постоянно противопоставляет данным Эратосфена, являются скорее всего школьными картами общей ионийской традиции. Но ссылки на эти карты, как справедливо отметил Д.Р. Дикс, не следует объяснять консервативностью Гиппарха и склонностью его к неприятию новых фактов [Dicks, 1960, с. 34, ср. с. 124, 125]. Напротив, есть основания считать, что Гиппарх, оспаривая утверждения Эратосфена, опирался и на новейшие сведения.

Гиппарха можно считать основателем особого направления в математической географии античности, которое главное внимание уделяло определению широты и долготы географических объектов. По общим взглядам на географию, а также, видимо, по способу изложения географического материала и в значительной мере по конкретному его содержанию Гиппарх явился прямым предшественником Птолемея, если иметь в виду «Географическое руководство» последнего.

Значение Гиппарха для формирования античной карты ойкумены определяется его ролью оппонента Эратосфена. Поправки и дополнения Гиппарха к данным Эратосфена, касающимся системы параллелей, способа деления ойкумены на «сфрагиды», орогидрографической схемы востока ойкумены, учитывались и Посидонием и Агриппой.

Посидоний, время жизни которого относится примерно к 135—51 гг. до н.э. (или шире: между 140 и 40 гг. до н.э.), происходил из Апамеи (в Сирии), но жил на Родосе, где основал свою философскую школу, принадлежавшую «Средней Стое». Много путешествовал, но преимущественно на запад, на далекий восток путешествий не совершал.

Посидоний написал множество сочинений, но они не дошли до нас. Сохранившиеся фрагменты далеко не всегда возможно приписать какому-либо определенному сочинению. Сведения, имеющие отношение к нашей теме, содержались, видимо, в ос-

новном его географическом сочинении «Об Океане и о том, что с ним связано» (Περὶ τοῦ Ὠκεανοῦ καὶ τῶν κατ'αὐτόν), написанном между 87 и 65 гг. до н.э. [о содержании его см.: Jacoby, II C, 1926, с. 171—178; Reinhardt, 1953, с. 662, 663; Laffranque, 1964, с. 155, 156; Dörrie, 1971, с. 1080]. Такие же сведения должны были содержаться и в сочинении «Метеорология» (Περὶ μετεώρων) [о содержании его см.: Rehm, 1916, с. 92, 93]. Аналогичные данные, видимо, имелись и в основном историческом сочинении Посидония, в «Истории после Полибия» (Ἱστορίαι μετὰ Πολύβιον), написанной до 60 г. до н.э. как продолжение исторического труда Полибия и доведенной до времени немного позднее 85 г. до н.э.; правда, больших разделов, специально посвященных географии, в нем не было [Paassen van, 1957, с. 350; ср.: Laffranque, 1964, с. 150]. Сведения о восточных землях должны были содержаться и в сочинении, описывавшем восточный поход Помпея и созданном после 65 г. до н.э. [см. о нем: Шелов, 1977, с. 197, 198; впрочем, существование такого сочинения Посидония иногда оспаривается: Aly, 1957, с. 94—97]. Посидония справедливо считают знатоком этнографии и отмечают меткость его этнических характеристик [Capelle, 1920, с. 322]. Этнографические пассажи Посидония связаны главным образом с его учением о зонах. Учение о зонах вместе с этнографией обычно относят к сочинению «Об Океане» [см., например: Honigmann, 1931, с. 111; см. также последнее издание фрагментов сочинений Посидония: Edelstein and Kidd, I, 1972, с. 65—77]. Но учение о зонах смыкается и со схемой «земного круга», описанной Посидонием в «Метеорологии». Поэтому возможно, что этнографических тем Посидоний касался и в этом последнем сочинении. От попытки составить постоянную карту ойкумены Посидоний, видимо, отказался [Capelle, 1920, с. 307].

Посидоний выступает как прямой наследник Эратосфена, Полибия и особенно Гиппарха; знает он также Аристотеля, Эфора [Laffranque, 1964, с. 131, 132, 175; о значении Эратосфена для Посидония см. также: Jacoby, II C, 1926, с. 178]. Посидоний активно использовал данные историков Александра, в том числе сведения Каллисфена (ср.: Strabo, XVII, 1, 5). Судя по содержанию его сообщений, Посидоний обладал очень доброкачественными источниками, которые касались парфянских дел [Junge, 1939, с. 72], и среди них, вопреки сомнению некоторых исследователей, должно было находиться сочинение Аполлодора. О недавних событиях, происходивших в парфянских землях, он, возможно, располагал и устными сведениями [Laffranque, 1964, с. 226], причем среди его информаторов мог быть и сам Помпей, который дважды, в 67 и 62 гг. до н.э., встречался и беседовал с Посидонием. Новейшую информацию о тех же землях он мог почерпнуть и из литературных источников, хотя вопрос о заим-

ствовании им из сочинения Феофана, спутника Помпея, решается по-разному [Laffranque, 1964, с. 136].

Проблема наследия Посидония породила огромную литературу, сравнимую по обилию с гомеровской литературой (историю вопроса см. [Laffranque, 1964, с. 13 и сл., 154 и сл.]). Основной круг заимствований у Посидония, оказавшийся очень широким, был определен в науке к концу прошлого века. Но уже в начале нашего века наступила реакция: принадлежность Посидонию многого из того, что ему приписывали, была оспорена или подвергнута сомнению. На наш взгляд, выводы исследователей первого поколения в целом более убедительны — во всяком случае постольку, поскольку они касаются интересующих нас сведений. Влияние Посидония действительно было весьма значительным, чему в немалой степени способствовала общая популярность учения стоиков в I в. до н.э. и первых веках нашей эры.

Это относится и к области географии. Географические материалы Посидония использовали Страбон, Птолемей, Дионисий и многие другие авторы, а также составитель карты, приложенной к «Периегесе» Дионисия, и через его посредство — Касторий и Равеннат. Схема «земного круга», выработанная Посидонием, оказала влияние на аналогичную схему Агриппы. Созданная Посидонием схема природных поясов вместе с сопровождавшим ее материалом была использована Страбоном и Птолемеем в «Апотелесматике». Орогидрографическая схема востока ойкумены, принятая Посидонием, отражена у Дионисия, Кастория и Равенната, а также у Птолемея в «Географическом руководстве».

Любопытно, что последняя схема у всех названных авторов приведена вместе со следами другой, более ранней схемы. Мы думаем, что обе схемы были соединены уже Посидонием. Очевидно, Посидоний, опираясь на схему, восходящую к Эратосфену и Гиппарху и дополненную им самим данными Аполлодора, описал в каком-то побочном замечании (с целью сопоставить эту схему с иными представлениями) другую орогидрографическую схему, восходящую к Демокриту и Эвдоксу и заимствованную Посидонием у Эвдокса или Каллисфена. В первой схеме говорилось о Тавре и Эмоде, об Оксе и Яксарте, во второй — о Кавказе и Парнесе, Араксе и Танаисе. В пересказе Дионисия обе схемы оказались механически соединенными (733—751). Места перехода от описания одной схемы к описанию другой еще можно уловить в тексте Дионисия. Одно из них — переход от описания прикаспийских племен, заканчивающегося упоминанием «гирканиев и тапиров», к описанию деркебиев и бактров, начинающемуся со слов «за ними катит воды Мард» (733 и сл.). Судя по Страбону, перечень «гиркании, тапиры, дербики» (XI, 9, 1; 11, 8)

принадлежит Посидонию и через него Аполлодору [Marquart, 1893, с. 614, примеч. 383; I, 1946, с. 132; ср.: Kiessling, 1914, с. 484]. Аполлодор действительно говорил о дербикках (Steph. Byz., s.v. Δερβίκκαι = фр. 311[1]). Видимо, Посидоний, изложив по Аполлодору указанный перечень, уравнял дербикков с деркебиями и воспользовался этим, чтобы привести цитату из сочинения Эвдокса, начинавшуюся с упоминания деркебиев. О принадлежности схеме Эвдокса данных Дионисия о бактрах, деркебиях и массагетах, обитающих за Араксом (733—745), мы еще будем говорить. Такое же механическое соединение двух орогидрографических схем зафиксировано на карте Пейтингера, где Аракс выглядит инородным включением (XI, 5—XII, 5), как и сообщение Дионисия о бактрах, деркебиях и массагетах в окружающем его контексте. Общий с упомянутой картой прототип, но только более полный, имеет в виду Равеннат, когда называет Аракс вместе с другими реками той же схемы (II, 12,10,11). Следы соединения тех же двух орогидрографических схем обнаруживаются и у Птолемея, тоже использовавшего материал Посидония. Слова Птолемея «дербикки, они же деркебии»[2] (VI, 10, 2) подтверждают предположение, что упоминание деркебиев у Дионисия является местом произведенного Посидонием стыка сведений Аполлодора и Эвдокса. То же и у Птолемея, заимствующего здесь у Посидония: дербикки принадлежат первому автору (о принадлежности этого племенного названия вместе с контекстом Аполлодору и Посидонию см. [Marquart, 1893, с. 615; ср.: Tarn, 1951, с. 88—90], где под придуманным В.В.Тарном «источником Трога» надо понимать того же Аполлодора), деркебии — второму.

Данные и Гиппарха и Посидония заимствовал Страбон. Гиппарх — крайний представитель математического направления в античной географии, чуждого Страбону. Поэтому Страбон цитирует Гиппарха только при обсуждении теоретических вопросов, причем в полемическом контексте. Конкретный положительный материал Гиппарха Страбон не использует совсем; очевидно, тут сказались слишком уж разные представления Страбона и Гиппарха о географии [Dubois, 1891, с. 312, 327]; возможно, Страбона отпугивал сам метод изложения этого материала у Гиппарха, близкий, по всей видимости, методу Птолемея в его «Географическом руководстве» и совершенно чуждый описательной географии.

---

[1] О чтении здесь Ἀπολλόδωρος вместо Ἀπολλώνιος см. [Marquart, 1893, с. 616, примеч. 386; ср.: Schwartz, 1957, с. 262].

[2] Слова οἱ καὶ Δερκέβιοι имеются не во всех рукописях сочинения Птолемея. В издании Nobbe они включены в текст, в издании Ronca — опущены. Нам кажется, что вероятность наличия этих слов в источнике Птолемея дает право на включение их в текст.

Посидоний был старшим современником Страбона. Один из учителей Страбона во времена его юности, Аристодем, — родственник Посидония; возможно, Страбон встречался и с самим Посидонием. Труд Посидония, которым в основном пользовался Страбон, — это, очевидно, географическое сочинение «Об Океане». Действительно, многие сведения Страбона, восходящие к Посидонию, несут следы географических теорий последнего. Но считать, что Страбон заимствовал, по крайней мере прямо, только из одного этого сочинения Посидония [Honigmann, 1931, с. 112; Reinhardt, 1953, с. 663], нам кажется, нет оснований. Имеются некоторые намеки на знакомство Страбона и с другими сочинениями Посидония, в частности с «Историей» [Laffranque, 1964, с. 111, 154; ср.: Honigmann, 1931, с. 112].

Страбон с уважением отзывается о Посидонии, но в определении целей и методов географии расходится с ним [Стратановский, 1964, с. 781]. Материалы Посидония Страбон использовал очень широко, учитывая и теоретические его положения, и конкретные сведения. Страбон многое почерпнул у Посидония в первых двух книгах; полагают даже, что в самом плане изложения Страбон здесь подражал своему авторитету. Заимствования у Посидония имеются и в описаниях чуть ли не всех отдельных стран. Степень влияния Посидония в этой области, видимо недооценивавшаяся ранее [ср.: Dubois, 1891, с. 327], весьма велика [Dörrie, 1971, с. 1080; Lasserre, 1974, с. 384] и вполне объясняется тем, что Посидоний для обоснования своих теорий, особенно учения о климатах, обильно привлекал описательный материал, касающийся природы стран и обычаев населения.

Сочинение Посидония «Об Океане» Страбон использовал прямо [Jacoby, II, C, 1926, с. 171, 199]. Случаи, когда Страбон мог прочитать выдержки из него в сочинениях других авторов, не меняют дела [Honigmann, 1931, с. 112]. Другое сочинение Посидония, «Историю», Страбон заимствовал или прямо, или, как иногда полагают, через Тимагена [Jacoby, II, C, 1926, с. 158, ср.: Honigmann, 1931, с. 112]. Сам Посидоний являлся в ряде случаев для Страбона посредником в передаче текста Эратосфена, кроме того, признаки обработки и истолкования, характерного для Посидония, а следовательно, и его посредничества, обнаруживают заимствования Страбона у Аристобула, Онесикрита, Мегасфена и других авторов [Honigmann, 1931, с. 138]. То же самое относится и к заимствованиям Страбона у Аполлодора. Обычно эти заимствования считают непосредственными [Münzel, 1894, с. 2853; Honigmann, 1931, с. 109; Стратановский, 1964, с. 785]. Но еще А.Бер доказал, что Страбон знал их только через Посидония [Behr, 1888, с. 7—35; ср.: Laffranque, 1964, с. 136], и игнорировать его аргументацию невозможно; бросается в глаза, например, такой признак, как частые чередующиеся ссылки

Страбона на Посидония и Аполлодора. Правда, возводить все заимствования Страбона у Аполлодора к «Истории» Посидония, как нам кажется, нет необходимости.

Данные Гиппарха и Посидония заимствовал также Птолемей в «Географическом руководстве». В основе этого труда Птолемея лежит один какой-то источник, послуживший той общей картиной, контуры которой заполняла пестрая мозаика сведений самого разнообразного происхождения. Э.Хонигман считает таким источником географическую систему Посидония [Honigmann, 1930, с. 1793, 1794]. Мы полагаем, что на роль этого источника больше подходят данные Гиппарха. Птолемей хорошо знал работы Гиппарха и, еще перед тем как приступить к написанию «Географического руководства», обобщил их в своем сочинении «Система астрономии» [Томсон, 1953, с. 463]. Марин, у которого Птолемей почерпнул основную массу материала (обзор проблемы соотношения работ Марина и Птолемея см. [Polaschek, 1965, с. 806—813; Photinos, 1970, с. 791—838]), также ссылался на Гиппарха [Honigmann, 1930, с. 1791]. Общие очертания «континентальной» ойкумены, заключающей в себе все моря, унаследованы Птолемеем и Марином от Гиппарха (и определенно не от Посидония). Градусная сеть карты также является наследием Гиппарха, впервые введшего ее в науку [Дитмар, 1968, с. 17]. Сам Птолемей говорит, что только Гиппарх дал точные определения широты немногих городов и что эти определения являются основой, к которой нужно приспосабливать прочие данные (I, 4; см. [Dicks, 1960, с. 37; Polaschek, 1965, с. 694, 755]). К Гиппарху, видимо, следует возводить слой данных сочинения Птолемея, который обнаруживает общность со свидетельствами Агриппы и восходящих к нему источников: общих сведений Плиния и Мелы.

Этот слой есть и в описании седьмой карты Азии. О Гиппархе, опиравшемся на современную ему информацию, как источнике этнологического и топографического материала Марина по Бактриане и Согдиане говорил еще И.Маркварт [Marquart, II, 1905, с. 240, 241; ср.: Markwart, 1938, с. 86; мнение И.Марквардта поддержано другими учеными: Junge, 1939, с. 55, примеч. 3, с. 57, примеч. 3]. Правда, бактрийские тохары и Бактра-столица (Ptol., VI, 11, 6, 9), упомянутые в этой связи И.Марквартом, относятся как раз к позднейшему слою номенклатуры Птолемея, а высказанные им соображения по поводу тохаров вытекают из одной, очень натянутой, как нам кажется, гипотезы (изложение ее см. [Marquart, 1901, с. 206, 207; Markwart, I, 1946, с. 144, 145]), тем не менее в целом предположение о большой роли Гиппарха как источника сведений Птолемея и Марина о северо-восточной части ойкумены выглядит вполне убедительно и подтверждается некоторыми независимыми данными. Гиппарх, видимо, заим-

ствовал какой-то итинерарий и с его помощью построил свою схему указанной части ойкумены, а Птолемей и Марин, в свою очередь, заимствовали и эту схему (не приняв ее, однако, в качестве основной), и конкретный материал, использовав его для заполнения карт отдельных стран, главным образом Бактрианы, Согдианы и Скифии по эту сторону Имая.

Труды Посидония, разумеется, также были использованы Птолемеем и Марином. Так, они приравняли один градус большой окружности Земли к 500 стадиям (Ptol., I, 11, 2), т.е. приняли Посидониево определение длины земной окружности в 180 000 стадиев. А длина ойкумены по Родосской параллели у Птолемея, как и у Посидония, равна половине земной окружности. К Посидонию нужно возводить тот слой данных, который обнаруживает общность с материалами «Апотелесматики» и Дионисия.

Соответствующий слой имеется и в описании седьмой карты Азии. Данные Посидония использованы здесь для некоторой корректировки основной орогидрографической схемы, составленной по Эратосфену: Согдиана помещена не только к востоку от Бактрианы, куда отнес ее Эратосфен, но и к северу, что соответствовало схеме Посидония. Данные Посидония использованы и для заполнения частей карт отдельных стран, а карта Маргианы целиком трактована по этим данным.

Особую связь с Посидонием обнаруживает сочинение Птолемея «Апотелесматика» (Ἀποτελεσματικά), именуемое также «Тетрабиблом», — астрологическая работа, содержащая астрологическую географию. Написана она незадолго до «Географического руководства». Географические данные «Апотелесматики» содержатся в книге II этого сочинения, в главах 2—4. Особенно насыщена географическими сведениями глава 3. Здесь описываются четыре четверти ойкумены. Порядок описания таков: сначала говорится о внешней части четверти, затем о внутренней, а в пределах каждой части — о входящих в нее группах стран, преимущественно трех. Описание каждой части и группы начинается с перечня составляющих ее стран, затем указываются связанные с ней созвездия зодиака и планеты и, наконец, дается этнографическая характеристика, обусловленная, по мнению автора, влиянием указанных небесных тел. Таблицу таких «триад» стран и связанных с ними созвездий зодиака и планет содержит глава 4.

В этом сочинении Птолемей не дает конкретных указаний на свои источники. Он ограничивается лишь общими ссылками на «древних» (παλαιοί). Возможно, Птолемей подразумевал, что он является первым в работе такого рода [Boer, 1959, с. 1837]. Вопрос об источниках этого сочинения сложен. Наиболее вероятно, что источником конкретной географии его является Посидо-

ний, и скорее всего именно сочинение «Об Океане». Посидоний, видимо, признавал влияние планет на жизнь обитаемого пояса [Trüdinger, 1918, с. 85, 121; но ср.: Jacoby, II C, 1926, с. 220; Honigmann, 1929, с. 30; Reinhardt, 1953, с. 379]. Даже четырехчастное деление ойкумены по широте и долготе не столь уж чуждо Посидонию, как иногда полагают [Trüdinger, 1918, с. 88; Uhden, 1933, с.305]: ведь он считал, что жизнь обитаемого пояса определяется не только широтой, но и долготой [Boll, 1894, с. 194; Reinhardt, 1921, с. 72, 86; Томсон, 1953, с. 305]. Конечно, материал Посидония здесь полностью подчинен астрологической схеме, имеющей совсем иное происхождение, так что можно говорить лишь о перетасованных фрагментах учения Посидония, представленных в рассматриваемом сочинении.

С Посидонием связано и сочинение Дионисия «Периегеса ойкумены» (Οἰκουμένης περιήγησις), представляющее жанр дидактического эпоса на географическую тему, своего рода учебное пособие по географии в стихах. Написано оно было в Александрии, во времена правления Адриана (117—138 гг. н.э.). Поэма Дионисия делится на легко вычленяемые части: общая характеристика ойкумены, описание Океана, внутреннего моря, Ливии, Европы, островов, Азии. Сведения, имеющие отношение к нашей работе, содержатся в разных местах поэмы, но в основном они сосредоточены в описании земель, которые, как считал Дионисий, окружают Каспийское море (706—761).

Источники Дионисия разнообразны. Он испытал влияние со стороны многих поэтов, как древних, в том числе Гомера, так и поздних, подражая им и заимствуя у них [Knaack, 1905, с. 919]. Особое значение имел для него Александр Лихн из Эфеса (I в. до н.э.), его непосредственный предшественник [Knaack, 1905, с. 919, 920], составивший, как и Дионисий, дидактические поэмы, в которых дал «географическое описание материков» (Strabo, XIV, 1, 25).

Основными географическими авторитетами Дионисия были Эратосфен и Посидоний [Томсон, 1953, с. 456]. Уже древние комментаторы считали Дионисия последователем Эратосфена (Eustath., 1; Schol., 1). Однако современные ученые принимают это утверждение с большими ограничениями; отмечают, что близость Дионисия Эратосфену не столь уж велика и что данные Эратосфена дошли до Дионисия через посредника, каковым, вероятно, является Александр Лихн [Müllerus, II, 1861, с. XXXIII; Knaack, 1905, с. 920; 1909, с. 374]. Древние комментаторы указывали также на близость некоторых положений Дионисия и Посидония (Eustath., 1). Современные ученые придают этой близости гораздо большее значение [Müllerus, II, 1861, с. XXXIII; XXXIV] и полагают, что Дионисий заимствовал у Посидония через того же Александра Лихна или через некое извлечение из

сочинений Посидония [Knaack, 1905, с. 920, 921]. Мнение о Посидонии как основном источнике Дионисия утвердилось и в специальных исследованиях, посвященных северным и восточным окраинам ойкумены [Ростовцев, 1925, с. 80; Herrmann, 1938, с. 43].

Представление о Посидонии как основном источнике Дионисия обосновано вполне убедительно [Gärtner, 1965, с. 74]. Точнее, таким источником являлось, очевидно, сочинение Посидония «Об Океане». К этому автору должен восходить весь материал Дионисия, совпадающий с данными Страбона [Knaack, 1905, с. 1920]. Эратосфен скорее всего заимствован через Посидония, так как восходящие к нему моменты в сочинении Дионисия, по крайней мере те, которые относятся к восточным областям, не противоречат географической системе Посидония и могли быть усвоены и этой последней. Через посредство Посидония Дионисий заимствовал и сведения ряда других авторов, в частности Аполлодора. Поскольку Аполлодор был главным источником Посидония в описании восточных стран, то нет ничего удивительного в том, что в сочинении Дионисия обнаружены и следы известий Аполлодора [ср.: Behr, 1888, с. 6, примеч. 1]. Но сведения самого Посидония дошли до Дионисия опосредованно, очевидно через Александра Лихна.

Содержание сочинения такого посредника достаточно выразительно могли бы характеризовать слова Плиния в индексе авторов к книге V его «Естественной истории». Здесь он упоминает «Посидония, который написал „Перипл“ или „Периегесу“». Эти слова толкуются по-разному: или как намек на существование какого-то другого Посидония [Sallmann, 1971, с. 112, примеч. 59], или как указание на некое извлечение из сочинения «Об Океане», в котором материал Посидония был обработан в манере перипла [Reinhardt, 1953, с. 663]. Если последнее предположение правильно, то литературный предшественник поэмы Дионисия именно так и выглядел (не тождествен ли «Перипл» Посидония поэмам Александра Лихна? Слова Плиния могли быть результатом, например, ошибочного истолкования слов Варрона Атацинского, упомянутого в том же индексе, который ссылался на эти поэмы как на произведения, излагавшие работу Посидония). В поэтическую обработку сочинения Посидония были включены только конкретные и чисто описательные сведения и расположены по образцу периегесы.

К сочинению Дионисия была приложена графическая карта или карты [Gärtner, 1965, с. 74]. В тексте самой «Периегесы» ссылок на них нет, но схолиасты ссылаются на эти карты [Müllerus, II, 1861, с. XXIV; см. по поводу сомнений в существовании таких карт: Kubitschek, 1919, с. 2124], а еще чаще, видимо, заимствуют их материал без ссылок. Кассиодор (около 540 г.

н.э.) прямо говорит о карте Дионисия (Inst., 25; см. [Kubitschek, 1919, с. 2124; Томсон, 1953, с. 521]). Текст сочинения по своему содержанию не покрывает целиком материал карт: последние содержат добавочные сведения. Являлся ли создателем карт сам Дионисий, или они были приданы поэме впоследствии, сказать с определенностью нельзя [Müllerus, II, 1861, с. XXIV; Knaack, 1905, с. 920], но нам кажется, что первое вероятнее, так как между текстом и картами существует внутренняя связь: намеки, содержащиеся в тексте, иногда расшифровываются, судя по данным схолиастов, благодаря картам.

С картой Дионисия связана карта Кастория. Последняя не дошла до нас в своем подлинном виде, но послужила прототипом для нескольких сохранившихся средневековых карт, в том числе карты Пейтингера. То, что образцом для них действительно была карта, составленная Касторием около 360 г. н.э., показал К.Миллер [Miller, 1887, с. 67; 1916, с. XXIX; см. также: Пигулевская, 1951, с. 100]. И хотя этот тезис К.Миллера впоследствии нередко отвергался, он, по нашему мнению, остается неопровергнутым [историю вопроса см.: Weber, 1976, с. 22]. Основным источником карты Кастория обычно, хотя и не всегда, считают карту Агриппы [Lasserre, 1970a, с. 679]. Однако с таким мнением не позволяет согласиться анализ содержания восточной части карты Пейтингера, показывающий близость ее данным Дионисия в ряде специфических моментов. Следует при этом отметить, что речь идет именно о карте, а не о наложенном на нее итинерарии, имеющем совсем иное происхождение (об этих двух компонентах работы Кастория см. [Miller, 1887, с. 88, 89; 1916, с. XLIII]).

С картой Кастория, в свою очередь, связана работа Равенната, анонимного равеннского географа, писавшего около 670 г. н.э. В основе этой работы лежит общий с картой Пейтингера источник [Miller, 1887, с. 42, 43; 1916, с. XXVIII, XXIX], и Равеннат прямо ссылается на него как на труд Кастория. Экземпляр карты Кастория, использованный Равеннатом, видимо, полнее сохранил номенклатуру оригинала, нежели дошедшая до нас карта Пейтингера. Именно к этому общему источнику, к труду Кастория, и должны восходить заимствования у Дионисия, давно уже обнаруженные исследователями в тексте Равенната [Müllerus, 1861, с. XXIV; Knaack, 1905, с. 922].

6. ТРАДИЦИЯ ВАРРОНА И АГРИППЫ

Варрон и Агриппа — крупнейшие представители латинской географии, и в список греческих географов они, естественно, не вошли. Однако и латинская география развивалась по тем же основным направлениям, что и современная ей греческая. Вар-

рон, видимо, был представителем описательного направления, а Агриппа — математического.

М.Теренций Варрон родился в Реате (в Италии), в юности жил и учился в Афинах, но в основном жил и писал свои сочинения в Италии; время его жизни относится к 116—27 гг. до н.э. Будучи на военной службе под начальством Помпея, в период времени между 67 и 49 гг. до н.э., Варрон побывал во многих местах Средиземноморья; принято считать, хотя и не всеми [ср.: Dahlmann, 1935, с. 1250], что он сопровождал Помпея и в его восточном походе 66—64 гг. до н.э., направленном против Митридата, царя Понта, и Тиграна, царя Армении, когда Помпей достиг Албании и приблизился к Каспийскому морю, не дойдя до него всего на три перехода [см. об этом: Тревер, 1959, с. 105—107].

Варрон был чрезвычайно плодовитым писателем, но сочинения его, в которых содержались географические сведения, до нас не дошли. Вопрос о том, в каких именно сочинениях Варрона содержались указанные сведения, связанный с попытками представить, как вообще выглядели географические данные Варрона, вызвал в научной литературе большие споры.

Те исследователи, которые считали Варрона автором большой географической работы типа периегесы, колебались между двумя несохранившимися сочинениями Варрона, которые можно было бы связать с этой работой [историю вопроса см.: Dahlmann, 1935, с. 1232, 1251; Sallmann, 1971, с. 148, 149]. Одно из них, «Древности» (Antiquitates), — обширнейший труд, состоявший из двух разделов: «Дела человеческие» (Res humanae) и «Дела божеские» (Res divinae). Возможно, первый раздел был закончен до 47 г. до н.э. В этом разделе имелся подраздел, состоявший из книг VIII—XIII, который трактовал «о местах» (de locis). Можно было бы думать, что в указанных книгах и излагалась география. Другое сочинение, претендующее на роль основной географической работы Варрона, известно под названием «О морских берегах» (De ora maritima); с ним иногда отождествляют сочинение «О берегах» (De litoralibus). Именно название и склоняет ученых признать в этом сочинении периегесу или перипл Варрона, но сохранившиеся фрагменты свидетельствуют скорее в пользу того, что оно являлось руководством по мореплаванию.

Недавно было высказано предположение, что Варрон вообще не создавал связной хорографии периегетического характера; некоторые общие географические вопросы он излагал в работе «О геометрии» (De geometria), являвшейся четвертой книгой сочинения «Дисциплины» (Disciplinae), посвященного «свободным наукам» (artes liberales); конкретные же географические сведения были разбросаны у него в разных сочинениях, в том числе и в «Древностях», книги которого «о местах» трактовали ойкуме-

ну лишь как базис Римской империи с центром в Италии [Sallmann, 1971, с. 16, 17, 265—267]. Однако нам кажется, что, пока о сочинениях Варрона будет известно так же мало, как сейчас, вопрос о его географии вообще останется неразрешимым [ср.: Скржинская, 1977, с. 86, 87].

Зато все согласны с тем, что много географических известий содержалось в сочинении Варрона «Легатства» (Legationes), автобиографической работе, охватывавшей период с 67 до 49 г. до н.э., т.е. период, когда Варрон служил в качестве легата под началом Помпея [Dahlmann, 1935, с. 1250; Sallmann, 1971, с. 245, 265, 266; 1975, с. 1132; Скржинская, 1977, с. 87].

Многие сообщения Варрона основаны на личных его наблюдениях, но, конечно, этого нельзя утверждать относительно его сообщений об отдаленных странах Востока, где он сам не бывал. Здесь он широко пополнял свои знания за счет греческих литературных предшественников. Варрон, безусловно, был хорошо знаком с географией Эратосфена [ср.: Dahlmann, 1935, с. 1232, 1233; Скржинская, 1977, с. 80]. Но основным литературным источником для Варрона как географа послужил, очевидно, Посидоний. Влияние Посидония на Варрона было установлено еще в конце прошлого века [Laffranque, 1964, с. 12, 15]. Оно заметно в «Древностях», а прообразом сочинения «О морских берегах» иногда считают труд Посидония «Об Океане» [Dahlmann, 1935, с. 1251]. Варрон заимствовал географию Посидония прямо [Jacoby, II C, 1926, с. 171], а уже через него она дошла до Плиния, Витрувия, Манилия и Овидия [Reinhardt, 1953, с. 663]. Литературное наследие Варрона широко использовалось латинскими авторами. Оно было одним из основных источников Плиния, из него черпали Вергилий, Светоний, Геллий, Макробий и другие, в том числе грамматики и комментаторы [Dahlmann, 1935, с. 1233].

М.Випсаний Агриппа, римский полководец, ближайший сподвижник и зять Августа, жил в 63—12 гг. до н.э. Неоднократно бывал на римском Востоке, и во время его пребывания в Митиленах в 23 г. до н.э. его представители, как полагают, вели переговоры с парфянами [см. по этому поводу: Debevoise, 1938, с. 139].

Географическая работа Агриппы — одно из наиболее проблематичных и загадочных творений античной географии. До наших дней она не дошла. Фрагменты ее с прямыми ссылками на Агриппу сохранились только в географических книгах «Естественной истории» Плиния. Последний и дает наиболее полное свидетельство о ней: «Агриппа был очень усердным мужем, проявившим также старание и в этой работе (т.е. географии. — *И.П.*); кто поверит поэтому, что он сделал ошибку, когда намеревался выставить на обозрение города [Рима изображение]

земного круга, а вместе с ним [ошибся] и божественный Август? Ведь именно он завершил, по решению и запискам М.Агриппы, тот портик, который остался не законченным его [Агриппы] сестрой» (III, 17). Речь идет о портике Випсании в Риме, сооружение которого было задумано Агриппой, начато после смерти последнего его сестрой Поллой и завершено Августом спустя 25 лет после смерти Агриппы; на внутренней стене этого портика находилось изображение карты мира [Wright, 1937, с. 134; Hanslik, 1961, с. 1270; Signon, 1978, с. 210].

О создании карты Агриппой и Августом в этом сообщении говорится ясно. Но в нем упоминаются и какие-то «записки» (commentarii, о значении здесь этого слова см. [Detlefsen, 1906, с. 3; Kubitschek, 1919, с. 2101, 2102; Klotz, 1931, с. 3]) Агриппы, позволяющие предполагать существование текстового приложения к карте, тем более что ряд античных авторов говорят о большой работе, именуемой иногда «Хорографией», определенно связанной с географическими изысканиями Агриппы и Августа. Вопрос о текстовом сопровождении карты Агриппы вызывал много споров в науке [историю вопроса см.: Томсон, 1953, с. 461; Hanslik, 1961, с. 1271; Sallmann, 1971, с. 91, 92, 149, 150]. Некоторые исследователи считали, что такого сопровождения вообще не существовало; краткие замечания были нанесены прямо на карту и отделились от нее в виде текстового приложения только тогда, когда с этой карты стали снимать копии небольшого формата. Теперь этот взгляд оставлен. Но если текст, связанный с картой, существовал с самого начала, то что он собой представлял? Обычно считают его просто вспомогательным справочником к карте. Но еще в прошлом веке неоднократно высказывалось мнение, что это был фундаментальный географический труд. В последнее время, кажется, началось возвращение к такому взгляду [ср.: Подосинов, 1978, с. 43, 44].

Спорен также вопрос о соотношении вклада Агриппы и Августа в рассматриваемую работу. Если в цитированном сообщении Плиния вместо «по решению» (ex destinatione) читать «по наброску» (ex delineatione; оценка этой конъектуры различна, ср. [Kubitschek, 1919, с. 2102, и Sallmann, 1971, с. 91, примеч. 6]), то получится, что Август имел в своем распоряжении графический эскиз карты, подготовленный Агриппой [ср.: Hanslik, 1961, с. 1271]. Конечно, вполне вероятно, что Август, создавая окончательный вариант, внес изменения в предварительный набросок [ср.: Detlefsen, 1906, с. 4], особенно если учесть большой промежуток времени, разделявший эти варианты. Нередко полагают, что Август выступил просто издателем «записок» Агриппы, и отделяют от этой работы собственный географический труд Августа статистического характера. Однако «записки», скорее, явились только основой «Хорографии» (Chorographia), общего труда

Агриппы и Августа (ср. о соотношении основного источника Плиния и географической статистики [Schweder, 1879, с. 17; ср.: Sallmann, 1971a, с. 932]). Представления об авторстве всей этой географической работы, карты и текста, не были ясными и в античной традиции. Плиний, хорошо знакомый с историей портика Випсании, еще располагал относительно точными сведениями. Но уже Страбон, современник Августа и Агриппы, говорил неопределенно о «хорографической карте» и «Хорографе» (II, 5, 17; V, 2, 7; VI, 1, 11 и др.; см. об этих ссылках [Detlefsen, 1906, с. 21; Kubitschek, 1919, с. 2102, 2103]. Впоследствии эта работа связывалась только с именем Августа [Detlefsen, 1906, с. 112, 113; ср.: Kubitschek, 1919, с. 2103, 2112].

Агриппа и Август использовали в своей работе самые разнообразные источники, и в том числе, безусловно, новейшие материалы документального характера. Но они были в курсе и теоретических вопросов географии, разрабатывавшихся греческой наукой. Такое положение кажется тем более оправданным, что Агриппа и Август в процессе своей работы, по мнению всех исследователей, пользовались помощью греческих ученых. На это обстоятельство имеется прямое указание в источнике, правда позднем: Гонорий сообщает, что четыре ученых грека — Никодем, Дидим, Феодот и Поликлит — при Цезаре и Августе в течение многих лет измеряли четыре четверти земного круга (о степени достоверности и исторической основе этого сообщения см. [Detlefsen, 1906, с. 20; Sallmann, 1971, с. 91, 96, примеч. 20]). Конечно, в работе Агриппы и Августа вряд ли выдвигались какие-либо новые географические идеи, но и совсем отрицать ее научность, как нам кажется, нельзя [ср.: Detlefsen, 1906, с. 4, 117; Подосинов, 1978, с. 43, 44]. Эта работа должна была учитывать достижения географической науки. Обычно полагают, что образцом для карты Агриппы послужила карта Эратосфена [например: Томсон, 1953, с. 461; Sallmann, 1971, с. 96, примеч. 20, 209]. Однако нам кажется очень интересной мысль о большом влиянии на Агриппу Гиппарха, предоставляющая Агриппе место в развитии географической науки между Гиппархом и Птолемеем [Schnabel, 1935, с. 405—424]. Понятно, что в этом случае не только карта Агриппы выступала бы прообразом карты Птолемея, но и связанный с ней текст соответствовал бы тексту «Географического руководства» Птолемея (о возможности этого последнего сходства см. [Sallmann, 1971, с. 208]). Вполне вероятно, что на карте Агриппы были нанесены широты и долготы [об этом см.: Signon, 1978, с. 214].

Карта Агриппы послужила образцом и основой для всех последующих римских карт. Копии этой карты, видимо, выставлялись в портиках провинциальных городов [Томсон, 1953, с. 517], а копии малого формата имелись у частных лиц и использова-

лись в школах [Hanslik, 1961, с. 1271]. Географическую работу Агриппы и Августа знает и цитирует Страбон, современник ее создателей. Ею широко пользуется Плиний, а также, на наш взгляд, Мела.

Дикуил, ирландский монах (IX в.), сообщает, что император Феодосий в пятнадцатом году своего правления поручил некоторым лицам измерить страны земного круга; одни из занятых этим делом людей в течение нескольких месяцев писали и рисовали, другие — изучали писания древних (о степени достоверности и исторической основе этого сообщения см. [Detlefsen, 1906, с. 14—16, 112; Хенниг, II, 1961, с. 36—40]). Обычно это сообщение понимается как указание на ревизию карты Агриппы и связанного с ней текста. Упомянутый здесь император может быть Феодосием I и Феодосием II. В первом случае названная в сообщении дата — 393 г. н.э., во втором — 422 г.н.э.; более вероятным кажется первое определение [Хенниг, II, 1961, с. 38]. Работа по пересмотру карты, конечно, была очень поверхностной. Возможно, что результаты этой работы отразили Оросий и Гонорий.

Работу Агриппы, а может быть, ее копии или обработки воспроизводят два небольших текста: «Измерение провинций» и «Разделение мира». «Измерение провинций» (Dimensuratio provinciarum) было составлено примерно в IV в., а «Разделение мира» (Divisio orbis) — в V в. В том и другом текстах обнаруживаются точные соответствия фрагментам работы Агриппы, сохранившимся у Плиния. В то же время они независимы как от Плиния, так и друг от друга и, очевидно, восходят прямо к карте Агриппы и Августа [Detlefsen, 1906, с. 10]. Но вопрос о том, являлась ли их общим источником только карта (или ее копии) или также и текст, не может считаться решенным.

С работой Агриппы связано также сочинение Павла Оросия «История против язычников» (Historiae adversus paganos), написанное около 417 г., т.е. вскоре после ревизии карты Агриппы, предпринятой по распоряжению Феодосия. Географический раздел этого сочинения явно воспроизводит карту Агриппы [например: Detlefsen, 1906, с. 18; Uhden, 1933a, с. 274, примеч. 1], но в несколько подновленном виде.

Прямое отношение к работе Агриппы имеет и сочинение Юлия Гонория «Космография» (Cosmographia), написанное в конце IV в. Известно оно по выдержкам, сохранившимся в нескольких вариантах, и по воспроизведению некоего Этика (VII в. н.э.). Первоначальным, видимо более полным, текстом сочинения Гонория воспользовался Кассиодор (VI в.) [Томсон, 1953, с. 521, 522], а у последнего вместе со всем его трудом данные Гонория заимствовал Иордан в своем сочинении «Гетика» (Getica), законченном в 551 г. и посвященном истории готов. Однако, поскольку Кассиодор знал и использовал также карту

Дионисия, в сообщениях Иордана, восходящих к Гонорию, возможна примесь иной традиции.

Особо следует остановиться на вопросе об общем источнике Мелы и Плиния. Вопрос этот обсуждается с очень давнего времени, но до сих пор, как признают исследователи, представляет собой «мертвый узел» [историю вопроса см.: Gisinger, 1952, с. 2401—2403; Sallmann, 1971, с. 93, 94, 126, 148—150, 225, 226]. Близость сочинений Мелы и Плиния выражается не только в совпадении отдельных сообщений, но и в общности основообразующего компонента этих сочинений, так называемого перипла. Показательно, что общность здесь проявляется не в тождестве слов или порядка описания (возможна, например, обратная последовательность в описании), а в тождестве или близости описываемого. Естественное объяснение этому, казалось бы, должно быть таким: Мела и Плиний каждый своими словами описывают одну и ту же карту [ср.: Wethered, 1937, с. 251; Sallmann, 1971, с. 223, 232, 234; Lasserre, 1971, с. 1040].

Какой источник обусловил эту близость двух авторов? Мела являлся одним из источников Плиния, и последний действительно заимствовал некоторые сообщения у Мелы. Известно также, что оба они заимствовали у Непота. Но ни то, ни другое заимствование не могут объяснить общности «перипла» Мелы и Плиния. Еще в прошлом веке основной общий источник Мелы и Плиния видели в географической работе Агриппы и Августа. Однако тогда же был высказан иной взгляд, согласно которому основным общим источником Мелы и Плиния послужил Варрон, и с начала нашего века это мнение стало господствовать почти безраздельно, особенно благодаря работам Д.Детлефсена, который считал искомым источником сочинение «О морских берегах» Варрона [историю вопроса см.: Kroll, 1951, с. 306; Gisinger, 1952, с. 2401; Sallmann, 1971, с. 93, 94, 150, 225, 226].

Однако теперь, после того как была показана беспочвенность прежней уверенности в существовании такой работы Варрона, которая могла бы послужить общим источником для «перипла» Мелы и Плиния, показано вообще сильное преувеличение значения Варрона как географического источника для Плиния [Sallmann, 1971; ср. 1971a, с. 932], от приведенного мнения можно отказаться. Нет ни одного конкретного факта, который подтверждал бы происхождение «перипла» Мелы и Плиния от данных Варрона [Sallmann, 1971, с. 121, 221—226]; исследователи, делавшие подобные выводы, работали главным образом над сведениями о западных областях ойкумены, но если рассматривать сведения о восточных областях, то можно лишь поражаться, насколько принятое мнение относительно Варрона как источника не соответствует действительности: цитаты из сочинений Варрона не согласуются как раз с «периплом», который в структуре

сочинений Мелы и Плиния образует слой явно иного происхождения. Нам кажется, что в этом вопросе, в общем, можно вернуться к прежнему взгляду и считать основным географическим источником Мелы и Плиния работу Агриппы и Августа, карту и текст. Эту работу никак не мог игнорировать не только Плиний, но и Мела. «Перипл» того и другого автора вполне соответствует тому, что известно нам об указанной работе.

Остаток, получаемый в информации Плиния после вычета из нее основы, общей с Мелой, содержит, как уже говорилось, ссылки на Варрона. Но Плиний заимствовал здесь не только у Варрона. Показательно, что именно этот слой данных Плиния обнаруживает большую близость этнографическому материалу Флакка и в некоторых случаях сближается со сведениями Дионисия. Валерий Флакк, создавая поэму «Аргонавтика» (Argonautica) в конце I в., явно шел по стопам своего предшественника — тоже Варрона, но другого, не Реатинского, а Атацинского (I в. до н.э.). Если даже Флакк заимствовал этнографический материал не из «Аргонавтики» Варрона Атацинского, который, как обычно считают, просто перелагал здесь греческий оригинал, поэму Аполлония, то он мог взять этот материал из стихотворной «Хорографии» Варрона Атацинского. Поскольку Варрон Атацинский был наряду с Варроном Реатинским одним из основных источников географических сведений Плиния [см. о нем как об источнике Плиния: Dahlmann, Speyer, II, 1959, с. 765, 766], то становится ясной причина близости данных Флакка и Плиния: тот и другой черпали у Варрона Атацинского. Сам Варрон Атацинский в своей «Хорографии» подражал Александру Лихну [Lenz, 1934, с. 700; Sallmann, 1971, с. 38; Schmidt, 1975, с. 1140], но последний, как уже было сказано ранее, был непосредственным источником Дионисия: отсюда и близость некоторых данных Флакка, Плиния и Дионисия. Связь между Варроном Атацинским и Дионисием объясняется не влиянием первого на второго [см. по этому поводу: Dahlmann, Speyer, II, 1959, с. 765], а их общим источником.

ГЛАВА III

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ

Представление об «ойкумене» (οἰκουμένη), т.е. «обитаемой [земле]», прошло в античном мире длительный путь, на протяжении которого оно существенно меняло свое содержание [общее определение понятия «ойкумена» см.: Partsch, I, 1916, с. 5, примеч. 2; Gisinger, 1937, с. 2124; Lasserre, 1970, с. 254; Дитмар, 1973, с. 6; 1980, с. 35].

Ойкумена наиболее ранних авторов — это «земной круг», обтекаемый рекой Океан [Bunbury, I, 1959, с. 145]. Мы убеждены, что такого представления придерживался Гекатей, и не можем согласиться с распространенным мнением, согласно которому уже этот ионийский ученый разделял сложившийся позднее взгляд на ойкумену как на остров, окруженный морем [так Berger, 1903, с. 25 и сл., 40, 41, 75, и многие другие исследователи; обзор вопроса см. теперь: Шишова, 1982, с. 114—125], а равно принять положение о якобы прямоугольной ойкумене Гекатея [Heidel, 1937, с. 34 и сл., и вслед за ним другие исследователи].

Более поздние представления об ойкумене можно разделить на две основные группы: согласно одной, ойкумена является островом, омываемым морем, согласно другой — участком суши, к северу и востоку от которого простирается необитаемая, а точнее, неизвестная земля. Первую группу представлений можно назвать морской теорией, вторую — континентальной.

Приверженцами морской теории были Эратосфен и Посидоний. Обитаемая земля виделась им овальным островом, вытянутым в широтном направлении, соотношение длины и ширины которого определялось по-разному. Видимо, Эратосфену принадлежит сравнение ойкумены с «хламидой» (χλαμύς), т.е. коротким плащом, которое подразумевало фигуру с суженными краями на западе и востоке, полукруглой линией на севере и выступающими углами [Berger, 1880, с. 219, 220; Дитмар, 1973, с. 78, 79; 1980, с. 72].

Континентальная теория развита у Гиппарха и Птолемея. Они определяли ойкумену как прямоугольный участок земной поверхности, ограниченный отрезками двух параллелей и двух меридианов, за пределами которого простираются неизвестные части земной поверхности. Гиппарх сравнивал ойкумену с «трапезой» (τράπεζα), т.е. столом, подразумевая фигуру, ограниченную двумя параллельными линиями на севере и юге и двумя отрезками взаимно сближающихся линий на западе и востоке [Berger, 1903, с. 476—479; иначе: Dicks, 1960, с. 148, 206, но его возражения против такого истолкования указанного сравнения Гиппарха не кажутся нам убедительными].

Наконец, некоторые авторы пытались разными способами совместить ту и другую теории. Вариант такого совмещения находим у Страбона. Этот автор, в общем, придерживается морской теории, но островная ойкумена, «хламида» Эратосфена, у него вписана в четырехугольник на сферической поверхности земли, ограниченный отрезками двух параллелей и двух меридианов, который очень похож на «трапезу» Гиппарха (II, 5, 5, 6, 9, 10, 14; см. по этому поводу [Honigmann, 1931, с. 131; Gisinger, 1937, с. 2146]).

По-другому совмещает оба представления об ойкумене общий источник Мелы и Плиния, в котором мы видим карту Агриппы, и некоторые более поздние карты, построенные на ее основе. Ойкумена у них — остров в море, но форму она имеет почти прямоугольную, с равными по ширине западной и восточной частями в их наиболее широких местах [об этих картах см.: Uhden, 1933, с. 315—318; о карте Агриппы как прямоугольной см.: Detlefsen, 1906, с. 106]. Особенно близка к прямоугольнику восточная часть острова, т.е. та часть, которая у представителей континентальной теории была ограничена неизвестной землей по параллели и меридиану. Такова ойкумена Мелы [см. об этом также: Дитмар, 1973, с. 111], но такова же ойкумена того источника Плиния, который был у него общим с Мелой (об ойкумене Мелы и Плиния как треугольной или трапециевидной четырехугольной см. [Treidler, 1956, с. 712—714]; но такая реконструкция кажется недостаточно обоснованной).

Все это объясняется, возможно, тем, что Агриппа в своих набросках изобразил ойкумену такой, какой представлял ее Гиппарх, основной его авторитет, но люди, воплотившие в жизнь замысел Агриппы о создании карты, предпочли морскую теорию и, не меняя очертаний ойкумены, намеченных Агриппой, превратили окружающую ее неизвестную землю в море. На замену первоначальных сухопутных границ морскими и обоснование такой замены, может быть, указывает специальное, полемического характера, рассуждение Мелы и Плиния, содержащее доказательства в пользу морской теории (Mela, III, 44, 45, 90; Plin.,

II, 166—171). В числе этих доказательств есть сообщение о плавании флота Августа по Северному океану до Кимврского мыса, состоявшемся в 5 г., т.е. после смерти Агриппы. Более ранняя основа аргументации восходит к Непоту, а через него — к Посидонию [Gisinger, 1952, с. 2399]. Но высказывалось мнение, что промежуточным источником между Непотом, с одной стороны, Мелой и Плинием — с другой, здесь послужила «Хорография» Агриппы—Августа; правда, это мнение не было одобрено [Wissowa, 1901, с. 1411; Sallmann, 1971, с. 125], но, как кажется, лишь по причине общей недооценки вклада Агриппы в римскую географию. Во всяком случае, в работе Агриппы—Августа отражены результаты указанного плавания (ср.: Plin., IV, 81 = фр. 21).

На протяжении всей античности предпринимались разнообразные попытки географического деления ойкумены, приведшие к созданию ряда схем. Далее мы и рассмотрим эти схемы в связи с тем, какое место в них отводилось Бактриане, Согдиане и соседним странам.

1. СЕКТОРЫ ОЙКУМЕНЫ

Один из древнейших способов деления ойкумены был основан на центрическом принципе географического описания, когда автор представляет себя в центре ойкумены и описывает ее «веерным» способом, как бы поворачиваясь каждый раз лицом к описываемому [см. об этом принципе: Подосинов, 1978а, с. 23—28].

Центром «земного круга» в древнейших схемах представлялась Эллада, а центром Эллады — Дельфы. В дальнейшем представление о центре менялось и зависело от места и времени составления схемы; центром мог считаться Родос, Рим и т.д.

Опорой схемы деления ойкумены служили точки горизонта. На горизонте отмечались точки восхода и захода Солнца во время равноденствий и летнего и зимнего солнцестояний и соединялись прямыми по диаметру круга, очерченного горизонтом. Линию, соединявшую точки восхода и захода Солнца во время равноденствий, называли limes decumanus (Plin., XVIII, 331) — современные исследователи именуют ее ионийским «экватором». Проводилась и еще одна прямая, перпендикулярная «экватору». Поскольку в Эгейской области точки восхода и захода во время летнего и зимнего солнцестояний отстоят от соответствующих точек в пору равноденствия на 30°, т.е. на одну треть четверти круга [Wagner, 1888, с. 46; Rehm, 1916, с. 9], то появилась мысль добавить в каждой четверти еще по одной точке, разделив горизонт на двенадцать равных частей, и точки эти тоже соединить прямыми [Wagner, 1888, с. 46, 47]. Так древнейшая ойкумена,

«земной круг», была разделена радиусами, исходящими из ее центра, на двенадцать секторов.

Эта схема деления была выработана еще в те времена, когда ойкумену действительно представляли себе в виде более или менее плоского круга. Но она продолжала существовать и после того, как утвердилась теория шарообразности Земли. При этом связанная с ней терминология всегда оставалась такой, какой была во времена возникновения схемы, т.е. в древнеионийский период развития античной науки. Указанная схема, собственно, дошла до нас только в изложении авторов последующего периода. Ее принимали такие античные ученые, как Платон и Аристотель, Тимосфен, Полибий и Посидоний, которые определенно знали о том, что Земля является шаром. Непонятная «архаичность» их в этом вопросе, как будто противоречащая их же собственным географическим воззрениям, вызывает недоумение у современных исследователей. Ее объясняют и неточностями или ошибками источников, и изменением содержания старой схемы. В последнем случае полагают, что античные ученые, сохраняя старую терминологию, относящуюся еще к точкам на видимом горизонте, стали понимать ее уже как относящуюся к действительным экватору и тропикам, спроецированным на ойкумену. Когда они говорили, например, о летнем востоке, то имели в виду северо-восточное направление, образующее с линией, обращенной прямо на восток, угол около 24° [Rehm, 1916, с. 44, 45].

По направлениям, указанным радиусами, распределялись названия ветров, а также названия стран и народов, особенно окраинных. Интерпретируя сведения, относящиеся к таким схемам, необходимо учитывать, что имен ветров и народов, соотнесенных с точками на горизонте, в них может быть не обязательно двенадцать, а и восемь, и четыре, но всегда имеется в виду двенадцатилучевая фигура. Основных ветров было четыре: Апарктий (иногда Борей) — с севера и Нот — с юга, Апелиот — с востока и Зефир — с запада. Им соответствовали четыре народа: скифы и эфиопы, инды и кельты. К этим основным ветрам и народам в некоторых схемах добавляли другие; количество народов иногда умножалось путем дробления основных: например, различали восточных и западных эфиопов.

Следует заметить, что обозначение ветров у рамок «земного круга» придавало всей схеме вид «розы ветров». Античные ученые обычно называли такого рода схемы и связанную с ними систему ориентирования словом «ветры» (ἀνέμοι). Однако первичными в такой схеме всегда оставались точки на горизонте, обусловленные восходами и заходами Солнца [Rehm, 1916, с. 6, 7]. Античности известны и настоящие «розы ветров», не соотнесенные с традиционными схемами ойкумены [см. о них: Rehm, 1916, с. 72].

Рассматриваемый род схем разрабатывался античными учеными обычно в сочинениях типа «Метеорология» [Μετεωρολογικά и т.п.]. Мы думаем, что описывавшиеся в них круглые карты [см. о них: Detlefsen, 1908, с. 44—46], разделенные на секторы, были именно условными схемами, которые нельзя ставить в один ряд с действительными картами. На заре античности Анаксимандр в связи с наблюдениями за движением Солнца положил начало разработке этих схем [Rehm, 1916, с. 15, 16; Дитмар, 1973, с. 17; 1980, с. 27, 60], но настоящим их создателем, скорее, являлся его ученик Анаксимен [ср.: Rehm, 1916, с. 15, примеч. 2]. Поскольку Анаксимандр был создателем первой карты, то естественно предположить, что Анаксимен создал первую схему, дополнившую эту карту. Интересен в этой связи следующий момент. Один из первых античных авторов, донесших до нас описание «розы ветров», Аристотель, ссылаясь на «многих древних метеорологов», говорит, что Солнце на ночь не опускается под Землю, а обходит вокруг северного приподнятого края Земли, скрываясь за ним (Met., II, 1, 14). Во времена заката античной культуры Равеннат, описывая тот же способ деления ойкумены и ссылаясь на мнения древних философов, говорит, что Солнце ночью или проходит внизу в глубинах Океана, или огибает северный край Земли, скрываясь за громадными горами (I, 9, 1—10, 6). Точно известно, что эти два мнения, предпочитая второе, излагал Анаксимен (Hippolyt., I, 7, 6 = фр. A, 7, 14), который, очевидно, и был первым из упомянутых Аристотелем «метеорологов».

Античность знала несколько разновидностей рассматриваемого способа членения ойкумены и вместе с тем разновидностей «розы ветров». В одних случаях говорили о четырех или восьми ветрах, в других — о двенадцати. Соотношение этих разновидностей толкуется исследователями по-разному [ср.: Berger, 1903, с. 284, и Rehm, 1916, с. 42, 52]. Мы думаем, что схема с правильной двенадцатилучевой фигурой возникла сразу же, еще в ионийские времена и легла в основу всех разновидностей; разница лишь в том, что в одних случаях эту фигуру снабжали указаниями на четыре ветра и окраинных народа, в других — на двенадцать. При этом мы не отождествляем историю названной схемы с историей построенной на ее основе «розы ветров» (о последней см.: Plin., II, 119—121). К первой разновидности относятся схемы Эфора [Heidel, 1937, с. 17—50, с выводами которого мы во многом не согласны; о «чертеже» ойкумены, приводимом Космой Индикоплевстом со ссылкой на Эфора, см.: Редин, 1906, с. 353], Полибия [Rehm, 1916, с. 54—56; Walbank, I, 1957, с. 368—369], Посидония [Rehm, 1916, с. 60, 81—90; Sallmann, 1971, с. 48, 71—73], Гонория. Вторая разновидность представлена схемами Тимосфена и Равенната.

Остановимся подробнее на тех из упомянутых схем, в которых фигурируют Бактриана и ее соседи.

Схема Тимосфена

Схему ойкумены в виде двенадцатирумбовой «розы ветров» обрисовал Тимосфен. С каждым ветром у него связаны определенные места и народы. О бактрийцах, их соседях и противолежащих местах Агафемер, цитируя Тимосфена, говорит так: «На окраинах [земли] живут народы: со стороны Апелиота — бактрианы, со стороны Эвра — инды... со стороны Зефира [располагаются] Столбы [Геракла] и начала (т.е. границы. — *И.П.*) Ливии и Европы... со стороны Кекия — Каспийское море и саки» (I, 7 = фр. 6). Перед этим Агафемер определил, каким точкам горизонта соответствует каждый из ветров, сообщив, в частности, что Апелиот дует от равноденственного востока, Эвр — от зимнего, Зефир — от равноденственного запада, Кекий — от летнего тропика (I, 6). Таким образом, бактрийцы, по Тимосфену, обитают на равноденственном востоке, на одной линии со Столбами Геракла, и рядом с ними живут саки в стороне летнего восхода и инды — в стороне зимнего.

Центр схемы Тимосфена обычно помещают на остров Родос, его родину [Lasserre, 1975, с. 1380; Подосинов, 1978а, с. 26]. Но иногда его ищут и в других местах, например в районе Александрии [Berger, 1903, с. 431]. Если все это так, то отсюда следует, что ко времени Тимосфена традиционный центр схемы «земного круга» уже переместился из Дельф.

«Роза ветров» Тимосфена наложена на карту ойкумены и служит средством ориентации на ней [Lasserre, 1975, с. 1379], подобно параллелям и меридианам. Сама «роза ветров», использованная Тимосфеном, представляет собой завершенный тип схемы, описанной еще у Аристотеля [Wagner, 1888, с. 36, 47; Berger, 1903, с. 431; Gisinger, 1937a, с. 1315], на что указывают, в частности, названия ветров [Rehm, 1916, с. 48]. Была ли «роза ветров» Тимосфена традиционной схемой, ориентированной на точки восхода и захода и механически перенесенной на карту ойкумены? А.Рем высказал предположение, что Тимосфен начертил свою схему на полушарии и лишь его последователи перенесли ее на карту ойкумены, совместив центр «розы ветров» с центром ойкумены в Родосе [Rehm, 1916, с. 63, 64]. Он заключил, правда не без колебаний, что схема Тимосфена, сохраняя старую терминологию, подразумевала уже настоящие экватор и тропики, спроецированные на ойкумену [Rehm, 1916, с. 64, 69].

При совмещении «розы ветров» с картой окраинных народов образцом для Тимосфена послужил Эфор [Wagner, 1888, с. 36;

Berger, 1903, с. 431; Gisinger, 1937a, с. 1315; Lasserre, 1975, с. 1380]. В схеме Тимосфена еще можно распознать скифов и эфиопов Эфора, занимающих окраины северной и южной четвертей ойкумены. Но основным и непосредственным источником конкретного географического материала для Тимосфена оказались какие-то иные карты. Считают, что между Эфором и Тимосфеном стоял Дикеарх [Rehm, 1916, с. 64] и что именно на карту Дикеарха и опирался Тимосфен [Berger, 1903, с. 431; Lasserre, 1975, с. 1380]. Наложение «розы ветров» Тимосфена на карту Дикеарха и могло повлиять на выбор Родоса в качестве центра ойкумены, поскольку такой центр наметился уже у Дикеарха [Дитмар, 1965, с. 33]; в этом случае, как полагают, широтная ось схемы Тимосфена совпала бы с Родосской параллелью [Wagner, 1888, с. 39; Gisinger, 1937a, с. 1315]. Однако последнее предположение вызывает сомнения, так как широтная ось схемы Тимосфена проходит через страну бактрианов, а параллель Дикеарха идет «на восток к горам Имая» (Agathem., I, 5 = фр. 110), а точнее, судя по более подробному описанию у Эратосфена, через северную часть Индии вдоль Кавказа (Strabo, II, 1, 1; 5, 39 = фр. III A, 2, 21).

Сведения Тимосфена об отдельных окраинных народах неравноценны, ему лучше известны народы восточной половины ойкумены [Gisinger, 1937a, с. 1315, 1316]. Иногда это объясняют особенностями карты Дикеарха [Berger, 1903, с. 431; ср.: Gisinger, 1937a, с. 1315, 1319]. Считается, что лучшая осведомленность Тимосфена о восточных народах, в том числе такой важный момент, отличающий его от Эфора, как определение местоположения страны индов в направлении на зимний восход, а не прямо на восток, обязана новым данным, полученным во время и после походов Александра [Gisinger, 1937a, с. 1316]. Так полагает и Э.А.Вагнер, выявляя источники сведений Тимосфена об отдельных народах. Источник сведений о бактрианах он пытается определить даже более точно — временем до Диодота, т.е. до завоеваний греческих царей Бактрианы, когда к последней еще не причислялась не только Индия, но и Согдиана, Ариана и др.; к историкам Александра он возводит сведения о саках, также к новым источникам — и сведения об индах [Wagner, 1888, с. 37].

Однако, мы думаем, нет необходимости возводить эти данные Тимосфена непременно к новым источникам. В ионийской географической традиции прослеживаются две версии. На позициях одной из них стоит Эфор. Представителем другой является Гекатей. Именно в этой последней и обнаруживаются совпадения с конкретными данными Тимосфена. У Скилака и Гекатея, судя по данным Страбона, Бактры находились на равноденственном востоке (II, 1, 3, 5, 11; см. [Пьянков, 1972, с. 7]), т.е. там же, куда поместил их Тимосфен. Широтная ось схемы Тимо-

сфена должна была проходить примерно посредине Бактрианы — может быть, как у Скилака и Гекатея, через сам город Бактры. Напротив, у Дикеарха и Эратосфена, которые основывались на данных историков Александра и его преемников, Родосская параллель, как уже говорилось, проходила к югу от Бактрианы, минуя ее.

То же можно сказать и о местоположении саков, помещенных за Каспийским морем, севернее бактрианов. У Эратосфена саки были помещены на одной линии с бактрийцами и согдийцами, к востоку от последних. Поэтому нам кажется неоправданным возводить представление Тимосфена о саках к историкам Александра, сведения которых относятся к кругу источников Эратосфена [Wagner, 1888, с. 37]. Судя по Страбону, о саках и массагетах, обитавших за Каспийским морем, говорили наиболее древние эллинские историки (XI, 6, 2; 8, 2). Вполне возможно, что такое представление о месте обитания упомянутых племен восходит в конечном счете к Гекатею; во всяком случае, Арриан и Курций упоминают саков и массагетов вместе с бактрийцами и индами в перечнях племен (Arrian., VII, 10, 5, 6; Curt., V, 9, 5; VI, 3, 9; VII, 4, 6), обнаруживающих явную близость к данным Гекатея [Junge, 1939, с. 29, 30, 52, 53]. Очевидно, и в случае с саками Тимосфен основывался на этих более древних данных [Herrmann, 1920, с. 1774, 1775]. Саков он назвал, видимо, в качестве самого отдаленного народа в стороне Кекия.

Не противоречат ионийским представлениям и данные Тимосфена об индах. Геродот, заимствуя у Гекатея и Скилака, говорит об индах, живущих близ города Каспатира и Пактийской области, что они обитают «на север от остальных индов и имеют образ жизни, близкий к бактрийскому» (III, 102). Видимо, инды здесь мыслятся как народ, обитающий в основном к югу от бактрийцев, но на севере примыкающий к последним.

То же место в «розе ветров» отводил Бактриане и Индии, видимо, и Деймах. Во всяком случае, Деймах, по словам Страбона, считал, что «Индия лежит между осенним равноденствием и зимним тропиком» (II, 1, 19 = фр. 3). Прямых свидетельств о месте, отводимом Деймахом Бактриане, не сохранилось, но, судя по тому, что вообще он считал Бактриану расположенной непосредственно к северу от Индии (II, 1, 14 = фр. 2b), эта страна у него примыкала с севера к линии, направленной на равноденственный восток. О неуместности здесь определения «осеннее» говорил еще Эратосфен (Strabo, II, 1, 19 = фр. III A, 9). В остальном Деймах имеет в виду ту же условную ионийскую схему «земного круга», на что указывает его терминология [Heidel, 1937, с. 26, 54], хотя хорошо известно, что он располагал сведениями об Индии, основанными на собственных наблюдениях. Условность схемы Деймаха не учитывал еще в древности

Страбон, не всегда учитывают ее и ныне, полагая, что Деимах говорил о настоящих экваторе и тропике [например: Rehm, 1916, с. 53]. Так, Д.Р. Дикс находит нужным исправить выражение Страбона «зимний тропик» на «летний тропик» и, отмечая, что ни один издатель Страбона не обнаружил порчи текста в словах «зимний тропик» (τῶν τροπῶν τῶν χειμερινῶν), считает «ошибку» необъясненной [Dicks, 1960, с. 127].

Гиппарх, в своих суждениях о востоке ойкумены опиравшийся на «древние карты», т.е. на те ионийские карты, схему которых воспроизвел Эфор, заменил слова «зимний тропик» на «летний тропик» в сообщении Деимаха о местонахождении страны индов между осенним равноденствием и зимним тропиком (Strabo, II, 1, 19 = фр. 16). И этот факт объясняется не тем, что Гиппарх, думая о действительных экваторе и тропике, хотел привести утверждение Деимаха в большее соответствие с реальностью [ср.: Dicks, 1960, с. 127], а желанием как-то согласовать это утверждение с принятой Гиппархом схемой: ведь на «древних картах» горы, образующие северную границу Индии, были направлены на летний восток.

Схема Гонория

Совсем иную схему ойкумены рисует Гонорий. Он делит «земной круг» на четыре части: восточную, западную, северную, южную (B, 4—7), или соответственно земли Восточного, Западного, Северного и Южного океанов (A, 14, 27, 39). Каждую часть он заполняет морями, островами, горами, провинциями, городами, реками и племенами. Начиная свои перечни с крайних, ближайших к океану объектов, он не ограничивается окраинами ойкумены, но описывает каждую из четырех частей полностью, причем по его описанию можно заключить, что части эти действительно похожи на секторы круга, сходящиеся в центре. Из «провинций Восточного океана» первой Гонорий называет Индию, среди других перечисленных им провинций этой части наиболее восточными являются Мидия и Ассирия (A, 4). «Племена, которые имеются в провинциях Восточного океана», Гонорий перечисляет в таком порядке: скифы-антропофаги и скифы-Cumi[1], сугдианы[2] и дербикки, пасики и Parosmi[3], анариа-

---

[1] В тексте: Scythei Cumi. Предложены чтения: Scythae Thuni [Riese, 1878, с. 30], Scythae Rumi [Markwart, I, 1946, с. 133, 137].

[2] В тексте: Sigotani. Правильное чтение: Sugdiani [Markwart, I, 1946, с. 127, примеч. 1].

[3] Предложены чтения: Arasmi [Riese, 1878, с. 31], Arimaspi [Markwart, I, 1946, с. 133].

ки[4] и гелоны, хорасмии и массагеты, бактрианы и паропанисиды, Traumeda[5] и Hypergenes[6], Pambothi[7] и Арахосия, арахоты и арианы... парфы и т.д. (A, 13). Названные племена, кроме гелонов и последних шести из перечисленных, упомянуты также, и почти в том же порядке, в списке «племен Северного океана»; среди других племен северной части названы также: дахи, серы, Theriodes (A, 38). Последнее название передает греч. θηριώδης, т.е. «[страна], изобилующая дикими животными». Отметим, что Каспийское море Гонорий называет среди морей и восточной и северной части (A, 2, 28).

Центр «земного круга» Гонория помещался, видимо, в Италии, во всяком случае не на Родосе и вообще не в Греции [Riese, 1878, с. XXIV]. Заметим по этому поводу, что на римском форуме во времена Августа был воздвигнут «золотой мильный столб» (milliarium aureum), который играл роль «пупа Земли» у римлян, и что это событие связывают с географическими штудиями Агриппы и Августа [Sallmann, 1971, с. 96, примеч. 20; Signon, 1978, с. 212].

Итак, схеме четырехчастной ойкумены подчинен весь материал сочинения Гонория. Основными линиями деления здесь, видимо, должны быть радиусы, исходящие из центра ойкумены к точкам зимнего и летнего восхода и заката. Наряду с ними схема предусматривала и другие линии деления, соединявшие центр с пунктами горизонта. Принцип распределения материала по секторам, образованным линиями деления, не был выдержан. Так, совпадение значительной доли номенклатуры, относящейся к землям Восточного океана — с одной стороны, к землям Северного океана — с другой, объясняется, очевидно, тем, что описание первой части ойкумены начато от линии, идущей к точке летнего восхода, а описание второй части доведено до линии, идущей к точке равноденственного восхода.

Сочинение Гонория, безусловно, принадлежит поздним версиям традиции Агриппы. О том, что Агриппа подобным образом делил ойкумену, прямых свидетельств нет, и потому схема Гонория выглядит новым явлением [Riese, 1878, с. XXV]. Но схема деления «земного круга», принадлежащая Посидонию и являющаяся вариантом четырехчастной схемы Эфора, отражена у Плиния, описана им (II, 119—121; XVIII, 331—339; об источнике этих сообщений см. [Rehm, 1916, с. 90]) и органически включена

---

[4] В тексте: Anartacae.

[5] Предложены чтения: Tauri Medi [Riese, 1878, с. 46], Caumedae [Tomaschek, I, 1877, с. 48].

[6] Предложены чтения: Percenii, ср. Pariani Мелы и Плиния [Marquart, 1901, с. 220, 222]. Но, может быть, искаженное Hyrcani?

[7] Возможно, следует читать Palibothri, ср. город Palibothra, упомянутый Гонорием в той же части (A, 6).

в изложение географического материала, заимствованного у Агриппы (VI, 57, 197; об источнике данных сообщений см. [Detlefsen, 1908, с. 44—46]), а кроме того, имеет отзвуки и у Мелы. В некоторых случаях Плиний и Мела даже пытаются организовать свой материал в соответствии с этой схемой, причем тоже не ограничиваются только основными линиями деления. Так, Плиний отдельно описывает земли, простирающиеся «от крайнего Аквилона до предела летнего востока» (VI, 34, 35; ср.: Mela, I, 12, 13), и говорит о побережье Эойского, т.е. Восточного, океана, «обращенном к летнему востоку» (VI, 53). И схема эта, по-видимому, та же самая, которой позднее руководствовался Гонорий [Detlefsen, 1908, с. 46, примеч. 1]. Все это дает основание предполагать, что схема «земного круга», принятая Гонорием, с самого начала как-то сопутствовала карте Агриппы.

Истоки четырехчастного принципа Гонория становятся ясными, когда он вслед за Эфором и Посидонием крайней страной восточной четверти называет Индию, а среди «провинций» южной четверти упоминает две Эфиопии (A, 43). Плиний, используя ту же схему и прямо ссылаясь на Посидония, говорит об Индии как стране, простирающейся от летнего восхода до зимнего (VI, 57 = фр. 100), а Эфиопию помещает на пространстве от зимнего восхода до зимнего заката и делит ее линией, идущей прямо на юг (VI, 197). Показателен и такой факт: Каспийское море, как уже говорилось, Гонорий помещает и в восточном, и в северном секторах; это может означать, что через него проходит радиус, направленный к точке летнего восхода. Действительно, судя по изложению Плиния, Каспийское море вливается из океана у «предела летнего востока» (VI, 34—36; ср.: Mart. Cap., VI, 665, где об этом сказано прямо); сообщение это заимствовано у Агриппы [Detlefsen, 1906, с. 82, ср.: Klotz, 1931, с. 61] и имеет отзвуки у Мелы (I, 12, 13; III, 38).

Конечно, на схему Гонория повлияли и более поздние, христианские концепции, как это убедительно показал А.Ризе [Riese, 1878, с. XXV]. Но воздействие их сказалось лишь на размещении и порядке перечисления объектов по четвертям — главным образом северной и южной.

Конкретное географическое «заполнение» частей ойкумены Гонория, как мы его описали здесь, явно восходит к Агриппе. Соответствие ему можно найти или в прямых фрагментах сочинения Агриппы, или в сообщениях Мелы и Плиния, заимствованных у Агриппы. У Агриппы Индия образует одну «сфрагиду» (Plin., VI, 57; Div., 24; Dim., 1 = фр. 32), Мидия, Парфия, Ариана, Арахосия, Ассирия входят в состав другой «сфрагиды» (Plin., VI, 137; Div., 23; Dim., 2; Oros., 1, 2, 17 = фр. 31). Согласно Меле и Плинию, бактры, сугдианы, парианы, пропанисады, дахи, хорасмы населяют внутренние области северо-восточной части

ойкумены (Mela, I, 13; Plin., VI, 47, 48). Мела называет пестиков и дербиков среди племен, обитающих вокруг Каспийского моря (III, 39). Плиний приводит группу племенных названий «Arasmi, Marotiani, Arsi, гелы» (VI, 48), которая расшифровывается при сопоставлении с «Parosmi, анариаки, гел(он)ы» Гонория: Arasmi (или Parrhasini), Mar[d]i, Aniar[ac]i (<Anariaci), гелы [иное чтение см.: Marquart, II, 1905, с. 85]. Наконец, Мела и Плиний на крайнем северо-востоке ойкумены помещают скифов-антропофагов, пустыни со множеством диких зверей и народ серов (Mela, III, 59, 60; Plin., VI, 53, 54). Скифы-фуны и каумеды, не имеющие соответствия у Мелы и Плиния, видимо, явились результатом поздней ревизии карты Агриппы.

Схема Равенната

Схему, близкую той, которая представлена у Тимосфена, рисует Равеннат. Он делит «земной круг» довольно своеобразным способом на двадцать четыре сектора. В качестве отправных он берет две основные точки на окружности горизонта: точку восхода и точку захода Солнца во время равноденствия. Сначала он следует по ходу Солнца, с востока на запад, вдоль южных окраин земли, омываемых океаном, и делит их на двенадцать равных частей в соответствии с двенадцатью дневными часами (I, 1, 9 — 3, 7). Затем таким же образом делит северные окраины земли в соответствии с двенадцатью ночными часами (I, 10, 7— 12, 7). Описывая схему в целом, Равеннат называет преимущественно окраинные народы и области, но в последующем изложении он организует по указанным в схеме «часам» фактически весь свой материал, перечисляя относящиеся к каждой области провинции, города, реки. Составными частями схемы Равенната являются и «четыре небесных направления» (I, 1, 5), и двенадцать ветров, не названных по отдельности, из которых шесть дуют в направлениях, указанных двенадцатью дневными «часами» (I, 4, 1), а другие шесть — в направлениях, указанных двенадцатью ночными «часами» (I, 13, 1).

В первом дневном «часу», на окраине, живут инды, «за спиной» которых, на востоке, «совсем близко к Солнцу», простирается неизведанная пустыня; «спереди» индов обитают нижние персы, или парфы (I, 2, 1). Рядом с индами, с одной стороны, во втором дневном «часу», находится земля персов (I, 2, 3), а с другой стороны, в двенадцатом ночном «часу», — земли гирканов, исседов, а также земля парфов, граничащая с бактрийскими индами (I, 12, 7). Индия разделена на три страны, из них та, которая «лежит на левой стороне», к северу, называется Индией Серийской Бактрийской (II, 1, 3). Страна Парфия, которая лежит

рядом с этой Серийской Индией, включает провинции: хорасмиев, согдианов, сабеев, парапанисидов, ариенов, сатраидов, арахотов (II, 4, 1). Страна персов включает провинции: гедрусиев, гимандриев, сарангов[8] (II, 11, 1). Рядом со страной парфов, немного севернее, находится Гирканский залив и Гиркания, примыкающая к Серийской Индии (II, 8, 1). Гиркания включает провинции: мардианов, дербикков, кадусиев, Eroon, Esidis — скифов, утиев-скифов, саков-скифов, тапуриев, тохариев, фруниев[9] (II, 8, 2).

Центром ойкумены, из которого Равеннат «обозревал» окружающие земли, была, видимо, Равенна [Schnetz, 1951, с. III; Подосинов, 1978а, с. 25], хотя иногда таковым считают Иерусалим или Константинополь [историю вопроса см.: Funaioli, 1914, с. 309].

Как видим, и у Равенната избранная им схема деления ойкумены на двадцать четыре сектора господствует над конкретным материалом. Источники этих двух компонентов сочинения Равенната различны. Как нам кажется, К.Миллер прав в том, что круглая карта, по которой Равеннат описал свою схему, не имеет ничего общего с основным источником Равенната [Miller, 1887, с. 44, 45; 1916, с. XXVIII]. Что представляла собой эта круглая карта? Картой Агриппы она, безусловно, быть не могла [ср.: Müllerus, II, 1961, с. XXIV].

Скорее всего она являлась поздним вариантом схемы Тимосфена. Схема, использованная Равеннатом, первоначально представляла собой двенадцатилучевую фигуру — об этом свидетельствует упоминание Равенната о двенадцати ветрах. И в перечне окраинных народов и других географических объектов, приводимых Равеннатом в описании «часов», еще сохранились специфические следы схемы Тимосфена. Это касается Индии, как она представлена в описании «часов». Сообщение Равенната о пустыне, простирающейся к востоку от индов, определенно представляет собой отклик на описание неизведанной пустыни, тянущейся к востоку от Индии, к самому восходу Солнца, — описание, которое дает Геродот (III, 98, 104; IV, 40), заимствуя у Гекатея. А Тимосфен, как уже говорилось, в своих представлениях об Индии зависел от Гекатея. Показательно также, что Каспийское море Равеннат поместил в одиннадцатом ночном «часу» (I, 12, 6). И Тимосфен помещал Каспийское море в направлении на «летний восток» (Agathem., I, 7 = фр. 6), соответствующем этому «часу». Но Равеннат упомянул среди географических названий двенадцатого ночного «часа» и «Гирканский

[8] В тексте: Edruxion, Sarradon [о предложенном чтении см.: Schnetz, 1951, с. 30].

[9] В тексте: Sacens, Erurion [о предложенном чтении см.: Schnetz, 1951, с. 29].

залив», дублирующий Каспийское море, — используя уже другой источник.

Однако Равеннат внес в схему Тимосфена два существенных изменения. В схемах, подобных «розе ветров» Тимосфена, точка пересечения радиуса с окружностью горизонта отмечала лишь середину дуги, связанной с той или иной окраинной местностью, протяженность которой оставалась неопределенной [Rehm, 1916, с. 46, 47]. Равеннат, желавший разместить весь свой материал в секторах ойкумены, должен был точно определить границы этих секторов и потому провел двенадцать дополнительных радиусов. Так были получены двадцать четыре сектора вместо двенадцати. Только этим нововведением, а также сопоставлением полученных секторов с часами суток, видимо, и ограничиваются изобретения Равенната [ср.: Funaioli, 1914, с. 306; Schnetz, 1951, с. III]. Далее, «четыре небесных направления» (quadrigines), указывающих на точки зимнего и летнего восхода и захода, Равеннат понял как направления, указывающие на точки равноденственного восхода и захода, т.е. прямо на восток и запад, а также на север и юг. Это привело к смещению всей схемы на плане ойкумены. Индия, которая должна бы располагаться во втором и третьем дневных «часах», помещена в первом дневном «часу» (или также в двенадцатом ночном и втором дневном «часах»?). Бактриана, которая должна бы располагаться в двенадцатом ночном и первом дневном «часах», совместилась с Индией и помещена в первом дневном «часу» (или в двенадцатом ночном?).

Карта, которая поставляла Равеннату основной конкретный материал, была, как это давно установлено, прототипом карты Пейтингера. Этот прототип не без оснований связывают с именем Кастория. Этническая номенклатура представлена на карте Пейтингера довольно скудно. Тем не менее здесь еще можно найти немало соответствий материалам Равенната; на карте Пейтингера упомянуты: Сера, бактрианы в северо-восточной части карты (XII, 4, 5); гедросианы на юге, у Инда (XII, 3); Гирканский залив и окружающие его Мардиана, дербикки, Hirgae, эсседоны-скифы, отии-скифы, саги-скифы (XI, 5—XII, 3).

В то же время отмечалось и влияние на Равенната со стороны Дионисия, видимо, через посредство карты, сопровождавшей сочинение последнего. Это относится и к данным Равенната о северо-восточной части ойкумены [Müllerus, II, 1861, с. XXIV]. Действительно, в сочинении Дионисия можно найти соответствия почти всем племенным названиям Равенната, приведенным выше; Дионисий называет: бактров, хорасмиев, Сугдию, саков, тохаров, фрунов и «варварские народы серов» на крайнем северо-востоке ойкумены (734—737, 746—757); сабов в Индии (1141); ближайших к Индии гедросов, арахотов, сатраидов и «всех, кто бы ни обитал близ ущелья Парпаниса, именуемых

общим названием ариенов» (1086—1106); наконец, утиев, кадусиев, мардов, гирканиев, тапиров, деркебиев (дербикков) вокруг Каспийского, или Гирканского, моря (730—738), а также гелов (Γηλοί)[10] и мардов (1018—1019).

Значит ли все это, что Равеннат сам одновременно черпал из двух рассмотренных источников? Нам кажется, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Дело в том, что связь между картами Дионисия и Кастория прослеживается и независимо от материалов Равенната; есть основания считать, что первая послужила основой для второй, во всяком случае в восточных ее частях. Очевидно, этническая номенклатура на карте Кастория, которой пользовался Равеннат, была представлена гораздо полнее, чем на дошедшем до нас экземпляре Пейтингера, через эту карту Кастория Равеннат и заимствовал данные Дионисия.

Если учесть, что Дионисий был одним из основных источников Равенната, то будет понятным и некоторое созвучие сообщений Равенната с данными Посидония. Известно, что сам Дионисий базировался преимущественно на материалах Посидония. Сопоставление сообщений Равенната с данными Посидония позволяет лучше понять первые. Так, «Серийская Бактрийская Индия» (India Serica Bactriana) Равенната при сравнении с перечнем «Бактриана, Каспирия, Серика» Птолемея (Apotelesm., II, 3, 33; 4, 3), восходящим к Посидонию, расшифровывается как последовательный ряд стран «Бактриана, [Северная] Индия (=Каспирия), Серика», представляющих крайний восток среднего пояса ойкумены. Сам же Посидоний строил свою теорию поясов, используя данные Аполлодора. В частности, приведенный перечень стран был взят им из итинерария Аполлодора, изложенного последним в связи с сообщением о распространении власти греческих царей Бактрианы «вплоть до серов и фринов (Φρυνῶν)[11]» (Strabo, XI, 11, 1 = фр. 7а). Такой же путь от Аполлодора прошли и некоторые другие данные Равенната. Принимая все это во внимание, можно согласиться с тем, что выражение Равенната «Серийская Бактрийская Индия» и, добавим, упоминание фруниев и некоторых других племен являются воспоминанием о завоеваниях греческих царей Бактрианы [Altheim, I, 1947, c. 352].

2. ПОЯСА ОЙКУМЕНЫ

Другой древнейший способ деления ойкумены исходил из представления о широтных полосах или поясах, охватывающих всю ойкумену.

---

[10] Другое чтение: Γηροί. У Авиена: Gerrhi.

[11] В тексте: Φαυνῶν.

Опорой этой схемы деления ойкумены также служили точки горизонта. Точки летнего и зимнего восхода и захода Солнца соединялись не только по диагонали, но и параллельными линиями — современные исследователи именуют их ионийскими «тропиками».

Эту схему имели в виду еще древние поэты Гесиод и Эсхил, когда противопоставляли скифов и эфиопов. Но детальная разработка этой схемы была делом ионийских ученых. В средней полосе, «в середине между восходами Солнца», у них, конечно, находилась Иония, а север и юг воплощались в Скифии и Египте; существовали ли у ионийцев точные определения линий «тропиков», сейчас сказать трудно [ср.: Heidel, 1937, с. 20—22, 26—44]. Север и юг во всем противоположны, контрастны друг другу: на севере — холод и влажность, господство зимы, на юге — сухость и зной, постоянное лето; наилучшим «воздухом», т.е. климатом в современном смысле, водой и правильной сменой времен года отличается середина; эти особенности влияют и на растительность, и на животный мир, и на людей; сами природные различия объясняются положением относительно Солнца: удаленностью от него или близостью [Trüdinger, 1918, с. 39; Томсон, 1953, с. 161, 162; Дитмар, 1973, с. 31; 1980, с. 38—46]. Все эти представления были свойственны ионийской науке вообще, и правы те исследователи, которые не считают возможным возводить их к одному Гекатею [Paassen van, 1957, с. 325].

Представление о настоящих «поясах» (ζῶναι) окончательно сформировалось лишь у тех античных ученых, которые придерживались теории шарообразности Земли (независимо от того, считать ли создателем учения о поясах Парменида или Эвдокса) [обзор вопроса см.: Томсон, 1953, с. 170, 171, 175, 176, 183; Дитмар, 1973, с. 36, 37, 39; 1980, с. 50, 51]. Ойкумена как обитаемая зона теперь противопоставлялась другим, принципиально необитаемым поясам, непригодным для жизни, — это противопоставление, по нашему мнению, не было свойственно более раннему представлению об ойкумене как «земном круге» (об ойкумене как всей плоской поверхности земного диска см. [Berger, 1903, с. 1, 40, 75, 166; Gisinger, 1924, с. 547; 1937, с. 2128; ср. иное мнение: Heidel, 1937, с. 12 и сл.; Дитмар, 1972, с. 38; 1973, с. 37; 1980, с. 38—40; и др.]). Правда, по мере расширения кругозора расширялась и известная зона обитаемости, так что об ойкумене времен поздней античности, когда стали известны земли к югу от экватора, уже трудно говорить как «о поясе». Следует также отметить, что ойкумена как обитаемый пояс не тождественна ойкумене как известной суше, будь то остров или участок материка. Именно к первому понятию ойкумены относятся определения «тимпан» (τύμπανον), т.е. «барабан»; «сфендона» (σφενδόνη), т.е. «повязка, оправа, праща»; «спондил» (σπόνδυλος),

т.е. «диск веретена», которые не противоречат определениям «хламида» или «трапеза», относящимся ко второму понятию, и могут даже сосуществовать с ними у одного автора. Это обстоятельство не всегда учитывается современными исследователями и, по-видимому, уже в древности породило некоторые недоразумения.

И все же, судя по некоторым намекам, старая схема «земного круга», разделенного на широтные полосы, продолжает сохраняться и в эпоху господства теории шарообразности Земли. В этой связи обратим внимание на тот факт, что о зонах говорят те же античные ученые, которые описывают и «розу ветров», т.е. схему «земного круга», разделенного на секторы: Аристотель [о зонах см.: Düring, 1966, с. 398], заимствовавший учение о зонах у Эвдокса; Полибий [о зонах см.: Walbank, 1972, с. 119]; Посидоний, а следы учения последнего о зонах, как и о секторах, вновь обнаруживаются у Агриппы, поскольку они представлены и у Мелы, и у Плиния [о зонах у последних двух авторов см.: Томсон, 1953, с. 447; Дитмар, 1973, с. 110, 113; 1980, с. 90, 92]. Видимо, та и другая схемы деления ойкумены были тесно связаны в античной традиции. В древнейшие времена они являлись, в сущности, лишь двумя вариантами членения «земного круга». В эпоху, когда утвердилась теория шарообразности Земли, старые схемы пытались сочетать с новыми представлениями. В учении о зонах к старой схеме, как кажется, обращались тогда, когда говорили не о зонах всего земного шара и даже не об ойкумене как пригодном для обитания поясе земного шара, а об ойкумене в старом смысле как известной обитаемой земле: ее по-прежнему делили на три полосы — среднюю, скифскую и эфиопскую. Так, во всяком случае, поступал Посидоний, к рассмотрению схемы которого мы и переходим.

Схема Посидония

Посидоний сделал новый шаг в теории поясов. Он впервые четко отделил астрономические пояса, определяемые по небесным явлениям (πρὸς τὰ οὐράνια), от тепловых поясов, имеющих значение для жизни человека (πρὸς τὰ ἀνθρώπεια) [Honigmann, 1931, с. 115; Abel, 1974, с. 1075]. Посидоний, безусловно, знал о несовпадении границ тех и других поясов [Honigmann, 1931, с. 116; Pédech, 1974, с. 32], а судя по некоторым его высказываниям (Strabo, II, 2, 2 = фр. 28, § 2; II, 3, 2), знал и о том, что обитаемый пояс выходит за линию тропика.

При такой сугубо «биологической» трактовке тепловых поясов с ними особенно удобно соединялась старая ионийская схема трех полос «земного круга». Именно на три соответствующих пояса и делил Посидоний обитаемую зону: (1) средний, (2) скифский и

кельтский, (3) эфиопский (Strabo, II, 1, 3 = фр. 28, § 5). Правда, поскольку Посидоний располагал массой нового материала, основанного на реальных наблюдениях [Дитмар, 1973, с. 98; 1980, с. 80, 81], который не укладывался целиком в старую схему, ему пришлось ввести некоторые дополнительные пояса. Но мы не будем здесь касаться сложного и спорного вопроса о количестве таких поясов. Все эти вновь полученные пояса А.Б.Дитмар предлагает назвать «природными» [Дитмар, 1973, с. 97, 98].

Мера тепла, влаги, более или менее благоприятное «смешение воздуха», т.е. климат в нашем смысле, — вот черты, которые характеризуют природные пояса и определяют все формы жизни в них: растительность, животный мир и, наконец, физическую и духовную природу человека [Reinhardt, 1921, с. 67—87; Томсон, 1953, с. 163, 302, 305]. Своеобразие поясов определяется преимущественным влиянием Солнца или Луны, тех или иных планет и созвездий. Об отношении Посидония к астрологии высказывались разные мнения [историю вопроса см.: Reinhardt, 1953, с. 594]. Причастность его к астрологической географии нередко отрицается. Иногда допускают, что Посидоний признавал влияние планет на зоны [Trüdinger, 1918, с. 85, 121], но порой отрицают и это [Honigmann, 1929, с. 30, 47; Reinhardt, 1953, с. 679], признавая за географией Посидония лишь преимущественно солярный характер. Нам кажется, что стремление «спасти» Посидония от астрологии, столь популярной у стоиков и вообще в его эпоху, выглядит не очень убедительно. В представлении Посидония о природных поясах, если исключить поздние астрологические добавления, нетрудно распознать ионийские истоки [ср.: Berger, 1903, с. 89; Abel, 1974, с. 1079]. И совсем не случайно, что «этническое» деление ойкумены было соединено именно с учением о зонах [ср.: Honigmann, 1929, с. 27, 49]: такое соединение было обусловлено эволюцией самого античного учения о зонах.

Весь материал Посидония о природных поясах использован, видимо, Птолемеем в «Апотелесматике» (кн. II, гл. 2—4). Вопрос об источниках географического материала названного сочинения сложен [историю вопроса см.: Boer, 1959, с. 1836].

Все исследователи единодушны в том, что этот труд по сравнению с «Географическим руководством» того же автора отражает совсем иной, причем более ранний, уровень географических знаний античности. Ф.Болл возводил географию «Апотелесматики» к Посидонию [Boll, 1894, с. 181 и сл.]. К.Трюдингер пересмотрел этот вывод и, отметив в «Апотелесматике» ряд моментов, противоречивших, по его мнению, данным Посидония, особенно неясность географической систематики и вообще «ненаучный» ее характер, отверг предположение о Посидонии как ее источнике [Trüdinger, 1918, с. 81 и сл.].

Хотя некоторые ученые придерживались прежней точки зрения [например: Schnabel, 1935, с. 413], многие последовали за К.Трюдингером [например: Reinhardt, 1953, с. 594, 679], и мнение последнего стало преобладать. Следует отметить, что споры шли в основном вокруг главы 3 книги II «Апотелесматики». Принадлежность Посидонию географических данных гл. 2 не оспаривалась ни К.Трюдингером, ни его последователями. Соглашаясь с тем, что география гл. 3 не может восходить к Посидонию, стали искать ее источник у других авторов: у Серапиона, одного из поздних представителей математической географии [Honigmann, 1929, с. 48; против: Uhden, 1933, с. 313, 314], у Эратосфена [Uhden, 1933, с. 307; Herrmann, 1938, с. 52] или, точнее, в работе неизвестного римского автора, который основывался на положениях Эратосфена, и в астрологической географии и этнографии Петосириса и Нехепсо, которым тоже остались неизвестными успехи математической географии, достигнутые после Эратосфена [Uhden, 1933, с. 304, 307, 314, 315].

Мы думаем, что в географическом материале «Апотелесматики» следует различать два слоя: общую астрологическую схему и конкретную географическую карту, но тоже, уже в источнике Птолемея, не лишенную астрологического элемента. Общая астрологическая схема представлена четырехчастным делением ойкумены по широте и долготе, где каждая четверть связана со «своими» созвездиями зодиака и планетами. Именно на такой схеме основывались Петосирис и Нехепсо, представители египетско-эллинистической литературы, которые говорили о «четвертях» и знаках Зодиака, распределенных между ними по три (Plin., VII, 160). Видимо, их схему имел в виду Птолемей, когда ссылался на древний метод (III, 11), хотя говорил вообще о египтянах и халдеях [Boer, 1959, с. 1837].

Конкретная географическая карта принадлежит Посидонию. Птолемей не случайно избрал в качестве своего источника работу Посидония: последний, как уже говорилось, сам склонялся к астрологии. В конкретной географии рассматриваемого сочинения Птолемея, в группировке стран, в дроблении и дублировании их названий, которое на первый взгляд кажется произвольным, явно проступают следы учения Посидония о природных поясах. Сами названия стран, особенно восточных, также указывают на Посидония как на источник Птолемея, а часть их ведет еще далее — к Аполлодору как источнику Посидония. Однако в результате приспособления к инородной астрологической схеме данные Посидония были перетасованы, частично утрачены и вообще приобрели в какой-то мере чуждый этому автору вид.

Предположение о заимствовании Птолемеем конкретного материала для астрологической географии у Эратосфена, а не у Посидония кажется нам совершенно неубедительным. Некото-

рые исследователи считают, что в описании юго-восточной четверти и внутренней части северо-восточной четверти ойкумены сохранились следы сообщения Эратосфена о сфрагидах [Uhden, 1933, с. 311, 312]. Но сходство здесь ограничивается в основном лишь тем, что Птолемей упоминает некоторые названия, фигурировавшие и у Эратосфена. Никакого специфического сходства астрологической географии Птолемея с учением Эратосфена о «сфрагидах» нет, напротив, имеются определенные отличия. Безусловно противоречит такому предположению материал по внешней части северо-восточной четверти ойкумены: некоторых упомянутых здесь стран Эратосфен вообще не знал, расположение других представлял иначе. Если в отдельных моментах и намечается близость материалов Птолемея к данным Эратосфена, то объясняется она тем, что сам Посидоний заимствовал у Эратосфена или из общих с ним источников.

Всю ойкумену Птолемей делит на три полосы: южные параллели проходят через земли эфиопов, северные — через земли скифов, а посредине, «между летним тропиком и Медведицами», живут остальные люди (II, 2). В трех полосах отчетливо просматриваются упомянутые выше три тепловых пояса обитаемой зоны Посидония. В данном случае имеются в виду уже настоящий тропик и арктический круг, а не летний и зимний восход и запад, как в «розе ветров».

В то же время Птолемей делит ойкумену на половины по широте и долготе, так что всего получает четыре части (II, 3). Деление ойкумены на четверти чуждо Посидонию [Trüdinger, 1918, с. 88; Uhden, 1933, с. 305]. Но и здесь использованы некоторые элементы карты Посидония, в частности деление ойкумены на северную и южную части «непрерывным горным хребтом на востоке», т.е. Тавром [ср.: Robbins, 1956, с. 129]. Концепция Тавра, делителя Азии, обоснованная Эратосфеном, была воспринята и Посидонием, о чем свидетельствует изложение ее у Дионисия (638—646).

Каждую четверть ойкумены Птолемей делит на внешнюю и внутреннюю части, а эти части, в свою очередь, на триады стран. Северо-восточная четверть ойкумены представляет собой северную часть Великой Азии. Внешняя часть северо-восточной четверти ойкумены состоит из следующих стран: Гиркания, Армения, Матиана, Бактриана, Каспирия, Серика, Савроматика, Оксиана, Сугдиана (II, 3, 33). Первые три страны, Гиркания, Армения и Матиана, составляют одну триаду (II, 4, 2), следующие три, Бактриана, Каспирия и Серика, — другую (II, 4, 3), последние три, Савроматика, Оксиана и Сугдиана, — третью (II, 4, 4).

Каждая четверть, ее часть и триада имеют особую связь с соответствующими планетами и созвездиями зодиака, которые определяют свойства народов, населяющих эти части ойкумены.

И Птолемей дает любопытные этнические характеристики. Народы внешней части северо-восточной четверти близки трем созвездиям Зодиака — Близнецов, Весов и Водолея — и управляются двумя планетами, Крона и Зевса. Поэтому обитатели стран этой части ойкумены «почитают Зевса и Гелиоса[12], очень богаты и имеют много золота, в жизни чисты и благопристойны, они маги, мудры в божественных делах, справедливы и свободны в обычаях, высоки и благородны душой, ненавистники зла, любвеобильны, готовы умереть ради друзей за прекрасное и святое дело, в любовных делах достойны и чисты, роскошны в одежде, щедры и великодушны» (II, 3, 33, 34). К этому тексту нужно сделать пояснение. В качестве «управляющих» планет здесь названы планеты Крона и Зевса, а почитаемыми божествами оказываются Зевс и Гелиос. Кажущееся противоречие объясняет сам Птолемей: «...почитают Крона, называя его Мифрой — Гелиосом» (II, 3, 23). Но и народы каждой триады этой части имеют свои отличия. Народы Бактрианы, Каспирии и Серики сродни созвездию Весов и планете Афродиты. Поэтому они «очень богаты, любят муз и ведут более утонченный образ жизни» (II, 3, 36). Народы Савроматики, Оксианы и Сугдианы близки созвездию Водолея и планете Крона. Поэтому они «более дики, суровы и звероподобны» (II, 3, 36).

В основе всех этих перечней стран и их характеристик лежит описание природных поясов, восходящее к Посидонию.

В первой и второй из отмеченных триад использованы данные Посидония о среднем поясе: в первой триаде страны перечисляются с востока на запад, во второй — с запада на восток. У Посидония перечень выглядел, видимо, так: Матиана, Армения, Гиркания, Бактриана, Каспирия, Серика. Страны этого перечня должны были представлять северную полосу среднего пояса, т.е. ту его часть, которая находилась к северу от Тавра. Отметим, что характеристика народов Бактрианы, Каспирии и Серики как «очень богатых» (πλουσιώτατοι) перекликается с эпитетом «богатые» (ἀφνειοί), который Дионисий, черпая у Посидония, прилагает к бактрам (734). Возможно, что характеристика эта в конечном счете восходит к Аполлодору.

Страны третьей триады — Савроматика, Оксиана и Сугдиана — должны были представлять, судя по описанию населения этих стран, скифский пояс. Сугдиана, помещенная в скифский пояс, явно расположена только к северу от Бактрианы — этот момент отражает в чистом виде ту схему, которую в «Географическом руководстве» Птолемей совместил со схемой Эратосфена. Дополнительные сведения об этом поясе можно почерпнуть в начале 3-й главы. Здесь Птолемей, характеризуя четверти

[12] Ἥλιον. Другое чтение: Κρόνον.

ойкумены, называет крайние страны каждой четверти. Такими странами в северо-восточной и северо-западной четвертях являются соответственно Скифия и Кельтогалатия. Они и представляют крайний восток и крайний запад скифско-кельтского пояса. Таким образом, восточнее Сугдианы в этом поясе должна простираться собственно Скифия. Точно так же крайними странами юго-восточной и юго-западной четвертей названы Восточная и Западная Эфиопия, а далее в 3-й и 4-й главах в основных перечнях стран упоминается только Средняя Эфиопия. Между прочим, наименование Южной Индии Восточной Эфиопией — характерная черта географии Посидония (Strabo, II, 3, 7, 8 = фр. 28, § 23, 24; см. [Boll, 1894, с. 210—212]).

По-видимому, и небесные тела, названные здесь, были связаны с указанными поясами уже у Посидония, хотя Птолемей, создавая свою схему, мог внести некоторые изменения в положения Посидония. Во всяком случае, даже Крон и его планета, выступающие в связи со скифским поясом в специальном качестве экспонента дикой, звероподобной первобытности, как полагают, не чужд Посидонию и в такой трактовке [Pfligersdorffer, 1959, с. 7, 17].

Этнографический материал, которым Посидоний иллюстрировал свою теорию природных поясов, использовал не только Птолемей. Образцы его в изобилии рассыпаны в тексте сочинения Страбона и сочинений «О воздержании от мясной пищи» Порфирия и «Евангельское приуготовление» Эвсебия.

Материал Посидония о южной и частично северной полосах среднего пояса сохранился у Эвсебия. Этот автор, цитируя Бардесана, описывает разнообразные обычаи серов, индов и бактров, персов, гелов, снова бактров, Аравии и Осроены, парфов и армениев и т.д. (VI, 10, 12—23). Бардесан в данном случае имел цель показать, что, хотя ойкумена и делится на семь частей, утверждения астрологов о влиянии семи планет на семь климатов ложны [Honigmann, 1929, с. 92, 93]. Поэтому и в рассматриваемом сообщении Эвсебия содержатся рассуждения такого рода: «в одном климате и в одной стране» обычаи разные, и, наоборот, народ сохраняет свои обычаи «не только в своей стране и в своем климате» (VI, 10, 15, 16). Что понимал Бардесан под «климатом»? Настоящих астрологических климатов он не знал [Honigmann, 1929, с. 93, 94]. Возможно, что Бардесан имел в виду общеизвестные «семь климатов» Эратосфена. Но конкретные данные Бардесана показывают, что, говоря о климатах, он располагал материалом Посидония, имеющим отношение к природным поясам. Термин «климат» ко времени Бардесана давно уже употреблялся не только в своем специальном значении и вполне мог быть приложен к поясам Посидония.

Птолемей в «Апотелесматике» те же обычаи и характерные черты приписывает народам внешней части юго-восточной четверти ойкумены: Индии, Арианы, Гедросии, Парфии, Мидии, Персии, Вавилонии, Месопотамии и Ассирии (II, 3, 22—26). Несомненно, что и Бардесан и Птолемей черпали в данном случае из одного и того же источника, а именно из сообщений Посидония, касающихся южной полосы среднего пояса. Заметим, что Аравия и Осроена, видимо, рассматривались Посидонием как части Месопотамии (ср.: Euseb., P.E., VI, 10, 35; Strabo, I, 2, 34). Сириец Бардесан, изучая труды астрологов [Honigmann, 1929, с. 92], вряд ли прошел мимо известных работ своего соотечественника Посидония. Когда ему понадобилось опровергать астрологию, он вновь воспользовался теми же работами. Видимо, в них содержались какие-то положения, которые давали опору для критики. Таковыми могли быть высказывания Посидония о том, что влияние небесных тел на обычаи имеет свои пределы, а также положение о возможности влияния на обычаи со стороны не только основных для данного пояса планет, но и побочных, соседних.

В связи с последним положением Посидоний, может быть, и говорил об арменияx, гелах, бактрах и серах, описывая народы южной полосы среднего пояса. Судя по Птолемею, одной из двух планет, управляющих народами в поясе от Индии до Месопотамии, является планета Афродиты (Apotelesm., II, 3, 23). Но эту планету в качестве побочной Птолемей связывает, как мы видели, и с некоторыми странами более северной полосы, в частности с Бактрианой. Сопоставляя все эти данные, можно сделать заключение, что Посидоний, описывая народы южной полосы среднего пояса, отмечал влияние планеты Афродиты на обычаи не только «своих» народов, но и соседних, в частности гелов и бактров. Действительно, Эвсебий в рассматриваемом сообщении говорит о гелах и бактрах именно по поводу своеобразного положения их женщин и объясняет его именно частичным влиянием планеты Афродиты (P.E., VI, 10, 18—22). Так, о бактрах Эвсебий рассказывает по поводу свойственного их женщинам обычая свободного служения Афродите и заканчивает рассказ так: «Но не во всем роду бактрийских женщин встает в зенит после Зевса и Арея в своих правах смешливая Афродита» (P.E., VI, 10, 21, 22). Очевидно, эти слова надо понимать в таком смысле: бактры, природный пояс которых управляется планетами Зевса и Арея (у Птолемея им соответствуют Зевс и Крон-Гелиос), испытывают лишь частичное воздействие со стороны планеты Афродиты. Бардесан, заимствуя это высказывание у Посидония, видимо, даже не заметил, что оно противоречит его собственному исходному тезису, направленному против астрологии.

Материалом Посидония о скифском и частично среднем поясах воспользовались Порфирий и Страбон. Порфирий описывает жестокие обычаи ряда народов: массагетов и дербиков, тибаренов, гирканов и каспиев, скифов, бактриев (De abstin., IV, 21). То же самое вслед за Порфирием повторяет Эвсебий (P.E., I, 4, 7). По-видимому, обо всем этом и в той же последовательности говорил уже Посидоний. Этот пассаж представлял собой характеристику народов скифского пояса и должен был иллюстрировать их дикость и суровость. Однако можно заметить, что вместе со скифами в нем упомянуты и некоторые народы северной полосы среднего пояса, в том числе бактрии. В этом обстоятельстве проявилось представление Посидония о роли соседей, окружения в формировании характера народов (относительно положения Посидония о роли соседства, скрадывающего различия между народами, обусловленные разницей в их широтном положении, см. [Honigmann, 1931, с. 122]; ср.: Strabo, I, 2, 3, 4).

Текст Посидония с описанием народов тех же местностей имел в своем распоряжении и Страбон. Но Страбон не стал пересказывать его целиком, а попытался приспособить к плану своего изложения. Сначала он делает отдельные извлечения из него и в одном случае дает прямую ссылку на Посидония (XI, 9, 1 = фр. 87а; XI, 11, 3), а затем приводит оставшийся материал (XI, 11, 8), частично повторяя сказанное ранее. О жестоком обращении бактрианов и каспиев со стариками и больными (а в действительности о местном погребальном обычае, тенденциозно истолкованном древним автором) Страбон говорит в связи с описанием Бактрианы (XI, 11, 3; об источнике этого сообщения см. [Behr, 1888, с. 30, 31]). Заметим, что обычай бактрианов Посидоний описывал по Онесикриту и Страбон сохранил ссылку на последнего (XII, 11, 3 = фр. 5). Однако Страбон, заимствуя у Посидония, не объясняет читателю, почему согдианы и бактрианы сближаются по образу жизни со скифами, причем первые — в большей степени, а вторые — в меньшей, и почему упомянутому обычаю бактрианов и каспиев приписывается скифское происхождение. Вносит ясность во все это концепция Посидония: согдийцы сами принадлежат к скифскому поясу, а обитающие рядом бактрийцы испытывают влияние скифов, заимствуя у них, в частности, свой жестокий обычай.

Материал Посидония лишь об одной северной полосе среднего пояса использован Страбоном в других его сообщениях. Страбон говорит о группе стран этого пояса дважды, по разным поводам, что свидетельствует о существовании такой группы уже в его источнике. Один раз она выступает в связи с обсуждением вопроса о широте Бактр и соседних стран, в полемике против Гиппарха. Страбон говорит здесь об умеренности и плодородии Северной Индии, Гиркании и Арии, Маргианы и Бактрианы,

«которые все прилегают к северному склону Тавра», а также о плодородии Матиены — части Мидии, Сакасены и Араксены — областей Армении, которые, правда, лежат южнее Гиркании (II, 1, 14). В другом случае Страбон касается этой группы в связи с описанием Гиркании, вновь отмечая благосостояние Гиркании, Матианы в Мидии, Сакасены и Араксены в Армении (XI, 7, 2).

Эти сообщения Страбона определенно заимствованы у Посидония [Honigmann, 1931, с. 131; ср.: Dubois, 1891, с. 361]. Здесь данные Посидония приведены несколько подробнее, чем у Птолемея, названо больше стран, причем при сопоставлении сведений того и другого автора нужно учитывать, что Северная Индия Страбона соответствует Каспирии Птолемея. О положении ряда этих стран вдоль северного склона хребта Тавр здесь прямо сказано. Посидоний, видимо, помещал их на широтах Амиса и Синопы, т.е. на широтах Геллеспонта или Византия (ср.: Strabo, II, 1, 16). О конкретных материалах Посидония для описания указанного пояса уже говорилось. Важно, что здесь прямо дана ссылка на «древних» (οἱ πάλαι) и на «современников» (οἱ νῦν) (Strabo, II, 1, 14), заимствованная, как мы думаем, у Посидония. Под первыми он понимал в данном случае преимущественно историков Александра, своим же современником, как и в других случаях, называл Аполлодора. Здесь уже можно определенно сказать, что представление Посидония об изобилии Бактрианы основано на данных Аполлодора: характеристика, которая сопровождает эту страну в рассматриваемом перечне областей, повторена у Страбона в описании Бактрианы с прямой ссылкой на Аполлодора (XI, 11, 1 = фр. 7а).

Предположение о принадлежности всего материала, использованного Страбоном для описания указанной группы стран, по крайней мере Гиркании, Мидии и Армении, Аристобулу [Wenger, 1914, с. 36] представляется неубедительным. Использование здесь данных Аристобула, конечно, возможно, но в целом это сборный материал, и собран он был не самим Страбоном, а Посидонием, печать учения которого он несет на себе.

Рассмотренные здесь сведения показывают, что Индия у Посидония занимала крайний восток и южной и северной полосы среднего пояса, т.е. располагалась по обе стороны Тавра, делившего ее на две части, из которых северная называлась Каспирией.

Этот вывод подтверждается интересным сообщением Плиния о том, что Посидоний измерял Индию от летнего восхода до зимнего, помещая ее напротив Галлии, которую измерял от летнего запада до зимнего, так что вся она лежала под ветром Фавонием, т.е. Зефиром (VI, 57 = фр. 100). Как бы дополняя себя, Плиний в другом месте, тоже по Посидонию [Detlefsen, 1908, с. 44], говорит, что Эфиопия простирается от зимнего востока до

зимнего запада (VI, 197). Следовательно, Посидоний действительно отводил Индии весь восток среднего пояса, помещая ее на севере от Эфиопии. Правда, эта картина, явно восходящая к Эфору, выглядит так архаично, что обычно предпочитают объяснять ссылку на Посидония, данную здесь Плинием, какой-нибудь неточностью или ошибкой [Berger, 1903, с. 575; Rehm, 1916, с. 57; Reinhardt, 1963, с. 670, и многие другие исследователи]. Но еще Д.Детлефсен дал вполне убедительное толкование сообщениям Плиния: они имеют в виду особую круглую карту Посидония, с окружностью, разделенной на дуги, и обозначением небесных направлений, т.е. точек горизонта, ветров и стран [Detlefsen, 1908, с. 44—46], — другими словами, ту условную схему, о которой мы говорили в разделе о секторах ойкумены.

Но эта условная схема имеет точки соприкосновения и с реальной картой Посидония. К.Г.Залльман даже считает, что в цитированном сообщении Плиния Индией могла быть названа вся восточная окраина ойкумены в пределах 23° к югу и к северу от параллели Родоса [Sallmann, 1971, с. 72]. Некоторые указания на этот счет имеются и в источниках. Как уже было отмечено, Птолемей, опираясь на данные Посидония, проводит границу между средним поясом и землями эфиопов по «летнему тропику» [Apotelesm., II, 2]. Следовательно, на востоке ойкумены там же должны находиться и пределы Индии. Действительно, Дионисий, который воспроизводит картину ойкумены по Посидонию, помещает «большой остров Тапробану», примыкающий к Индии с юга, под «тропиком Рака» (591—595; см. [Müllerus, II, 1861, с. XXIII]).

С Северной Индией связан и еще один любопытный комплекс сведений, касающихся северной полосы среднего пояса. Плиний цитирует Посидония, используя какое-то сочинение, касающееся вопросов географии Индии, к которому он прибегает и в других местах своего труда. Автора этого сочинения определяют по-разному; считают, например, что им мог быть Сенека, опиравшийся на материалы Посидония [Sallmann, 1971, с. 43]. Еще за несколько фраз до рассмотренной выше цитаты из Посидония Плиний обращается к той же теме, начиная свое высказывание со ссылки на «некоторых» (aliqui) — она обычно сигнализирует о смене источника. Очевидно, и в данном случае Плиний использовал то же сочинение. Высказывание это следует за замечанием об индийском народе каспиров[13]: «Некоторые [авторы] говорят, что на севере с ними смыкаются киконы и брисары» (VI, 55). Разумеется, в таком виде это сообщение нелепо. Но

[13] У Плиния Casiri. Чтение Caspiri предложено издателями. О соответствии касиров Плиния каспирам и каспиям других авторов см. [Tomaschek, I, 1883, с. 205; I, 1888, с. 749].

похоже, что в источнике Плиния речь шла о какой-то географической зональности. Нечто подобное дает Дионисий. Описывая по Посидонию разные обычаи отдельных народов, связанные с почитанием Вакха (570—579; ср.: Strabo, IV, 4, 6), упоминая и обычай украшаться «ветвями темнолистного плюща» (573), он тоже называет рядом бистонидов «у берегов Апсинфа», т.е. киконов и бистонов, и индов, ведущих процессию «вверх по темнопучинному Гангу» (575—579). Все это далекие отголоски каких-то построений Посидония, касающихся природной и этнической зональности. Фракийские племена киконов и бистонов жили на берегу Эгейского моря, к западу от Пропонтиды и Геллеспонта, а на востоке ойкумены, на тех же широтах, на параллелях Византия и Геллеспонта Посидоний помещал индийское племя каспиров.

Но по какому поводу Посидоний говорил в связи с каспирами о фракийских племенах? Нам представляется возможным следующее объяснение. Известно, что для географических теорий античности большое значение имели наблюдения за ареалом распространения хвойных деревьев, ели и сосны, которыми славились Фракия и Македония, а также плюща, который считался спутником виноградной лозы и играл большую роль в культе Вакха. Первоначально думали, что эти растения свойственны только Европе и прибрежным, западным, частям Азии. Обнаружение хвойных лесов в горах Северной Индии во время походов Александра (Strabo, XV, 1, 29; Diod., XVII, 89, 4) произвело на греков и македонян большое впечатление. Встреча с плющом в Индии, примыкающей к Бактриане, вызвала еще большую радость; воины Александра, увенчавшись плющом, даже впали в вакхический экстаз (Arrian., V, 2, 5—7; Curt., VIII, 10, 13—18). Для спутников Александра произрастание хвойных лесов и плюща здесь и в некоторых других местах Верхней Азии явилось признаком близости этих мест к Европе, к их родным землям. Для Эратосфена те же факты послужили опорой при определении широт областей Верхней Азии (о роли указанных растений в географических представлениях античности см. [Bretzl, 1903, с. 220—234, 243; 1949, с. 91]). Можно думать, что Посидоний, располагая новыми сведениями о природе Каспирии, т.е. горной области Северной Индии, пошел в их истолковании вслед за Эратосфеном, но упомянул и о том, какое значение придавалось ранее факту произрастания хвойных лесов и плюща в Северной Индии. Видимо, все это и отразилось в цитированных выше кратких сообщениях Плиния и Дионисия.

Этот способ деления ойкумены тоже исходил из представления о широтных полосах, но был основан на совсем иных принципах по сравнению с теми методами, которые мы рассмотрели выше. По природе своей это чисто астрономический подход. Распространился он лишь после утверждения теории шарообразности Земли и был связан с умением определять широту. Полагают, что первым стал определять широтное положение пунктов на шарообразной поверхности Земли Эвдокс [Дитмар, 1973, с. 41, 42; 1980, с. 53, 54]. На приоритет Эвдокса в этой области указывал и Гиппарх [ср.: Kubitschek, 1921, с. 838, 839].

Слово «климат» (κλίμα) уже в древности имело несколько значений. В том смысле, который интересует нас в данном случае, оно означало первоначально узкую полосу вдоль параллели шириной 400 стадиев, в пределах которой астрономические явления не обнаруживали заметных изменений, а потом — полосу между параллелями [Honigmann, 1929, с. 11, 12, 30; 1930, с. 1780]. Относительно того, кто впервые в античной традиции ввел понятие «климат», и именно в первом значении, высказаны разные мнения. Одни исследователи называют Эратосфена [Honigmann, 1929, с. 10—15], другие — Гиппарха [Dicks, 1960, с. 160]. Нельзя также определить точно, когда слово «климат» приобрело второе значение [ср.: Honigmann, 1929, с. 30]. Многие исследователи находят возможным говорить уже о климатах Гиппарха как о полосах, ограниченных параллелями [например: Tozer, 1935, с. 176; Дитмар, 1968, с. 17; 1973, с. 86; 1980, с. 74]. Как бы то ни было, создание теории климатов связывается в античной традиции в основном с именами Эратосфена и Гиппарха. Эратосфен во многом выступает как основатель учения, а Гиппарх — как его продолжатель и критик. Эратосфен широко использовал путевые данные, а Гиппарх оспаривал ряд положений Эратосфена, утверждая, что для установления координат нужно использовать только астрономические данные, если же таковых нет, то оставлять без изменений «древние карты», но вряд ли он сам строго придерживался своих принципов [Томсон, 1953, с. 295, 296].

В учении о климатах, по-видимому, с самого начала оформилось представление о семи основных параллелях и соответствующих им «семи климатах». Таковыми считались следующие параллели с получасовым промежутком: Мерое, Сиены, Александрии, Родоса, Геллеспонта, середины Понта, устья Борисфена. Между ними проводились дополнительные параллели с четвертьчасовым промежутком; полагают, что это могло привести и к увеличению количества климатов. О происхождении этого представления тоже существуют разные мнения [историю вопро-

са см.: Honigmann, 1929, с. 7, 8; Reinhardt, 1953, с. 677, 678; Dicks, 1960, с. 156]. Обычно его приписывают тому античному ученому, которого считают создателем теории климатов. В том случае, когда создателем этой теории признают Эратосфена, семь основных параллелей считают его созданием, а дополнительные промежуточные параллели — делом Гиппарха [Honigmann, 1929, с. 16, 20, 21; Diller, 1934, с. 261—265; о параллелях Гиппарха см.: Dicks, 1960, с. 193; о климатах Гиппарха см.: Дитмар, 1973, с. 86; 1980, с. 74].

Рассмотрим здесь данные отдельных авторов, содержащие сведения о Бактриане и ее соседях.

Данные Страбона

Основные сведения Страбона о широтном делении ойкумены содержатся в его сочинении в особом разделе «О климатах» (II, 5, 34—43; см.: Aly, 1957, с. 373, 374). Сведения эти заимствованы в основном у Гиппарха [Kubitschek, 1921, с. 839, 840], но уже у Гиппарха, видимо, были приведены пространные выдержки из сочинения Эратосфена, которыми Страбон тоже пользовался [Honigmann, 1929, с. 11, 14]. Мы остановимся здесь лишь на тех данных Страбона, которые будут нужны нам в дальнейшем. Это данные о трех параллелях, две из которых обосновывал Эратосфен, а третью — Гиппарх.

Параллель Родоса. Она отстоит от параллели Александрии на 3640 стадиев и имеет самый длинный день в $14^1/_2$ часа (II, 5, 39). По Эратосфену, эта параллель «проходит через Карию, Ликаонию, Катаонию, Мидию, Каспийские ворота и часть Индии вдоль Кавказа» (Strabo, II, 5, 39 = фр. III A, 21). Характерно, что Эратосфен называет ее параллелью то Родоса, то Афин [Berger, 1880, с. 187, 188; Томсон, 1953, с. 239] — в этом и проявляется представление Эратосфена о климате как об узкой полосе шириной примерно в 400 стадиев (ср.: Strabo, II, 1, 35 = фр. III A, 15). Во многих местах сочинения Страбона эта параллель выступает в роли широтной оси ойкумены. Сам Эратосфен при обосновании данной параллели опирался, видимо, на Дикеарха, у которого она выступала в роли делителя ойкумены [Knaack, 1909, с. 369].

Параллель Геллеспонта. Она отстоит от параллели Мероэ на 18 000 стадиев и от Борисфена на 5000 стадиев (II, 5, 42), а самый длинный день на ней, видимо, достигает 15 часов. Эратосфен называл ее параллелью Лисимахии и проводил «через Мисию, Пафлагонию, Синопу с соседними областями, Гирканию и Бактры» (II, 5, 40 = фр. III A, 22). Обосновывая эту параллель, Эратосфен использовал описание пути, на котором

Амис, Колхида, горный проход к Гирканскому морю, затем Бактры и земли скифов справа от гор лежали на одной линии, проходящей на западе через Пропонтиду и Геллеспонт (II, 1, 3 = фр. III A, 2; II, 1, 5 = фр. III A, 8). Гиппарх, критикуя Эратосфена, тоже обращался к этому описанию и рассматривал расстояния от Колхиды до Гирканского моря и от областей около Гиркании до Бактр и до областей племен, живущих далее (II, 1, 41 = фр. 33). Он отвергал построенную Эратосфеном параллель, поскольку считал, что горы на востоке ойкумены идут не прямо на восток, а совсем в ином направлении. Гиппарх, видимо, заменил эту параллель параллелью через Александрию Троадскую (II, 5, 40 = фр. 51). Описание пути, на которое опирались Эратосфен и Гиппарх, возможно, принадлежало Гекатею и восходило через него к Скилаку [Пьянков, 1972, с. 7—9].

Параллель Византия. Она отстоит от экватора приблизительно на 30 300 стадиев, от параллели Родоса — на 4900 стадиев и от середины Понта — на 1400 стадиев, а самый длинный день на ней — $15^1/_4$ часа (II, 5, 41). Установление этой параллели принадлежит только Гиппарху (II, 5, 41 = фр. 52); построил он ее на основе материала, относящегося к западным областям ойкумены. Гиппарх ввел ее как одну из промежуточных параллелей между параллелями Александрии Троадской и середины Понта с четвертьчасовыми промежутками между ними.

Вопрос о широтном положении Бактрианы и ее соседей специально обсуждался Страбоном по поводу утверждений Гиппарха о месте Индии на карте ойкумены. Гиппарх принял положение Мегасфена и Деймаха о протяженности Индии от южного моря до Кавказа более чем в 20 000 стадиев, а в некоторых местах даже более чем в 30 000 стадиев (Strabo, II, 1, 4 = фр. 12; ср.: Strabo, XV, 1, 12); последнюю цифру Деймах приводил там, где шла речь о горном проходе из Индии к бактрианам и согдианам (Strabo, II, 1, 14 = фр. 2b). На эти цифры и нападает Страбон. Он считает, что если принять протяженность Индии с юга на север в 30 000 стадиев, то ее северный рубеж, а вместе с тем Бактры и Арию, придется поместить на 33 000 или 34 000 стадиев к северу от южной границы обитаемой зоны, а от экватора — еще на 8800 стадиев дальше (II, 1, 12—14, 17). Это заставило бы отодвинуть Бактриану, примыкающую к Кавказу, на широты севернее параллели Борисфена и Кельтики и даже параллели Иерны, за пределы обитаемого мира, севернее устья Каспийского моря и береговой линии ойкумены (II, 1, 17) или, если следовать расчетам самого Гиппарха, по крайней мере поместить на одной параллели с Бреттанией (II, 1, 18). Всему этому противоречит, по словам Страбона, известное благосостояние Бактрианы, а также тот факт, что ни один из авторов «Персика», древних и современных, не отметил для областей около Бактр таких бро-

сающихся в глаза явлений, характерных для северных стран, как большая продолжительность дня, светлые ночи летом и незначительный подъем Солнца над горизонтом во время зимнего солнцестояния (II, 1, 14, 18).

Действительно ли Бактриана находилась у Гиппарха так далеко на севере? Мы думаем, что некоторые исследователи не без основания сомневаются в том, насколько справедливо Страбон приписал Гиппарху опровергаемые им взгляды [например: Томсон, 1953, с. 296]. Страбон ведет полемику, пользуясь обычным школьным методом reductio ad absurdum [Стратановский, 1964, с. 798], но основывается на неопределенных или ложных посылках. Во-первых, Страбон в своей полемике исходит из Эратосфенова представления о том, что Бактриана, расположенная к северу от Тавра, тянущегося на восток, вся лежит на широтах севернее Индии. Но вряд ли он нашел в сочинении Гиппарха какие-либо подтверждения такому представлению. Настойчивое подчеркивание им того, что Бактриана и другие страны расположены рядом с северной стороной Тавра, а Бактриана — даже близ горного прохода в Индию (II, 1, 14), свидетельствует, скорее, об обратном. Во-вторых, начиная полемику, Страбон исходит из распространенного представления, будто южные оконечности Индии находятся на одной параллели с Мероe (II, 1, 12; см. [Dicks, 1960, с. 125]), отстоящей от экватора на 11 800 стадиев. Но затем, к своему несчастью, обнаруживает, что Гиппарх не разделял такого мнения (II, 1, 20 = фр. 17; см. [Dicks, 1960, с. 125—127]). Относительно подлинных его взглядов Страбон говорит лишь, что «даже если оконечности Индии и не противолежат Мероe, то Гиппарх, кажется, соглашается, что они расположены значительно южнее Сиены» (II, 1, 20), хотя, судя по контексту, речь должна идти о том, что эти оконечности простираются далеко к югу от Мероe, а не к югу от Сиены, находящейся в 5000 стадиях севернее Мероe [Dicks, 1960, с. 128].

Скорее всего Гиппарх размещал Индию между экватором и параллелью Византия. Возможно даже, что определение им протяженности Индии более чем в 30 000 стадиев повлияло на определение расстояния от экватора до параллели Византия, введенной самим Гиппархом, как почти той же величины. Тапробану тогда Гиппарх должен был поместить к югу от экватора, и это подтвердило бы ссылку на Гиппарха в сообщении о Тапробане как «начале другого мира», начале земли антихтонов (Mela, III, 70 = фр. 5; ср.: Plin., VI, 81; о сомнениях в наличии такой ссылки см. [Gisinger, 1952, с. 2399; ср.: Sallmann, 1971, с. 124, примеч. 90; Abel, 1974, с. 1060]), т.е. жителей обитаемой зоны Южного полушария. Что касается Бактрианы, то Гиппарх не обязательно должен был помещать ее даже к северу от параллели Византия. Бактриана могла располагаться и на одних широтах с

северными частями Индии, так как горы, образующие северную границу Индии, тянулись у Гиппарха не прямо на восток, а изгибались на северо-восток.

Данные Плиния

Плиний тоже отводит теме широтного деления ойкумены особый раздел в географической части своего сочинения (VI, 211—220). Он начинает с заявления о том, что мир имеет определенное количество «полос» (segmenta), которые его соотечественники называют «окружностями» (circuli), а греки — «параллелями». Далее он описывает семь таких делений, называя их то circulus, то segmentum, то comprehensio, то divisio, и говорит, что таковы результаты, полученные древними. Последующие ученые, по его словам, добавили еще несколько делений на оставшейся поверхности Земли, и он опять описывает три добавочных segmenta на севере и два circuli на юге.

Прежде всего бросается в глаза, что Плиний путает полосы земной поверхности с линиями параллелей [Bunbury, II, 1959, с. 441; однако ср.: Honigmann, 1929, с. 31]. Далее, совершенно ясно, что весь рассматриваемый пассаж Плиния представляет собой довольно грубое и противоречивое совмещение данных нескольких источников. Один из компонентов был убедительно определен Э.Хонигманом как описание семи астрологических климатов [Honigmann, 1929, с. 40—46; Dicks, 1960, с. 157, 158]. Видимо, история создания всего представленного у Плиния описания полос и параллелей в общих чертах такова: в основе его лежит описание обычных географических климатов, в котором, надо думать, действительно выделялись «семь климатов» как исходное начало всей системы; к этой основе добавлено описание семи астрологических климатов, те и другие семь климатов отождествлены и данные о них, по мере умения, совмещены.

Каковы источники представленного у Плиния описания полос и параллелей? Можно считать вполне определенным, что географическая основа описания восходит в конечном счете к Гиппарху [Bunbury, II, 1959, с. 441, 442]. Астрологическое добавление не без оснований связывают с именем Нигидия. Важным посредником на пути рассматриваемого описания к Плинию многие признают Агриппу. Однако одни исследователи считают, что уже в руках Агриппы основа, восходящая к Гиппарху, была соединена с данными Нигидия [Kiessling, 1914a, с. 892, 893; ср.: Honigmann, 1927, с. 1538; 1929, с. 50, примеч, 2], другие склоняются к тому, что основа, заимствованная Агриппой у Гиппарха, усовершенствованная и дополненная им, затем была смешана с данными Нигидия [Schnabel, 1935, с. 412—415, 424]. Нам кажет-

ся, что второе мнение предпочтительнее. Плиний, видимо, получил в наследство от Агриппы таблицу настоящих географических климатов. Эту таблицу в чистом виде, без астрологических примесей, сохранили Капелла (VIII, 876) и другие латинские авторы [Honigmann, 1929, с. 51—54], примыкающие к традиции Агриппы. В тексте географических книг сочинения самого Плиния, в той их части, которая заимствована у Агриппы, еще заметны следы расположения материала по географическим климатам. Данные Агриппы Плиний скорее всего сам соединил с материалами Нигидия, из которых узнал не только об астрологических климатах, но и получил сведения более общего характера о широтном членении мира, восходящие к Серапиону (ср. II, 182—187; см. [Honigmann, 1927, с. 1538; 1929, с. 53, 54]).

Остановимся подробнее на отдельных полосах и параллелях Плиния, содержащих интересующие нас данные.

Третий и четвертый circuli (VI, 214, 215). Имеют самый длинный день — соответственно $14^8/_{15}$ и $14^2/_3$ часа. Это третий и четвертый астрологические климаты, т.е. климаты Родоса и Афин, совмещенные с четвертым географическим климатом, т.е. климатом Родоса. Напомним, что еще Эратосфен считал Родос и Афины расположенными практически на одной широте. Согласно Плинию, третий circulus «начинается у индов, ближайших к Имаву, проходит через Каспийские ворота, ближайшие части Мидии» и т.д., а под четвертым circulo «находятся области по другую сторону Имава» и т.д.

Пятое segmentum и шестая comprehensio (VI, 216, 217). Имеют самый длинный день — соответственно 15 и $15^1/_9$ или, по Нигидию, $15^1/_5$ часа. Это пятый и шестой астрологические климаты, т.е. климаты Геллеспонта и Рима, совмещенные с пятым географическим климатом, т.е. климатом Геллеспонта. У латинских авторов этот географический климат назывался климатом Рима, расположенного, как считалось, на одной широте с Геллеспонтом. Согласно Плинию, пятая полоса, начиная «от входа в Каспийское море, охватывает Бактрию, Иберию, Армению» и т.д., а шестая «включает каспийские племена, Кавказ, северные части Армении» и т.д.

Седьмая divisio (VI, 218). Имеет самый длинный день — $15^3/_5$ часа. Это седьмой астрологический климат. т.е. климат Анконы, совмещенный с шестым географическим климатом, т.е. климатом середины Понта. Согласно Плинию, это деление «начинается от областей по другую сторону Каспийского моря...».

Итак, содержание географических климатов было распределено по астрологическим климатам у Плиния, в общем, произвольно. Можно лишь догадываться, что в географическом источнике Плиния «инды, ближайшие к Имаву», были связаны с од-

ним климатом, а «области по другую сторону Имава» — с другим; области у «входа в Каспийское море» были отнесены к одному климату, «каспийские племена» — к другому, а «области по другую сторону Каспийского моря» — к третьему; Армения входила в один климат, а «северные части Армении» — в другой. В этих данных Плиния, касающихся Индии, как считается, еще заметно влияние Гиппарха [Honigmann, 1929, с. 50].

Следы географических климатов обнаруживаются не только в рассмотренном общем обзоре полос и параллелей мира, но и в тексте географических книг Плиния, что не всегда учитывается [например, ср.: Detlefsen, 1909, с. 146, 147]. Такие следы имеются в описании северо-восточной части ойкумены, и замечательно, что местности, связанные в источнике этого описания с климатами, как раз заполняют собой лакуну, явственно видную в цитированных выше отрывках из общего обзора полос и климатов.

Это касается прежде всего описания Каспийского региона в книге VI, параграфах 36—52, сочинения Плиния. В.В.Тарн, разбирая содержание этого текста, решил, что параграф 48 является случайным собранием имевшихся в записках Плиния названий народов, которые тот не знал, куда поместить [Tarn, 1951, с. 285]. Но к такому выводу В.В.Тарна привела ошибочная интерпретация племенных названий, к тому же такое объяснение совершенно противоречит методу работы Плиния. Подобным образом толкуют содержание параграфа 48 и другие исследователи [например: Markwart, 1938, с. 84, примеч. 2; Ельницкий, 1961, с. 191]. Однако уже давно было замечено, что в указанном описании Плиний использовал источник, располагавший материал по климатам. М.Кисслинг наметил несколько широтных полос, проступающих в описании племен Каспийского моря, Окса и Яксарта в параграфах 46—49 [Kiessling, 1913, с. 434, 435; 1914, с. 477, 492]. Ф.Альтхайм и П.Шнабель в описании тех же племен в параграфах 46—50 увидели пять широтных рядов названий, из которых первые два содержат по восемь названий, а третий — шестнадцать [Altheim, I, 1947, с. 51, 52]. Но проведенный в аспекте теории климатов анализ текста Плиния имеет, как нам кажется, и слабую сторону: исследователи не учитывают, что анализируемый ими текст по меньшей мере двухслоен, и только один его слой мог быть связан с теорией климатов.

Материал Плиния, заимствованный у Агриппы, представлял собой сухой перечень названий, списанных с карты. Чтобы оживить его, Плиний привлекал данные других источников. В описании Каспийского региона таким дополнительным источником Плинию послужило описание «царства персов, которое мы ныне знаем как [царство] парфян» (VI, 41). Дополнительные данные Плиний стремился чередовать с перечнями названий, взятых у Агриппы. Так обстоит дело и в параграфах 47 и 48 (о членении

текста в этом месте см. [Tarn, 1951, с. 285]). Списанным с карты Агриппы здесь можно считать текст, начинающийся со слов sub eo tractu и содержащий перечень племен от оркианов до мандруанов (§ 47) и непосредственно продолжающий его текст, начинающийся со слова ultraque и содержащий перечень племен от хорасмов до зарангов и затем от дребиков до сарапаров (§ 48) (о выделенном здесь начале отрывков см. [Altheim, I, 1947, с. 51; ср.: Tarn, 1951, с. 285]). Выделенные тексты перемежаются со вставками, такими, как описание Маргианы и сообщение о мардах; названия двух рек, перечень племен от арасмов до матианов и сообщение о Гераклее (о последних двух отрывках как вставках см. [Kiessling, 1913, с. 435; 1914, с. 492]) — эти три вставки разрывают выделенные выше тексты, списанные с карты; наконец, описание страны бактров. Первая, вторая, пятая и шестая вставки определенно являются частями описания «царства персов...». Соединенные вместе, они представляют собой описание восточных областей этого «царства», расположенных в правильной географической последовательности.

В выделенных текстах, списанных с карты Агриппы [Kiessling, 1914, с. 477], и следует искать признаки расположения материала по климатам. Эти тексты таковы: (1) «Ниже этой области (sub eo tractu) племена оркианы, комморы, бердриги, гарматотропы, китомары, команы, муррасиары, мандруаны»; (2) «А за ними (ultraque) хорасмы, кандары, париканы, заранги... дребики, страну которых пересекает река Окс, вытекающая из озера Оакс; сирматы, окситтаги, моки, батены, сарапары». Рядом с сарапарами на карте, использованной Плинием, видимо, были помещены зариаспы, которые ассоциировались у Плиния с городом Зариаспа. В связи с этим Плиний и говорит далее, используя уже другой источник, о «бактрах, город которых Зариаспа...». Племена Плиний перечисляет в общем направлении с юга на север, видимо начиная от горного хребта [Kiessling, 1913, с. 434; 1914, с. 492].

Именно эти тексты находят соответствие у Мелы, который, описывая внутренние земли северо-восточной части ойкумены, упоминает кандаров, парианов, бактров, сугдианов, фармакотрофов, хомаров, хоаманов (I, 13), но перечисляет их в обратном направлении по сравнению с Плинием. Это говорит за то, что источником и Плиния и Мелы была карта, т.е. карта Агриппы, и против того, что и в данном случае общим их источником являлось сочинение Варрона, как считали ранее [например: Klotz, 1906, с. 187].

Далее, рассматриваемые тексты Плиния находят соответствие у Птолемея, в особом слое его информации, к которому принадлежат, в частности, почти все названия племен Бактрианы и многие названия племен Согдианы; соответствия в списке пле-

мен Бактрианы: салатеры и зариаспы, населяющие «северные земли Бактрианы у реки Окс», хомары «к югу от них под салатерами», комы «под ними», затем, снова «ниже», марукеи, скорды и ф(в)арны и «еще ниже этих» сабадии, орситы и амареи (VI, 11, 6); соответствия в списке племен Согдианы: оксидранки, дрибакты и кандары «вдоль Согдийских гор», мардиены «под горами» (VI, 12, 4). Заметим, что в источнике Птолемея все эти племена могли фигурировать н а р я д у с бактрийцами и согдийцами, а не как их части, на карте же Птолемея они включены в Бактриану и Согдиану, так как были размещены между Паропанисом, Оксом и Яксартом. Соответствия, обнаруженные у Птолемея, свидетельствуют о том, что рассматриваемые списки племен, сохранившиеся и в традиции Агриппы, и у Птолемея, восходят к Гиппарху как их общему источнику, точнее, к составленной Гиппархом таблице параллелей или климатов, содержавшей и указания на места, через которые они проходят.

Сравнение названий показывает, как далеко могут разойтись в разных традициях написания одного и того же непонятного имени, не сопровождаемого никаким описательным материалом (см. Приложение, с. 288).

Moci и Bateni Плиния как будто не имеют соответствий у Мелы и Птолемея. Из других источников эти названия совершенно неизвестны. И.Маркварт, пытаясь объяснить их, не нашел для них в греческой литературе более близких соответствий, чем названия бактрийских племен у Птолемея, Κῶμοι и Ἀκινάκαι, в его чтении [B]α[τ]ινάκαι (VI, 11, 6), или в качестве другой возможности имя, связываемое с Меотийским озером и упомянутое византийским автором Константином Багрянородным, Μωκᾶν (De caerim., II, 48), и название селения и гавани на берегу Понта близ Боспора, упомянутое Страбоном (XI, 2, 14) и Птолемеем (V, 8, 8), Βάτα; эти названия в составе перечня от сирматов до сарапаров были перенесены в область реки Окса, по мнению И.Марквартa, только благодаря созвучию названия «окситтаги» с именем реки [Markwart, 1938, с. 84, примеч. 2, с. 181]. Но все эти сближения и объяснение переноса крайне гипотетичны. Не проясняют вопроса и другие сближения, например с Mochi Мелы (III, 39; см.: [Mayhoff, I, 1906, с. 450]). Хотелось бы обратить внимание на то, что в цитированных сообщениях для Moci и Bateni Плиния нет соответствий у Мелы и в то же время для Bactri и Sugdiani Мелы нет соответствий у Плиния. Не являются ли первые два названия искаженным написанием вторых двух: S(Σ >M)oc[d]i и Ba[c]t[ria]ni? Плиний сразу же вслед за сарапарами, но уже по другому источнику, говорит о бактрах и согдианах, и это обстоятельство могло способствовать искажению ука-

занных слов, поскольку они воспринимались как названия иных народов, не согдов и бактрианов, о которых речь пошла ниже.

С какими климатами были связаны племена рассматриваемого текста Плиния? В тех местах карты ойкумены, в которых могли быть отмечены эти племена, проходили, судя по Птолемею, параллели Смирны, Геллеспонта, Византия, середины Понта и устья Борисфена [о размещении интересующих нас племенных названий на карте Птолемея см.: Berthelot, 1930, с. 185, 194; Ronca, 1971, табл. I]. Параллели Геллеспонта, середины Понта и устья Борисфена прямо связаны с основными «семью климатами», но источнику сведений Плиния о географических климатах были известны кроме них, видимо, и параллели Смирны и Византия, поскольку эти города упоминаются в общем обзоре полос и параллелей мира (VI, 215, 217). По тексту Плиния, расшифрованному с помощью данных Мелы и Птолемея, еще заметно, что его источник помещал оркианов, комморов и бердригов в полосе вдоль северных склонов Паропаниса (между параллелями Смирны и Геллеспонта?); сарапаров и зариаспов — в полосе вдоль южного берега Окса (между параллелями Византия и середины Понта?); кандаров, дребиков и окситтагов — вдоль Согдийских гор, согдов (? Moci), сирматов тоже в одной полосе (между параллелями середины Понта и устья Борисфена?). Последняя группа показательна в том отношении, что включает сирматов, которые могли быть отнесены к ней только по той причине, что находились вместе с другими народами этой группы в одной широтной полосе. Они как бы продолжали эту полосу к западу от Каспийского моря, видимо примыкая там к Иберии (ср. VI, 216). У Птолемея на широте Согдийских гор к западу от Каспийского моря проходит граница Сарматии с Иберией и Албанией (V, 8, 7—11).

В перечне племен указанного пояса привлекает внимание сочетание трех названий: сирматы, оксидранки (окситтаги), согды. Оно удивительно близко такому же сочетанию трех названий в тексте Птолемея: Савроматика, Оксиана, Сугдиана (Apotelesm., II, 3 и 4). В последнем перечне отражен состав скифского пояса Посидония. Не исключено, что такая близость обусловлена сознательным стремлением Посидония как-то приурочить свои зоны к климатам Гиппарха (о соотношении зон Посидония и климатов см. [Honigmann, 1929, с. 29, 30; 1931, с. 120]). Отголоском этого процесса, может быть, является утверждение Стефана о тождестве савроматов с обитающими вблизи Танаиса сирматами Эвдокса (s.v. Συρμάται), у которого и заимствовал Гиппарх.

Другое место, в котором обнаруживаются следы учения о географических климатах, — это описание берегов Восточного океана в книге VI, параграфах 53—55, сочинения Плиния. Как и

другие описания морских берегов, оно составлено у Плиния в форме перипла. Но через это внешнее, совершенно искусственное здесь оформление явственно проглядывает карта. И в данном случае Плиний дополнял карту разными описательными материалами: таковы, например, описание серов (§ 54), перечень мест от реки Псифара до земли аттакоров (§ 55) [об этом как о вставках см.: Herrmann, 1938, с. 32], а также перечень народов от фунов до касиров (§ 55).

Весь прочий текст описания берегов Восточного океана и представляет собой основу, которая воспроизводит карту. Плиний делит эти земли на части, которые последовательно и описывает: первая часть необитаема из-за снегов, вторую населяют скифы-антропофаги, поблизости от которых простираются обширные пустыни со множеством диких зверей, затем снова живут скифы и снова тянутся обитаемые зверями пустыни вплоть до прилегающего к морю хребта Табис (§ 53); далее земли населяют серы (§ 54).

Это описание находит точное соответствие у Мелы; у него тоже сначала идут снежные пустыни, затем следуют земли скифов-антропофагов и саков — последние соответствуют второму, не названному у Плиния скифскому народу, — разделенные пустыней, изобилующей дикими зверями (III, 59); такая же пустыня отделяет эти народы от горы Табис, возвышающейся над морем, на большом расстоянии от упомянутой горы находится другая, Тавр, а между Табисом и Тавром живут серы (III, 60). И это соответствие объясняется скорее всего тем, что оба автора списывали с карты Агриппы. Общность изложенных сообщений Мелы и Плиния отмечена давно [историю вопроса см.: Sallmann, 1971, с. 225, 226], но, как и в других случаях, она была приписана заимствованию у Варрона [Klotz, 1906, с. 68, 69; Detlefsen, 1909, с. 124, 125]. Однако характерно, что даже и тогда, несмотря на господство привычных представлений об источнике такого рода сведений, исследователи признавали принадлежность Агриппе отдельных деталей рассматриваемого описания [Herrmann, 1938, с. 31, 46, 47; Altheim, I, 1947, с. 56; Altheim, Stiehl, 1970, с. 715]. Теперь объясняют сходство изложенных сообщений Мелы и Плиния заимствованием второго у первого [Sallmann, 1971, с. 146, 147]. Однако и это толкование кажется не очень убедительным: ведь в данном случае мы имеем лишь частное проявление общности географической основы сочинений Мелы и Плиния, а объяснить всю эту общность таким заимствованием невозможно.

Представления Птолемея о крайнем северо-востоке ойкумены совсем иные: соответствие рассматриваемому тексту Плиния можно найти у него, пожалуй, лишь в том, что он помещает на

крайнем северо-востоке ойкумены какие-то «народы антропофагов» (VI, 16, 4).

Следы учения о климатах проступают в рассмотренном описании, по нашему мнению, вполне определенно. Четкое разделение восточной оконечности суши на ряд поперечных «частей» (partes) можно представить себе только как результат описания карты, разделенной параллелями на широтные полосы, поскольку никакими реальными сведениями об этих местах античные авторы практически не располагали. Видимо, зафиксированные Плинием и Мелой «части» восточного побережья являются окончаниями тех полос, которые мы проследили на материале описания Каспийского региона. Так, серы, относившиеся к климату «областей по другую сторону Имава» (ср.: Plin., VI, 215), т.е. по другую сторону крайней восточной части Тавра, заканчивали собой, надо думать, полосу, в пределах которой западнее были помещены оркианы, комморы и бердриги. Скифским народом саков, возможно, заканчивалась полоса сирматов, окситтагов и согдов. Скифами-антропофагами заканчивалась самая северная полоса, климат «областей по другую сторону Каспийского моря» (ср.: Plin., VI, 218).

Данные Птолемея

Птолемей дает полный список параллелей в двух редакциях; одна из них представлена в «Географическом руководстве» (I, 23), другая — в «Системе астрономии» (II, 6). Отмечают тесную связь таблицы параллелей Птолемея с такой же таблицей Гиппарха [Honigmann, 1929, с. 16], но и у Птолемея наряду с системой Гиппарха проступают элементы более старых представлений, восходящих к Эратосфену. Птолемей учитывает и некоторые новейшие сведения, но преувеличение роли этих сведений и попытка придать большую точность координатам Птолемея [Berthelot, 1930, с. 117; ср.: Томсон, 1953, с. 472; Dicks, 1960, с. 37] определенно беспочвенны. Приводим данные о тех параллелях, которые будут нужны при рассмотрении интересующих нас материалов Птолемея, по «Географическому руководству» (в скобках даются цифры по «Системе астрономии»): параллель Родоса, 36° с.ш., самый длинный день — $14^1/_2$ часа; параллель Смирны, 38°35' с.ш., самый длинный день — $14^3/_4$ часа; параллель Геллеспонта, 40°55' (40°56') с.ш., самый длинный день — 15 часов; параллель Массалии, соответствующая параллели Византия, 43°5' (43°4') с.ш., самый длинный день — $15^1/_4$ часа; параллель середины Понта, 45° (45°1') с.ш., самый длинный день — $15^1/_2$ часа; параллель устья Борисфена, 48°30' (48°32') с.ш., самый длинный день — 16 часов; только в «Системе астрономии» упомянута параллель истоков Истра, проходящая между параллелями середи-

ны Понта и устья Борисфена, 46°51', самый длинный день — $15^3/_4$ часа.

Говорит Птолемей (преимущественно в «Системе астрономии») и о климатах, в том числе о «семи климатах» [Honigmann, 1929, с. 56—59; Dicks, 1960, с. 157]. Кроме того, на картах, приложенных к «Географическому руководству» Птолемея, среди обозначенных там параллелей выделены семь основных, соответствующих семи климатам [Diller, 1941, с. 6]. Из полемики, которую Птолемей вел со своим предшественником Марином, выясняется, что̀ понимали под климатом в те времена. Климаты — это широтные полосы между основными семью параллелями, и начинаются они от параллели, образующей их южную границу. Так, четвертый климат — это полоса между параллелями Родоса и Геллеспонта; параллель середины Понта — это граница между пятым и шестым климатами [Honigmann, 1929, с. 55; 1930, с. 1780, 1781].

В тексте «Географического руководства» Птолемея, судя по приведенным там координатам, Каспийское море помещено между параллелями Геллеспонта и устья Борисфена, причем на юге оно несколько выходит за пределы параллели Геллеспонта. Гиркании, Маргиане, Бактриане, странам согдианов и саков отведены земли примерно между параллелями Смирны и устья Борисфена, а Парфии, Арии и стране паропанисадов — земли, расположенные южнее, выходящие на юге за пределы параллели Родоса. Граница Индии с Бактрианой, странами согдианов и саков несколько выходит за пределы параллелей Родоса на юге и Смирны на севере (реконструкцию соответствующих частей карты Птолемея с указанием координат см. [Ronca, 1971, табл. I—III]). Бактриана помещена на широтах от 39° до 44° и несколько севернее (VI, 11, 1—4), т.е. примерно между параллелями Смирны и середины Понта, а страна согдианов — на широтах от 39° — 38°30' до 49° — 48°30' (VI, 12, 1), т.е. между параллелями Смирны и устья Борисфена, так что одна ее часть оказывается на тех же широтах, что и Бактриана, а другая — севернее.

Один из источников, на которых основано такое размещение материала по широтам, Птолемей называет сам. Это определение широт, данное Марином для отдельных пунктов итинерария Мая: параллель Родоса проходит через Каспийские ворота и парфянский город Гекатомпил; параллель Геллеспонта — через юго-восточную оконечность Комедских гор; параллель Византия — через северо-западную оконечность Комедских гор; между параллелями Геллеспонта и Византия проходит путь от Каменной Башни до Серы (Ptol., I, 11, 5; 12, 5, 7). Птолемей дополняет Марина, пользуясь его же материалами, а возможно и прямо следуя его определениям: параллель Родоса проходит и через

Арию; параллель Смирны — ниже страны Гиркания, а город Гиркания находится посредине между этой параллелью и следующей; параллель Геллеспонта проходит и через южные части Гирканского моря, Антиохию Маргиану, Бактры (I, 12, 6, 7). Существует мнение, что Марин определял положение Бактр правильно, на параллели Родоса, но Птолемей вследствие ошибочных расчетов отодвинул их на 5° к северу [Томсон, 1953, с. 410; см. также: Berthelot, 1930, с. 188; Bernard, Francfort, 1978, с. 95]. Марин, определяя длину ойкумены по параллели Родоса, действительно допускал ради упрощения расчетов, что путь агентов Мая, пролегавший, в частности, через Бактры, шел по прямой и что величина одного градуса на широте пути равна величине градуса на широте Родоса (Ptol., I, 11, 2, 3; 12, 9, 10). Но Марин знал об отклонениях пути от прямой, говорил о них и в некоторых случаях указывал, по каким параллелям проходят отдельные участки его (Ptol., I, 11, 5; 12, 4, 7, 8).

Для своей карты Птолемей, в общем, принимает эти определения: одни полностью, как широты для страны и города Гиркании, Гирканского моря, Антиохии, Бактр, северо-западного пункта Комедских гор, Каменной Башни (VI, 9, 7; 10, 4; 11, 9; 13, 2), другие с некоторыми изменениями, как широты для Каспийских ворот, Гекатомпила, Арии, юго-восточной оконечности Комедских гор (VI, 2, 7; 5, 2; 17, 7; 13, 2) и Серы (VI, 16, 8), которую он помещает на параллели Смирны.

Все эти данные позволяют представить, как Марин и Птолемей определяли широту отдельных мест. Они, по-видимому, брали в качестве опоры известные пункты, широта которых уже давно была определена, и, ориентируясь на них и руководствуясь путевыми указаниями, определяли широту остальных упоминаемых в итинерариях пунктов. Такими опорными пунктами были Каспийские ворота на параллели Родоса и Бактры, столица Бактрианы, на параллели Геллеспонта. Широтное положение их было определено еще Эратосфеном, а Марин и Птолемей повторяют его определение. Использование Птолемеем данных Эратосфена о параллели Геллеспонта подтверждается следующим любопытным фактом. Птолемей помещает Бактры под 41° с.ш. (VI, 11, 9), т.е. почти точно на параллели Геллеспонта, и тоже под 41° с.ш. он помещает Александрию Крайнюю (VI, 12, 5), единственный снабженный координатами пункт южной части Согдианы. И сам город Александрия Крайняя, определенно известный Эратосфену, и положение его прямо к востоку от Бактр показывают, что здесь мы действительно имеем дело с данными Эратосфена. Возможно, что подобное происхождение имеют данные Марина и Птолемея о широте столицы Согдианы. Птолемей помещает ее под 45° с.ш. (VI, 12, 6), т.е. точно на параллели се-

редины Понта. Координаты этого города связывают его с северной частью Согдианы, в описании которой, как уже говорилось, была использована система параллелей Гиппарха.

Вопрос о широтном положении Согдианы и страны саков специально затрагивался Птолемеем в связи с некоторыми сообщениями Марина. Птолемей говорит по этому поводу следующее: «[Марин сообщает], что внутренние согдианы и саки граничат с юга с Индией, но не проводит через [области] указанных народов двух параллелей, [идущих] севернее горы Имая, самой северной [горы] Индии, — [параллелей] Геллеспонта и Византия, а лишь одну [параллель] середины Понта» (I, 16). Замечание это очень интересно. Птолемей правильно отметил противоречивость данных Марина. Поскольку Марин поместил согдианов и саков на границе с Индией, он должен был и в остальном следовать картографической схеме Эратосфена, поместив эти народы на параллели Геллеспонта, т.е. на широте Бактрианы, к востоку от нее, или по крайней мере на параллели Византия, до которой, по Гиппарху, простирается Индия. Но Марин приурочил их к параллели середины Понта, следуя в этом картографической схеме Гиппарха, где на указанной параллели был размещен последовательный ряд народов: сирматы, оксидранки, согды, саки. Марин, таким образом, отразил обе схемы; от этого, между прочим, зависит и конфигурация Согдианы на карте Птолемея (ср. иное толкование: Markwart, I, 1946, с. 140, 141).

4. ЧАСТИ ОЙКУМЕНЫ

В предшествующих разделах мы говорили о делении ойкумены прямыми линиями на секторы, пояса и климаты. Но секторы, пояса и климаты нельзя считать частями ойкумены в собственном смысле. Они представляют собой, скорее, выражение разных способов ориентирования в масштабе всей ойкумены в целом. В настоящем разделе предметом рассмотрения будут действительные части ойкумены, взятые как участки суши, очерченные более или менее определенными естественными границами.

Древнейший способ деления ойкумены на такого рода части — это деление на части света: Европу, Азию и Ливию, или Африку. Но деление на части света связано с проблематикой, далеко выходящей за пределы нашей темы, поэтому специально останавливаться на нем мы не будем.

Ойкумену делили и на более мелкие части того же типа. Схемы такого деления в каждой традиции были свои. По-разному определялись и части ойкумены, включавшие Бактриану, Согдиану и их соседей. Но, в общем, можно сказать, что эти

части всегда оказывались на северо-востоке ойкумены. Представление о том, на какие части должна делиться ойкумена, менялось с течением времени. В истории его намечаются два основных этапа: до походов Александра Македонского и после походов. Наиболее выразительными и законченными схемами деления ойкумены являются: для первого этапа — схема, в которой части ойкумены именуются «акте», для второго этапа — схема, в которой такие части фигурируют как «сфрагиды».

В основе указанных схем деления лежит широтная линия, выступающая в качестве делителя ойкумены на две половины — южную и северную. По-видимому, представление о двух таких половинах ойкумены со времен первых ионийских ученых сосуществовало с представлением о частях света [ср.: Berger, 1903, с. 89; Gisinger, 1937, с. 2137].

Широтная ось ионийского «земного круга» соединяла точки равноденственных восхода и захода. Современные исследователи называют ее ионийским «экватором». Она проходила через центр ойкумены, т.е. Элладу, на западе — через Столбы Геракла, восточная же ее часть в древнейших вариантах точному определению не поддается. По мнению В.Хейдела, в ионийской географической науке, которую он практически всю проецирует на одного Гекатея, «экватор» проходил вдоль Тавра на восток и являлся прямым предшественником Родосской параллели, представление о которой оформилось уже на более поздних этапах развития античной науки [Heidel, 1937, с. 14, 52—54; Томсон, 1953, с. 149]. Мы предлагаем несколько иное решение вопроса. Нам кажется, что в античной трактовке этого «экватора» нужно различать две традиции. Одна из них — общая ионийская традиция, у истоков которой стоят Анаксимандр и Анаксимен. Другая — это традиция, созданная Скилаком и полностью зависящим от него в описании восточных земель Гекатеем. Два варианта в древнейших античных представлениях о широтной оси ойкумены наметил еще Дж.Л.Майрс; один из них он приписал «ионийской» карте, другой — «персидской», основанной на данных Скилака [Myres, 1953, с. 34—39].

В первой традиции точно определить линию «экватора» невозможно, но более или менее ясно, что она должна была проходить через Ионию, которая считалась расположенной «между восходами Солнца», а на востоке, видимо, через Индию, которую представляли крайней в этом направлении страной, ближайшей к восходящему Солнцу. Дж.Л.Майрс ведет широтную ось «ионийской» карты через Милет или Эфес вдоль персидской «царской дороги» до Суз [Myres, 1953, с. 34, 36, 38].

В другой традиции широтная ось ойкумены проходила, по некоторым данным, от Столбов Геракла к Боспору Фракийскому, а затем по Фасису и перешейку — видимо, по Араксу — до

Каспийского моря и далее до Гиркании, Бактр и скифов [ср.: Пьянков, 1975, с. 56—58]. Намек на линию, соединяющую Столбы Геракла и Боспор (Фракийский), содержится в прямом фрагменте сочинения Скилака (Avien., Or. mar., 370 = фр. 8). По приведенному материалу можно заключить, что фактически речь шла не о геометрической линии, а о границе по водам морей и рек. Мы думаем, что эта граница совпадала с рубежом между Азией и Европой — но лишь у Скилака, не у Гекатея [Пьянков, 1975, с. 58]. Дж.Л.Майрс широтную ось «персидской» карты почему-то проводит через Крит, Кипр и Сирию [Myres, 1953, с. 37, 39], отождествляя ее, по-видимому, с линией деления Азии на северную и южную «акте» (ср.: Herod., IV, 38, 39).

Широтная ось ойкумены как участка поверхности земного шара представлялась несколько иначе. Основную линию деления такой ойкумены принято называть «диафрагмой» (διάφραγμα), т.е. перегородкой [Berger, 1903, с. 418]. Эта линия является не чем иным, как параллелью Родоса, теперь игравшей роль широтной оси ойкумены. В восточной своей части диафрагма совпадала с линией Тавра как непрерывного хребта, как «горы, проходящей по середине Азии» (Steph. Byz., s.v. Ταῦρος).

Первое определенное свидетельство о диафрагме связано с именем Дикеарха. Дикеарх, по словам Агафемера, «разграничил землю не водами, но сечением настоящей прямой линией от Столбов [Геракла] через [остров] сардов, Сикелию, Пелопоннес, Карию, Ликию, Памфилию, Киликию и Тавр последовательно на восток к горам Имая и соответственно назвал один из полученных таким образом регионов северным, другой — южным» (I, 5 = фр. 110). Итак, Дикеарх делил ойкумену на северную и южную половины прямой линией (о времени определения Дикеархом осей ойкумены см. [Wehrli, I, 1944, с. 77, 78; иначе Collinder, 1964, с. 63—76]). То, что описанный здесь способ деления действительно принадлежал Дикеарху, обычно сомнений не вызывает, и предположение о принадлежности этого способа Эратосфену, имя которого Агафемер будто бы по ошибке заменил именем Дикеарха [Collinder, 1964, с. 66], нам не кажется убедительным.

Диафрагма Дикеарха в качестве широтной оси ойкумены соответствовала старому ионийскому «экватору». В.Хейдел и другие ученые полагали на этом основании, что Дикеарх, определяя диафрагму, следовал в основном ионийской карте Гекатея [Heidel, 1937, с. 48—50, 54, 55, 112, 113, 126, 127; Томсон, 1953, с. 149; Дитмар, 1973, с. 63, 64, 77; 1980, с. 64, 70]. Мы различаем в ионийском наследии общую ионийскую традицию и традицию Гекатея. К какой из них Дикеарх ближе в данном вопросе? Широтная ось карты Гекатея пролегала от Столбов Геракла через Фасис к Бактриане. Она не совпадает с восточной частью парал-

лели Родоса, каковой является диафрагма Дикеарха. «Экватор» других ионийских карт проходил от Столбов Геракла через Ионию к Индии. С этой линией диафрагма Дикеарха, кончавшаяся в Индии, имеет больше общего.

Вместе с тем из слов Агафемера вытекает, что Дикеарх впервые разделил ойкумену «настоящей прямой линией» и, видимо, противопоставлял свой способ деления ойкумены делению на части света, которые действительно разграничивались «водами» — реками или морями [Berger, 1903, с. 379; Gisinger, 1924, с. 602; Heidel, 1937, с. 112]. Попытки такого деления, по крайней мере частичного, предпринимались авторами, примыкавшими к данной традиции, еще до Дикеарха. Так, одни исследователи полагают, что диафрагма была намечена Эвдоксом, у которого Дикеарх и заимствовал ее [Gisinger, 1924, с. 600—602; 1937, с. 2137; Wehrli, I, 1944, с. 78], другие называют вместо Эвдокса Демокрита, считая на основании веских соображений, что именно у него, а не у Эвдокса заимствовал Дикеарх [Дитмар, 1959, с. 364, 365]. Нам кажется, что это один из тех случаев, когда обнаруживается связь между данными Демокрита и Эвдокса, и что Демокрит здесь выступает общим источником Эвдокса и Дикеарха.

Схему Дикеарха принял Эратосфен, и его вариант этой схемы известен нам лучше. Положения Эратосфена сохранились в передаче Арриана и Страбона, хотя последний не во всем согласен с Эратосфеном и в некоторых случаях излагает собственное мнение, причем иногда трудно определить, что в его сообщениях принадлежит Эратосфену, а что ему самому. Эратосфен, как и Дикеарх, делит ойкумену линией, идущей по Тавру и морю от Столбов Геракла, на две части, называя одну из них северной, другую — южной (Strabo, II, 1, 22, 31 = фр. III B, 2, 3); Азию он делит Тавром, перерезающим ее с запада на восток, на две части — северную (βόρειον) и южную (νότιον) (Strabo, II, 1, 1 = фр. III A, 2; Arrian., V, 5, 2; 6, 1 = фр. III A, 5, 6; Ind., 2,2 = фр. III A, 4). Эратосфен, который не всегда одобрял деления на части света, хотя, видимо, и не отрицал его совсем, вслед за Дикеархом противопоставлял такому делению свою схему. Страбон, принимавший деление на части света, толкует схему Эратосфена так, что Тавр делит Азию, а море от Столбов Геракла разделяет Европу и Ливию (XI, 1, 4).

Из положений Эратосфена и Страбона мы узнаем, что диафрагма является не линией, а вытянутым параллелограммом шириной в 3000 стадиев на всем своем протяжении, и по морю, и по суше, по горной цепи Тавра (Strabo, II, 1, 35, 37 = фр. III A, 15, 16; см. [Berger, 1880, с. 175, 186]). Ширина диафрагмы, а вместе с тем и Тавра определяется расстоянием от Исса до Амиса или Синопы (Strabo, II, 1, 3 = фр. III A, 2; XIV,

5, 22), следовательно, диафрагма заключена между параллелями Родоса и Геллеспонта. Таким образом, диафрагма Эратосфена является как бы соединением двух широтных осей ойкумены; одну из них, параллель Родоса, он заимствовал у Дикеарха, другую, параллель Геллеспонта, построил в восточной ее части на данных Скилака и Гекатея, тоже относящихся к широтной оси.

Собственно линией деления служила у Эратосфена, как и у Дикеарха, параллель Родоса (Strabo, II, 1, 1 = фр. III A, 2; см. [Дитмар, 1965, с. 37]); в частности, на востоке пунктом деления являлись Каспийские ворота (Strabo, XI, 12, 5 = фр. III A, 23), лежащие на этой параллели. В данном случае половины названы «климатами» [см. по этому поводу: Honigmann, 1929, с. 11]. Вопрос о том, к какой половине Азии следует отнести народы Тавра, стал предметом спора. Эратосфен относил многие из перечисленных выше горных народов к южной половине, Страбон — к северной. Страбон обосновывает свою позицию следующим образом: народы, обитающие в пределах Тавра, должны быть отнесены к южной половине Азии, если основная их масса обитает на юге горной полосы, и к северной половине, если в основном они живут на севере; если же они обитают посреди Тавра, то принадлежат северной половине, так как горные области по природе ближе северу (XI, 1, 4). Бактриану и Эратосфен и Страбон относят к северной половине. Впрочем, что касается областей, расположенных к востоку от Каспийских ворот, то, по мнению Страбона, вообще не имеет большого значения, к какому «климату» их отнести (XI, 12, 1). Но по поводу Мидии и части Армении Страбон считает необходимым возразить своему предшественнику: Эратосфен отнес обе эти страны к южной половине, а Страбон, считая, что они целиком заключены в отрогах Тавра, причисляет их к северной половине (XI, 12, 5; ср. XI, 1, 7; 12, 1, 4; см. [Berger, 1880, с. 196, 197, 246, 247, 318]).

Система акте

Оригинальный способ деления ойкумены прослеживается у Гекатея и Скилака. Этот способ деления исходил в основном из конфигурации береговой линии и был связан с понятием «акте» (ἀκτή), т.е. «выступ суши, мыс» или «берег» [Powell, 1966, с. 11], в данном случае подразумевавшим большой участок суши, выдающийся клином [Bunbury, I, 1959, с. 207]. Такие акте были выделены в разных местах ойкумены (например: Scyl., 12, 93, 110).

Наиболее выразительно система акте представлена в описании восточной части той половины ойкумены, которая простиралась к югу от основной линии деления. Это описание мы на-

ходим у Геродота в его картографической схеме Азии (IV, 37—41) — схеме, хорошо дополняемой материалом фрагментов сочинения Гекатея (о делении Азии в этой схеме см. [Jacoby, I, 1923, с. 354, 355, 364; Altheim, Stiehl, 1970, с. 149, 150]). Азия здесь делится прежде всего на две половины — западную и восточную. Линия деления проходит между двумя рядами пограничных народов, один из которых относится к западной половине Азии, другой — к восточной. Западный ряд народов, от персов, живущих у моря на юге, называемого Эрифрейским, до колхов, живущих у моря на севере, куда впадает Фасис, Геродот прямо называет (IV, 37; ср. I, 104). От восточного ряда у Геродота осталось лишь чисто географическое определение: выше народов от персов до колхов на востоке с юга простирается Эрифрейское море, а с севера — Каспийское и река Аракс, текущая на восток (IV, 40). Дополняет это определение один фрагмент сочинения Гекатея: «От миков до реки Аракса» (Steph. Byz., s.v. Μύκοι = фр. 289); очевидно, мики здесь являются крайним южным народом восточного ряда, обитавшим у Эрифрейского моря; см. по этому поводу кроме указанных работ [Junge, 1939, с. 24; Paassen van, 1957, с. 63; ср. иное толкование: Грантовский, 1962, с. 236—239; Хлопин, 1969, с. 288; 1983, с. 25, 26]. Западная половина Азии делится у Геродота на две акте — северную и южную. В северной акте обитает тридцать народов, в южной — три (IV, 38, 39). О восточной половине говорится лишь, что она обитаема до Индии, восточнее которой тянется неизведанная пустыня (IV, 40).

Хотя Геродот приводит эту схему деления Азии, очевидно полемизируя с Гекатеем (ср. IV, 36 и 37—42), тем не менее считать, что она принадлежит самому Геродоту [Paassen van, 1957, с. 139, 140; Дитмар, 1972, с. 38], по нашему мнению, нельзя. Скорее всего Геродот использовал здесь материалы Гекатея [Jacoby, I, 1923, с. 354; Altheim, Stiehl, 1970, с. 149]. Последний, как показывают фрагменты его сочинения, действительно приводил рассматриваемую схему, но, очевидно, не принимал ее полностью. Настоящим же ее автором должен быть Скилак, у которого ее и заимствовал Гекатей. Сам термин «акте» в его специальном значении кроме Геродота и Гекатея встречается еще у Скилака [ср.: Berger, 1903, с. 167]; кроме того, можно, видимо, установить принадлежность Скилаку и некоторых характерных деталей схемы [ср.: Jacoby, I, 1923, с. 354].

О делении восточной части северной половины ойкумены подобных сведений не сохранилось. Однако неясное упоминание о Скифской акте позволяет предполагать, что тот же принцип деления применялся и к указанной части ойкумены. В одном из фрагментов сочинения Гекатея, где опять-таки использованы материалы Скилака, говорится: «Каспапир, гандарский го-

род, акте скифов. Гекатей в [описании] Азии» (Steph. Byz., s.v. Κασπάπυρος = фр. 295). Следует заметить, что для текста этого фрагмента имеется довольно соблазнительная конъектура, принятая многими исследователями: ἀντίη [κεῖται] вместо ἀκτή, что дает смысл: «...город, [лежит] напротив скифов» (так в изданиях Jacoby и Nenci). Но и те исследователи, которые принимают чтение, засвидетельствованное в тексте Стефана, объясняют слово ἀκτή по-разному [историю вопроса см.: Грантовский, 1963, с. 25, 26; Литвинский, 1969, с. 118, 119; 1972, с. 164, 165].

Иногда исходят из обычного смысла этого слова и видят в нем указание на то, что Каспапир, откуда начиналось плавание по Инду, служил складским местом в торговле между Индией и странами на севере и востоке от ограничивающих ее гор, в которой посредничали саки, т.е. скифы [Marquart, II, 1905, с. 242; ср.: Jacoby, I, 1923, с. 365]; иногда же считают, что оно просто означает берег, удобный для причала, бухту [Tucci, 1977, с. 16, 17].

Однако тот факт, что именно Гекатей и Скилак употребляли ἀκτή в качестве специального термина, игравшего большую роль в описании картографической схемы, делает более вероятным иное объяснение и вместе с тем свидетельствует в пользу чтения, данного в тексте Стефана. В этом направлении также предпринималось несколько попыток истолкования. Так, Э.Херцфельд высказал интересную мысль о том, что слова «акте скифов» являются указанием на своего рода параллель, на местоположение Пактиики, страны Каспапира, на одной широте со Скифией [Herzfeld, 1968, с. 338, примеч. 5]. Ту же, в сущности, мысль, но более развернуто изложил В.Хейдел. Он полагал, что «акте скифов» является частью «земного круга», расположенного к северу от ионийского «летнего тропика», т.е. к северу от Истра, Понта, Кавказа и Индийских гор, и включавшего земли скифов, саков, бактрийцев и индов, ближайших к Каспапиру [Heidel, 1937, с. 18, 33—35]. Тем самым В.Хейдел помещал все эти земли за пределами ойкумены, поскольку он же считал линию ионийского «летнего тропика» северной границей ойкумены. Но согласиться с такой реконструкцией невозможно, особенно если учесть античные характеристики Бактрианы. Неудача этой гипотезы В.Хейдела объясняется тем, что он, как уже говорилось, не отличал традицию Гекатея от общей ионийской традиции и ошибочно принял за «летний тропик» Гекатея линию, частично относившуюся к «экватору» последнего.

Связь упомянутой акте со скифами явно имеет какое-то отношение к картографической схеме ойкумены (по поводу значения здесь слова «скифы» см. еще [Herrmann, 1920, с. 1772; Jacoby, I, 1923, с. 365; Junge, 1939, с. 32]). Видимо, в рассматриваемом фрагменте сочинения Гекатея содержится намек на ва-

риант ионийской схемы деления ойкумены, построенный с использованием новых данных, добытых Скилаком; в этом варианте как-то по-новому трактовалась скифская часть ойкумены, фигурировавшая в самых ранних античных схемах деления ойкумены. Указание на акте скифов в связи с гандарским городом Каспапир было бы понятным в таком контексте: река Инд служит границей между индийской и скифской частями ойкумены, и город Каспапир, находящийся на северном берегу Инда, относится уже к скифской части. Река в качестве границы крупной части ойкумены обычна для ионийской географии вообще и, как уже отмечалось выше, для Гекатея в частности.

Система сфрагид

Данная схема деления ойкумены является классической. Она вобрала в себя опыт предшествующей традиции и сама послужила образцом для более поздних схем. Эта схема была изложена и обоснована крупнейшим греческим ученым Эратосфеном, и ее приняли известные античные авторы, сочинения которых дошли до нас.

Рассматриваемый способ деления ойкумены в отличие от способа Гекатея и Скилака был основан на учете естественных рубежей внутри материка, а не одной лишь береговой линии. Указанные части именовались сфрагидами или плинфиями. Понятие «сфрагида» (σφραγίς), буквально «печать», «отпечаток», в данном специальном случае подразумевало большой участок суши. Происхождение и смысл самого термина не вполне ясны [см. о нем: Berger, 1880, с. 223, 224; 1903, с. 436; Kubitschek, 1919, с. 2054; Стратановский, 1964, с. 799]. Это же понятие иногда выражалось словом «плинфий» (πλινθίον), буквально «кирпич, четырехугольник», чем подчеркивалась четырехугольная в большинстве случаев форма сфрагиды [Berger, 1880, с. 223, примеч. 2].

На такие сфрагиды, или плинфии, Эратосфен делил каждую из половин ойкумены (Strabo, II, 1, 22, 35 = фр. III B, 2; A, 15) и каждую из половин Азии (Strabo, XI, 12, 5 = фр. III A, 23). Впрочем, сфрагиды Эратосфена не всегда точно укладывались в рамки половин, разделенных главной линией диафрагмы, т.е. параллелью Родоса. Страбон подробно описывает деление Эратосфеном на сфрагиды лишь Южной Азии, но ничего не сообщает о том, как Эратосфен делил Северную Азию [Berger, 1880, с. 317]. В тех случаях, когда Страбон ведет речь об отдельных частях Азии, он даже название «сфрагида» применяет только к частям южной половины, а о противолежащих говорит неопределенно как о «северных частях» (βόρειαι μερίδες) (Strabo, II, 1,

33, 40; см. [Knaack, 1909, с. 372]). Страбон считает, что Эратосфен делил Северную Азию на части неправильно (II, 1, 33), и говорит о делении ее только от своего имени (XI, 1, 1, 5—7; II, 5, 31). Это служит иногда основанием для сомнений, делил ли вообще Эратосфен Северную Азию на сфрагиды [Dicks, 1960, с. 142]. Мы думаем, что прямые указания Страбона на этот счет все же нельзя игнорировать и что вообще деление, предложенное Страбоном, вряд ли существенно отличалось от схемы Эратосфена, за исключением тех моментов, которые связаны с разницей в определении положения отдельных стран относительно Тавра [ср.: Berger, 1880, с. 317]. Страбон делит Северную Азию на следующие четыре части: (1) между Танаисом и Меотидой, внешним морем и линией, идущей от устья Кира до Колхиды; (2) остальная Азия на востоке, ограниченная Каспийским морем и Тавром; (3) к югу от Гирканского моря, между указанной линией и Тавром, до Галиса; (4) по эту сторону Галиса.

Происхождение концепции сфрагид и смысл, придававшийся ей Эратосфеном, считаются загадочными [Bunbury, I, 1959, с. 654, 655]. Высказывается предположение, правда в осторожной форме и с оговорками, что здесь, может быть, мы имеем одну из наиболее ранних попыток собственно географического районирования, заменившего обычное деление по политико-административному признаку, — попытку, свидетельствующую о географическом образе мышления Эратосфена [Paassen van, 1957, с. 43, 52; Дитмар, 1965, с. 58, 59; 1973, с. 82; 1980, с. 72]. К сожалению, приходится признать, что и в настоящем случае в основе схемы лежат все же сведения об административном делении. Сведения эти — данные о традиционном делении Персидского царства на четыре части, дошедшие до Эратосфена, может быть, через Поликлита. Возможно, что те же данные имел в виду Мегасфен, который знал о делении Азии на четыре части (Arrian., V, 6, 2 = фр. 6а), но писал задолго до Эратосфена.

[1] Персидское царство делилось на следующие части: (1) по эту сторону Галиса; (2) между Галисом и Евфратом; (3) между Евфратом и Каспийскими воротами; (4) между Каспийскими воротами, с одной стороны, Индом и Яксартом — с другой. Основными рубежами считались Евфрат и Каспийские ворота, поэтому можно было говорить и о делении царства на три части.

Сведения о самой восточной из таких частей сохранились у Курция. Курций, заимствуя у Клитарха, рассказывает, что заговорщики Бесс и Набарзан решили противостоять Александру, надеясь на «обширность пространств», им подвластных, занимающих «третью часть Азии» (V, 10, 3). Прежде всего, заметим, что поскольку здесь говорится о владениях персидских сатрапов, то, очевидно, речь идет о «третьей части» (tertia pars) не Азии вообще, а Персидской державы как «царства Азии». Далее, среди

названных Курцием лиц сатрапом был лишь Бесс, но не хилиарх Набарзан. Курций не упоминает здесь других заговорщиков, строивших с Бессом и Набарзаном совместные планы: Сатибарзана, сатрапа ариев, и Барсаента, сатрапа дрангов и арахотов (Arrian., III, 21, 1, 10; Diod., XVII, 73, 2; 74, 1; Curt., V, 9, 2; VI, 6, 36). Владения трех названных сатрапов вместе как раз и составят третью часть Персидского царства. Бесс, сатрап «Бактрийской страны» (Arrian., III, 8, 3; 21, 1), участвовал в битве при Гавгамелах, предводительствуя бактриями, согдианами и «индами, соседями бактриев» (Arrian., III, 8, 3). Упомянутые инды именовались еще «индами с этого берега Инда» (ср.: Arrian., III, 8, 6). Кроме того, верховная власть Бесса, сначала как сатрапа [Пьянков, 1965, с. 48], а потом и как «царя Азии» [Массон, 1959, с. 147], распространялась на Парфию и Арию. Другими словами, владения Бесса простирались от Каспийских ворот, которые во времена походов Александра являлись границей Парфии [Marquart, II, 1905, с. 27], до внешних рубежей Персидского царства, какими тогда же считались Инд (Strabo, XV, 1, 10) и Танаис, или Яксарт (Strabo, XI, 11, 4). Если к этой территории прибавить еще земли дрангов и арахотов, то все вместе они и будут составлять владения персов к востоку от Каспийских ворот.

Другой историк Александра, Харес, судя по словам Афинея, был убежден, что страна от Каспийских ворот до Танаиса составляла отдельную часть «царства Азии» еще в мифические времена: там якобы некогда правил Зариадр, младший брат древнего мидийского царя Гистаспа (Athen., XIII, p. 575 = фр. 5).

Сведения о частях Персидского царства отразились в основном на делении южной половины Азии. Не случайно, видимо, и сам термин «сфрагида» применялся преимущественно к южным частям Азии. Эту схему уже сам Эратосфен соединил с концепцией иного происхождения — описанным выше делением ойкумены на северную и южную половины. В результате части, принадлежащие первоначальной схеме, претерпели определенные изменения. Первая из перечисленных выше частей Персидского царства стала четвертой частью Северной Азии. Вторая часть была разделена на две половины Тавром: северная половина стала третьей частью Северной Азии, а южная отошла к Южной Азии. Третья часть целиком вошла в состав Южной Азии. Четвертая часть, как и вторая, оказалась рассеченной Тавром надвое [ср.: Berger, 1880, с. 247, 248]: южная ее половина стала у Эратосфена второй из южных сфрагид, расположенной между Каспийскими воротами и Индом (Strabo, XV, 2, 1; 2, 8 = фр. III B, 20; об этой сфрагиде, которую Эратосфен назвал Арианой, здесь еще говорится как о первой с востока части страны, подвластной персам), а северная вошла в состав второй из северных частей Азии.

На второй части северной половины Азии мы остановимся подробнее, поскольку именно она включала Бактриану, Согдиану и соседние страны. Эта часть определяется Страбоном как область, простирающаяся выше, т.е. восточнее, Гирканского, или Каспийского, моря, до моря у Индии, живущих там скифов и горы Имай (II, 5, 31; XI, 1, 7). Она расположена на крайнем северо-востоке ойкумены и ограничена Гирканским морем, которое Эратосфен и Страбон считали заливом внешнего моря — этот залив, по Страбону, отделяет вторую часть северной половины Азии от первой (XI, 8, 1), — Тавром и внешним морем.

Форму второй части Северной Азии Страбон описывает следующим образом. Поскольку береговая линия сужает ойкумену на востоке, подобно полам хламиды, область близ устья Каспийского, или Гирканского, моря оказывается севернее крайней Скифии, расположенной на востоке этой части Азии (II, 5, 14). В целом ограниченный таким образом участок суши похож по форме на поварской нож (μαγειρικὴ κοπίς): «Этот отрезок земли, заостряясь в [своих] восточных частях, становится похожим по форме на поварской нож, где гора, простираясь по прямой линии, кажется подобной острию ножа, а морское побережье от устья Гирканского [моря] до [мыса] Тамар — другой стороне [ножа], переходящей в округлое и заостренное очертание» (XI, 11, 7). То же выражено и другими словами: «Вступающему на северную окраину [кажется], что море постоянно уменьшает длину и ширину [суши], так что описываемая здесь часть Азии, которую охватывает Тавр вплоть до Океана, заполняющего Каспийское море, представляется заостренной к востоку» (XI, 11, 7).

Уже отмечалось, что описание береговой линии данной части Азии, которое мы находим у Страбона, принадлежит Эратосфену и основано на сообщениях Патрокла [Berger, 1880, с. 212, 317]. Под последними имеются в виду дошедшие до Страбона через посредство Эратосфена [Berger, 1880, с. 97] представления Патрокла о возможности плавания от Индии кругом до устья Каспийского моря и Гиркании (II, 1, 17; XI, 11, 6 = фр. 4a, b). Но и Гирканское море как залив Океана, и Тавр, образующие естественные рубежи этой части Азии, тоже соответствуют представлениям Эратосфена, и потому, очевидно, все описание формы второй части северной половины Азии, которое дает Страбон, восходит к Эратосфену [Herrmann, 1938, с. 42].

О составе этой части Азии у Страбона тоже содержатся некоторые сведения. В одном случае он дает краткий перечень населяющих ее народов: за Гирканским морем живут скифы, гиркании, парфиеи, бактрианы, согдианы и другие жители областей, расположенных к северу от Индии (II, 5, 31). В другом он говорит более подробно: вдоль северной стороны Тавра обитают сна-

чала гелы, кадусии, амарды и некоторые из гирканиев, затем народы парфиеев, маргианов и ариев; за Гирканией простирается пустыня, а за Арией следуют Бактриана, Согдиана и скифские кочевники; слева против этих стран, занимая «всю северную сторону» (ἅπασαν τὴν βόρειον πλευράν), живут скифские кочевники (XI, 8, 1, 2).

Бактриана, Согдиана и скифы, помещенные последовательно с запада на восток, вдоль Тавра, а также Гиркания к северу от Тавра соответствуют картографической схеме Эратосфена. Парфия и Ария были помещены в горах Тавра тоже еще Эратосфеном, и потому Страбон в соответствии со своим принципом отнес их к рассматриваемой части Азии. Представление о Парфии как горной стране могло сформироваться у Эратосфена под влиянием данных Гекатея. Поэтому отнюдь не обязательно считать это представление одним из новых моментов, внесенных Страбоном из более близких к его времени источников [так: Kiessling, 1914, с. 490, 491; ср.: Schmitt, 1964, с. 71]; во всяком случае, нигде не видно, чтобы Страбон представлял себе Несею как часть Парфии (ср. XI, 7, 2, 3; 8, 3). Однако маргианы и многие скифские племена в перечнях Страбона появились, безусловно, благодаря более новому источнику, а именно данным Посидония, заимствованным, в свою очередь, у Аполлодора. Более позднему источнику обязан и перечень племен горной области к югу от моря (ср. Эратосфенов перипл Каспийского моря: XI, 6, 1).

Но у Эратосфена состав второй части северной половины Азии не вполне соответствовал его же принципу деления Азии на две половины. Эратосфен не включал в эту часть Азии паропамисадов, ариев и парфиеев, поскольку отнес их к южной сфрагиде Ариане (Strabo, XV, 2, 9 = фр. III B, 23), несмотря на то что они обитали, по крайней мере частично, в горах и потому севернее параллели Родоса. Часть ариев сам Эратосфен определенно помещал даже к северу от Тавра, тем не менее и они отнесены у него к Ариане [Berger, 1880, с. 245]. Нам кажется несомненным, что и эти несоответствия объясняются невозможностью полного совмещения границ сфрагид, воспроизводящих, как уже говорилось, политико-административное деление, с геометрической линией деления Азии на две половины [ср.: Berger, 1880, с. 247, 248]. Не исключено, что и отдельные страны Эратосфен относил к той или иной сфрагиде, руководствуясь историческими данными. Так, Бактриана и Согдиана — с одной стороны, область паропамисадов — с другой, отнесенные Эратосфеном к разным частям Азии, со времен Александра уже и административно не представляли собой одного целого: Бактриана и Согдиана составляли одну сатрапию (Diod., XVIII, 5, 4), область

паропамисадов — другую (Arrian., III, 28, 4). Ария, отнесенная Эратосфеном к южной части Азии, со времен Александра составляла одну сатрапию с Дрангианой (Strabo, XI, 10, 1).

Система сфрагид. Поздние варианты

Схема деления ойкумены, разработанная Эратосфеном, представлена у многих поздних античных авторов с характерными изменениями, восходящими в конечном счете к какому-то одному общему источнику. Этими авторами являются прежде всего Агриппа, зависящие от него Мела, Плиний и другие, еще более поздние латинские писатели. Кроме того, отдельные элементы той же видоизмененной схемы Эратосфена прослеживаются у авторов, причастных к традиции Посидония: Дионисия, Страбона и других. На роль посредника между Эратосфеном, с одной стороны, Посидонием и Агриппой — с другой, бывшего виновником указанных изменений, более всего подходит Гиппарх. Известно, что Гиппарх заимствовал у Эратосфена, а сам влиял на Посидония и имел решающее значение для Агриппы в деле создания карты. Гиппарх обсуждал многие положения Эратосфена о делении ойкумены, относился к ним критически и всюду стремился внести поправки.

У поздних античных авторов схема деления ойкумены на части, аналогичные сфрагидам, представлена лишь в традиции Агриппы. Всю ойкумену Агриппа разделил на ряд частей, которые, как полагают, более сравнимы со сфрагидами Эратосфена, чем, скажем, со схемой Птолемея [Sallmann, 1971, с. 208, примеч. 34]; в некоторых отношениях они ближе к Эратосфену, чем даже схема Страбона [Kiessling, 1914, с. 491, 492]. Тем не менее данные Агриппы свидетельствуют о некоторых характерных изменениях, произведенных в схеме Эратосфена. Можно ли эти изменения возвести к Гиппарху? Предположение о Гиппархе как непосредственном авторитете Агриппы в его схеме деления ойкумены требует обоснования, так как на этот счет высказывались иные мнения. Считают, что Агриппа не имел определенного предшественника в способе деления ойкумены и, хотя на него большое влияние оказал Эратосфен, в общем, как истинный римлянин, он пренебрегал греческой астрономической мудростью [Klotz, 1931, с. 462—466].

Не вызывает сомнения, что проблема сфрагид как частей ойкумены была предметом обсуждения для Гиппарха. Гиппарх делал много замечаний по поводу южных сфрагид, затем, разобрав положения Эратосфена о делении ойкумены линией горной цепи Тавра, переходил к рассмотрению северных сфрагид (Strabo, II, 1, 40 = фр. 29). Здесь нет возможности сопоставить схему

Агриппы со всеми дошедшими до нас замечаниями Гиппарха по поводу сфрагид Эратосфена. Отметим лишь один показательный случай: вторая сфрагида южной половины Азии, у Эратосфена ограниченная на западе Каспийскими воротами, у Агриппы включила Мидию и Персиду вплоть до Тигра (Plin., VI, 137; Div., 23; Dim., 2 = фр. 31). Действительно, Гиппарх критиковал пограничную линию второй сфрагиды, проведенную Эратосфеном через Каспийские ворота, и считал, что тот должен был сделать частью второй сфрагиды Персиду (Strabo, II, 1, 34 = фр. 23).

Представлено у Агриппы и соответствие второй части северной половины Азии схемы Эратосфена и Страбона. Эту территорию Агриппа выделил в качестве двадцатой из тех частей, на которые он разделил ойкумену [Detlefsen, 1906, с. 52; Kubitschek, 1919, с. 2105]. Названа она так: «Каспийское море и живущие вокруг него племена с включением Армении» (Plin., VI, 37; Div., 18; Dim., 6 = фр. 23). Границы ее определены следующим образом: с востока — Серский океан, с запада — Кавказский хребет, с юга — Тавр, с севера — Скифский океан (Plin., VI, 37; Div., 18; Dim., 6 = фр. 23). У Дионисия соответствующая часть ойкумены прямо не выделена, но в тексте его сочинения она выступает довольно прозрачно. О ней Дионисий ведет речь, начиная с описания Каспийского моря и кончая словами: «Столько народов обитает вокруг Каспийских волн» (718—761). Перед этими заключительными словами он говорит не только о местах, действительно прилегающих к Каспийскому морю, но и о весьма удаленных от него странах серов и скифов на окраине ойкумены. Такую концовку, очевидно, нужно понимать как указание на то, что все описание, заключенное ею, относится к одной части ойкумены. Отличия этой части в трактовке Агриппы и Дионисия от соответствующей части, описанной Эратосфеном, налицо. Можно ли и в данном случае объяснить их влиянием Гиппарха? Высказывалось мнение, что Агриппа здесь точно не имел предшественников, ибо греки не могли бы создать такие искусственные объединения, как Армения с Азией до Серского океана [Detlefsen, 1906, с. 102].

Вопрос о второй части северной половины ойкумены был определенно затронут Гиппархом. Известно, что Гиппарх специально говорил о положении областей от Гиркании до Бактрии и соседних племен (Strabo, II, 1, 41 = фр. 33), хотя о том, какие изменения он внес в характеристику северо-восточной части ойкумены, прямых указаний в источниках нет. Для более определенных суждений на этот счет необходимо рассмотреть отдельные компоненты описания рассматриваемой части ойкумены, принадлежавшего Агриппе.

О форме этой части ойкумены у Агриппы в источниках прямо не говорится. Было высказано предположение, что Агриппа, следуя Эратосфену, придал ей вид «поварского ножа» [Herrmann, 1938, с. 46]. Но такое предположение не имеет опоры в источниках. Судя по тому, что мы говорили выше о прямоугольной форме карты Агриппы, северо-восточная часть ойкумены была изображена на этой карте, как и большинство других сфрагид [см. об их форме: Sallmann, 1971, с. 208, 209, примеч. 35], в виде удлиненного прямоугольника. Мела и Плиний описывают северо-восточные очертания ойкумены опять-таки очень сходно, причем это тот случай, когда при отсутствии дословных совпадений они явно имеют в виду один и тот же образ, т.е. описывают одну общую для них карту. Северо-восточный угол ойкумены фигурирует у них как Скифский мыс, где береговая линия Азии меняет направление (cursus inflectitur): до этого она была обращена на север, а начиная отсюда — на восток (Mela, III, 59; Plin., VI, 53), т.е. меняет широтную протяженность на долготную [ср. несколько иное объяснение: Treidler, 1956, с. 710—712]. Северный берег омывается Скифским океаном, а восточный — Эойским (Восточным) (Mela, I, 9; Plin., VI, 33). Эойским именовался океан, омывающий всю восточную сторону Азии, а Серским должна была называться та его часть, которая примыкает к северной половине восточной стороны Азии.

Чем объяснить столь странный, геометрически правильный, вид северо-восточных очертаний ойкумены? Никаких реальных сведений об этих местах античность, безусловно, не имела. Скифский мыс — это чистая условность [Treidler, 1956, с. 712]. Поиски корней этой условности в картине мира, начертанной Эратосфеном [Treidler, 1956, с. 712—714], ничего не дают: они не объясняют, почему эта часть ойкумены представлена в виде мыса и почему о последнем говорят только Мела и Плиний. Ничего не объясняет и предположение, что край ойкумены приобрел такие очертания лишь в результате появления серов на карте [Uhden, 1933, с. 305]. Если справедливо высказанное нами предположение о двух этапах создания карты Агриппы, на первом из которых ойкумена была изображена в согласии с континентальной теорией, а на втором северная и восточная рамки ее превращены в морские берега, то это объясняет и северо-восточные контуры ойкумены на карте Агриппы и в зависимых от нее работах: сначала эти контуры были образованы сходящимися друг с другом крайними параллелью и меридианом — условной границей известной земли с неизвестной, которую затем истолковали как береговую линию и Скифский мыс.

В общем источнике Мелы и Плиния можно найти и много других следов такой перестройки «континентального» изображе-

ния ойкумены в «морское». Отметим лишь один из них. Мела и Плиний говорят, что Каспийское море вливается из Океана через узкий и очень длинный пролив «наподобие реки» (quasi fluvius) (Mela, III, 38; Plin., VI, 38). В основе этого сообщения, несомненно, лежат сведения о большой реке, впадающей с севера в Каспийское море [Herrmann, 1919, с. 2283; Tozer, 1935, с. XIX; Bunbury, II, 1959, с. 363; Sallmann, 1971, с. 227, примеч. 86]. Но мы имеем здесь дело не со смутными слухами о великой реке, как обычно полагают, а с вполне сознательным переосмыслением данных о ней: на первом этапе создания карты Агриппы были изображены замкнутое Каспийское море, как того требовала континентальная теория, и река, впадающая в него с севера, на втором этапе Каспийское море превращено в залив внешнего моря, а река — в пролив [о Каспийском море у Агриппы см.: Detlefsen, 1906, с. 82; Herrmann, 1919, с. 2280; Klotz, 1931, с. 425].

В представлениях о северо-восточных рубежах ойкумены существовали колебания, на это намекает Мела: «Долгое время не было известно, что находится за Каспийским заливом: то ли Океан, то ли недоступная из-за холода земля, простирающаяся без края и конца. По этому вопросу можно сослаться не только на физиков и Гомера, утверждавших, что вся суша окружена морем, но и на Корнелия Непота, писателя более современного и потому более достойного внимания». Далее Мела рассказывает, что Непот привлек в подтверждение своего мнения свидетельство Кв.Метелла Целера, проконсула Галлии, к которому попали некие инды, унесенные бурей от Индии к берегам Германии, и заключает: «Следовательно, нужно признать, что за Каспийским морем находится Океан» (III, 44, 45). Плиний в своем более общем рассуждении на тему, омывает ли море всю землю, приводит и доказательства существования моря на северо-востоке ойкумены: сообщения о плавании флота Селевка и Антиоха из Индийского моря в Каспийское и вокруг Каспийского моря и об упомянутых уже индах у берегов Германии, тоже со ссылкой на Непота (II, 167, 168, 170). Эти явно родственные [ср.: Gisinger, 1952, с. 2380] сообщения Мелы и Плиния взяты из одного общего источника, причем Плиний здесь независим от Мелы, поскольку передает больше подробностей. Поэтому предположение о том, что приведенное здесь сообщение Непота (фр. 7), органически входящее в состав аргументации в пользу морской теории, заимствовано Плинием у Мелы [Peter, II, 1906], не кажется нам убедительным.

Дионисий, говоря о северо-восточных краях ойкумены, ни о каком Скифском мысе не упоминает, но уверен, что из Скифского океана можно приплыть в Эойское море и к земле колиадов, т.е. в Индию (587—592). И это не случайно. Посидоний

сразу отверг континентальную теорию Гиппарха и возвратился к представлению Эратосфена об ойкумене как об овальном острове, омываемом Океаном.

Итак, в первоначальном варианте карты Агриппы на северо-востоке ойкумены вместо Эратосфеновой закругленной линии «поварского ножа», отмечавшей границу суши с морем, была показана фигура в виде угла, образованного пересекающимися параллелью и меридианом, которые отмечали границу известной суши с неизвестной. Эта фигура вполне могла воспроизводить угол Гиппарховой «трапезы», тоже образованной пересекающимися параллелью и меридианом с теми же функциями. В таком случае и сведения о замкнутом Каспийском море с впадающей в него с севера рекой Агриппа мог почерпнуть у Гиппарха. Последний, как сторонник континентальной теории, должен был представлять себе Каспийское море в виде замкнутого бассейна [о Каспийском море у Гиппарха см.: Дитмар, 1973, с. 87; 1980, с. 74; ср.: Junge, 1939, с. 58, примеч. 3].

Сказанное о внешних рубежах северо-восточной части ойкумены объясняет и изменения, произведенные в ее внутренних границах. Для Эратосфена, представителя морской теории, Каспийское море как залив Океана являлось естественной границей. Для представителя континентальной теории замкнутое Каспийское море не могло выполнять такой функции, и его роль была передана долготному хребту, пересекавшему северную половину ойкумены от Тавра до ее пределов. Поверхностное превращение континентальной ойкумены в островную в процессе создания карты Агриппы не смогло изменить материковых границ северо-восточной части ойкумены.

Агриппа в рассматриваемом сообщении прямо указывает на Кавказ как на западную границу северо-восточной части ойкумены. Выступающий в роли границы Кавказ Агриппы ответвляется от Тавра в северном направлении и к западу от Армении [Klotz, 1931, с. 425]. Именно так представляют себе Кавказ Мела и Плиний: это ветвь Тавра, соединяющая его с Рипейскими горами, которая поворачивает на север в области Колика у Фасиса и Понта и обращена одной стороной к Эвксину и Меотиде, а другой — к Каспийскому морю [Mela, I, 109; Plin., V, 97—99; VI, 15]. Даже столь очевидное совпадение данных Агриппы с общим источником Мелы и Плиния в таких специфических моментах не помешало некоторым исследователям считать этот источник работой Варрона, а не Агриппы [например: Herrmann, 1921, с. 61]! Там же, видимо, проходила граница и на карте Дионисия, поскольку Кавказ на ней, судя по схолиастам, изображался так же, как у Мелы и Плиния (Eustath., Dion. Per., 663; Schol. Dion. Per., 7, 666). Очевидно, Посидоний, отвергая представления Гиппарха о внешних рубежах ойкумены, внутрен-

ние границы северо-восточной части ойкумены оставил прежними.

Вполне возможно, что проводить границу по Кавказу предлагал еще Гиппарх. Есть намеки на то, что Гиппарх трактовал Кавказ так же, как и зависимые от него авторы. Сам Гиппарх с его пристрастием к древним картам мог опираться в данном случае на карту Гекатея, поскольку указанная трактовка Кавказа — не что иное, как развитие темы Гекатея об «отрогах» (ὑπώρειαι) Кавказа, именуемых Кольскими горами (Steph. Byz., s.v. Κῶλοι = фр. 209), под которыми имелся в виду, очевидно, северный отрог Кавказа, тянувшийся в Европу (Steph. Byz., s.v. Δανδάριοι, Τιπάνισσαι = фр. 191, фр. 192).

О составе рассматриваемой части ойкумены в традиции Агриппы наиболее полные данные содержатся у Мелы, и эти данные в отдельных моментах дополняются сведениями других авторов. Все эти источники содержат указания на несколько регионов.

Одним из таких регионов являются внутренние области. Мела говорит: «Внутренние земли (interiora terrarum) заселяют многие различные племена: кандары, парианы, бактры, сугдианы, фармакотрофы, хомары, хоаманы, пропанисады, дахи [обитают] выше скифов и скифских пустынь» (I, 13). Мела помещает внутренние земли «выше» (super) пустынь, образующих северную и восточную окраины этой части ойкумены, омываемой Океаном, употребляя слово super в обычном для античности смысле: «дальше от берега, глубже на материке» [Подосинов, 1978, с. 24, 25; 1979, с. 162]. Перечисление племен внутренних земель Мела ведет в основном с севера на юг вплоть до хребта, делящего Азию, часть которого составляет Пропанис, — обитателями последнего и являются упомянутые Мелой пропанисады [Philipp, I, 1911, с. 68, 69; Kiessling, 1914, с. 477]; но не с востока на запад [Подосинов, 1978, с. 24]. Плиний приводит названия всех этих племен, кроме пропанисадов и дахов, но в обратном порядке, с юга на север, в перечне народов, обитающих «ниже этой области» (sub eo tractu) (VI, 47, 48). Под последней он, судя по контексту, понимает горную область Кавказа, или Паропаниса.

О внутренних областях говорит и Дионисий, противопоставляя их землям у Каспийского моря. Согласно этому автору, бактры «на материке (ἐπ' ἠπείροιο) населяют область более обширную», а деркебии обитают «у вод Каспийских» (736—738). Так Дионисий переходит к описанию внутренних земель, населенных бактрами и массагетами, а в сторону Борея, т.е. на севере, — хорасмиями, за которыми находятся Сугдия, саки, тохары, фуны и «варварские народы серов» (734—757). Парафраза по этому поводу замечает: «Бактры обитают в более обширной об-

ласти материка, т.е. во внутренней стране... с другой же стороны, очевидно, направо от Гиркании, у Каспийских вод, [живут] деркебии». На карте Пейтингера тоже упоминаются Bactrianoe, действительно помещенные в глубине материка, далеко к востоку от Гирканского моря (XII, 4).

Другой отчетливо выделяющийся регион — это океанское побережье. Мела говорит о «берегах» (orae), обращенных к Скифскому океану и Эойскому морю, отчасти пустынных, отчасти населенных скифскими народами и серами (III, 58—60). То же самое сообщает Плиний о «побережье, берегах» (ora, lita) Скифского океана и Эойского моря (VI, 53, 54). Дионисий выделяет лишь крайнюю северо-восточную часть ойкумены, которую называет «окраинами» (ἐσχατιαί), где обитают скифы (758—760). На карте Пейтингера показаны на крайнем северо-востоке ойкумены шесть племен, к названиям которых прибавлено слово Scythae (XII, 1—6). Такое определение крайнего северо-востока ойкумены соответствует представлению Посидония о крайней стране скифско-кельтского пояса как Скифии.

Побережье Каспийского моря все вошло в состав рассматриваемой части ойкумены в результате новой трактовки ее границ. Перипл Каспийского моря, принадлежащий традиции Агриппы, в наиболее чистом и полном виде представлен у Мелы. Мела говорит сначала о правой стороне пролива, которым начинается море, потом о берегах трех заливов моря, а именно Каспийского, Гирканского, Скифского, и, наконец, о левой стороне пролива (III, 38, 39; ср. I, 12, 13). У Плиния от этого перипла остались лишь небольшие обрывки (VI, 38, 39 — отдельные места), но один из них дан с прямой ссылкой на Агриппу (VI, 39 = фр. 53). В остальном описание Каспийского моря у Плиния составлено по материалам Варрона. История источниковедческого изучения описания прикаспийских областей, данного Мелой и Плинием, служит хорошим примером того, как поверхностно обосновывалась теория принадлежности Варрону общего вклада в географию Мелы и Плиния. Вывод об авторстве Варрона в этом случае построен, в общем, на том, что описание прикаспийских областей у Плиния, обнаруживающее определенную близость аналогичному описанию у Мелы, содержит прямые ссылки на Варрона. Но при этом осталось незамеченным, что указанное описание у Плиния состоит не из одного слоя и что как раз тот слой, в котором содержатся цитаты из сочинений Варрона, противоречит слою, общему с Мелой [историю вопроса см.: Sallmann, 1971, с. 224—228, 246].

Перипл Каспийского моря включен в описание северо-восточной части ойкумены и у Дионисия. Дионисий тоже начинает с устья Каспийского моря, где обитают скифы, и затем перечисляет прикаспийские народы вплоть до тапиров (728—733).

Некоторые из упомянутых Дионисием народов можно найти и на карте Пейтингера (XII, 1, 2). Видимо, тот же перипл передает Страбон (XI, 7, 1; ср. 8, 1) и использует Птолемей в описании карт Албании, Армении, Мидии и Гиркании (V, 11, 2; 12, 3; VI, 2, 5; 9, 2, 5). Судя по всем этим данным, лежащий в их основе перипл Посидония явился переработкой соответствующего перипла Эратосфена (ср.: Strabo, XI, 6, 1; 8, 8; Plin., VI, 36), включившей некоторые новейшие сведения. Получить последние не составляло труда для Посидония, встречавшегося с Помпеем во время его восточных походов.

Наконец, указание на еще один регион содержат слова Мелы: «Там, где материк (tractus) приближается к нашим морям, [живут] матианы, тибараны и уже более известные по именам миды, армении...» (I, 13). Плиний также имеет в виду эти места, когда приводит перечень названий, толковавшихся самым разным образом, которые мы читаем так: «Parrhasini, Mardiani, Arsi (или Mardi, Aniar[a]ci?)[14], гелы, которых греки называли кадусиями, матианы...» (VI, 48). Уже обращалось внимание на то, что этот перечень, вставленный у Плиния в список закаспийских племен, относится к более западным областям Тавра как хребта, разделяющего Азию [Kiessling, 1913, с. 435; 1914, с. 492; ср.: Ельницкий, 1961, с. 191]. Но такая вставка не совсем случайна; она свидетельствует, что и племена данного перечня были включены в состав северо-восточной части ойкумены. Все это хорошо согласуется с картой Агриппы: Армения на ней, как мы видели, точно была отнесена к указанной части ойкумены, а вместе с Арменией туда же, видимо, были помещены и соседние области.

Соответствующие племенные названия у Дионисия разбросаны в разных местах его сочинения: там, где говорится об арменияx и матиенах, живущих у гор, а также об обитателях горных долин Мидии, гелах (у Авиена Gerrhi), мардах и атропатенах; все они прямо названы жителями земли, обращенной к Борею, т.е. находящейся к северу от Тавра, в противоположность своим южным соседям, обращенным к Ноту (1001—1004, 1016—1019). На карте Пейтингера к северу от Тавра показаны Media Maior и Minor, Hiroae, Mardiane, Atrapatene и др. (XI, 5 — XII, 2). О странах названных народов говорит Страбон, когда упоминает горы над Экбатанами, около Раг и Каспийских ворот и «вообще все северные области отсюда до Матианы и Армении» (XI, 13, 7). Все эти страны, видимо, и Птолемей воспринимает как нечто целое (VI, 2, 5). Можно думать, что в традиции Посидония, к которой относятся приведенные сообщения, упомянутые страны и народы тоже входили в северо-восточную часть ойкумены.

[14] В тексте: Arasmi, Marotiani, Arsi.

Очевидно, не случайно, что рассмотренные выше перечни стран и народов, отражавшие состав сконструированных Посидонием природных поясов северо-востока ойкумены, кончаются на западе Арменией, Матианой и тибаренами.

Совпадения в характеристике состава северо-восточной части ойкумены, обнаруженные в традиции Агриппы, с одной стороны, традиции Посидония — с другой, позволяют предполагать, что и состав этой части ойкумены был намечен в основном Гиппархом. Некоторые изменения в указанной характеристике, отличающие ее от той, которая была дана Эратосфеном, хорошо объясняются изменениями в трактовке Каспийского моря и его роли как границы северо-восточной части ойкумены. Такова причина включения в состав этой части и всего побережья Каспийского моря, и самого западного из отмеченных выше регионов. По Страбону, который, видимо, следует здесь за Эратосфеном, область от Каспийских ворот, охватывающая Мидию, Армению и другие страны вплоть до Эвксинского Понта и тибаранских племен, является третьей частью северной половины Азии (II, 5, 31; XI, 1, 7). Очевидно, включение во вторую часть западного побережья Каспийского моря повлекло за собой слияние с нею всей третьей части.

Система сфрагид. Вариант Оросия

Особый вариант в рамках традиции Агриппы представляет собой схема деления ойкумены, описанная Оросием. Мы думаем, что карта, на которую опирался Оросий при составлении своего географического очерка, являлась картой Агриппы, пересмотренной по приказу императора Феодосия незадолго до того времени, когда писал Оросий.

Оросий также перечисляет и описывает части ойкумены. Несомненно, что и эти данные восходят в основе своей к карте Агриппы, как и то, что они отражают определенные изменения, которым подверглась указанная карта. Одна из частей охватывает северо-восток ойкумены. Описание ее у Оросия тоже выдает пользование новейшей для времени этого автора редакцией карты Агриппы.

Границы северо-восточной части ойкумены Оросий определяет так: «...от горы Имава, т.е. от крайнего Кавказа, и правой стороны востока, где простирается Серский океан, до мыса Борея и реки Борея, оттуда до Скифского моря на севере, до Каспийского моря на западе и до растянутого хребта Кавказа на юге» (I, 2, 47). Наиболее заметным нововведением здесь является то, что в качестве западной границы выступает Каспийское море, а не Кавказ. Очевидно, во время пересмотра работы Агриппы

Каспийское море, опять превратившееся на римской карте в залив океана, снова было признано границей. Показательно, что Дикуил, который знал о современной Оросию ревизии карты Агриппы, описывая по этой карте северо-восточную часть ойкумены, проводит ее западную границу не только по Кавказскому хребту, но и по Каспийскому морю, а сообщая о составе этой части ойкумены, добавляет к слову «Армения» определение «Великая», т.е. имеет в виду не всю Армению, а лишь часть ее, ближайшую к Каспийскому морю. Конечно, эти добавления не могут восходить к Агриппе, как иногда полагают [Detlefsen, 1906, с. 52], но вряд ли они являются и произвольными вставками самого Дикуила [Klotz, 1931, с. 425]. Скорее всего они отражают те изменения, которые внесла в карту Агриппы указанная ревизия.

В пределах северо-восточной части ойкумены Оросий насчитывает «42 племени гирканов и скифов, кочующих на широком пространстве вследствие неплодородной почвы» (I, 2, 47), хотя и не называет эти племена поименно. Несомненно, что в числе их были народы, упомянутые Оросием в связи с описанием Кавказского хребта: гирканы, бактрианы, скифские племена. М.Кисслинг полагал, что Оросий здесь имел в виду племенную номенклатуру северо-восточной части ойкумены, фигурировавшую еще на карте Агриппы, но истолкованную в свете более поздней исторической ситуации; поэтому у Оросия и выступают на первый план гирканы и скифы, т.е. скифские тохары Бактрианы и Согдианы [Kiessling, 1914, с. 513]. Действительно, римские авторы, современники последнего периода существования Парфянского царства, воспринимают гирканцев, скифов и бактрийцев как основные политические силы на далеком востоке: парфянский царь Артабан III борется за престол, опираясь на гирканов и сопредельных скифов (Tacit., Ann., VI, 36, 43, 44); во вновь разгоревшейся борьбе за престол Готарз опирается на гирканов, а Вардан переносит свой лагерь «на поля бактрианов» (Tacit., Ann., XI, 8—10); во время походов Корбулона уже независимые гирканы воюют с парфянами и отправляют послов к римлянам (Tacit., Ann., XIII, 37; XIV, 25; XV, 2); бактры и гирканы отправляют послов к императору Антонину Пию (Aurel. Vict., Epit., XV, 4).

Части ойкумены у Птолемея

Всю ойкумену, и в частности Азию, Птолемей делит на «карты» (πίναξ), которые в данном случае соответствуют сфрагидам [ср.: Шибанов, 1968, с. 145], а карты — на «эпархии» (ἐπαρχία), или «сатрапии» (σατραπία), т.е. страны (VIII, 29). Отдельные карты Птолемея, особенно на востоке Азии, совпадают со сфраги-

дами Эратосфена. Земли на крайнем востоке ойкумены, о которых Эратосфен еще не знал, выделены в две дополнительные карты, одна из которых заключает северо-восточную, а другая — юго-восточную окраины ойкумены. Впрочем, рамки этих двух последних карт, представленные в «Географическом руководстве», определились у Птолемея не сразу. Так, в более ранней работе «Канон знаменитых городов» Птолемей еще не делит Скифию на две страны [Schnabel, 1938, с. 71; ср.: Honigmann, 1929, с. 204, 224].

Второй части северной половины Азии Страбона соответствует седьмая карта Азии «Географического руководства» Птолемея. На юге она ограничена почти сплошной цепью гор, которую образуют гора Корон, Сарифские горы, горы Паропанис, Кавказские горы и гора Имай, на западе — Гирканским морем и рекой Ра, на востоке — долготной ветвью горы Имай, на севере — неизвестной землей [Ronca, 1971, tabl. 2].

Форма седьмой карты Азии приближается к четырехугольнику. Северная и восточная стороны совпадают с пересекающимися параллелью и меридианами, которые и образуют границы карты. Таким же способом образованы у Птолемея северная и восточная границы всей ойкумены. Различия в определении рубежей седьмой карты Азии, с одной стороны, и второй части северной половины Азии — с другой, объясняются, во-первых, тем, что Птолемей в отличие от Эратосфена придерживался континентальной теории, а во-вторых, тем, что Птолемею на востоке ойкумены было известно больше земель, чем Эратосфену.

Общая конфигурация седьмой карты Азии, очертания ее северной и восточной сторон, обусловлены «континентальностью» ойкумены Птолемея, другими словами, тем, что образцом для Птолемея в данном отношении послужила карта Гиппарха. Если так, то в очертаниях рассматриваемой части ойкумены Птолемея проглядывают контуры прототипа карт традиции Агриппы. Особенно заметно это в очертаниях северной и восточной сторон: на прототипе карт традиции Агриппы эти стороны, как уже говорилось, тоже были образованы пересекающимися параллелью и меридианом. Но, очевидно, то же самое можно сказать и относительно Гирканского моря и впадающей в него реки Ра: выше уже было высказано предположение, что на прототипе карт традиции Агриппы Каспийское, или Гирканское, море было изображено замкнутым, с впадающей в него с севера крупной рекой.

Что касается новейших сведений, а именно данных итинерария Мая, то они обогатили преимущественно представления Птолемея о крайнем востоке ойкумены. В частности, более близким к реальности стало представление о расстоянии до Серы, и в результате восточная рамка ойкумены была как бы передвинута дальше на восток.

Седьмая карта Азии включает у Птолемея Гирканию, Маргиану, Бактриану, согдианов, саков, Скифию по эту сторону горы Имай (VIII, 23, 1; 29, 23). Состав седьмой карты Азии почти полностью соответствует данным Эратосфена. Лишь Маргиана, вклинившаяся между Гирканией и Бактрианой, оказывается поздним добавлением к этим данным. Думается, что это добавление обусловлено влиянием Посидония. Благодаря тому же источнику, как уже отмечалось, Маргиана появилась и в перечнях Страбона.

ГЛАВА IV

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В АНТИЧНЫХ ОРОГИДРОГРАФИЧЕСКИХ СХЕМАХ

Горный хребет и текущие с него реки образовывали в античной литературной традиции основу, костяк, вокруг которого группировались остальные объекты географического описания: страны и народы, населенные пункты и т.д. Такой традиционный для античности географический комплекс — горный хребет и связанные с ним реки — мы называем орогидрографической схемой.

Орогидрографические схемы Азии могут иметь разный территориальный охват, быть более общими или более локальными. Мы рассматриваем эти схемы преимущественно в той мере, в какой они касаются Бактрианы, Согдианы и окружающих стран. Следует заметить, что у одного автора нередко сочетаются элементы разных схем, а иногда бывают совмещены и сами схемы в почти полном виде. Без учета этого обстоятельства невозможна правильная интерпретация античных географических данных.

Орогидрографические схемы востока ойкумены прошли долгий путь развития. Можно сказать, что, в общем, они отражают два этапа в познании Азии: до походов Александра Македонского и после походов. Каждый из этапов характеризуется своими схемами, выдвигающимися на первый план. Иногда одни и те же горы и реки фигурируют в разных схемах, иногда появляются новые горы и реки. В этой связи встает вопрос о тождестве отдельных гор и рек, выступающих под разными именами, но занимающих аналогичное место в схемах.

Прежде чем перейти к рассмотрению орогидрографических схем в целом, остановимся на некоторых данных об отдельных горах и реках этих схем.

В античной географии довольно рано стало формироваться представление о горном хребте, тянущемся через всю Азию в широтном направлении. Это представление и явилось основой для орогидрографической схемы Азии. Вначале такой горный хребет не носил какого-либо определенного названия, и не всегда ясно даже, воспринимался ли он как единое целое. Затем на него распространяется название «Кавказ», а еще позднее — «Тавр», и на протяжении всей античности он фигурирует у разных авторов, одновременно или порознь, под этими двумя названиями.

Представление о Кавказе как великом азиатском хребте формировалось постепенно. Геродот считает Кавказ высочайшей из гор и на восток от него помещает Каспийское море (I, 203, 204). Аристотель признает Кавказ высочайшей из гор со стороны летнего востока, а Каспийское и Гирканское моря помещает уже в пределах самого Кавказа в виде озер «под Кавказом» (Met., I, 13, 18, 29; ср. II, 1, 10). Таким образом, Кавказ у Аристотеля простирается далеко на восток ойкумены, хотя более определенными данными о том, как далеко он уходит на восток, этот автор, видимо, не располагал. Окончательно представление о Кавказе как непрерывном хребте Азии оформилось после того, как спутники Александра приняли за Кавказ гору, которую они перевалили, войдя в Бактриану с юга [Markwart, 1938, с. 179]. Историки Александра, его современники, считали эту гору высочайшей в Азии, а примыкающий к нему Тавр — горой второй величины. Видимо, таково же было представление греческого и македонского населения, осевшего в Азии после походов.

Собственно Тавр находился в Киликии и Памфилии, значительно южнее «настоящего» Кавказа. Эратосфен или его предшественники, оспаривавшие правомерность отождествления бактрийской горы с Кавказом, а «настоящий» Кавказ не включавшие в систему великого азиатского хребта, естественно, предпочитали название Тавр. Применение этого названия ко всему хребту, пересекавшему Азию, в противоположность представлениям о Кавказе, имело чисто книжное, «ученое» происхождение [Ruge, 1934, с. 48], хотя в литературе распространилось широко. Страбон специально оговаривает, что этот хребет называют Тавром именно эллины (XI, 8, 1), имея в виду под последними своих литературных предшественников.

В более позднем варианте представлений о горной системе Азии, который отражен, в частности, в традиции Агриппы, «настоящий» Кавказ включен в состав великого азиатского хребта, но Мела и Плиний продолжают называть последний Тавром, хотя Гонорий и Иордан, представляющие ту же традицию, но в более позднем варианте, именуют его уже Кавказом.

Кавказ и Тавр. В античной литературе сохранились и прямые следы полемики вокруг этих названий. Так, Оросий, в основе представлений которого о горной системе Азии лежит традиция, общая с Мелой и Плинием, утверждает, что хребет, пересекающий Азию, нужно называть Кавказом, а не Тавром. «Многие полагают, — говорит он, — что этот [Кавказ] является хребтом горы Тавр, ибо, действительно, Паркохатра, гора Армении, находится посредине между Тавром и Кавказом и, как думают, соединяет Тавр с Кавказом» (I, 2, 37). Но это, по его мнению, неправильно, так как Тавр отрезан от Паркохатры Евфратом (I, 2, 38). Этот взгляд, видимо, высказывался задолго до Оросия, поскольку еще Филострат отмечал, что некоторые не верили, будто «наш Тавр простирается по ту сторону Армении». Сам Филострат этому верит и подтверждает свое мнение тем, что в Памфилии ловят пантер, которые в поисках благовонных растений покидают Армению, — была якобы найдена пантера в золотом ошейнике с надписью царя Арсака, содержавшей посвящение «Нисейскому божеству». Впрочем, Филострат тоже считает, что весь хребет должен называться Кавказом, и Тавр, «простирающийся через Армению и Киликию до Памфилии и Микале» у моря каров, «может быть принят за конец Кавказа, а не за начало, как говорят некоторые», ибо Кавказ настолько высок, что о его вершины «разрезаются лучи солнца» (Vita Apoll. Tyan., II, 2). Филострат, таким образом, возвращается к точке зрения современников Александра. Попытку совместить представления о Кавказе и Тавре предпринял Арриан. Говоря о Кавказе у пределов Индии, он замечает: «Может быть, впрочем, гора эта продолжается другим, Скифским, Кавказом, как ею самой продолжается Тавр» (V, 5, 3). Здесь Арриан эклектично соединил две концепции непрерывного хребта, тянущегося через Азию, в одной из которых этот хребет именовался Кавказом, а в другой — Тавром. Первую концепцию он заимствовал у Аристобула, а вторую — у Эратосфена.

В более локальных орогидрографических схемах горный хребет, находящийся в Верхней Азии, т.е. в Азии, расположенной в глубине материка на востоке, выступает сначала под названием «Парнасс», затем — «Паропамис», причем последнее иногда приравнивается к названию «Кавказ».

Вопрос о Парнассе осложняется тем обстоятельством, что в случаях, когда этот азиатский хребет упоминается в источниках без указания на местоположение, его не отличали от знаменитой греческой горы того же имени. Азиатский Парнасс у античных авторов нередко в той или иной форме совмещался с Кавказом. Сначала его пытались поместить рядом с Кавказом на одной карте, потом, когда Кавказом стали именовать Паропамис, его

отождествляли с этим последним Кавказом. На вопросе о соотношении Парнасса и Паропамиса следует остановиться особо.

Парнасс и Паропамис, или Кавказ. В орогидрографических схемах Верхней Азии названные хребты занимают аналогичное место, и уже это обстоятельство позволяет предполагать их тождественность. Прямых указаний на этот счет в античных источниках не сохранилось. Однако косвенные свидетельства подтверждают, что в античном мире осознавали идентичность этих двух хребтов. Как будет показано ниже, в вариантах ранней орогидрографической схемы Верхней Азии мы вместо ожидаемого Парнасса в одном случае находим Кавказ, а в другом — Парапанис.

Специально о соотношении Парнасса и Паропамиса говорит поздний комментатор Эвстафий. Замечание его вызвано тем, что Дионисий, описывая Бактриану, упоминает Парнес (737), а описывая Индию, называет Парпанис (1098; правда, в некоторых рукописях и в данном случае говорится о Парнесе — видимо, под влиянием упомянутого выше Парнеса). По поводу «некоего Парнеса, бактрийской горы», Эвстафий пишет: «И следует решить, так ли нужно писать это [слово], одноименно с европейским Парнасом, или называть его Парпамисом» (Ad Dion. Per., 737). А об «индийской горе Парпанис» он говорит, что «это не Парнес, как приводится во многих из списков» (Ad Dion. Per., 1907). Как видно, Эвстафий не сомневается в тождестве «бактрийской» и «индийской» горы, но считает правильным называть ее Парпам(н)исом, а не Парнесом, и перенос последнего названия с европейской горы на азиатскую, видимо, кажется ему недоразумением. Нужно заметить, что такое же мнение иногда высказывают и современные ученые. Так, В.Хейдел полагает, что Аристотель, в одном из сочинений которого тоже упоминается азиатский Парнасс (Met., I, 13, 15), в действительности говорил о Паропанисе, и лишь его ученик, из записей которого будто бы и составилось это сочинение, понял незнакомое ему название как «Парнасс» [Heidel, 1937, с. 42, примеч. 107]. В.Хейдел не учитывает, что об азиатском Парнассе говорил и Дионисий, опираясь на независимый от Аристотеля источник. На самом же деле названия Парнасс и Паропамис являются двумя самостоятельными попытками передать местное название хребта, причем первая форма воспроизводит его даже ближе, чем вторая [Marquart, II, 1905, с. 75, 76; Markwart, I, 1946, с. 129].

Достаточно убедительно говорят о тождестве Парнасса и Кавказа описательные материалы. Это относится прежде всего к такой специфической черте, как произрастание сильфия. Правда, Феофраст и Плиний сообщают о сильфии Парнасса с оговоркой, что это не настоящий (ливийский) сильфий, а другое растение, магидарис (Theophr., Hist. plant., VI, 3, 7; Plin., XIX,

46). Более того, Плиний в другом месте говорит об этом же растении Парнасса просто как о «траве» (XXIV, 178—181). В частности, он сообщает о том, как привлекательна эта трава для скота и какие полезные свойства она имеет. Заметим кстати, что сообщение о сильфии или магидарисе на Парнассе, под которым понимали только греческий хребет этого имени, всегда вызывало недоумение у исследователей, так как других известий о наличии указанного растения в греческой и вообще европейской флоре нет (о попытках объяснить это сообщение см. [Steier, 1927, с. 111; Сергеенко, 1951, с. 466, 467]). Вновь о сильфии, но произрастающем на Кавказе, упоминают современники и спутники Александра. Аристобул говорит о сильфии, в изобилии растущем на Кавказе, и о том, как он издали привлекает к себе овец (Arrian., III, 28, 6 = фр. 23; Strabo, XV, 2, 10; [см.: Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 515]). О том же сильфии и о действии его на овец говорит Феофраст (Hist. plant., VI, 3, 4—6; Plin., XIX, 43) по данным участников похода Александра, причем не замечает, что этот сильфий тождествен магидарису Парнасса, о котором он узнал из другого источника.

Кавказ Индийский и Скифский. Горный хребет, прикрывающий Бактриану с юга, впервые назвали Кавказом спутники Александра. То, что под этим Кавказом имели в виду тот самый Кавказ, который высился над Эвксинским Понтом, а не какой-то особый индийский Кавказ [ср.: Риттер, Григорьев, 1877, с. 177, 187], по крайней мере для времени походов Александра является бесспорным.

Однако вскоре появились сомнения в правильности такого определения бактрийского и индийского хребта. Возможно, что одним из первых эти сомнения выразил Демодам, который и в других случаях отвергал географические представления спутников Александра. В этой связи можно обратить внимание на сообщение Плиния о том, что «сами скифы [называют]... Кавказские горы Groucasis, что значит „белый от снега“» (VI, 50). Согласно одному из предположений, речь здесь идет о настоящем Кавказе [Markwart, II, 1946, с. 302]. Мы думаем, что в данном случае, безусловно, имеется в виду индийский Кавказ и одно из его местных названий [так McCrindle, 1960, с. 186]. Приведенное сообщение Плиния является продолжением цитации Демодама (ср. VI, 49) и имеет тот же смысл, что и восходящее к Демодаму сообщение о Танаисе — Яксарте (VI, 49): как река Яксарт, именуемая скифами Силисом, была ошибочно принята Александром и его воинами за Танаис, так и гора, именуемая скифами Кроукасисом, была ошибочно принята за Кавказ. Эратосфен, а вслед за ним Страбон и Арриан уже уверенно утверждают, что спутники и историки македонского царя в своих рассказах умышленно перенесли Кавказ от Эвксинского Понта на Индийские горы и

назвали Кавказом гору Паропамис, чтобы польстить Александру (Strabo, XI, 5, 5; XV, 1, 8; Arrian., V, 3, 3; 5, 3 = фр. III A, 5; Ind., 5, 10, 11): с Кавказом ведь были связаны многие образы греческих мифов.

Тем не менее название «Кавказ» закрепилось за Паропамисом и ближайшими к нему горами, и античные авторы продолжали употреблять его в таком значении, нередко упоминая этот Кавказ даже наряду с настоящим. Так, Арриан прямо противопоставляет «другой» Кавказ, через который перешли македоняне, Скифскому, т.е. настоящему (Ind., 2, 4; ср.: Anab., V, 5, 3).

Реки

Рек, соединенных с упомянутыми выше хребтами в единые орогидрографические схемы, много. Мы остановимся лишь на тех из них, которые соотнесены с Бактрианой, Согдианой и соседними странами. Несколько таких рек выделяются в качестве основных. Это Аракс и Танаис в ранних схемах, Окс и Танаис или Окс и Яксарт в поздних. Названные реки тоже частично дублируют друг друга, и их тоже иногда путают с реками, в действительности не имеющими отношения к рассматриваемым схемам. Но вопрос о соотношении всех этих рек еще сложнее, чем проблема гор.

Одной из основных рек наших схем предстает Аракс. В античных источниках под одним названием «Аракс» фигурирует множество разных рек. Особые сложности создает то обстоятельство, что название «Аракс» прилагается и к трем разным рекам, впадающим в Каспийское море [о «трех Араксах» см.: Толстов, 1947, с. 42—45; Пьянков, 1975, с. 65, 66]: с запада, с севера и с востока. Лишь последняя из них относится к нашим схемам. Но древние авторы не различали эти реки, и среди современных исследователей нет единства мнений по вопросу о том, к какому из Араксов отнести то или иное античное сообщение.

Так, очень часто к восточному Араксу относят сообщение Геродота, заимствованное им у Гекатея, о том, что Аракс образует сорок устьев, теряющихся в болотах и топях, и лишь одно из них изливается, протекая по открытой местности, в Каспийское море (I, 202; см. особенно [Herrmann, 1914, с. 9; Junge, 1939, с. 25, 26; Толстов, 1948, с. 53; 1962, с. 18, 136; Струве, 1968, с. 58, 62; см. также: Treidler, 1963, с. 490; Olshausen, 1970, с. 388]). Но этот же Аракс, по Геродоту, вытекает из страны матиенов (I, 202), и к нему же относится сообщение Геродота о «Каспийском море и реке Аракс, текущей к восходящему Солнцу» (IV, 40; [Пьянков, 1975, с. 47, 56]); здесь явно имеется в виду западный Аракс [Neumann, 1884, с. 169; Дьяконов, 1961, с. 367; Пьянков,

1975, с. 65, 66]. Связь «открытой местности» (καθαρός), по которой протекает рукав Аракса, с обширной «равниной» (πεδίον) массагетов к востоку от Каспийского моря (о соотношении этих слов см. [Junge, 1939, с. 24, 25]), казавшаяся нам ранее вероятной [Пьянков, 1964, с. 121], не обязательна, поскольку в данном контексте слово καθαρός означает, скорее, просто местность, лишенную болот [Herrmann, 1914a, с. 1183; Струве, 1968, с. 57, 231]. Видимо, вообще многие известия античных авторов, в том числе и Гекатея, об Араксе, стоящие вне традиции, в которой описывались ранние орогидрографические схемы, не касались восточного Аракса (ранее мы высказывали несколько иное мнение; см. [Пьянков, 1975, с. 62, 63, 65; см. по этому поводу также: Куклина, 1985, с. 114—126; Frye, 1984, с. 95]).

Некоторые упоминания о реке явно имеют в виду восточный Аракс. Сохранился фрагмент мифической, древнейшей истории Азии, излагавшейся в «Персика» некоего Ктесифонта, в котором иногда видят Ктесия [Marquart, 1893, с. 602, примеч. 316; Herrmann, 1914, с. 20, примеч. 1], хотя, как кажется, без достаточных оснований [ср.: Laquer, 1922, с. 2079]. В этом фрагменте повествуется об Араксе, сыне Пила и внуке Арбела, и о том, почему «река в Армении», прежде называвшаяся Бактром, получила от него свое имя (Plut., fluv., 23, 1 = фр. 2). Здесь на восточный Аракс указывает первоначальное название реки. В рассказе Геродота о походе Кира на массагетов фигурирует Аракс, отделяющий массагетов от владений персов (I, 205—211; III, 36). Но этот Аракс, упоминание о котором дано только в связи с повествованием об исторических событиях и совершенно лишено описательного элемента, сам Геродот явно не отличает от Аракса других своих сообщений. В аналогичном рассказе Трога и зависимых от него авторов — видимо, в той части рассказа, которая восходит к Геродоту [Ziegler, 1937, с. 1703], — тоже упоминается Аракс[1] в качестве рубежа между скифами и персами (Iord., 61 = фр. 29a; Iust., I, 8, 2 = фр. 29b; Anecd. Rue. = фр. 29f).

Аракс выступает только в ранних орогидрографических схемах. В поздних схемах он исчезает. Какая из рек поздних схем приходит ему на смену? На этот счет высказывались разные мнения. Одни исследователи отождествляли восточный Аракс с Яксартом, другие — с Оксом (см. полемику по этому поводу [Tomaschek, I, 1877, с. 58, и Herrmann, 1914, с. 8]). Вначале преобладало первое мнение, но в настоящее время, пожалуй, большинство ученых придерживается второго мнения [см. об этом:

---

[1] Обычно в рукописях этих авторов представлена форма Araxes с большими или меньшими искажениями. Но в тексте Юстина даны также написания Oaxis, Oxxis [см. по этому вопросу: Seel, 1956, с. 34]. По всей видимости, эти написания не являются простым искажением первой формы.

Федчина, 1967, с. 5; Olshausen, 1970, с. 388]; однако первое мнение и сейчас еще имеет сторонников [например: Дьяконов, 1961, с. 77, 79, 367; Altheim und Stiehl, 1970, с. 125, 126]. Впрочем, иногда считают, что восточный Аракс соответствовал и Оксу и Яксарту, которые не различались в представлениях раннего времени [например: Tomaschek, 1896, с. 403; Ельницкий, 1961, с. 83, 125; ср. 1977, с. 96, 169].

Аракс и Окс. Мы всегда думали, что восточный Аракс соответствовал только Оксу [Пьянков, 1964, с. 118—120; 1975, с. 66; ср.: Harmatta, 1979, с. 27]. В источниках нет прямых указаний на отношение этого Аракса к рекам поздних схем. Но в историографической традиции содержится любопытное косвенное свидетельство, указывающее на тождество Аракса и Окса. В описании первой переправы Александра через реку, служившую рубежом Бактрианы, версия Каллисфена и Клитарха, как мы старались показать, называет эту реку Араксом, а версии других историков Александра, представленные у Арриана и Курция, — Оксом (Arrian., III, 29, 2—4; Curt., VII, 5, 13—18). Намеки на тождество Аракса и Окса можно найти и в описательных материалах. Такой намек, возможно, содержит «Буколика» Вергилия, в которой говорится о скифской реке Аракс, «стремительно увлекающей мел» (rapidum cretae) (I, 66), — если правильна эмендация Oaxen в Araxen [Meyer, 1970, с. 221]. Сервий поясняет, что река здесь характеризуется как «грязная, илистая» (lutulentus): она увлекает белую землю и становится «мутной» (turbulentus) (In Vergil. Bucol. comm., I, 66). Курций говорит то же самое о реке Окс: вода ее несет ил и «всегда мутна» (turbidus semper) (VII, 10, 13; ср.: Plut., Alex., 57). Известны и некоторые другие общие моменты в описании Аракса и Окса. Так, у ряда авторов, как мы покажем ниже, имеются фрагменты описания водопада на Араксе. Очень похожее описание водопада на Оксе дает Полибий (X, 48), пользуясь независимым источником.

Об Оксе античные авторы говорят лишь со времен походов Александра. Но с этих времен в оригинальных орогидрографических схемах Окс полностью заменяет собой Аракс.

Танаис выступает и в ранних орогидрографических схемах, и в одной из поздних схем. В другой поздней схеме фигурирует Яксарт. О тождестве Танаиса и Яксарта указанных схем имеются прямые свидетельства источников. Но это соответствие имеет специфическую особенность: замена Танаиса на Яксарт в схемах связана с существенным изменением представлений о самой реке. Дело в том, что Танаис в античной традиции тоже не один: был Танаис, который впадал с востока в Каспийское море, и был другой Танаис, который впадал с севера в Меотиду. В наших орогидрографических схемах фигурирует восточный Танаис, но его в большинстве случаев не отличали от северного,

черты которого ему приданы: он впадает в Меотиду и отделяет Азию от Европы, если данный автор вообще признает Танаис в качестве границы частей света. Замена Танаиса на Яксарт одновременно, как правило, означает признание отличия восточного Танаиса — Яксарта от северного Танаиса (излагаемая здесь концепция Танаиса коренным образом отличается от предложенной недавно иной трактовки Танаиса, которая кажется нам совершенно неубедительной [Куклина, 1985, с. 132—136, 146—161]).

Впервые вполне определенные данные, позволившие произвести такую замену, получил Демодам, который сам переправился через реку, именовавшуюся Танаисом. Плиний, основываясь на этих данных, говорит о «реке Яксарт, которую скифы называют Силисом, а Александр и его воины приняли за Танаис» (VI, 49; в издании Müller эти слова включены в состав фрагмента 1 сочинений Демодама; ср. в издании Jacoby фрагмент 2). Солин делает весьма существенные дополнения к этому сообщению Плиния: реку называют Яксартом[2] бактрийцы, а Силисом — «прочие скифы», и Демодам впервые открыл, что это не Танаис, а другая река (XLIX, 5). Последнее обстоятельство отмечает и Капелла: Демодам показал, что Яксарт[2] — это не Танаис, а иная река (VI, 692). Те же данные Демодама дошли, возможно, через Артемидора до комментаторов Дионисия. Эвстафий, используя, видимо, сведения более ранних комментаторов, отмечает, что река, называвшаяся по-эллински Танаисом, как «некоторые говорят», у «соседних [с рекой] варваров» носит название Силиса (Ad Dion., Per., 14). В схолиях о Танаисе и Силисе говорится то же самое, но к этому добавлена цитата из Артемидора о Танаисе (Ad Dion. Per., 14). Похоже, что и предшествующее сообщение о Силисе ранние схолиасты взяли из того же источника. Смысл всех приведенных сообщений в том, что река Яксарт, или Силис, до которой дошел Александр, — не настоящий, т.е. не северный, Танаис и никакой связи с последним не имеет.

Доказывая это положение, Демодам, видимо, отмечал, что и настоящий Танаис имеет скифское название, но другое, отличное от того, которое носит Яксарт. След и этого сообщения Демодама, как кажется, сохранился у Плиния: описывая уже настоящий Танаис, он говорит, что «сам Танаис скифы зовут [Аке]сином»[3] (VI, 20). Тот же источник Плиний использует для дополнений при описании понтийской Скифии, и там в одной из вставок вновь упоминается Акесин (IV, 83; ср.: Valer. Flacc., VI, 69 из того же источника). Все эти соображения Демодама относительно Танаиса и Яксарта дошли в несколько искаженном

---

[2] У Солина и Капеллы: Laxates.

[3] В тексте: Sinum. Издатели нередко принимают чтение Silim (так, например, в издании Mayhoff), и обычно считается, что здесь речь идет о Силисе [например: Ельницкий, 1961, с. 190].

виде через Никанора до Стефана; по словам Стефана, Никанор «говорил, что некоторые [считали] реку [Танаис] Акесином и Яксартом и что многие варварские имена эллинизировались» (s.v. Τάναις = фр. 2). Очевидно, речь шла о том, что Танаису эллинов в действительности соответствуют две разные реки, одна из которых именуется у варваров Акесином, другая — Яксартом.

Открытие Демодама было, видимо, принято Патроклом и послужило одним из отправных моментов при создании новой орогидрографической схемы Верхней Азии. Вопрос о соотношении Танаиса и Яксарта даже явился поводом для дискуссии в античной географии. Содержание этой дискуссии кратко изложил Страбон. По его словам, авторы, желающие польстить Александру, сознательно пустились на хитрость, чтобы доказать, что македоняне покорили всю Азию вплоть до Танаиса, впадающего в Меотиду, который отделяет Азию от Европы. Для этого они «соединили в одно [целое] Меотийское озеро, принимающее Танаис, и Каспийское море, называя и его озером и утверждая, что оба они сливаются друг с другом и каждое является частью другого. Поликлит даже приводит доказательства того, что это море является озером — [в нем] водятся змеи и вода преснова-та, — а что оно не [представляет собой] другого, отдельного от Меотиды [озера, выводит] из того, что в него впадает Танаис. Ведь из тех самых Индийских гор, из которых текут Ох, Окс и многие другие [реки], вытекает и Яксарт и впадает, подобно им, в Каспийское море, [будучи] самой северной из всех [этих рек]. Эту-то реку назвали Танаисом и к этому [утверждению] прибавили доказательство того, что [она именно] и есть тот Танаис, о котором говорит Поликлит: ведь, по их словам, страна по ту сторону этой реки производит ель, и скифы, живущие там, употребляют еловые стрелы, а это и служит доказательством того, что заречная область принадлежит Европе, а не Азии, ибо в верхней и восточной Азии ель не растет». В завершение Страбон говорит, что Эратосфен оспаривал все подобные утверждения (XI, 7, 4).

Обычно все цитированное сообщение Страбона полностью включается в число фрагментов сочинений Поликлита (фр. 7 в издании Jacoby, фр. 5 в издании Müller). Однако вопрос о том, в какой мере оно принадлежит Поликлиту, сложен. Во-первых, все это сообщение, основанное на материалах Эратосфена, пересказывает критику Эратосфеном неприемлемых для него мнений. Эти мнения переданы так, как их воспринимал Эратосфен, который к тому же не ограничивался только опровержениями, но выдвигал и собственные положительные соображения. Таково, вероятно, сообщение об Индийских горах и текущих с них реках: Охе, Оксе, Яксарте и других, введенное Эратосфеном от себя как бы в качестве пояснения. Во-вторых, Эратосфен, судя

по Страбону, говорил о своих оппонентах во множественном числе, следовательно, их нельзя свести к одному Поликлиту. В цитированном сообщении и прямо показано, что Эратосфен полемизировал еще с кем-то помимо Поликлита: «они» доказывали, что Яксарт и есть тот Танаис, о котором говорил Поликлит. Скорее всего вторым оппонентом Эратосфена был Аристобул: он был в числе тех, кто считал, что Танаис, до которого дошел Александр, служил рубежом Азии и Европы [Schwartz, 1957, с. 126], причем знал, как увидим далее, что Танаис именуется также Яксартом; кроме того, именно он считался в античной литературной традиции писателем, льстившим Александру (Lucian., Quom Hist. conscr., 12).

Видимо, дело обстояло так: Аристобул, уже знакомый с новейшей теорией Патрокла, выступил в защиту прежних, традиционных взглядов на географию Верхней Азии, которых придерживались спутники Александра, в частности Поликлит; Эратосфен, опираясь на те же данные Патрокла [Neumann, 1884, с. 182, 183], напротив, опровергал эти взгляды как устаревшие и преднамеренно искажавшие истину. Поликлит был еще твердо уверен, что увиденный им Танаис впадает в Меотиду; на этом основании он даже отождествил с Меотидой Каспийское море, в которое, как узнали во время походов, впадает река, принятая за Танаис. Аристобулу уже пришлось доказывать, что упомянутая река действительно является Танаисом. Доказательство он видел в том, что заречная страна производит ель, свидетельством чему служат еловые стрелы заречных скифов. Эратосфен на довод Аристобула возражал, что ель растет и в Индии. Фрагмент той же полемики Эратосфена с Аристобулом Страбон сохранил и в другом месте своего сочинения (XI, 7, 2). На этот раз прямо указывая на Аристобула, он передает, что последний отмечал отсутствие ели и других хвойных деревьев в лесистой Гиркании — одной из стран Верхней Азии (XI, 7, 2 = фр. 19). Судя по тому же сообщению Страбона, Аристобул говорит и об обилии хвойных в Индии, хотя по смыслу своему это последнее утверждение должно бы относиться к возражениям Эратосфена. Думается, что Страбон, заимствуя весь этот пассаж у Эратосфена, просто по небрежности приписал Аристобулу то, что принадлежало уже самому Эратосфену [ср. иное объяснение: Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 514].

В последующие времена большинство античных авторов предпочитало именовать реку Яксартом и отличало ее от Танаиса. Но в некоторых случаях реку продолжали называть Танаисом, причем сознавали отличие этого Танаиса от другого, северного. Так, Арриан, описав по Аристобулу восточный Танаис, добавляет от себя, что имеется еще и «другой» Танаис, который впадает в Меотиду и является границей между Европой и Азией

(III, 30, 8, 9). Возводить к Аристобулу и это сообщение Арриана, как иногда полагают [Wenger, 1914, с. 24, ср. с. 110], нет никаких оснований [Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 515].

Итак, рассмотрим отдельные локальные орогидрографические схемы Азии, в которых нашли свое место Бактриана, Согдиана и соседние с ними страны.

1. ДРЕВНЕЙШИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОРАХ И РЕКАХ ВЕРХНЕЙ АЗИИ

Существование в древнейшие времена, еще до походов Александра, представления о хребте, пересекающем Азию, и даже двух разных трактовок такого хребта обнаруживается благодаря полемике, которая велась в более поздний период истории античной науки между Эратосфеном и Гиппархом по вопросу о направлении упомянутого хребта. Судя по Страбону, Гиппарх считал, что линия гор должна быть оставлена такой, какой она изображалась на «древних картах», а Эратосфен, исправляя эти карты, предпочитал то направление, о котором говорилось в каких-то доступных ему сочинениях, где были изложены факты, засвидетельствованные людьми, побывавшими на месте (II, 1, 2, 4, 5, 11). Как мы постараемся показать далее, в данном случае Гиппарх опирался на общую ионийскую традицию, а Эратосфен — на ионийскую традицию Гекатея и Скилака.

Схема древних ионийских карт

На «древних картах» общей ионийской традиции, судя по ссылкам, которые делали Гиппарх и Эратосфен, на востоке ойкумены был изображен большой горный хребет. По Гиппарху, линия этих гор на картах была «кривой» (Strabo, II, 1, 11 = фр. 14), так что, по Эратосфену, восточные части гор значительно отклонялись к северу, а вместе с ними отклонялась и сама Индия, оказываясь севернее, чем должна быть (Strabo, II, 1, 2 = фр. III A, 2). На тех же «древних картах», по свидетельству Гиппарха, Инд изображался текущим с гор в направлении между югом и равноденственным востоком (Strabo, II, 1, 34 = фр. 25). Более никаких указаний на эту схему нет. Ни автор данной концепции, ни сами горы точнее в источниках не определены.

Что касается автора, то, видимо, более правы те исследователи, которые считают таковым Эфора [Berger, 1880, с. 175; Knaack, 1909, с. 369], хотя в данном случае, наверное, справедливее было бы полагать источником вообще ту ионийскую традицию, которой следовал и Эфор в своей схеме ойкумены. Ни

Дикеарху, ни тому автору, у которого заимствовал Аристотель свое сообщение о Парнассе, эта концепция не может быть приписана [Berger, 1880, с. 174; ср.: Heidel, 1937, с. 43, примеч. 107; Дитмар, 1973, с. 52, 53; 1980, с. 59].

Что же касается гор, то определить их точнее очень трудно. Ясно лишь, что здесь речь шла о каком-то хребте, изображенном на картах общей ионийской традиции в виде «кривой» (λοξής), т.е. изогнутой, линии, и что изгиб ее связан с отклонением к северу и самих гор, и Индии. Видимо, дело в том, что горы и река Инд, издавна считавшаяся рубежом Индии, выполняли такую роль и на указанных картах. Индия же в схеме Эфора занимала место на восточной окраине ойкумены между точками летнего и зимнего восхода Солнца (Strabo, I, 2, 28, и Cosm. Indicopl., II, p. 148 = фр. 30). Все это позволяет представить древнейшую орогидрографическую схему Верхней Азии в следующем виде. Хребет, сначала тянувшийся через Азию на равноденственный восток, затем, в своих «восточных частях» (τὰ ἑωθινὰ μέρη), где-то между Индией и Бактрианой [ср.: Berger, 1880, с. 174; 1903, с. 110], должен был направиться к точке летнего восхода. Так у Равенната, схема которого восходит в конечном счете к ионийским картам «земного круга», самые крайние горы Тавра и Кавказа помещены в одиннадцатом «часу» (I, 12, 6), что соответствует направлению на летний восход. Горы здесь названы Тавром и Кавказом в согласии с более поздней традицией, но направление их осталось таким же, какое было им придано в ионийской традиции. Далее, возвращаясь к «древним картам», отметим, что текущий с гор Инд, видимо, направлялся к точке зимнего восхода. Между горами и Индом была заключена Индия, оказываясь, таким образом, прямо на востоке ойкумены. Где-то рядом с ней, по другую сторону гор, находилась Бактриана.

Описанная схема, безусловно, явилась предтечей более поздних концепций Тавра и Кавказа. Однако вряд ли можно говорить об изображении на ионийских картах гор Тавра, пересекающих всю Азию с конечным изгибом на северо-восток [Dicks, 1960, с. 122; ср. несколько иной вариант такого объяснения: Berger, 1903, с. 110], поскольку в древнеионийские времена такого представления о Тавре вообще не существовало. Нельзя согласиться и с предположением, что здесь имелся в виду ионийский Кавказ [ср.: Томсон, 1953, с. 95], продолженный Парнассом [Heidel, 1937, с. 43, примеч. 107; Дитмар, 1973, с. 52, 53; 1980, с. 59, 108], так как и это не соответствует указаниям источников, а кроме того, противоречит самой гипотезе о Кавказе — Парнассе как хребте, проходящем прямо вдоль северной окраины ойкумены.

Особый вариант ионийской схемы был представлен на карте Гекатея. Гекатей основывался на свежих данных путешественника Скилака и смог внести много нового в традиционные ионийские представления.

Единственным источником конкретных сведений о горах востока ойкумены служил для Гекатея итинерарий Скилака. От самого итинерария дошло до нашего времени очень мало, и мы знаем об описанных в нем местах главным образом благодаря фрагментам сочинения Гекатея, а также по сообщениям Геродота, заимствованным у Гекатея, по фрагментам сочинения Эратосфена и по сообщениям Страбона и Арриана, заимствованным у Эратосфена.

Общая характеристика гор в контексте итинерария содержалась в сочинении Эратосфена. Этот автор утверждал, что Амис, Колхида, путь к Гирканскому морю, Гиркания, дорога в Бактры и к скифам по ту сторону их лежат на одной прямой линии, идущей к равноденственному востоку, так что расположенные вдоль нее горы остаются справа (Strabo, II, 1, 3, 5, 11 = фр. III A, 2, 8, 11). Описание пути, использованное Эратосфеном, содержало указания на «ветры», «времена года», «плоды» (τοῖς καρποῖς), т.е. растительность, и «сами восходы Солнца» (Strabo, II, 1, 11 = фр. III A, 11); [см.: Berger, 1880, с. 183, 184].

Рассматриваемые сведения Эратосфена до сих пор привлекали мало внимания. Их обычно связывали с итинерариями бематистов, считая, что в них говорится о северной ветви пути, описанной современниками Александра [Berger, 1880, с. 244; Behr, 1888, с. 18]. Но с этим согласиться нельзя: ни по содержанию, ни по источникам рассматриваемое описание пути не совпадает с данными бематистов. Эратосфен заимствовал его из более раннего источника, у Гекатея, а тот, в свою очередь, составил его по данным Скилака, о чем уже говорилось в первой главе.

Эратосфен приводил все эти сведения для обоснования одной из параллелей своей карты, а именно параллели Лисимахии (Strabo, II, 5, 40 = фр. III A, 22). Он использовал не только описательный материал итинерария, но и указания на направление пути. Ниже мы увидим, что в заимствованных Эратосфеном сведениях Гекатея действительно содержались данные и о растительности, и о «восходах Солнца». Источник Эратосфена выдан здесь самим архаическим способом ориентирования по «восходам Солнца», который был свойствен ионийским авторам [ср.: Rehm, 1916, с. 53]. Судя по этим ориентирам, считалось, что горы тянутся прямо вдоль линии, идущей к равноденственному востоку, и не отклоняются к летнему восходу, а следовательно, ограниченная ими Индия не выходит за пределы южной поло-

вины ойкумены. Таким образом, данные Эратосфена говорят против предположения В.Хейдела о том, что цепь гор на карте Гекатея, тянувшаяся, как он считает, от Кавказа до индов, совпадала с линией, соединявшей летний восход и заход [Heidel, 1937, с. 31—34]. Впрочем, реальные данные Гекатея о горах он и не учитывает.

Описание интересующей нас цепи гор разбросано в сообщениях, содержание которых явно связано с итинерарием. О горах в итинерарии говорилось по ходу описания пути.

Путь этот проходил, как обычно, через Мидию и Каспийские ворота, о чем свидетельствует следующая выдержка из сочинения Гекатея: «Мидия. Область, расположенная возле Каспийских ворот» (Steph. Byz., s.v. Μηδία = фр. 286). Указанное сообщение, видимо, прямо относится к описанию путешествия Скилака [Herzfeld, 1968, с. 195].

Следующий участок пути описывают по данным Эратосфена Арриан и, как бы дополняя последнего, Курций: дорога в Бактры имеет слева от себя Гирканскую страну, отделенную от нее лесистыми и высокими горами, которые переходят в непрерывную равнину, примыкающую к Гирканскому заливу великого моря (Arrian., III, 23, 1, ср. VII, 16, 2; Curt., VI, 4, 16, 19). Высказывалось предположение о заимствовании Аррианом в данном случае у Аристобула [Wenger, 1914, с. 33, 110, 122; Kornemann, 1935, с. 137]. Нам же кажется, что сведения Арриана и Курция здесь явно восходят к Гекатею [Пьянков, 1975, с. 62; ср.: Jacoby, I, 1923, с. 365]. Трактовка Гирканского моря как залива великого, т.е. внешнего, моря, конечно, явилась лишь результатом посредничества Эратосфена, сторонника морской теории. Об упомянутых горах, «высоких и густо поросших лесами» и колючей кинарой, расположенных «вокруг так называемого Гирканского моря», точно говорил Гекатей (Athen., II, p. 70 = фр. 291), а о необозримой равнине, примыкающей к Каспийскому морю с востока, со стороны восхода Солнца, сообщает Геродот (I, 204) по данным Гекатея. Что касается самого Каспийского, или Гирканского, моря, то оно, судя по Геродоту, считалось у ионийских географов замкнутым (I, 202, 203); [см.: Пьянков, 1975, с. 61].

Далее уже описывались хорасмии. Гекатей сообщал, что «за парфами по направлению к восходу Солнца обитают хорасмии» и в их стране опять имеются горы, поросшие «дикими деревьями, колючей кинарой, ивой и тамариском» (Athen., II, p. 70 = фр. 292).

Затем дорога, ведущая в Бактры и к скифам, обитавшим еще восточнее, оставляла горы справа от себя, судя по цитированному выше сообщению Эратосфена. К стране бактрийцев, видимо, примыкала какая-то обильно орошенная земля, описанная Скилаком, где на горах росли «кинара и другая трава» (Athen., II,

р. 70 = фр. 3). Возможно, те же горы имел в виду Гекатей, когда говорил, что «по реке Инд растет кинара» (Athen., II, р. 70 = фр. 296). Горы всех соседних областей Скилак и Гекатей описывают как лесистые, густо поросшие дикими деревьями, а говоря об этих горах, упоминают лишь колючий кустарник кинару (κυνάρα) и какую-то траву. В том же духе характеризуются горы, через которые перевалили Александр и его спутники, войдя в Бактриану с юга: это места совсем голые (Curt., VII, 3, 8) или, во всяком случае, лишенные иной растительности, кроме кустарникового теребинфа и сильфия (Arrian., III, 28, 5, 6; Strabo, XV, 2, 10). Заметим, что слова «другая трава» (βοτάνη ἄλλη) в цитате из Скилака свидетельствуют, по мнению Ф.Якоби, о порче или сокращении первоначального текста, в результате которого выпало название растения [Jacoby, IIIC, 2, 1958, с. 589]. Не говорилось ли здесь о сильфии?

Наконец, судя по словам Скилака, начиная с какого-то места, высокие горы, «густо поросшие диким лесом и колючей кинарой», простирались «с той и другой стороны реки Инд»[4] (Athen., II, р. 70 = фр. 4). От Инда начинался уже водный путь Скилака. Согласно Геродоту, Скилак плыл вниз по Инду к морю «на восток и по направлению к восходу Солнца» (IV, 44).

В приведенных здесь сообщениях нет ясных указаний на то, что все упомянутые горы составляли единый хребет. О «горах» (τὰ οὔρεα в оригинале, τὰ ὄρη в передаче Эратосфена) говорится лишь в связи с описанием отдельных участков пути. Но явная общность характеристики всех этих гор свидетельствует, что уже сам автор итинерария, Скилак, воспринимал их как некое единство: горы, окружавшие Гирканское море, видимо, непосредственно продолжались горами хорасмиев [Kiessling, 1914, с. 470] и тянулись далее вплоть до Инда [Herzfeld, 1947, с. 662]. Им придано и иное направление: на восток, «к восходу Солнца», точнее, как утверждал Эратосфен, «к равноденственному востоку», причем горы располагались, видимо, по прямой, а дорога шла так, что путники видели эти горы то «слева», то «справа» от себя.

В этих же горах берет начало Инд. Скилак, конечно, знал о действительном направлении течения Инда, и указание его о восточном направлении могло относиться лишь к самому началу плавания [Reese, 1914, с. 56, 57, 63; ср.: Jacoby, I, 1923, с. 365]. Гекатей, видимо, распространил это указание на все течение реки, поскольку Инд на его карте, как уже говорилось, служил

---

[4] Название Инд (τοῦ Ἰνδοῦ) здесь стоит лишь на полях рукописи сочинения Афинея. Оно могло быть приписано как каким-нибудь читателем, так и самим Афинеем или Полемоном [Jacoby, IIIC, 1958, с. 590], но, несомненно, в согласии со всем контекстом сочинения Скилака.

границей между южной и северной половинами ойкумены на крайнем ее востоке.

Цепь гор, описанных Скилаком и Гекатеем, проходит через земли многих народов. Такими народами в местностях к западу от Каспийских ворот были, видимо, миды, а к востоку — парфы. Страбон, заимствуя, очевидно, у Эратосфена, говорит о «покрытой густыми лесами и гористой» Парфии (XI, 9, 1). Последняя во времена Скилака включала Гирканию [Пьянков, 1965, с. 45], поэтому Парфия могла быть охарактеризована подобным образом именно благодаря гирканскому побережью. Хорасмии, по Гекатею, с их городом Хорасмия занимали к востоку от парфов и равнины и горы (Athen., II, p. 70; Steph. Byz., s.v. Χορασμίη = фр. 292, фр. 293). Эту ситуацию отражает Арриан, когда говорит о «парфиеях, хорасмиях и гирканиях до Каспийского моря» (VII, 10, 6); [см.: Пьянков, 1972, с. 6]. Скифское племя массагеты, по Геродоту, населяло обширную равнину, простиравшуюся к востоку от моря и, следовательно, к северу от гор (I, 204, ср. 201). И это сообщение определенно заимствовано у Гекатея [Jacoby, 1913, с. 426; Junge, 1939, с. 29, 32; Пьянков, 1975, с. 61—63].

Страна бактриев и их город Бактры, через которые проходила дорога, упомянуты Эратосфеном. Судя по его данным, страну и город бактриев Гекатей помещал к северу от гор. Место, в котором они должны были упоминаться в сочинении Гекатея, приходится на лакуну в сохранившемся тексте. Заполнить ее помогает Геродот: он, заимствуя у Гекатея, упоминает о бактриях в сообщении, взятом из последующего текста итинерария (III, 102); упоминание имело бы смысл лишь в том случае, если бы у Гекатея перед этим говорилось о бактриях [Jacoby, 1912, с. 2682, 2725]. Гекатей описывал бактриев, видимо, сразу же вслед за хорасмиями [Tarn, 1951, с. 478—480; Пьянков, 1972, с. 8, 15—20]. «По ту сторону» (ἐπέκεινα) от Бактр, т.е. еще дальше на восток, согласно Эратосфену, обитали скифы. Такое определение восточных соседей бактрийцев противоречит собственной схеме Эратосфена и тем самым подтверждает, что он здесь действительно цитировал древний источник. Мы высказывали предположение, что слова «по ту сторону» намекают на реку Аракс, отделявшую, согласно более поздним авторам, бактрийцев от скифов [Пьянков, 1972, с. 7, примеч. 37]. Однако, поскольку Гекатей еще не знал о связи Аракса с бактрийцами, от этого мнения приходится отказаться.

Можно думать, что в безлесных горах, примыкавших к стране бактриев и тянувшихся вдоль Инда, обитали опии: они, согласно Гекатею, жили тоже «вдоль реки Инд» и занимали царскую крепость, за которой простиралась «пустыня вплоть до ин-

дов» (Steph., Byz., s.v. Ὠπίαι = фр. 299). Позднее у Стефана упоминается Опиана как область, в которой находится Александрия (s.v.Ἀλεξάνδρεια), — полагают, что это Александрия у Кавказа в стране парапамисадов [Кошеленко, 1979, с. 143]. Очевидно, уже в стране индов находились высокие лесистые горы, возвышавшиеся с той и другой стороны Инда. Первым индийским народом Гекатей как будто считал гандариев с их городом Каспапир (Steph. Byz., s.v. Γανδάραι, s.v. Κασπάπυρος = фр. 294, фр. 295). От этого города[5], как сообщает Геродот, Скилак и начал плавание по Инду (IV, 44).

Следует заметить, что описание земель от опиев до Каспапира, которое является, по существу, параплом Инда, реконструируют по-разному. Это отражается в расположении интересующих нас фрагментов сочинения Гекатея в разных изданиях: (первый вариант) река Инд (фр. 174), опии и пустыня вплоть до индов (фр. 175), затем гандарии (фр. 178) и их город Каспапир (фр. 179) (так Müller); (второй вариант) гандарии (фр. 294) и их город Каспапир (фр. 295), затем река Инд (фр. 296), опии и пустыня вплоть до индов (фр. 299) (так Jacoby; тот же порядок в издании Nenci, а также в работах: [Jacoby, 1912, с. 2725; Gisinger, 1927, с. 623, 629]). Как видно, наше понимание фрагментов ближе к толкованию К.Мюллера. Расположение фрагментов зависит от того, что́ понимать под «пустыней» (ἐρημίη), простирающейся между царской крепостью и индами. Поскольку парапл Инда описывал земли сверху вниз по его течению, эту пустыню нужно представлять себе как землю, расположенную вдоль Инда ниже царской крепости и выше индов. Согласно другой точке зрения, на которую и опирается интерпретация Ф.Якоби, упомянутая в источнике пустыня — та самая «песчаная пустыня» (ψάμμος) на крайнем востоке индийской земли, о которой говорил Геродот (III, 98), заимствуя в конечном счете у Скилака [Herzfeld, 1968, с. 282]. Напротив этой пустыни, к западу, и помещают опиев [Gisinger, 1927, с. 629]. Но такое толкование никак не может быть согласовано с параплом Инда, лежащим в основе рассматриваемого сообщения. Песчаная пустыня, по Геродоту, простирается к востоку от Индии, т.е. долины реки Инд, а не по течению реки, и к тому же является крайней на востоке среди известных земель.

---

[5] Город назван Κασπάπυρος у Гекатея, Κασπάτυρος у Геродота. Обычно считают, что это одно и то же название, которое, видимо, неточно воспроизведено в тексте Геродота: Т < П (иное объяснение см. [Marquart, II, 1905, с. 246, 247]).

2. СХЕМА: ПАРНАСС, РЕКИ АРАКС, ТАНАИС И ДРУГИЕ

Первая, самая ранняя среди известных нам, настоящая орогидрографическая схема Верхней Азии выглядит в общих чертах так: в центре схемы находится гора Парнасс, с нее текут в разные стороны реки Аракс, его рукав Танаис и Бактр — в Бактриану, Инд и Хоасп — в Индию; вполне возможно, что в схеме с самого начала фигурировали и другие реки. В своем первоначальном, «чистом» виде эта схема не представлена в источниках, она выступает только в контаминации со схемами иного происхождения.

Первый намек на рассматриваемую схему содержится в знаменитом рассказе Геродота о горной реке Акес и ее пяти рукавах (III, 117). Мы не будем останавливаться на этом рассказе подробно (анализу его посвящена другая работа автора: [Пьянков, 1983, с. 39—40, 45—47]), отметим лишь, что Геродот использовал здесь самостоятельный источник, ошибочно приняв его за описание оросительных сооружений, а также привлек и некоторые другие материалы.

Собственно рассматриваемая схема восходит к другому первоисточнику. Она со всей определенностью представлена у Аристотеля, но уже в сочетании с иной схемой. Очевидно, истоки ее нужно искать у еще более ранних авторов. Решающее значение имеет определение источника сведений об азиатском Парнассе, данные о котором составили основу схемы. Описательные материалы об этом Парнассе, вообще редко упоминаемом в античной литературе, имеются у Феофраста и Плиния. Феофраст упоминает о Парнассе в связи с описанием сильфия, а точнее, похожего на сильфий растения магидарис: «Говорят, что его много и на Парнасе; некоторые называют сильфием и это растение» (Hist. plant., VI, 3, 7). Плиний, заимствуя у Феофраста, повторяет это сообщение (XIX, 46). Но Плиний и по другому источнику подробно описывает это же растение Парнаса (XXIV, 178—181), и, хотя он осторожно называет его просто «травой» (gramen), из описания видно, что речь идет о сильфии или магидарисе.

Последнее сообщение Плиния является одной из его обширных выписок из сочинений «Хирокмета» или «Георгика», ходивших под именем Демокрита [об авторстве см.: Wellmann, 1921, с. 3 и сл., 9; 1928, с. 10; ср.: Hammer-Jensen, 1924, с. 221; Лурье, 1970, с. 406; Jürss etc., 1973, с. 525]. Некоторые античные авторы, а вслед за ними и современные исследователи приписывают их демокритовцу Болу, но сам Плиний полностью уверен в принадлежности Демокриту цитируемых им сочинений (XXIV, 160; XXV, 13). Вопрос о так называемой псевдодемокритовской литературе сложен, однако и в том случае, если Плиний дей-

ствительно заимствовал у Бола, а не у Демокрита, остается несомненным, что многие из заимствований все же восходят к Демокриту, так как сочинения Бола были построены на подлинном материале Демокрита. К числу этих заимствований должно относиться и сообщение Плиния о «траве» Парнаса, поскольку аналогичное сообщение о магидарисе Парнаса мы находим у Феофраста, писавшего раньше Бола. Феофраст же, как известно, охотно заимствовал сведения Демокрита о растениях. Таким образом, данные Феофраста и Плиния о магидарисе, а следовательно, и о Парнассе, вполне возможно, восходят к Демокриту. Они соответствуют представлениям Демокрита, который считал, что сильфий, как и другие редкости, «встречается не во многих местах земли» (Hibeh pap. 16, 1 = фр. 410), — потому-то Феофраст и Плиний, вопреки распространенному мнению, отличали от настоящего сильфия магидарис, росший во многих местностях Азии.

Плиний, цитируя «Хирокмету» Демокрита, опиравшегося на сообщения магов (о роли магов в формировании взглядов Демокрита см.: [Маковельский, 1946, с. 190, 191; Лурье, 1970, с. 387, 388; Пьянков, 1975а, с. 169—171]), называет, прямо или косвенно, многие реки, связанные с Парнассом. Он пишет, что «гелотофиллида (gelotophyllis, греч. «листва веселья») растет у бактров и вдоль Борисфена» (XXIV, 164). В первоисточнике Плиния, возможно, имелось в виду, что это растение, т.е. конопля ([Jones, VII, 1956, с. 509]; ср.: Herod., IV, 74), растет и «вдоль Бактра», а может быть, в области всей «бактрийской» речной системы, дающей хороший переход к Борисфену: Бактр, Аракс, Танаис. Среди других растений, которым маги придавали особое значение, одни росли «вдоль реки Инда» (XXIV, 164), другие — «в тридцати схенах от Хоаспа» (XXIV, 162).

Видимо, не случайно Хоасп появляется у Никандра, который говорит о фисташках, произрастающих близ «индийского потока бушующего Хоаспа» (Ther., 890). Никандр написал свою поэму по материалам Аполлодора Иолога [Kroll, 1936, с. 256], которого сам Плиний называет «последователем Демокрита» (XXIV, 167). О «фисташках» (πιστάκια) Никандра [Hehn, 1902, с. 415] говорили, по данным спутников Александра, как о теребинфе [Bretzl, 1903, с. 245, 246], произрастающем и на Парапамисе, или Кавказе (Strabo, XV, 2, 10; Arrian., III, 28, 6), и в Индии, и в Бактриане (Theophr., Hist. plant., IV, 4, 7; Plin., XII, 25).

Итак, самые ранние следы рассматриваемой схемы указывают на Демокрита как на первоисточник. Но сама схема как таковая засвидетельствована у более поздних авторов.

В наиболее полном, хотя и далеко не первоначальном, виде рассматриваемая схема изложена у Аристотеля. Аристотель касается данной темы, доказывая выдвинутый им тезис: величайшие реки текут с величайших гор (Met., I, 13, 11—23). Он говорит: «В Азии, как мы обнаруживаем, самые значительные и величайшие реки текут с горы, называемой Парнасс, которая признается величайшей из гор со стороны зимнего востока. Когда переходишь ее, то уже видно внешнее море, предел которого неизвестен [жителям] тех мест. Так вот, с нее текут, кроме других рек, Бактр, Хоасп и Аракс, от которого отделяется Танаис как рукав, [впадающий] в Меотийское озеро. Течет с нее и Инд, из всех рек самый значительный поток» (Met., I, 13, 15, 16). Далее Аристотель говорит о Кавказе, который является «по протяженности и высоте величайшей горой со стороны летнего востока»; с Кавказа течет множество больших рек, в том числе Фасис (Met., I, 13, 17). Аристотель приводит доказательства высоты и протяженности Кавказа, в частности, «его протяженность [доказывается тем], что он имеет много областей, в которых живет много народов и, как говорят, есть большие озера; однако все эти области, как говорят, видны вплоть до крайней вершины» (Met., I, 13, 18).

Из какого источника заимствованы эти сведения? Сам Аристотель, начиная изложение доказательств, утверждает, что предложенный им тезис становится очевидным «при обозрении земных кругов» (θεωμένοις τὰς τῆς γῆς περιόδους), и здесь же поясняет, что работы, на которые он ссылается, «пишут (или: чертят, ἀνέγραψαν), получая сведения от каждого [очевидца], если самим не удалось быть очевидцами того, о чем рассказывают» (Met., I, 13, 14). Здесь имеется в виду работа типа «Период земли» (Γῆς περίοδος), состоящая из карты и текста [Bolchert, 1908, с. 38; Kubitschek, 1919, с. 2051]. На текст указывают слова «о чем рассказывают» (τοὺς λέγοντας) и несколько ссылок «говорят» (φασι) в дальнейшем изложении.

Мы считаем, что указанная ссылка Аристотеля относится к «Периоду Земли» Эвдокса, основного его географического авторитета [Düring, 1966, с. 398; см. также: Томсон, 1953, с. 174, 177, 178; Зубов, 1962, с. 135], т.е. к той же работе, которую подразумевал и Феофраст, когда говорил об имевшихся в школе Аристотеля и помещенных в портике картах с изображением «земных кругов» (Diog. Laert., V, 2, 14). Одновременно Аристотель дает представление и о составе используемых им сведений. Очевидно, Эвдокс подавал одни из них как собственные сведения, а другие — как заимствования у предшественников, но в том и в

другом случае, видимо, подчеркивал, что это свидетельства, принадлежащие очевидцам. Рассказы путешественников, которые сами побывали в описываемых местах, выдают ссылки на «местных жителей» (οἱ ἐντεῦθεν, οἱ ἐκεῖ) в сообщениях, касающихся рассматриваемой схемы, — не только у Аристотеля (Met., I, 13, 15, 29), но и в других фрагментах сочинения Эвдокса (Strabo, XI, 7, 5). В общем, источники Эвдокса здесь разнообразны, и возможно, что дублирование, наблюдающееся иногда в географических сообщениях Аристотеля и других авторов, заимствовавших у Эвдокса, вызвано поверхностным соединением Эвдоксом данных разных источников.

Основным источником сведений Эвдокса о землях, где он сам не бывал, являлся скорее всего Демокрит. Показательно, что даже те очень скудные остатки географических сведений Демокрита, которые дошли до нас, находят соответствие в рассматриваемом сообщении Аристотеля [Томсон, 1953, с. 138; ср.: Bolchert, 1908, с. 53]. На заимствование конкретного материала у раннего автора, еще не признававшего Землю шаром, указывает способ ориентирования, примененный Аристотелем в описании величайших гор и рек. Этот способ, несомненно, находится в противоречии с географическими воззрениями и Эвдокса и Аристотеля [Rehm, 1916, с. 40, 41, 43, 44]. Ионийские карты круглой ойкумены Аристотель отвергает (Met., II, 5, 13), а именно им был присущ указанный способ ориентирования; Демокрит в принципе придерживался тех же представлений о Земле, что и ионийцы, поэтому и для него такой способ был органичен. На заимствование у раннего автора указывает и представление о высоте самих гор, засвидетельствованное в рассматриваемом описании: оно также противоречит теории шарообразности Земли [Collinder, 1964, с. 70].

Кроме того, Эвдокс, видимо, использовал в своем описании гор и рек Азии сведения Геродота и Ктесия. Заимствование Эвдоксом у Ктесия, своего соотечественника и старшего современника, вполне возможно. Но распространенное мнение, обосновывавшееся Больхертом [Bolchert, 1908, с. 40, 41] и принятое многими исследователями [например: Herrmann, 1914, с. 20; Томсон, 1953, с. 131, 133; Дитмар, 1973, с. 45, 52; 1980, с. 55, 56], что все сведения о горах и реках Азии Аристотель заимствовал у Ктесия, не кажется нам убедительным. Аргументация П.Больхерта базируется, в сущности, лишь на том, что в эпоху перед Александром никто якобы не мог принести грекам известий о глубинах Азии, кроме Ктесия и Ксенофонта. Однако представление о влиянии Ктесия, которого Аристотель хотя и знал, но считал автором недостоверным (Hist. anim., III, 22; VIII, 28; De gen. anim., II, 2), по-видимому, преувеличено [Jacoby, 1922,

с. 2072]. Кроме того, Ктесий вообще не оставил заметного следа в развитии основных географических воззрений античности, и нет известий о том, чтобы ему принадлежала карта.

Все перечисленные точки зрения на источник рассматриваемого сообщения Аристотеля исходят из того, что этот источник принадлежит времени до походов Александра. И действительно, общепризнано, что основные географические представления Аристотеля относятся к указанному времени. Тем не менее высказывались и иные мнения. Так, Л.А.Ельницкий считает сообщение о Парнассе и текущих с него реках новинкой Аристотеля, полученной в результате походов Александра [Ельницкий, 1961, с. 108]. И.Маркварт полагал, что источником Аристотеля здесь послужили сведения Каллисфена [Markwart, I, 1946, с. 127—129]; это также предполагало бы получение основной информации, на которой построена схема Аристотеля, во время походов Александра.

Парнасс и Кавказ, фигурирующие у Аристотеля, — первый пример дублирования. Парнасс — величайшая гора со стороны зимнего востока, а Кавказ — со стороны летнего востока (Met., I, 13, 15, 17). Это сообщение сразу вызывает в воображении карту с обозначениями симметрично расположенных гор; видимо, такой и была карта Эвдокса [ср.: Gisinger, 1924, с. 586]. Здесь сведения о Парнассе и Кавказе взяты из разных источников и совмещены в одной схеме. Сведения о Парнассе, как мы видели, принадлежат Демокриту. Кавказ Аристотеля трактован в соответствии с горным хребтом ионийских «древних карт»: крайние его части уходят на летний восток [Gisinger, 1924, с. 586; Heidel, 1937, с. 31; Томсон, 1953, с. 135]. Если азиатский Парнасс Аристотеля в оригинальных сведениях о нем действительно был обращен в сторону зимнего востока, то такое расположение двух величайших хребтов и могло натолкнуть на мысль о совмещении их в одной схеме. Летний восток был предоставлен Кавказу, а зимний восток — Парнассу.

Конечно, представить себе этот Парнасс расположенным в юго-восточном углу ойкумены довольно трудно. В.Хейдел и вслед за ним А.Б.Дитмар считают, что здесь в тексте Аристотеля налицо какая-то ошибка или искажение и что нужно читать «со стороны летнего востока» или «со стороны равноденственного востока» и рассматривать Парнасс как прямое продолжение Кавказа или Тавра на востоке [Heidel, 1937, с. 42, 43, примеч. 107; Дитмар, 1972, с. 41; 1973, с. 52, 53; 1980, с. 59]. Действительно, нельзя не признать, что Парнасс и Кавказ были както соединены на карте, использованной Аристотелем. Однако полностью принять изложенную гипотезу мы не можем. Для исправления текста Аристотеля в данном случае не дает никакого повода ни рукописная традиция, ни контекст сообщения.

Комментатор Аристотеля Александр тоже говорит о Парнассе как хребте, расположенном «на зимнем востоке» (In Met. libros comm., A 13).

Для того чтобы понять приведенное сообщение Аристотеля, попытаемся, никак не исправляя текста, истолковать его, исходя из картографических воззрений Эвдокса. Аристотель говорит: «Когда перейдешь [Парнасс], то уже видно внешнее море...» (Met., I, 13, 15). Это указание Аристотеля может быть понято лишь при учете карты, которую он имел перед глазами. Аристотель, видимо, представлял себе путника, идущего по Индии и через Парнасс в направлении широтной оси ойкумены, прямо на восток к пределу ойкуменического острова [ср.: Heidel, 1937, с. 43, примеч. 107]. Между прочим, выражение Аристотеля ὑπερβάντι точнее было бы переводить не «когда перейдешь» (в таком смысле обычно переводят), а «когда переходишь», «переходящему» [ср. перевод: Gohlke, 1955, с. 53]. Это значит, что внешнее море бывает видно именно во время перехода, с вершины горы. Видимо, так Аристотель характеризует высоту Парнасса, «величайшей» (μέγιστον) горы. Представление о существовании внешнего моря соответствует взглядам Эвдокса, который считал вслед за Демокритом, что ойкумена — это овальный остров, окруженный морем [Дитмар, 1972, с. 41]. Внешнее море не тождественно Эрифрейскому; последнее, судя по Аристотелю, считалось внутренним, почти замкнутым (Met., II, 1, 10).

Линия от предполагаемого «перевала» через Парнасс до внешнего моря является лишь крайним восточным отрезком широтной оси ойкумены. Аристотель эту ось проводит от Столбов Геракла до Индии (Met., II, 5, 14). Здесь Аристотель тоже должен заимствовать у Эвдокса, поскольку на данных этого автора он основывается при определении величины ойкумены и Земли [Дитмар, 1973, с. 40, 49; 1980, с. 53, 58]. Определяя соотношение осей ойкумены, Аристотель ссылается на наблюдения путешественников и говорит, что расстояния вычислены при помощи сложения протяженности путей по суше и по морю. По-видимому, Эвдокс здесь, определяя расстояние от Столбов Геракла до Индии, опирался, по крайней мере частично, на данные Демокрита [ср.: Дитмар, 1959, с. 364, 365] — путешественника, достигшего Индии, который в своих теоретических выкладках, безусловно, использовал путевые наблюдения [ср.: Gisinger, 1937, с. 2129]. Очевидно, Демокрит, в соответствии с общей ионийской традицией, представлял себе Индию расположенной прямо на востоке [ср.: Дитмар, 1980, с. 45, рис. 2].

Таким образом, у Аристотеля и в его источниках Парнасс, а вместе с ним и Индия, рубежом которой он являлся, оказываются и на зимнем, и на равноденственном востоке. Такое определение местоположения будет понятным, если представить Пар-

насс как ветвь Кавказа, которая от линии, ведущей на равноденственный восток, отклоняется к зимнему востоку симметрично другой ветви Кавказа, отклоняющейся, как уже говорилось, к летнему востоку. Бактриана в этой схеме могла быть связана лишь с частью Парнасса, находящейся на линии равноденственного востока. Предлагаемое толкование подтверждается данными о реках схемы Аристотеля.

Аристотель называет в связи с Парнассом также реки: Бактр, Хоасп, Аракс и его рукав Танаис, Инд. Возможно, что они группировались следующим образом: Бактр был связан с Араксом как его приток, а Хоасп — с Индом тоже как приток последнего; первые две реки текли, видимо, с северного склона горы, а две другие — с южного. Интересное сообщение о направлении течения рек, названных Аристотелем, дает Василий: Инд течет от зимнего тропика, а Бактр, Хоасп и Аракс с Танаисом — от середины востока (Hex., III, 6). Мы не думаем, что это сообщение можно понимать как попытку исправить текст Аристотеля [Heidel, 1937, с. 43, примеч. 109]. Оно является, скорее, объяснением этого текста: Инд имеет исток в той части хребта, которая уходит к зимнему востоку, а другие три реки начинаются в участках хребта, достигающих широтной оси ойкумены. Возможно, что Василий располагал такими комментариями, авторы которых еще имели возможность сопоставлять текст Аристотеля с картой, послужившей оригиналом для последнего.

Кавказ на летнем востоке, как представлялось, достигал окраин ойкумены, хотя еще и не удваивался, как у более поздних авторов [Bolchert, 1908, с. 38]. «Протяженность» (πλῆθος) и высоту Кавказа Аристотель характеризует в той же манере, в какой он описывает Парнасс: Кавказ заключает многие области, в которых живут целые народы и находятся большие озера, и все они будто бы видны «вплоть до крайней вершины». Последняя фраза в этой характеристике довольно темна и считается испорченной [например: Webster, 1931, с. 350; Рожанский, III, 1981, с. 588]. Мы думаем, что Кавказ здесь представляется в виде длинной цепи отдельных гор, с которыми и связан последовательный ряд областей.

Об «озере под Кавказом, которое местные [жители] именуют морем», Аристотель говорит и в другом месте своего сочинения (Met., I, 13, 29). Видимо, под кавказскими озерами он подразумевает Гирканское и Каспийское моря с замкнутыми берегами (Met., II, 1, 10). Эти два моря, которые Аристотель явно понимает как два разных бассейна [Herrmann, 1919, с. 2277], — тоже свидетельство контаминации разных источников [Bolchert, 1908, с. 10]. Отзвук представления Аристотеля об этих морях как замкнутых в горах Кавказа озерах сохранился еще у Плиния, несмотря на то что тот считал Каспийское и Гирканское моря

(ср. VI, 36) заливом Океана: Каспийское море «все окружено горами Кавказа» (VI, 28). «Озеро под Кавказом», в котором воплотились Каспийское и Гирканское моря, по словам Аристотеля, «принимает в себя много больших рек» (Met., I, 13, 29). Возможно, что среди этих рек был и Аракс. В то же время замкнутость Каспийского и Гирканского морей хорошо согласуется с тем, что рукав Аракса — Танаис впадает в Меотиду и, следовательно, обтекает указанные моря с севера.

Данные Гекатея Абдерского

Очень интересными и показательными в смысле установления источника рассматриваемого сообщения Аристотеля являются следы той же схемы, которые обнаруживаются во фрагментах сочинения Гекатея Абдерского, последователя Демокрита. Плиний, цитируя один из фрагментов сочинения этого Гекатея, сообщает: «Гекатей называет его [Северный океан] Амехийским (Amaechium[6]), [начиная] от реки Парапанис, где он омывает Скифию. Это имя на местном языке означает „замерзший“» (IV, 94 = фр. 14). То, что здесь цитируется именно Абдерит и именно его сочинение «О гипербореях», вряд ли можно отрицать [Marquart, II, 1905, с. 84, 94; Jacoby, 1912b, с. 2756; см. также: Müller, I, 1846, с. 11; Müllerus, II, 1848, с. 388], хотя и Ф.Якоби, и К. и Т.Мюллеры включают его в число фрагментов, принадлежащих Гекатею Милетскому [фр. 370, Jacoby; фр. 160, Müller], правда сомнительных. Сам по себе этот фрагмент ничего не говорит об интересующей нас схеме.

Но тому же Гекатею принадлежит еще один фрагмент, в котором выступает знакомая нам речная система: «...озеро Меотида, в которое впадает Танаис, вытекающий из реки Аракс, как говорит Гекатей Теосский» (Peripl. Pont. Eux., 49 = фр. 13). Указание на этникон Гекатея в тексте фрагмента испорчено: ἐφοτιεις. Видимо, наиболее удачной является конъектура εἶφ' ὁ Τήϊος [Jacoby, 1912a, с. 2667; 1912b, с. 2750; III A, 1940, с. 17]. Определение «Теосский» — второй этникон Гекатея Абдерского, которым, возможно, он сам сопровождал свое имя в сочинении «О гипербореях» [Jacoby, 1912b, с. 2751]. Таким образом, есть основание полагать, что и данный фрагмент принадлежит указанному сочинению и вместе с первым цитированным фрагментом является частью описания земель, лежащих на пути к гипербореям [Jacoby, 1912b, с. 2751, 2756]. Менее удачна конъектура εἶφ' οὐρετριεύς, которая предполагает, что автором данного сооб-

[6] В тексте: Amalchium [о принятом нами чтении см.: Marquart, II, 1905, с. 84, примеч. 5, с. 94].

щения был Гекатей Эретрийский, писавший об Александре Македонском. Такое чтение принимал, в частности, К.Мюллер [Müller, 1877, с. 49; ср.: Jacoby, 1912a, с. 2666, 2667]. Существуют и такие толкования, которые, игнорируя испорченный этникон, приписывают рассматриваемое сообщение Гекатею Милетскому (фр. 195, Jacoby). Так, Ф.Якоби реконструировал на его основе карту Гекатея Милетского [Jacoby, I, 1923, с. 352—354], однако почему-то не учитывал, что данное сочинение принадлежит совсем иной картографической схеме, засвидетельствованной Аристотелем, где фигурирует явно восточный, бактрийский Аракс, отличавшийся от Аракса милетского географа. Ю.Юнге, следуя за Ф.Якоби, пошел еще дальше и, пытаясь согласовать данное сообщение с другими приписанными Гекатею Милетскому сведениями об Араксе, под которым имелась в виду, по его мнению, только восточная река этого имени, дал очень искусственное и чисто умозрительное толкование: Фасис — Гекатей будто бы говорил именно о Фасисе, а не о Танаисе — соединялся с Араксом через Каспийское море [Junge, 1939, с. 27, 28].

Мы считаем, что оба цитированных фрагмента сочинения Гекатея «О гиперборёях» имеют в виду одну и ту же орогидрографическую схему, где в качестве горного хребта выступает Парапанис, а среди текущих с него рек фигурируют Аракс и его рукав Танаис. Гекатей Абдерский в своей «гиперборейской» географии не использовал сведения о новейших путешествиях. Ф.Якоби правильно отметил, что имя Гекатея не стояло рядом с именами таких его современников, как Патрокл, Деймах и Мегасфен [Jacoby, 1912b, с. 2756]. Указанная схема явно воспроизводит те же представления, которые изложены в рассмотренном выше сообщении Аристотеля и которые восходят, очевидно, к Демокриту, учителю Гекатея. Но в этой схеме есть все же момент, свидетельствующий о влиянии более поздних источников: название «Парапанис» относится ко времени после походов Александра. В дошедшем до нас тексте фрагмента так названа река, хотя во всех остальных источниках под этим именем известен только горный хребет. Предположение И.Маркварта, согласно которому так действительно именовалась река, и ее название способствовало тому, что прежнее название хребта, «Парнасс», сменилось новым, «Паропанис» [Marquart, II, 1905, с. 95], кажется нам несколько натянутым. Скорее всего название «Парапанис» перешло на реку по недоразумению, первоначально же речь шла, видимо, о «реке, [текущей с] Парапаниса»; а сведения о последнем как о хребте взяты у одного из историков Александра — возможно, у Каллисфена: ниже мы постараемся показать, что этот автор, используя ту же схему, сознательно заменил в ней Парнасс на Кавказ, называвшийся также Паропанисом.

Если Парапанис у Гекатея Абдерского действительно заменял Парнасс, то с него должны были течь Аракс с Танаисом. Но с Парапаниса течет и впадает в Северный океан еще какая-то река, не упомянутая Аристотелем. Сведения и об этой реке, устье которой в пределах Скифии отмечает границу определенной части Океана, могут восходить к Демокриту: Демокрита интересовала природа Океана, он даже написал сочинение «Перипл Океана» (Diog. Laert., IX, 49). Подлинное название этой реки в традиции Демокрита неизвестно, но представление о ней родственно данным о подобной реке, именовавшейся Кампас [Markwart, II, 1946, с. 313]. Симмий называл ее «дивным потоком вечнотекущего Кампаса, который несет свои воды в божественное, бессмертное море» (Tzetz., Chil., VII, с. 693—695 = фр. 1), т.е. в Северное море, или северный участок Океана [Bolton, 1962, с. 69, 70]. Помещали ее рядом с отдаленнейшими скифскими народами — исседонами (Tzetz., Chil., VII, 685); [см.: Bolton, 1962, с. 70], массагетами (Tzetz., Chil., VII, 700), в землях где-то за Танаисом, или Яксартом (Plin., VI, 51). Сведения об этой реке принадлежат традиции Аристея [Bolton, 1962, с. 67—70; Пьянков, 1978а, с. 186].

3. СХЕМА: КАВКАЗ, РЕКИ АРАКС, ТАНАИС И ДРУГИЕ

Данная орогидрографическая схема распространяется на всю Азию. Предшествующую орогидрографическую схему она включает в себя как часть. Кавказ и в схеме, описанной Аристотелем, как мы видели, соединен с Парнассом. В рассматриваемой схеме Кавказ совсем заменил собой Парнасс, и среди рек, текущих с Кавказа, фигурируют те, которые ранее связывались с Парнассом: Аракс, Танаис, Хоасп.

Рассматриваемая схема учитывает новые данные, полученные во время походов Александра. Следы ее обнаруживаются у самых ранних историков Александра: в традиции Клитарха и в родственной ей традиции Аристобула, хотя эта схема и не является для них основной. Мы думаем, что у истоков ее стоит Каллисфен.

В наиболее полном виде рассматриваемая схема описана у Диодора в его экскурсе, посвященном «расположению Азии в целом, размеру и свойствам сатрапий», а именно «сатрапий, которые были завоеваны Александром» (XVIII, 5, 1—6, 4). Аналогичная тема прослеживается в двух местах сочинения Курция: в одном из них описание Азии передано в сильно сокращенном и вольно трактованном виде и вложено в уста Дария, хвалящегося необъятностью своего царства (IV, 5, 4, 5); в другом говорится

специально о горе Кавказ (VII, 3, 19—21). В основе сообщений и Диодора и Курция лежит явно общий источник, содержащий обзор Персидского царства, завоеванного Александром, а по сути — географический обзор Азии. Обычно считают, что указанный экскурс сочинения Диодора принадлежит Гипарху [Tarn, 1951, с. 46] или, точнее, Гипарху принадлежит его основа, которой в результате обработки были приданы некоторые черты географических воззрений, свойственных Эратосфену, и некоторые данные Мегасфена [Schwartz, 1957, с. 68]. Но наличие этого обзора у Курция заставляет относить его к общему источнику Диодора и Курция, т.е. к Клитарху. Источник же самого Клитарха в точности неизвестен, но некоторые характерные моменты, засвидетельствованные Курцием, позволяют предположительно считать таковым сочинение Каллисфена. Очень общее сходство с Эратосфеном могло бы свидетельствовать лишь о том, что в некоторых моментах Каллисфен предвосхитил Эратосфена. Все остальное исключает заимствование у Эратосфена. В сообщении Диодора имеется ряд моментов, характерных для эпохи Александра (и до Эратосфена): это относится к трактовке Кавказа, Танаиса и Гирканского моря [Schwartz, 1957, с. 68]. Но более поздние добавления к основе, предположительно принадлежащей Каллисфену, у Диодора, конечно, несомненны.

В основе рассматриваемой схемы лежит представление о горном хребте, тянущемся через всю Азию в широтном направлении. Диодор описывает этот хребет следующим образом: «Итак, от Киликийского Тавра непрерывный горный хребет тянется через всю Азию вплоть до Кавказа и Восточного океана. Этот хребет разделен вершинами различной высоты, и каждая имеет собственное название» (XVIII, 5, 2). Реки текут с хребта в противоположных направлениях: одни из них впадают в Каспийское море, Эвксинский Понт и Северный океан, другие — в [океан], омывающий Индию, в океан, близкий к этой стране, и в «так называемое Эрифрейское (Красное) море» (XVIII, 5, 3). Курций прямо называет все эти горы Кавказом, «хребет которого непрерывной цепью делит Азию. С одной стороны он обращен к морю, которое омывает Киликию, с другой — к Каспийскому морю, реке Аракс и знаменитым пустыням Скифской страны. Тавр, гора второй величины, примыкает к Кавказу; начинаясь в Каппадокии, она проходит мимо Киликии и сливается с горами Армении. Так сплетаясь между собой, эти хребты образуют непрерывную цепь, с которой [текут] почти все реки Азии, впадая одни в Красное, другие в Каспийское море, третьи в Гирканское и Понтийское» (VII, 3, 19—21). В другом месте Курций упоминает Кавказ вместе с Танаисом, говорит о Евфрате, Тигре, Араксе и Хоаспе как «великих защитных рубежах [Персидского] царства», об океане, у которого обитают инды (IV, 5, 4, 5).

Концепция непрерывного хребта, тянущегося через всю Азию, выражена в сообщениях Диодора и Курция вполне отчетливо. При этом Кавказ явно занимает доминирующее положение в системе гор. На то обстоятельство, что в цитированном сообщении Диодора, как и в других местах его сочинения, название Тавр не имеет обобщающего значения, но прилагается лишь к собственно Тавру, а в сообщении Курция Тавр определенно выступает даже в подчиненном по отношению к Кавказу положении, обращалось внимание уже давно [Wenger, 1914, с. 23, примеч. 1; Ruge, 1934, с. 41, 48]. Аналогичное представление о великом азиатском хребте засвидетельствовано у Аристобула, заимствовавшего здесь, как и во многих других случаях, у Клитарха: «Простирается гора Кавказ на большое расстояние, так что гора Тавр, которая отделяет Киликию от Памфилии, считается [отрогами] Кавказа, так же как и другие высокие горы, [отходящие] от Кавказа и отличающиеся одна от другой различными названиями соответственно их положению» (Arrian., III, 28, 5 = фр. 23; ср.: Itin. Alex., 75); о принадлежности этого сообщения именно Аристобулу, а не Эратосфену см. [Wenger, 1914, с. 23; Stein, 1931, с. 283; ср.: Jacoby, II BD2, 1927, с. 513; Schwartz, 1957, с. 144, 154].

Если создателем рассматриваемой концепции Кавказа действительно был Каллисфен, то ее происхождение более или менее понятно. Представление о Кавказе как хребте, простирающемся далеко на восток, было знакомо Аристотелю (Met., I, 13, 18). Но такое представление не могло остаться неизвестным и Каллисфену, ученику Аристотеля. С другой стороны, Каллисфен сам находился среди тех, кто, направляясь вместе с Александром в Бактриану, принял за Кавказ хребет, прикрывавший эту страну с юга. Соединение этих двух представлений, видимо, и породило теорию непрерывного хребта. В свою очередь, эта теория предвосхитила схему, выработанную Дикеархом и Эратосфеном, послужив, по всей видимости, основным стимулом для ее создания. Отсюда, в частности, следует, что нет необходимости непременно возводить к Дикеарху и Эратосфену любое сообщение, в котором говорится о хребте, пересекающем всю Азию.

Кавказ делит Азию на две половины. Согласно Диодору, одна из них обращена на север, другая — на юг (XVIII, 5, 3); страны южной половины очень теплые, так как воздух на юге отличается от воздуха, который овевает север (XVIII, 6, 4). Возможно, что и это положение восходит к Каллисфену. Интересный эпизод, описанный Плутархом, показывает, что Каллисфена действительно занимал вопрос о различии воздуха в разных местностях, связанный, как показывают приведенные здесь слова Диодора, со схемой деления Азии: однажды на пиру среди

спутников Александра зашла речь о временах года и составе воздуха, и Каллисфен вступил в спор с Анаксархом по этому поводу; разделяя мнение других, он говорил, что в местах, где они находятся, гораздо холоднее, чем в Элладе (Alex., 52). Судя по контексту, разговор этот состоялся где-то в Согдиане или Бактриане. То же представление стоит за сообщением Курция о «неумеренном климате» (caeli intemperies) Бактрианы, который, как надеялись бактрийцы, отвратит Александра от похода в их страну (VII, 4, 20). В свете изложенного выше «неумеренность» здесь нужно понимать скорее как намек на холод, а не на жару [ср. перевод: Соколов, 1963, с. 261].

Об отдельных частях непрерывной горной цепи, хребтах и «вершинах» (ἀναστήματα), Диодор и Курций в рассматриваемых сообщениях не говорят. Поэтому мы остановимся на сведениях в целом о восточной части упомянутой горной цепи, о связанных с ней реках и странах. Диодор описывает восточную часть северной половины Азии так: «Согдиана и Бактриана лежат вдоль реки Танаис; следующие за ними — Ария и Парфия, которая окружает Гирканское море, являющееся обособленным [бассейном], затем Мидия...» (XVIII, 5, 4). При этом из контекста следует, что Согдиана и Бактриана находятся к северу от Кавказа и Индии (ср. XVIII, 3, 3; 5, 2, 4). Курций говорит о Евфрате, Тигре, Араксе и Хоаспе[7] как «великих защитных рубежах [Персидского] царства», о Мидии, Гиркании, Бактрах и индах, обитающих у океана, о согдианах, арахосиях и «других племенах, достигающих Кавказа и Танаиса» (IV, 5, 4, 5). В другом месте он говорит, что Кавказ одной из сторон обращен «к Каспийскому морю, реке Аракс и знаменитым[8] пустыням Скифской страны» (VII, 3, 19).

Итак, если свести воедино данные цитированных сообщений Диодора и Курция, то получается, что в схеме, которую они имеют в виду, Аракс, Танаис, Хоасп и, может быть, другие реки связаны с Кавказом, — другими словами, речная система предшествующей схемы перенесена с Парнасса на Кавказ. Это свидетельствует об известной самостоятельности автора рассматриваемой схемы, т.е., как мы считаем, Каллисфена.

К числу рек, протекающих к северу от Кавказа, у Курция отнесен Аракс, а у Диодора — Танаис. Возможно, что и в оригинале того и другого автора, как и у Аристотеля (Met., I, 13, 16), Танаис являлся рукавом Аракса и впадал в Меотиду. В таком случае Аракс с Танаисом и были теми реками, которые, по Дио-

---

[7] В рукописях: Idaspen. Издатели обычно читают: Hydaspen; так в издании Bardon, в издании под ред. Соколова. Но нам кажется, что в данном контексте более уместно чтение Choaspen, также принятое некоторыми издателями, например Hedicke.

[8] В рукописях: aliaque. Чтение nobiliaque дано в издании Hedicke, оно же принято и А.Херрманом в его толковании [Herrmann, 1914, с. 21].

дору и Курцию, текут с северных склонов Кавказа и впадают в Каспийское и Гирканское моря и Эвксинский Понт (Diod., XVIII, 5, 3; Curt., VII, 3, 21). В полном соответствии с этой схемой Диодор называет Гирканское море обособленным, т.е. замкнутым, бассейном. Характерно также, что Курций, как и Аристотель (Met., II, 1, 10), вполне определенно различает Каспийское и Гирканское моря. А.Херрман, отмечая архаический характер представлений об Араксе в цитированных сообщениях Курция, говорил о предалександровском их происхождении [Herrmann, 1914, с. 21; 1942, с. 2008]. Мы не вполне с этим согласны: Каллисфен, к которому восходят указанные сообщения, действительно опирался на схему, созданную в период до походов Александра, но эта схема откорректирована у него с помощью новых сведений. О возможности существования таковых говорит то обстоятельство, что Аракс, видимо, упоминался Каллисфеном не просто как мертвая деталь традиционной схемы, но и фигурировал у этого автора в рассказе о действиях Александра. Именно к Каллисфену должен восходить реконструированный выше рассказ Клитарха о переправе Александра через Аракс во время похода из Бактрианы в Согдиану.

Бактриану и Согдиану Диодор рассматривает как единую сатрапию, которая «лежит вдоль (κεῖται παρά) реки Танаис» (XVIII, 5, 4; ср.: Curt., IV, 5, 5). Танаис фигурирует здесь именно как общая граница этой единой сатрапии. Сам Диодор знает, что Бактриана и Согдиана управлялись одним сатрапом (XVIII, 3, 3; 39, 6). Сатрапия, состоявшая из Бактрианы и Согдианы и простиравшаяся от Кавказа до Танаиса, сформировалась на месте прежней сатрапии Бесса как раз во время пребывания в этих местах Александра. Первым ее сатрапом был перс Артабаз, назначенный Александром. Артабаз назван в источниках сатрапом бактриев (Arrian., III, 29, 1; Curt., VII, 5, 1), однако, несомненно, что ему, как и его преемникам, были подчинены также и согдийцы: Артабаз имеется в виду под тем сатрапом, которому отказались повиноваться согдианы (Arrian., IV, 15, 7); далее, прямо указывается, что на попечение Артабаза была оставлена Согдийская скала Ариамаза с окрестной областью после захвата ее Александром (Curt., VII, 11, 29). Какие-либо отдельные правители Согдианы в это время неизвестны. Следует заметить, что нередко высказываемое исследователями [например: Мончадская, 1961, с. 114; Кошеленко, 1979, с. 182, примеч. 6] утверждение, будто Дексипп говорил о некоем лице (Оропии?), которому Александр предоставил царскую власть над Согдианой (ср.: Phot., Bibl., LXXXII = фр. 8, § 6), основано на недоразумении. Здесь явно говорилось не о Σογδιανῶν (так у Фотия), а о Σουσιανῶν (такое чтение и принято в последнем издании фрагментов сочинений Дексиппа [Jacoby, IIA, 1926, с. 462]).

Клитарх, очень популярный в римские времена даже и среди латинских читателей, повлиял не только на Курция, но и на других латинских авторов. Так, у него, видимо, заимствует Лукан, когда говорит о «кочующих народах Скифии, которых ограничивает ледяной бездной Бактр и обширными лесами Гиркания» (III, 266—268). Бактром поэт называет, мы думаем, ту реку, которую именует в другом месте «холодным Араксом» (VIII, 431): он дает понять, что Аракс является рубежом не только Скифии, но и Бактрианы. Возможно, что здесь сказалась и ассоциация с рекой Бактр, связанной с Араксом. «Холодный» и «ледяной» Аракс и Бактр — видимо, далекий отголосок утверждения Каллисфена о холодном климате Бактрианы. Схолиаст, черпавший, наверное, из общего с Луканом источника, упоминает «гору Кавказ у реки Оахен [Araxen?][9]» (Scholia Bern. in Luc. Bell. civ., III, 280), тем самым подтверждая, что Лукан воспроизводит Каллисфенову схему. Схолиаст упоминает и о Бактре, «весьма холодной реке Скифии», которая «протекает через Бактры...» (Scholia Varia in Luc. Bell. civ., III, 267).

След знакомства с системой рек схемы Каллисфена обнаруживают данные и Аристобула в передаче Арриана, который называет Аракс среди рек, впадающих в «Каспийское море, именуемое и Гирканским», но с оговоркой: «Большинство утверждает, что Аракс, вытекающий из [страны] армениев, впадает туда же» (VII, 16, 3 = фр. 54). Следовательно, существовала и какая-то другая точка зрения на Аракс, не разделяемая большинством. По-видимому, Аристобул, принявший Каллисфенову концепцию горной цепи Кавказа, знал и соответствующую трактовку Аракса, не согласующуюся с обычным представлением о нем как армянской реке, но отверг ее, придерживаясь другой локальной орогидрографической схемы Верхней Азии.

К числу рек, протекающих к югу от Кавказа, должен быть отнесен Хоасп, впадающий в Инд. Хоасп тоже фигурировал в повествовании Клитарха о действиях Александра. Курций, передавая версию Клитарха, говорит о переправе Александра через реку Хоасп (VIII, 10, 22). О связи этой реки с рассматриваемой схемой говорит само ее название. Та же река в версии Арриана, чуждой данной схеме, названа иначе[10] (IV, 23, 2; см. [Tomaschek, 1899, с. 2355]; однако отождествлять эту реку с рекой Хой нельзя: [Marquart, II, 1905, с. 243, 244; Tucci, 1977, с. 47]). О Хоаспе, видимо, упоминал и Аристобул. Заимствуя у последнего, об этой реке говорит Страбон (XV, 1, 26), причем его сообщение как будто сохранило след представления о Хоаспе как непосредственном притоке Инда [Marquart, II, 1905, с. 245].

---

[9] О чтении названия реки ср. [Meyer, 1970, с. 221].

[10] О чтении названия реки в тексте Арриана см. [Roos, I, 1907, с. 219].

4. СХЕМА: КАВКАЗ, РЕКИ АРАКС, ТАНАИС И ДРУГИЕ. ПОЗДНИЕ ВАРИАНТЫ

Рассмотренная орогидрографическая схема продолжала разрабатываться и более поздними авторами. Следы такой разработки обнаруживаются в традиции Посидония, хотя для последней данная схема не являлась основной. Интересно, что эта традиция содержит прямые ссылки, связанные с рассматриваемым материалом, на Каллисфена — предполагаемого создателя данной схемы и даже на Эвдокса, заложившего основу той же схемы.

Наиболее полно рассматриваемый вариант схемы отражен в тексте Дионисия: «...гиркании и тапиры. За ними катит воды Мард, влага деркебиев и богатых бактров; [протекая] посредине [земель] тех и других, он впадает в Гирканское море. Но бактры населяют на материке более обширную область под лесистыми склонами Парнеса, деркебии же [обитают] напротив, у Каспийских вод. На восток от них, по ту сторону шумного Аракса, живут массагеты...» (733—740). Далее дается краткое описание массагетов (740—745). Дионисий говорит и о Хоаспе, но путает индийский Хоасп с сузийским: «...Хоасп влечет индскую воду, протекая по сузийской земле» (1073, 1074).

В центре описанного участка карты Дионисия находятся бактры, которые занимают «более обширную область (χώρη εὐρυτέρη) под лесистыми склонами (κνημοῖς)[11] Парнеса», а деркебии обитают «напротив, у Каспийских вод». То же повторено в парафразе с некоторыми пояснениями. Примерно так же понимает противопоставление бактров и деркебиев Присциан: бактры живут «на срединных полях материка, широко владея землями близ горы Парнесс, а деркебии — у „Каспийских берегов“» (715—717). Но Авиен толкует его несколько иначе: «бактрийские поля широко уходят вдаль материка, и это племя прикрывается скалами Парнасского хребта», а деркебиев «ограничивает другой бок (aliud latus) и касается Каспийских вод» (914—916).

Соседями бактров здесь выступают деркебии, обитавшие у Каспийского моря. Дионисий сохранил и более конкретное указание на связь бактров с деркебиями: их общей рекой является Мард; протекая «посредине [земель] тех и других, он впадает в Гирканское море». В этом сообщении некоторую трудность для толкования представляют слова «посредине [земель] тех и других». Что значит «посредине» (μέσσος): по (через) землям или между ними (см. толкование во втором смысле: [Markwart, I, 1946, с. 129])? В парафразе прямо говорится, что Мард «проходит

[11] По другому чтению: «под кручами (κρημνοῖς) Парнеса».

сквозь» (διερχόμενος) те и другие; так же (per) и у Присциана (714). У Авиена он «разграничивает посредине» (medius disterminat) те и другие (911). Следует отметить, что слово μέσσον у Дионисия несколькими строками ниже (747) явно употреблено в значении «по (через)».

Рассказав о бактрах и деркебиях, Дионисий продолжает: «На восток от них (τοὺς δὲ μέτ' ἀντολίηνδε), по ту сторону... Аракса (πέρην... Ἀράξεω), живут массагеты» (739, 740). Здесь недостаточно ясно выражение «на восток от них»: на восток от бактров или деркебиев (см. толкование во втором смысле: [Markwart, I, 1946, с. 129])? В парафразе говорится, что массагеты обитают «за этими деркебиями к востоку, по ту сторону... Аракса». В переводе Присциана: «За ними, за потоком Аракса к востоку, [живут] массагеты» (718). В переводе Авиена: «Затем... массагеты примыкают к течению... Аракса» (916, 917).

Наглядно представить себе схему Дионисия помогает карта Пейтингера. На ней изображен Аракс, который течет с хребта Тавр, пересекающего всю Азию, протекает к югу от Гирканского моря, изображенного как залив Океана, и впадает в Океан близ северо-восточного угла ойкумены (XI, 5—XII, 5). Видимо, при картографировании Парнес был включен в цепь Тавра. Возможно, что на ранних прототипах карты Пейтингера был показан рукав Аракса, впадающий в Гирканское море (так на реконструкции карты Кастория в работе [Miller, 1916, с. 846, рис. 269]), — линия рек на этой карте вообще искажалась в процессе копирования. Севернее Аракса помещены Bactrianoe (XII, 4), а к западу от них, на берегу Гирканского моря, — Derbicce (XII, 2). В восточной части Тавра показаны истоки другой реки, впадающей в Океан южнее хребта; она названа Calincius (XII, 4, 5). Близ ее устья помещен город Magaris (XII, 5). Дионисий упоминает индийскую реку Магарс (1146). Последняя в переводе Присциана фигурирует под тем же названием (Megarsus) (1051), но в переводе Авиена названа Cymander (1351). Все эти топонимы происходят в конечном счете от названия индийской области Килиндрина и индийского города Маргара [Müllerus, II, 1861, с. 174, 175]. Собственное название у этой реки, таким образом, отсутствует. Уже высказывалось предположение, что она занимает на карте не совсем «свое» место [Miller, 1916, с. 847]. Идентифицируя указанную реку, следует обратить внимание прежде всего на то, что составитель карты поместил ее истоки на том же хребте, где показаны истоки Аракса. Не значит ли это, что и река, о которой идет речь, и Аракс принадлежали одной орогидрографической схеме? Если так, то неизвестная река могла быть Индом, а ее приток — Хоаспом. Инд изображен на карте Пейтингера по данным другой схемы, а индийский Хоасп еще Дио-

нисием был перенесен в Сузиану. Так Инд и Хоасп рассматриваемой схемы стали на карте безымянными реками.

В то время как на карте Пейтингера от рассматриваемой схемы остались, по-видимому, лишь Аракс да гипотетический Инд и Хоасп, Равеннат располагал еще такой картой, на которую были нанесены, может быть, все реки нашей схемы. Перечисляя реки, протекающие по Армении, Албании, Иберии и соседним странам, он дает такой ряд: Araxes, Mardes, Coaspis, Bactros — и добавляет: «Из этих рек некоторые впадают в Каспийский океан» (II, 12, 10, 11); [см.: Herrmann, 1919, с. 2288]. Заметим, что Равеннат упоминает и реку Магарис в форме Torgoris (II, 3, 3); [см.: Müllerus, II, 1861, с. 174]. Из перечисленных рек лишь первые две могут быть связаны с Каспийским морем; как изображались на карте Равенната вторые две — неизвестно, но появление их в приведенном перечне будет понятно, если допустить, что и на карте Равенната течение Аракса было доведено до северо-восточных пределов ойкумены; возможно при этом, что Бактр изображался в виде притока Аракса в его восточной части.

Общность происхождения рассматриваемого сообщения Дионисия и сообщения Аристотеля о Парнассе и текущих с него реках была подмечена еще И.Марквартом, полагавшим, что источником того и другого послужили в данном случае сведения Каллисфена, а сам Каллисфен заимствовал у Гекатея, у которого черпал и Геродот, чем объясняются совпадения в тексте Геродота и Дионисия [Markwart, I, 1946, с. 127—129]. Каллисфен, как мы пытались показать выше, описывал близкую к этой схему. Посидоний знал и цитировал Каллисфена, поэтому не исключено, что приведенное сообщение Дионисия действительно восходит к Каллисфену. Но вопрос об источнике Посидония осложняется тем, что этот автор мог заимствовать непосредственно не только у Каллисфена, но и у Эвдокса и даже у Демокрита. Что касается более ранних источников, то Гекатей к рассматриваемой схеме непричастен, а близость Дионисия к Геродоту может объясняться просто заимствованием у последнего: как мы отмечали выше, уже Эвдокс комбинировал со схемой Демокрита данные других авторов, в частности Геродота; то же могли делать и Каллисфен и Посидоний.

Сложности начинаются уже с определения источника сведений о хребте Парнес. Несомненно, что это тот же самый хребет, который Аристотель называет Парнассом. Каллисфен, как уже говорилось, заменил Парнасс на Кавказ, а у Посидония Кавказу соответствовал Тавр. Но не исключено, что и Каллисфен и Посидоний упоминали наряду с Кавказом и Тавром как их часть также и Парнасс. Дионисий, в противоположность Аристотелю, употребляет ионийскую форму названия этого хребта —

Παρνησός. Дионисий мог употребить ее просто потому, что вся его поэма написана на ионийском диалекте. Но с другой стороны, на том же диалекте писал и Демокрит, и вообще есть основания считать, что ионийская форма названия хребта была первичной, поскольку именно она соответствует иранскому прототипу этого названия [Markwart, I, 1946, с. 129].

Аракс, как он изображен на карте Пейтингера, определенно является попыткой картографировать данные Геродота об Араксе, текущем на восток и впадающем одним рукавом в Каспийское море (I, 202; IV, 40). Но так же несомненно и то, что Аракс карты Пейтингера соединил с Араксом Геродота черты какой-то другой, более восточной реки; полагают, что этой другой рекой был Яксарт [Miller, 1916, с. 847] или Окс и Яксарт вместе [Markwart, I, 1946, с. 147], но мы думаем, что ею как раз и выступает восточный Аракс, появляющийся в схемах Аристотеля и Каллисфена.

Тот же самый Аракс, что и на карте Пейтингера, описан Страбоном с прямой ссылкой на Геродота и Каллисфена: «[Геродот] же говорит, что он (Аракс), вытекая из [области] матиенов, разветвляется на сорок рукавов и разделяет скифов и бактрианов; и Каллисфен последовал за ним (Геродотом)» (XI, 14, 13 = фр. 38). Исследователи единодушно признают, что вся эта цитата целиком, вместе со ссылкой на Геродота, заимствована у Каллисфена [Herrmann, 1914, с. 11; Junge, 1939, с. 51, примеч. 5; Markwart, I, 1946, с. 128, примеч. 1]. Возможно, что до самого Страбона это заимствование дошло, как и в других случаях, через посредство Посидония.

О том же Араксе Страбон говорит и в другом месте своего сочинения. Аракс, согласно этому автору, «наводняет страну, разделенный на множество [рукавов], изливаясь всеми другими руслами в другое, на севере [расположенное] море, лишь одним-единственным — в Гирканский залив» (XI, 8, 6). А.Херрман и Ю.Юнге предполагали, что сообщение Страбона об Араксе воспроизводит с небольшими изменениями текст Гекатея [Herrmann, 1914, с. 36—38; Junge, 1939, с. 26, 27]. Но Страбон здесь явно дает не очень точный пересказ Геродота, лишь добавляя некоторые новые детали и как бы пропуская его сведения через призму более поздних географических воззрений. Иногда думают, что посредником между Геродотом и Страбоном в данном случае был Эфор [Behr, 1888, с. 21, 22], но более вероятно, что этим посредником являлся Посидоний [Пьянков, 1975, с. 51, 59]. В работе «Массагеты Геродота» мы говорили об Эратосфене как посреднике, но признаки посредничества Эратосфена в равной мере могут свидетельствовать и о посредничестве Посидония, а сравнение всего комплекса рассматриваемых сообщений Страбона со сведениями других авторов, восходящими к Посидонию,

при решении вопроса о непосредственном источнике этих сообщений говорит все же в пользу Посидония.

Аракс карты Пейтингера и сообщения Страбона взаимно расшифровывают друг друга. Аракс должен брать начало в западных частях Тавра, так как там же находится область матиенов. Аракс впадает в Океан близ северо-восточного угла ойкумены, поскольку основное устье его действительно выходит к «другому, на севере [расположенному] морю», т.е. к внешнему морю. Мы не можем согласиться с тем, что такое представление об устье Аракса является первичным [Herrmann, 1914, с. 36—38; Junge, 1939, с. 26, 27]. Наоборот, оригинальные и вполне реальные сведения Геродота о рукавах Аракса, теряющихся в болотах и топях (I, 202), здесь превращены в умозрительную схему. Виновником этого превращения был скорее всего Посидоний, убежденный приверженец морской теории, считавший Каспийское море заливом Океана, т.е. того же внешнего «северного моря» (о Каспийском море у Посидония см.: [Bolchert, 1908, с. 90; Reinhardt, 1953, с. 670; Дитмар, 1973, с. 95; 1980, с. 79]).

Дионисий называет Аракс «шумящим» (κελάδοντος). Этот эпитет не случаен. Он содержит намек на рассказ о водопаде в традиции, передаваемой Дионисием, относящейся к Араксу. С этим рассказом связано и распространенное в античности толкование самого названия «Аракс» как производного от глагола ἀράσσω, «бить, разбивать».

Некоторые детали рассказа о водопаде Страбон дает в описании армянского Аракса; тот тоже течет по равнине до «крутого падения» (καταράκτειν), и вода его «низвергается с шумом» (καταράττει) в Каспийское море (XI, 14, 13). Любопытно, что в этих сообщениях употреблены слова, производные от ἀράσσω. Но Страбон однажды приводит упомянутый рассказ и полностью; он передает его как один из «невероятных рассказов» о Гиркании со ссылкой на «Эвдокса и других»: некие реки текут с крутых обрывов в море с такой силой, что вода от стен скал падает прямо в море, оставляя берег внизу сухим, и под водопадом могут пройти даже войска (XI, 7, 5). Этот рассказ, относящийся к числу сообщений Страбона, имеющих общий источник с Дионисием, непосредственно заимствован скорее всего у Посидония, хотя вообще высказывалось мнение не только о непрямом заимствовании у Эвдокса в данном случае [Honigmann, 1931, с. 139], но и о прямом [Behr, 1888, с. 17]. Считается, что ссылка на «других» (καὶ ἄλλων) указывает на посредника, т.е. Посидония, если справедливо первое мнение, или на свидетелей, цитированных у Эвдокса, если справедливо второе мнение. Как бы то ни было, прямая ссылка на Эвдокса показательна: этот автор, как мы отмечали выше, одним из первых описал первоначальное ядро рассматриваемой схемы и послужил источником для Ари-

стотеля и, может быть, для Каллисфена. Мы думаем, что Эвдокс здесь говорил не просто о реках, а об Араксе. Страбон же, признававший сведения лишь об Араксе, текущем по Армении, а известия о восточном Араксе считавший невероятными (ср. XI, 14, 13), с одной стороны, перенес некоторые моменты рассказа Эвдокса на армянский Аракс, с другой — предпочел оставить реку Гиркании безымянной.

Другой пример переноса рассказа о водопаде на армянский Аракс дает Мела. Описывая этот Аракс, он говорит о нем следующее: протекая по скалистой местности со «страшным гулом», река встречает на своем пути обрыв и не сразу падает с него, а продолжает некоторое время путь вперед, повисая в воздухе (III, 40). Если Мела взял свое описание из текста, сопровождавшего карту Агриппы, то происхождение этого сообщения понятно: карта знала лишь один Аракс, и в справке, составленной по его поводу, могли быть собраны самые разные известия обо всех Араксах.

Сообщение Дионисия о том, что массагеты обитают на востоке, по ту сторону Аракса, почти буквально совпадает со словами Геродота: массагеты обитают «на востоке [по направлению] к восходу Солнца (ἡλίου ἀνατολάς), по ту сторону реки Аракс (πέρην τοῦ Ἀράξεω ποταμοῦ)» (I, 201); совпадение это было замечено уже давно [Herrmann, 1914, с. 21, примеч. 5; Markwart, I, 1946, с. 129]. Конечным источником здесь является Геродот, а не Гекатей, так как Геродот в данном случае основывается на устных сообщениях, не на литературном заимствовании [Herrmann, 1914, с. 12, 13, 18, примеч. 1; Пьянков, 1975, с. 52, 53]. Видимо, и сама неопределенность выражения Дионисия «на восток от них [бактров или деркебиев?]... живут массагеты» не случайна. Дело в том, что соответствующее выражение Геродота, цитированное здесь, не имело отношения ни к бактрам, ни к деркебиям, но было связано с указанием на местоположение массагетов «напротив исседонов» (I, 201). Дионисий исседонов не упоминает, но его описание массагетов является сжатым переложением «массагетского» рассказа Геродота (ср.: Dion., 739—745, и Herod., I, 201—216); [см.: Пьянков, 1975, с. 52; ср.: Markwart, I, 1946, с. 129]. Другие данные подтверждают, что традиция Посидония включила весь комплекс сведений Геродота о массагетах, в том числе и указание на соседство их с Араксом и исседонами. Essedones-Scythae отмечены на карте Пейтингера, и, хотя там они показаны на берегах Окса (XII, 3), в действительности они связаны с Араксом [Herrmann, 1916, с. 2239; Markwart, II, 1946, с. 295]. Yssedoi и Esidis Scithon упомянуты Равеннатом (I, 12, 7; II, 8, 2).

У Страбона, который тоже следует за Посидонием, массагеты, как и у Дионисия, обитают не прямо к востоку от Каспий-

ского моря, а восточнее некоторых других прикаспийских племен (XI, 8, 2). Описание массагетов, данное Страбоном в связи с известием об Араксе, является более пространным вариантом описания, данного Дионисием (XI, 8, 6, 7). И это сообщение воспроизводит с некоторыми изменениями описание массагетов, принадлежащее Геродоту (I, 215, 216); [см.: Пьянков, 1975, с. 51—56, 69, 70]; в частности, массагеты у Страбона обитают и в болотах, и на островах Аракса, а не только на равнине, как у Геродота.

Но этот же комплекс сведений о массагетах был соединен с рассматриваемой схемой, по-видимому, и в традиции Клитарха. Так, в сообщении схолиаста Лукана, которое, как мы отмечали, содержит след этой схемы, сохранился вместе с тем и смутный отзвук (Scholia Bern. in Luc. Bell. civ., III, 280) рассказов Геродота о переселениях скифов под давлением массагетов или исседонов (IV, 11—13). Следовательно, указанный комплекс сведений мог быть связан с нашей схемой уже у Каллисфена. Мы думаем, что описание массагетов, заимствованное у Геродота, впервые соединил с Араксом рассматриваемой схемы Эвдокс. Действительно, известно, что Эвдокс рассказывал о массагетах, слегка обрабатывая данные Геродота (Diog. Laert., IX, 83); [см.: Пьянков, 1975, с. 51, 52]. Поводом для такого соединения могло послужить то обстоятельство, что и Геродот говорил о массагетах в связи с Араксом (хотя в большинстве случаев имел в виду другой Аракс).

Народ, отделенный от бактрийцев Араксом, у Каллисфена назван скифами. Эти скифы выступают в связи с Араксом, как уже говорилось, и в традиции Клитарха: Курций говорит об «Араксе и знаменитых пустынях Скифской страны» (VII, 3, 19), Лукан — об отделенных Бактром, т.е. Араксом, «кочующих народах Скифии» (III, 266—268). Скорее всего здесь имеются в виду те же массагеты Геродота, обитающие за Араксом [Markwart, I, 1946, с. 127]. Геродот и сам говорит, что некоторые называли массагетов скифским народом (I, 201). Но не исключено, что в определение Аракса как рубежа Каллисфен внес что-то новое, используя собственные данные, полученные во время похода Александра. Это определение могло быть связано со своеобразной концепцией, иногда проступающей у историков Александра, которая трактует Согдиану как узкую полосу долины Политимета, а Скифией считает окружающую пустынную территорию [Пьянков, 1982, с. 24—26]. Поскольку воины Александра, переправившись через реку, служившую границей Бактрианы, шли через эту самую пустыню, то понятно, почему страна по ту сторону Аракса, пограничной реки Бактрианы, считалась Скифией.

Связь Каспийского моря с Океаном сделала невозможным толкование Танаиса, впадающего в Меотиду, как рукава Аракса.

Посидоний мог упомянуть об этом мнении, но принять его не мог. Во всех рассмотренных здесь сообщениях, принадлежащих традиции Посидония, такой Танаис действительно не фигурирует. Умалчивает о нем, кажется, и Дионисий: у него тоже «Гирканское море» и «Каспийские воды» являются заливом Океана (47—50, 718—722). Однако Авиен в латинском переводе сочинения Дионисия говорит о Танаисе: «Будучи разорван сначала водой Аракса... он далеко отсюда входит в Меотийскую Тетию» (29—32). Как объяснить, что Авиен сохранил эту отсутствующую у самого Дионисия деталь? Она могла быть одним из многочисленных добавлений Авиена в текст Дионисия [ср.: Knaack, 1905, с. 923] из какого-то родственного этому тексту источника. Но не исключено, что Авиен имел в своем распоряжении текст Дионисия лучшей сохранности, чем тот, который дошел до нас [ср.: Knaack, 1905, с. 922; Ростовцев, 1925, с. 80].

Река Мард, по Дионисию, протекает через земли деркебиев и бактров и впадает в Гирканское море. Та же река Мард упомянута Равеннатом. Есть основания полагать, что в традиции Посидония с этой рекой был связан народ, который у Птолемея именуется Μαρδυηνοί (VI, 12, 4), а у Плиния — Mandrouani (<Marduani) (VI, 47) [Markwart, I, 1946, с. 131]. До Плиния известия об этом народе могли дойти через перипл Каспийского моря Варрона. На карте Пейтингера указанная река отсутствует, но к югу от Гирканского моря показана область Mardiane (XII, 2). Нет никакого сомнения в том, что речь здесь идет о реке Марг, а также о народе и области, название которых образованы от названия упомянутой реки (ср.: Marquart, I, 1896, с. 30, примеч. 136). Можно было бы думать, что название «Марг» перешло в название «Мард» просто из-за ошибки в написании: Γ>Δ. Однако есть основания считать, что Марг здесь сознательно истолкован как Мард и уподоблен этой реке, действительно впадавшей в Гирканское море, не только по названию. Когда это произошло — трудно сказать с определенностью. Предположение о том, что уже Каллисфен и Поликлит представляли себе Марг так же, как он изображен у Дионисия [Markwart, I, 1946, с. 131], кажется нам недостаточно обоснованным. Если считать, что Марг фигурирует у Арриана как река Ἔπαρδος (< Μάρδος < Μάργος?), протекающая через страну мардов (< Μάργων?), то нужно признать, что Аристобул и его современники знали Марг как одну из рек, исчезающих в пустыне и не достигающих моря (Arrian, IV, 6, 6 = фр. 28b). Скорее всего Марг превратился в Мард лишь у Дионисия и зависящих от него авторов в связи с трудностями, возникшими при картографировании его данных.

То, что земли по реке Марг отнесены у Дионисия к стране бактров, свидетельствует о включении в состав последней Маргианы. А это обстоятельство указывает на достаточно ранний

источник данного сообщения, который может датироваться временем не только греческих царей Бактрианы или Селевкидов [Markwart, 1893, с. 614, 615, примеч. 383; Markwart, I, 1946, с. 130, 131], но и более ранним — Ахеменидов (о положении Маргианы в это время см. [Массон, 1959, с. 142]).

О раннем источнике всего комплекса данных Дионисия о реке Марг свидетельствует и упоминание в связи с этой рекой другого народа — деркебиев. Деркебии, или дербики, в античных источниках дублируют массагетов [Пьянков, 1964, с. 125]. Если массагетов ввел в рассматриваемую схему Эвдокс, то деркебии должны принадлежать первоначальному ядру схемы, группирующемуся вокруг Парнасса.

5. СХЕМА: КАВКАЗ, РЕКИ ОКС, ТАНАИС И ДРУГИЕ

Эта орогидрографическая схема Верхней Азии построена уже целиком на новых данных, полученных во время похода Александра. Выглядит она в общих чертах так: в центре схемы находится гора Кавказ, именуемая также Парапамисом, с нее текут в разные стороны реки Окс, Танаис, Инд и другие.

Похоже, что рассматриваемая схема вырабатывалась в среде спутников Александра эмпирически, по мере знакомства с Бактрианой и Согдианой. Эта схема проступает в рассказах историков Александра о действиях македонян в указанных странах: Кавказ с юга прикрывает Бактриану, Окс отделяет Бактриану от Согдианы, а Танаис — Согдиану от скифов. Характерной особенностью схемы является то, что ее горная система отождествлена с давно известным эллинам Кавказом, хребты которого возвышаются над Понтом Эвксинским, а ее водная система — с бассейном Понта и Меотиды. Вследствие этого вся карта, построенная на указанной схеме, как бы совместилась с картой припонтийских областей.

Возможно, что рассматриваемую схему в ее законченном виде первым сформулировал Поликлит, но он не был ее создателем [Markwart, I, 1946, с. 132; о географических представлениях спутников Александра см. теперь: Шахермайр, 1984, с. 237—240, 266—271]. Поликлит, состоявший в свите Александра, сам видел местности, о которых идет речь, и просто выразил ходячие в его среде представления о них. Эту схему восприняли Клитарх и Аристобул, из которых, во всяком случае, Аристобул также был спутником Александра и очевидцем. Обвинения, брошенные Эратосфеном сторонникам этой схемы, в том, что они были движимы стремлением только польстить Александру, конечно, несправедливы. Но нельзя проследить и прямой связи рассмат-

риваемых представлений со схемой, которой тоже свойственны признаки совмещения с картой припонтийских областей, а именно со схемой, засвидетельствованной данными Аристотеля [ср.: Neumann, 1884, с. 182] или Каллисфена [ср.: Markwart, I, 1946, с. 131].

Когда Александр и его воины на пути из страны парапамисадов в Бактриану встретили огромный горный хребет Паропамис, через который им предстояло перейти, они без колебаний на звали его Кавказом. Об этом прямо говорит Арриан: македоняне, воины Александра, назвали гору Парапамис Кавказом (V, 3, 3; 5, 3; Ind., 5, 10). Соответственно и историки Александра, судя по данным Арриана, Диодора и Курция, называли горный хребет, через который перевалило македонское войско, направляясь в Бактриану и возвращаясь из нее, Кавказом (Arrian., III, 28, 4; 30, 6; IV, 22, 4; Diod., XVII, 83, 1; Curt., VII, 3, 19, 22; 4, 22). Этот Кавказ и есть та «гора, которую называют Паропамисом» (Steph. Byz., s.v. Καύκασος). Диодор, излагая версию Клитарха, замечает: «Некоторые называют гору [Кавказ] Парапамисом» (XVII, 83, 1). И Страбон, следуя версии Аристобула [Wenger, 1914, с. 23], знает, что Кавказ именуется также Паропамисом (XV, 1, 17; 2, 10).

Но почему спутники Александра приняли за Кавказ именно этот горный хребет — вопрос, требующий объяснения, он ставился уже в древности. Эратосфен полагал, что перенос названия Кавказ от гор Понта Эвксинского и Колхиды к горам Индии и восточного моря обязан только стремлению македонян польстить своему царю: они хотели сказать, что Александр перешел через гору, имя которой прославлено в сказаниях о Ясоне и Геракле. Предание об одном из подвигов Геракла и послужило непосредственным поводом для переноса в эти места Кавказа, поскольку македоняне нашли здесь пещеру, где будто бы находился закованный Прометей, впоследствии освобожденный Гераклом (Strabo, XI, 5, 5; XV, 1, 8; Arrian., V, 3, 3; 5, 3 = фр. III A, 5; Ind., 5, 10, 11); [см.: Schwartz, 1957, с. 154]. Возможно, что опознание Кавказа в горном хребте, преграждавшем путь в Бактриану, действительно имело какой-то смысл, льстивший тщеславию македонских завоевателей [ср.: Herrmann, 1921, с. 60]. Но главное, по нашему мнению, заключается не в этом. Страбон вполне резонно замечает, что завоевание Азии вплоть до Индийских гор доставило бы Александру больше славы, чем походы до самых отдаленных частей настоящего Кавказа (XI, 5, 5; ср.: Arrian., V, 3, 1). Имело какое-то значение и обнаружение македонянами «пещеры Прометея» [ср.: Fox, 1975, с. 296]. Действительно, Клитарх, судя по сообщениям Диодора и Курция, рассказывал об этой пещере (Diod., XVII, 83, 1; Curt., VII, 3, 22). Знали о ней, судя по Филострату, и спутники Аполлония (Vita Apoll. Tyan., II, 3). Но для того чтобы истолковать местное пре-

дание как миф о Прометее и Геракле, македоняне и греки должны были уже до этого увериться, что горы, к которым приурочено указанное предание, — Кавказ.

Несомненно, что на географические представления спутников Александра повлияли теории и схемы, уже выработанные к тому времени. Это относится в первую очередь к схеме, которой придерживался Аристотель. Среди спутников Александра находился ученик Аристотеля Каллисфен, воспринявший ту же схему. А эта схема предполагала, что Кавказ простирается очень далеко на восток. Следовательно, участники похода Александра ожидали увидеть на своем пути Кавказ. Однако указанное обстоятельство не объясняет, почему македоняне назвали Кавказом именно горы Паропамиса. Ведь в источниках нет следов того, чтобы современники Александра называли Кавказом, например, горы Гиркании, хотя последние встали на пути Александра раньше, чем Паропамис. Очевидно, существовали какие-то особые причины отождествления с Кавказом гор страны паропамисадов. Одни исследователи считают, что Кавказ олицетворял в античном мире высочайший хребет и дал свое имя упомянутым горам по причине чрезвычайной высоты последних [Herrmann, 1938, с. 23]. Действительно, Аристобул прямо говорил, что гора Кавказ, через которую шли Александр и его воины, — «выше всех гор в Азии» (Arrian., III, 28, 5 = фр. 23; ср.: Steph. Byz., s.v. Καύκασος). Другие добавляют к этому обстоятельству возможность внешнего созвучия имени Кавказа с местным названием гор страны паропамисадов [Wenger, 1914, с. 23]. Напомним, что Плиний приводит скифское, местное, название Кавказских гор: Croucasis (VI, 50).

Некоторые указания источников позволяют судить и о направлении хребта Паропамиса, названного Кавказом. Мы имеем в виду указания на взаимное расположение Бактрианы и страны паропамисадов — между двумя этими странами на пути Александра и находился интересующий нас горный хребет. Курций, рассказывая по Клитарху о пребывании Александра в стране парапамисадов, определяет местоположение этой страны так: жители ее «с запада (ab occidente) граничат с бактрианами» (VII, 3, 7). Страбон описывает по Аристобулу путь Александра в тех же местах следующим образом. Пребывая в гористой и снежной стране паропамисадов, Александр имел Индию справа, а горные вершины того хребта, через который ему предстояло перейти, — слева (XV, 2, 10). Поскольку Александр здесь двигался в северном направлении, то указание на местоположение хребта, отделявшего его от Бактрианы, «слева» (ἐν ἀριστερᾷ) вполне соответствует указанию Курция на то, что бактрианы обитают к западу от парапамисадов. Но, пересекая этот хребет, Паропамис или Кавказ, и направляясь в северные области и Бактриану, Александр по-прежнему имел Индию справа, а возвращаясь через

перевалы того же хребта — слева (XV, 1, 26). Очевидно, горный хребет, разделявший страну паропамисадов и Бактриану, представлялся здесь тянущимся на северо-восток. Трудно сказать, в какой мере историки Александра отражали здесь реальные наблюдения, а в какой — старую концепцию Кавказа как хребта, поворачивающего на востоке от широтной оси ойкумены к летнему восходу, т.е. к северо-востоку.

Река, отделявшая Бактриану от Согдианы, была названа спутниками Александра Оксом. Историки Александра, судя по Арриану и Курцию, упоминали ее в связи с разными событиями, но главным образом по поводу перехода через Окс македонского войска во главе с Александром (Arrian., III, 29, 2—4; IV, 15, 7; 16, 1; Curt., VII, 5, 13—18; 10, 13, 15).

Арриан, заимствуя у Аристобула [Wenger, 1914, c. 32; Kornemann, 1935, c. 136; Schwartz, 1957, c. 122], говорит, что Окс течет с горы Кавказ, а впадает в «большое море в Гиркании» (III, 29, 2). Описывая Каспийское море, Аристобул, судя по Арриану, говорил о впадающих в него судоходных реках: «От Бактр сюда течет Окс...» (VII, 16, 3 = фр. 54). В этом сообщении о судоходном Оксе и намеке на водный путь от Бактр уже чувствуется влияние новейших данных Патрокла.

Река, отделявшая Согдиану от скифов, считалась Танаисом. Страбон и Плиний прямо говорят, что спутники и воины Александра приняли эту реку за Танаис (Strabo, XI, 7, 4; Plin., VI, 49). Историки Александра, судя по Арриану и Курцию, упоминали ее по поводу некоторых событий, в частности в рассказе о походе Александра на затанаисских скифов (Arrian., IV, 3, 6; 4, 1, 2; Curt., VII, 7, 1). Об этом событии рассказывает и Плутарх, отмечая, что Александр принял за Танаис реку Оксарт (Alex., 45; ср.: De Alex. virt., II, 9). Если это сообщение Плутарх заимствовал из переписки Александра, то возможно, что уже Александру и его спутникам было известно настоящее название реки [ср.: Wenger, 1914, c. 23, 24].

Но современники Александра не отличали эту реку от давно известного эллинам скифского Танаиса. Для них она действительно была «Танаисом в Скифии, впадающим в Меотийское озеро» (Hesych., s.v. Ἰαξάρτης). Арриан с прямой ссылкой на Аристобула говорит: «У этого Танаиса, который, по словам Аристобула, местные варвары называют еще и другим именем, Яксарт[12], истоки находятся на горе Кавказ; и эта река впадает в Гирканское море» (III, 30, 7 = фр. 25; ср.: Itin. Alex., 79). Судя по Арриану, Аристобул среди впадающих в Каспийское море рек называл и Яксарт: «...[пройдя] через [землю] скифов, впадает в это море Яксарт»[13] (VII, 16, 3 = фр. 54). Поскольку, как уже го-

[12] В тексте: Ὀρξάντην.

[13] В тексте: Ὀξυάρτης.

ворилось, в сообщениях Аристобула прослеживается влияние данных Патрокла, то возможно, что о местном названии Танаиса Аристобул тоже узнал от Патрокла. В целом же концепцию Патрокла Аристобул не принял и искал подтверждений для традиционной схемы, распространенной среди современников Александра. Но представления Аристобула соединяет с более новыми данными, включенными в орогидрографическую схему Эратосфена, и сам Арриан. Поэтому Танаис Аристобула впадает у него в Гирканское море. Но след первоначального представления об устье Танаиса в Меотиде все же сохранился у Арриана. Сопоставляя Тавр Эратосфена с Кавказом в трактовке Аристобула (V, 5, 2, 3), он вводит аристобуловский элемент и в описание рек схемы Эратосфена: реки, которые текут с Кавказа, повернувшись на север, впадают у него не только в Гирканское море, но и в Меотийское озеро (V, 5, 4). Здесь явно имеется в виду Танаис.

Следы долгого существования такого представления о Танаисе в античной литературной традиции обнаруживают свидетельства более поздних авторов. По словам Страбона, высказывалось мнение, которому последовал и Феофан, будто Танаис, вытекая из Кавказских гор, направляется сначала на север, а затем поворачивает и впадает в Меотийское озеро (II, 4, 6; XI, 2, 2 = фр. 3). Хотя сам Феофан говорил о «настоящих» Кавказе и Танаисе, авторитеты, которым он следовал, явно имели в виду Кавказ и Танаис современников Александра. То же представление о Кавказе и Танаисе зафиксировано, в несколько трансформированном виде, у Дионисия (14—17, 660—665; ср.: Amm. Marc., XXII, 8, 27). Он также ведет речь о «настоящих» Кавказе и Танаисе, но Кавказскому хребту придает долготное направление. О переносе представлений современников Александра на «настоящий» Танаис свидетельствует и то, что ряд поздних авторов помещает близ последнего алтари Александра [Herrmann, 1932a, c. 2163, 2164].

Изложенная трактовка Танаиса предполагает, как и в предшествующих схемах, отсутствие связи Каспийского, или Гирканского, моря с внешним морем. Но здесь вопрос о природе Каспийского моря решен иначе. Спутникам Александра стало известно, что река, принятая за Танаис, впадает в море, которое они сочли за Каспийское, но, поскольку всем было известно, что Танаис впадает в Меотиду, пришлось связать Каспийское море с Меотидой. Плутарх сообщает, что, когда Александр вышел к морю в Гирканию, вода которого оказалась преснее обычной морской, он не смог собрать точных сведений о нем и решил, что это «разлив» (точнее, «вода, оставшаяся после разлива», ἀνακοπή) Меотийского озера (Alex., 44). Плиний прямо говорит, что о пресной воде Каспийского моря сообщал сам Александр (VI, 51). Видимо, эти сведения восходят к переписке

Александра [Markwart, I, 1946, с. 132], и возводить их к Поликлиту [Sallmann, 1971, с. 244] нет необходимости. Новейшие известия о «Гирканском озере» могли дойти и до Аристотеля, который знал, что вода его годна для питья, хотя и моет одежду своей горечью (Probl. inedit., III, 45).

Именно так представлял себе Каспийское море Поликлит. Утверждения Поликлита в передаче Страбона сводятся к следующему: Меотида сливается с Каспийским морем, которое является озером потому, что в нем водятся змеи и вода пресновата, а составляет единое целое с Меотидой потому, что принимает в себя Танаис, вытекающий как будто с Кавказа (XI, 7, 4 = фр. 7). Соображения Поликлита воспринял Клитарх [Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 441, 490]. Об этом свидетельствует прежде всего аргументация в пользу соединения Каспийского моря с Меотидой в сообщениях Курция и Диодора, восходящих к общему для них источнику, т.е. Клитарху [Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 441], — сообщениях о малой солености воды Каспийского моря и об обитающих в нем змеях и рыбах необычной окраски (Curt., VI, 4, 18; Diod., XVII, 75, 3). Клитарх, судя по Страбону, считал перешеек между Эвксинским Понтом и Каспийским морем настолько узким, что «его затопляют оба моря» (XI, 1,5 = фр. 13), а точнее, Каспийское море и Меотида как часть Понта. Курций в описании Каспийского моря, заимствованном у Клитарха и противопоставленном воззрениям Эратосфена и его последователей, рассказывает, как именно представляли себе слияние «Меотийского болота» с Каспийским морем: «При северном ветре море заливает обширный берег и далеко гонит воды [внутрь земли], но, переполнившись, в большей части застаивается. При другом же состоянии воздуха [оно], стекая обратно, принимает в себя прилив с той же силой, с какой разливалось, и возвращает земле ее естественный вид» (Curt., VI, 4, 19). Аристобул тоже считал Гирканское море внутренним [Jacoby, II, BD, 2, 1927, с. 515] и соединяющимся с Меотидой, хотя и знал о противоположной точке зрения [ср.: Wenger, 1914, с. 122].

С Кавказа, или Паропамиса, текут и другие реки. Такова, видимо, река Бактр. О том, как представлял себе эту реку Клитарх, можно судить по данным Курция. Курций говорит, что она протекает у стен города Бактры (VII, 4, 31), но, поскольку сами Бактры расположены у подножия Паропамиса (VII, 4, 31), можно думать, что и река течет от того же хребта. Возможно, что Аристобул называл эту реку Зариаспой: повествуя о походе Александра, он называл тем же именем город, соответствующий Бактрам других версий [Reuss, I, 1907, с. 591; ср.: Wenger, 1914, с. 111, 113]. Интересно сопоставить с этим данные Патрокла. О «городе Бактры, именуемом также Зариаспой», говорил именно

Патрокл в своем итинерарии, судя по Страбону и Плинию (Strabo, XI, 8, 9; Plin., VI, 45), а о протекающей через указанный город одноименной реке[14], впадающей в Окс, он говорил в описании пути по Оксу, судя по Плинию (VI, 52; ср. VI, 48; Strabo, XI, 11, 2). Конечно, само по себе совпадение приведенных данных Аристобула и Патрокла еще ничего не доказывает, но в контексте других подобных совпадений и оно может свидетельствовать о зависимости Аристобула от Патрокла.

Своеобразие орогидрографической схемы, лежащей в основе представлений спутников Александра о землях Верхней Азии, обусловило и своеобразие вообще всей картины этой части Азии в изображении историков Александра. Спутники Александра еще в Арахосии, на подступах к хребту, принятому ими за Кавказ, были уверены, что находятся недалеко от Понта Эвксинского: судя по Курцию, они считали, что страна арахосиев «простирается до Понтийского моря» (VII, 3, 4). Также и в Бактриане, по ту сторону Кавказа, они увидели признаки близости к Понту: Курций в описании Бактрианы говорит о ветрах, которые «дуют с Понтийского моря», наметая песок, лежащий на равнинах этой страны (VII, 4, 27). Есть некоторые основания возводить указанное описание Бактрианы через Клитарха к Поликлиту; относить его к источнику более позднему, чем время Александра, вряд ли возможно [ср.: Hamilton, 1977, с. 128]. Имеются сведения такого рода и о хорасмиях. Арриан рассказывает, что царь хорасмиев Фарасман явился к Александру во главе большого конного отряда и, заявив о том, что его владения граничат с колхами и амазонками, вызвался напасть на эти народы, покорить и другие племена у Эвксинского моря и быть проводником Александру (Arrian., IV, 15, 4; ср.: Curt., VIII, 1, 8; Iust., XII, 6, 17). Считается, что это сообщение заимствовано у Аристобула [Wenger, 1914, с. 19; ср.: Kornemann, 1935, с. 143, 144]. Амазонки же, как рассказывали Клитарх и заимствовавшие у него Диодор и Курций, обитали вдоль реки Фермодонт, впадающей в Эвксинское море, и в то же время граничили с Гирканией; царица их Фалестрис, владевшая землями между Кавказом и рекой Фасис, пришла «от Каспийских ворот и Фермодонта» к Александру, когда тот находился в Гиркании (Strabo, XI, 5, 4 = фр. 16; Diod., XVII, 77, 1—3; Curt., VI, 5, 24—32; ср.: Iust., XII, 3, 5—7). Возможно, что и это сообщение Клитарх заимствовал у Поликлита [Rabe, 1964, с. 125]. Во всяком случае, Поликлит точно рассказывал о прибытии амазонок к Александру (Plut., Alex., 46 = фр. 8).

---

[14] В рукописях название реки дошло в искаженном виде. У Плиния (VI, 52): Iachrum, Icarum и др. вместо Bactrum. У Солина (XIX, 4): Dalierum, что, может быть, следует читать ad alterum.

Когда спутники Александра подошли к реке, принятой ими за Танаис, и увидели скифов, то решили, что достигли пределов Европы. Ряд признаков убеждал их в этом. В стране за Танаисом они, по свидетельству Курция, нашли плющ (VII, 9, 15). Обнаружив у затанаисских скифов еловые стрелы, они заключили, судя по Страбону, о произрастании в стране за Танаисом еловых лесов (XI, 7, 4; ср.: Curt., VII, 7, 4; 8, 13, 16). И то и другое наблюдения имели немаловажное значение, так как и плющ и ель считались растениями, характерными для Европы [Bretzl, 1903, с. 220—225, 243, 345].

Представление о Танаисе как границе Европы и Азии обусловило и представление о Бактриане как стране, сопредельной с Европой и европейскими скифами. Курций говорит об этом так: «Танаис отделяет бактрианов от скифов, которых называют европейскими. Его течение служит также границей между Азией и Европой» (VII, 7, 2). Далее он поясняет, что упомянутый скифский народ «занимает область, лежащую прямо за Истром, и касается крайних пределов Азии, каковыми являются Бактры. Они населяют [земли], расположенные ближе к северу...» (VII, 7, 4). В другом месте Курций, в речи, сочиненной им самим [ср.: Bardon, II, 1948, с. 265], но вложенной в уста послов европейских скифов к Александру [ср.: VII, 8, 11; 9,1], утверждает от лица этих скифов: «...ты будешь иметь в нас стражей Азии и Европы. Если бы нас не отделял Танаис, мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом мы занимаем земли вплоть до Фракии» (VII, 8, 30). Географические представления, лежащие в основе этих сообщений, характерны для традиции Клитарха [Schwartz, 1957, с. 126; специально о принадлежности Клитарху первого из цитированных сообщений см.: Jacoby, 1921, с. 650]. Сам Клитарх вполне мог бы заимствовать их у спутников Александра, например у Поликлита. Но указание на Танаис как границу Бактрианы говорит о возможности заимствования здесь и у Ктесия, сведения которого Клитарх тоже неоднократно использовал. Бактриана у Ктесия, как и у Курция, — крайняя в Азии страна, а рубежом Азии и Европы в тех местах выступает Танаис (Diod., II, 2, 1—4 = фр. 1b). Впрочем, если под Бактрианой понималась не просто страна, а сатрапия, то на Танаис как ее границу могли указывать и спутники Александра, и Ктесий.

То же представление о Танаисе обусловило разделение скифов на две части: европейских и азиатских. Об этих группах скифов говорят Арриан и Курций (Arrian., IV, 1, 2; 15, 1; Curt., VII, 6, 12; VIII, 1, 7) в сообщениях, заимствованных у Клитарха и Аристобула [Schwartz, 1957, с. 126]. Скифы, обитавшие по правую сторону от Танаиса, считались европейскими, по левую — азиатскими. Показательно, что Курций считает азиатскими скифов, живущих «выше Боспора» (VI, 2, 13), т.е. в глубине матери-

ка к востоку от Боспора и Меотиды, в которую, как представлялось, впадал Танаис. Есть основания полагать, что европейские скифы соответствуют даям других версий, жившим во времена Александра еще к северу от Танаиса-Яксарта, а азиатские скифы — массагетам [Пьянков, 1975в, с. 84].

6. СХЕМА: КАВКАЗ, РЕКИ ОКС, ТАНАИС И ДРУГИЕ. ПОЗДНИЕ ВАРИАНТЫ

Представления о горной и речной системах Верхней Азии, сформировавшиеся во времена походов Александра, продолжали жить среди греческого и македонского населения, осевшего в Азии, и помимо литературной традиции. Дошедшие до нас данные, свидетельствующие об этих представлениях, большей частью фрагментарны и касаются лишь отдельных элементов рассматриваемой схемы.

Это прежде всего данные о Кавказе. Кавказские горы, связанные с Бактрианой и Индией, выступают всякий раз в сообщениях, основанных на современной им живой традиции: у Мегасфена и Деимаха, у Патрокла, Полибия, Аполлодора и Филострата. Кавказ в качестве северного рубежа Индии выступает у Мегасфена (Strabo, XV, 1, 12 = фр. 6с) и Деимаха (Strabo, XV, 1, 12 = фр. 2а), путешествовавших в Индию как послы Селевка I. У того и другого автора горы, служившие рубежом Индии, так или иначе связаны и с Бактрианой. Сомнения в том, действительно ли Мегасфен называл Кавказом горы Индии [Stein, 1931, с. 286], нам кажется, недостаточно основательны. Упоминание Кавказа относится, по-видимому, к прямой цитации Мегасфена в указанном выше фрагменте. Кроме того, Кавказ упоминается в заимствованиях у Мегасфена, сделанных Страбоном (XV, 1, 56) и Плинием (VI, 92). Далее, о Кавказе говорил Патрокл (Strabo, II, 1, 2 = фр. 2), совершивший плавание по Каспийскому морю в период совместного царствования Селевка I и Антиоха I. Наконец, о Кавказе говорится у Филострата в описании путешествия Аполлония Тианского в Индию. Кавказ здесь изображен высочайшей горой, которая отделяет Индию от Мидии — Мидией, видимо, с нарочитой архаизацией названо Парфянское царство, — и тянется на запад, где соединяется с Тавром (Vita Apoll. Tyan., II, 2).

На Кавказ по-прежнему помещали истоки рек: Окса и Танаиса — на северном склоне и, видимо, Инда — на южном. О том, что восточный Танаис продолжали считать рекой, впадающей в Меотиду, свидетельствуют эпизодически появляющиеся в источниках указания на соединение Каспийского моря с Меотидой и на малую ширину перешейка между ними. Из этих представле-

ний исходил Селевк I, когда намеревался, как сообщает Плиний, ссылаясь на императора Клавдия, прорыть канал между Меотидой и Каспийским морем (VI, 31 = фр. 5). Сам Клавдий связывал намерение Селевка с крайне преуменьшенным определением расстояния между Киммерийским Боспором и Каспийским морем в 150 миль (VI, 31 = фр. 5). Много позднее Селевка о перешейке шириной в 1500 стадиев или около того говорил Посидоний (Strabo, XI, 1, 5 = фр. 101), имея в виду как будто перешеек между Меотидой и Каспийским морем [Jacoby, II C, 1926, с. 204; Aly, 1957, с. 93]. И хотя явление, о котором по Клитарху рассказывал Курций в цитированном выше сообщении (VI, 4, 19), Тацит описал по новым источникам более реально (Ann., VI, 33); [см.: Herrmann, 1919, с. 2286; Borzsàk, 1979, с. 29], тем не менее боспорский царь Мифридат, побывавший у савроматов во времена Клавдия, снова сообщал, по словам Плиния, о каком-то «проливе» (или «перешейке», fauces) Каспийского моря, высыхающем при отливе (VI, 17).

В более или менее полном виде рассматриваемая схема в ее поздних вариантах представлена у Полибия и, кроме того, была описана еще одним автором, которым являлся, по всей видимости, Аполлодор.

Схема Полибия

О схеме, лежащей в основе представлений Полибия о Верхней Азии, можно судить главным образом по его описанию Окса и Танаиса. «Апасиаки живут между Оксом и Танаисом. Первая из этих рек впадает в Гирканское море, а Танаис изливается в озеро Меотиду. Обе реки значительны и судоходны... Окс берет начало на Кавказе и, сильно увеличившись в Бактриане благодаря вливающимся в него водам, обильным и мутным потоком несется по равнинной стране. По достижении пустыни Окс...» (X, 48).

Источник этого сообщения Полибия неизвестен. Однако ясно, что он младше современников Александра и независим от них, хотя в цитированном сообщении налицо все характерные признаки схемы, принятой в окружении Александра. Скорее всего данные Полибия восходят в конечном счете к какому-нибудь придворному историографу Селевкидов, который приводит это описание в качестве экскурса к рассказу о бегстве Арсака к апасиакам от Антиоха III (о связи описания с последним событием см. [Бокщанин, I, 1960, с. 203, примеч. 160]). Естественно, что он воспроизвел здесь географические представления азиатских греков своего времени.

Указание на судоходность Окса и Танаиса дает возможность предполагать, что автору описания были известны какие-то па-

раплы этих рек, но тоже явно независимые от тех, о которых говорили Патрокл и Аристобул. Бактриана здесь выступает как «ареал вокруг Окса» [Walbank, II, 1967, с. 263, 264] в отличие от других определений ее как страны, ограниченной Оксом. Апасиаки помещены между Оксом и Танаисом — видимо, в нижнем течении рек. Стефан, говоря об апасиаках как «народе массагетов», повторяет указание Полибия: «Апасиаки — кочевники, и живут они на всем протяжении между Оксом и Танаисом» (s.v. Ἀπασιάκαι).

С апасиаками связано интересное сообщение Полибия о водопаде на Оксе. Полибий говорит о нем по поводу перехода посуху кочевников на лошадях через Окс в Гирканию. О способе переправы их известны были два рассказа, одному из которых Полибий не очень доверяет, а другой считает более правдоподобным. Согласно первому рассказу, Окс встречает в пустыне отвесные скалы и низвергается с них с такой силой, что вода при падении отскакивает от скалы внизу более чем на стадий; апасиаки проходят под водопадом. Согласно второму, Окс, падая со скал, пробивает каменный плоский выступ внизу и на некоторое (небольшое) расстояние уходит под землю, чтобы потом снова выйти на поверхность; апасиаки, пользуясь знанием местности, проходят по не тронутому водой пространству (X, 48); толкование описания см. [Walbank, II, 1967, с. 264].

Сходство первого рассказа о переправе апасиаков с сообщением Страбона, содержащим прямую ссылку на Эвдокса, о переправе под водопадом каких-то гирканских рек (XI, 7, 5) давно уже наводило исследователей на мысль о заимствовании Полибием у Эвдокса. Однако под Эвдоксом в данной связи понимали обычно младшего автора этого имени, Эвдокса Родосского [Wenger, 1903, с. 523, 524; Markwart, I, 1946, с. 135]; такое предположение казалось ранее вероятным и нам [Пьянков, 1975, с. 51, примеч. 19], тогда как более вероятна принадлежность указанного сообщения Страбона Эвдоксу Книдскому. Предполагать же заимствование Полибием у Эвдокса Книдского [ср.: Walbank, II, 1967, с. 263] вряд ли возможно, поскольку этот последний говорил, как мы видели, о водопаде Аракса, а не Окса, а никаких признаков отождествления Аракса с Оксом в античной традиции мы не находим. По этой причине трудно согласиться и с предположением, что водопад, описанный Эвдоксом, был перенесен на Окс просто для того, чтобы объяснить факт перехода номадов в Гирканию, минуя Окс, который, по общему мнению, подкрепленному авторитетом Патрокла, впадал в Каспийское море, отрезая Гирканию от кочевников [Markwart, I, 1946, с. 136; ср.: Бартольд, III, 1965, с. 30]. Не говоря уже о том, что наличие водопада на Оксе противоречит представлению Патрокла о судоходности этой реки вплоть до ее устья, Полибий в рассматри-

ваемом описании совсем не считался с авторитетом Патрокла, когда утверждал, что Танаис, текущий рядом с Оксом, впадает в Меотиду. Видимо, больше шансов за то, что сведения Эвдокса об Араксе и Полибия об Оксе независимы друг от друга.

Танаис изображен у Полибия в полном соответствии со схемой, созданной во времена Александра. И представление Полибия о Каспийском море как замкнутом бассейне [см. об этом: Berger, 1903, с. 523; Junge, 1939, с. 58, примеч. 3; Томсон, 1953, с. 299; Дитмар, 1973, с. 90] согласуется с его же трактовкой Танаиса. Но об истоке Танаиса Полибий в цитированном сообщении умалчивает — и не случайно. Эту тему Полибий затрагивает в другом месте своего сочинения, где он говорит о границах частей света, основываясь на традиционной схеме «земного круга». Границей Европы и Азии он считает реку Танаис, текущую от летнего восхода (III, 37, 4; Strabo, II, 4, 5 = XXXIV, 7, 10). Полибий описывает здесь обычный способ деления ойкумены на части света с помощью рек, но его Танаис — не обычный северный Танаис, а тот, который фигурировал в орогидрографических схемах Верхней Азии. Этого не учитывает Страбон в своей полемике с Полибием (II, 4, 5, 6). Сама схема ойкумены, которая имеется здесь в виду, — это определенно традиционная схема «земного круга» с центром в Элладе, заимствованная Полибием у Эфора [Walbank, I, 1957, с. 368, 369], но вряд ли проекция действительных экватора и тропика [Rehm, 1916, с. 54, 55]. Такую схему имел в виду и Страбон, полемизируя с Полибием (II, 4, 7). В схеме Эфора Индия простиралась на севере до точки летнего восхода (Strabo, I, 2, 28, и Cosm. Indicopl., II, p. 148 = фр. 30). На «древних картах», вариантом которых являлась карта Эфора, пределом Индии в этих местах был, как мы пытались показать, горный хребет, тянувшийся от линии равноденственного востока к точке летнего восхода. Полибий не без оснований признал в этом хребте Кавказ нашей схемы Верхней Азии, где и должен брать начало Танаис. Здесь Полибий отступил от своего образца, так как у Эфора эта река — обычный северный Танаис, берущий начало из некоего озера (Peripl. Pont. Eux., 49, 6 = фр. 159; ср.: Herod., IV, 57).

Как видим, и Кавказ Полибия соответствует Кавказу современников Александра: он поворачивает близ Индии в сторону летнего восхода, с него текут реки Окс и Танаис. Но и в данном случае известия Полибия самостоятельны: он знает об индийском Кавказе из источника, описывавшего поход Антиоха III. Согласно Полибию, Антиох перевалил через Кавказ на пути из Бактр в Индию (XI, 34, 10, 11).

Схема гор и рек Азии, близкая схеме Полибия, но независимая от нее, проступает в некоторых сообщениях Страбона и Плиния. Эти фрагментарные данные мы предположительно возводим к Аполлодору. Относительно Аполлодора, происходившего из Артемиты, можно еще с большим основанием, чем относительно Полибия, полагать, что он выражал взгляды эллинистического населения Азии своего времени.

Горная система Кавказа, имеющая отношение к рассматриваемой схеме, фигурирует в сообщении Плиния о «царствах персов, которые ныне мы знаем как [царства] парфян» (VI, 41, 112). Упомянутые царства лежат на высотах Кавказского хребта между двумя морями, Персидским и Гирканским (VI, 41). Кавказ здесь представляется так же, как и в обзоре персидских сатрапий, завоеванных Александром: это горный хребет, пересекающий Азию и простерший свои отроги по всему материку. Этот Кавказ имеют в виду и некоторые другие сообщения Плиния: о том, что гора Камбалид[15], возвышающаяся над Массабатеной, откуда идет путь в Бактры, является отрогом Кавказа (VI, 134); о том, что независимое племя мардов живет «по Кавказскому хребту до самих Бактр» (VI, 47).

На своеобразие трактовки горной системы Азии в цитированных и других, родственных им сообщениях Плиния и Страбона обратил внимание еще М.Кисслинг. Он правильно отделяет эти представления от взглядов Эратосфена, но предположение этого исследователя о Полибии как их источнике кажется неприемлемым, так как Полибий, когда речь шла о горной системе всей Азии, определенно следовал концепции Эратосфена о Тавре, а его же альтернативное предположение об Артемидоре как источнике можно принять лишь в том смысле, что Артемидор являлся посредником между Аполлодором и Плинием [Kiessling, 1914, с. 492; относительно Полибия в данной связи см. еще: Schmitt, 1964, с. 52—61]. Аполлодор, совершавший далекие путешествия на восток и располагавший сведениями о таких же путешествиях своих соотечественников, был автором итинерария, следы которого еще заметны в цитированных сообщениях Плиния. О Кавказе говорилось и в источниках, использованных Аполлодором для описания исторических событий. Так, Трог, заимствуя у Аполлодора [Altheim, II, 1948, с. 61], сообщает, что держава парфянского царя Мифридата I простиралась «от Кавказских гор до реки Евфрат» (Iust., XLI, 6, 8).

---

[15] Вместо Cambalidus следует читать Cambandus [Marquart, II, 1905, с. 165, примеч. 3].

В традиции Аполлодора, выступающей у Страбона и Плиния, содержится много новых сведений и об отдельных частях горной системы Кавказа. Стефан с прямой ссылкой на Аполлодора приводит оригинальные сведения о горе Паропамисс, близ которой живут паропамиссады (s.v. Παροπάμισσος = фр. 314).

Система рек Верхней Азии, текущих с Кавказа, изображалась Аполлодором, видимо, очень близко к тому, как это делал Полибий. Не случайно Аполлодор [Tomaschek, 1894, с. 2670; Herrmann, 1914, с. 47], судя по данным Страбона, сообщал о бегстве Арсака от Селевка II к апасиакам (XI, 8, 8) — аналогичным образом Полибий говорил о бегстве Арсака к апасиакам от Антиоха III и сопровождал это сообщение описанием Окса и Танаиса. О тех же реках, насколько можно судить по сохранившимся данным, говорил и Аполлодор. Видимо, к Аполлодору, а не к Поликлиту, как иногда полагают [Behr, 1888, с. 14; Marquart, II, 1905, с. 66; Markwart, I, 1946, с. 136, примеч. 2], восходит сообщение Страбона об Оксе и протекающем южнее его Охе, которые отдельными устьями впадают в море в пределах Гиркании (XI, 7, 3; 11, 5).

Восточный Танаис у Аполлодора, по-видимому, так же как и у Полибия, впадает в Меотиду. Известия Аполлодора об этой реке дошли до нас только в рассказах об исторических событиях. Поскольку эти рассказы представлены главным образом у Страбона, которому они были доступны лишь в обработке Посидония, собственные представления Аполлодора об упомянутой реке в них затемнены: Посидоний придерживался иной схемы и не признавал существования восточного Танаиса. Так, Страбон рассказывает о переселении тахаров[16] и других номадов из заречья Яксарта (XI, 8, 2). Общепризнано, что это сообщение восходит к Аполлодору, причем, как убедительно показано некоторыми исследователями, через посредство Посидония [Behr, 1888, с. 19; Markwart, I, 1946, с. 144]. Лишь благодаря Плинию, которому рассказ о том же событии [например: Tarn, 1951, с. 516] был известен через другого посредника, видимо через Артемидора, можно предполагать, что сам Аполлодор говорил о заречье Танаиса (VI, 22). Впрочем, некоторые исследователи думают, что Плиний имел в виду иные события, связанные с настоящим Танаисом [Markwart, II, 1946, с. 304—308; Десятчиков, 1973, с. 143]. Если здесь Посидоний с уверенностью заменил «Танаис» на «Яксарт», то в других случаях заметны колебания. Так, Страбон, передавая рассказ о переселении даев из области «над Меотидой», т.е. из области по Танаису, впадающему в Меотиду, отмечает, что не все согласны с тем, будто какие-то даи жили в тех местах (XI, 9, 3). И в этом сообщении, несомненно восходящем

[16] Так в рукописях: Τάχαροι. Чтение Τόχαροι введено издателями.

к Аполлодору, речь шла о вполне реальном событии — переселении даев из области восточного Танаиса, где их еще застали участники похода Александра [см., например: Wolski, 1969, с. 203; 1969а, с. 263]. Но Посидоний, у которого непосредственно заимствовал Страбон [Behr, 1888, с. 25, 26; Junge, 1939, с. 71], видимо, допускал, что в данном случае имелись в виду настоящие Танаис и Меотида, и потому сомневался в правильности такой локализации даев.

7. СХЕМА: ТАВР, РЕКИ ОКС, ЯКСАРТ И ДРУГИЕ

Данная орогидрографическая схема распространяется на всю Азию. Она включает в себя предшествующую орогидрографическую схему, но с весьма существенными изменениями. Паропамис здесь является частью хребта Тавр, тянущегося через всю Азию. На Паропамисе указаны истоки Окса, Яксарта, Оха, Инда и других рек.

Рассматриваемая схема создавалась в процессе полемики с предшествующей схемой. Постепенно обнаруживалось, что хребет Паропамис весьма удален от настоящего Кавказа, что река, которую принимали за Танаис, ничего общего с последним не имеет, а Каспийское море никак не соединено с Меотидой и Понтом. Все это было установлено разными учеными и путешественниками, и не сразу, но отдельные открытия свел воедино и создал классическую схему Эратосфен. Орогидрографическая схема Эратосфена пользовалась в античности почти общим признанием и послужила основой для многих более поздних схем.

Первым, кто изложил концепцию Тавра как непрерывного хребта, был Дикеарх. Считать, что о ней говорили Аристобул и Неарх [Stein, 1931, с. 283], нам кажется, нет оснований. Агафемер, передающий сообщение Дикеарха о новом способе деления земли, видимо, имеет в виду хребет Тавра, когда говорит, что разграничительная линия проходит через «Карию, Ликию, Памфилию, Киликию и Тавр, последовательно к востоку до гор Имая» (1, 5 = фр. 110).

На какие источники в данном случае опирался Дикеарх? В.Хейдел считает, что Дикеарх воспользовался здесь ионийским представлением о хребте, тянувшемся от Кавказа на восток, якобы вдоль северного края ойкумены, но, исходя из каких-то своих соображений — может быть, основанных на сведениях о климатических условиях, полученных после похода Александра, — перенес этот хребет на широтную ось ойкумены, т.е. на широту Тавра [Heidel, 1937, с. 33, 54, 113; ср.: Дитмар, 1972, с. 42; 1973,

с. 64; 1980, с. 64]. Но ионийский хребет всегда, полностью или частично, помещался на широтной оси ойкумены, хотя представление о самой этой оси у ионийцев было иным, чем у Дикеарха. Хребет, пересекавший Азию, был соединен с Тавром, как мы видели, уже у Каллисфена. Дикеарху, ученику Аристотеля, вряд ли могла остаться неизвестной концепция Каллисфена. Во всяком случае, название Имай свидетельствует, что представление Дикеарха о хребте действительно базировалось на новом материале, добытом во время походов Александра. Новшество Дикеарха, очевидно, заключалось лишь в том, что он приурочил великий азиатский хребет к прямой линии, к широте, проходящей вдоль южных склонов Тавра. А это заставило исключить из упомянутого хребта Кавказ и считать его «началом» Тавр и к тому же помогло представить истинное расстояние от западных оконечностей хребта до Паропамиса и других его восточных частей.

Представления Эратосфена о Тавре переданы нам в том виде, в каком их восприняли Страбон и Арриан. Эти авторы, особенно Страбон, вольно или невольно внесли в положения Эратосфена кое-что от себя. Страбон произвел определенные изменения в материале Эратосфена [Wenger, 1880, с. 196, 197, 246, 247, 318; см. о методе работы Страбона с источниками: Грацианская, 1978, с. 6—14], используя, в частности, данные Полибия, Гиппарха и Посидония. Арриан соединял со сведениями Эратосфена данные Аристобула.

Тавр у Эратосфена и Страбона представляет собой восточную часть диафрагмы (Strabo, II, 1, 22; 31 = фр. IIIB, 2, 3; Strabo, XI, 1, 4). Этим и определяется его место на карте ойкумены. Северный предел Тавра как диафрагмы отмечен параллелью Лисимахии, или Геллеспонта, которая проходит через Мисию, Пафлагонию, Синопу, Амис, Гирканию и Бактры (Strabo, II, 1, 3, 5; 5, 40 = фр. III A, 2, 8, 22). Южный предел отмечен параллелью Родоса, или Афин, которая проходит от Геракловых Столбов через Карию, Ликаонию, Катаонию, Мидию, Каспийские ворота и северную часть Индии вдоль Кавказа (Strabo, II, 1, 1; 5, 39 = фр. III A, 2, 21). Поскольку диафрагма у Эратосфена имела вид вытянутого параллелограмма [Berger, 1880, с. 185, 186], то очевидно, что этот ученый представлял себе хребет заключенным в геометрически правильную форму. Что касается направления хребта, то Эратосфен, как передает Страбон, специально подчеркивал, что цепь гор Тавра на всем протяжении идет почти прямо на восток (II, 1, 1, 2 = фр. III A, 2).

Имеются указания и на длину и ширину Тавра. По Страбону, длина его равна длине всей Азии, т.е. 40 000 или 45 000 стадиев, если считать «от побережья против Родоса до оконечностей Индии и Скифии на востоке»; ширина его во многих местах равна

3000 стадиев (XI, 1, 3). Действительно, Эратосфен и Страбон принимали для Тавра ширину в 3000 стадиев как на западе, где она была приравнена к расстоянию между Исским заливом в Киликии и Амисом или Синопой, так и на востоке, на границе с Индией (Strabo, II, 1, 3 = фр. III A, 2; Strabo, XIV, 5, 22). Возможно, что и эти данные, в частности определение ширины гор на востоке, заимствованы у историков Александра или у Патрокла [Berger, 1880, с. 175]. Но более вероятно, что Эратосфен просто распространил на весь Тавр величину, полученную для участка между Иссом и Амисом. А известие об этой величине Страбон относит к той же группе свидетельств, что и краткое изложение итинерария от Амиса через Колхиду в Гирканию и Бактриану (II, 1, 5). Линия от Киликии до Синопы фигурировала у Геродота (II, 34), Гекатея и Скилака [Jacoby, 1912, с. 2720] и являлась частью древнего ионийского «меридиана» [Heidel, 1937, с. 127, 128]. Следует иметь в виду, что расстояние в 3000 стадиев значительно меньше расстояния между параллелями, которыми сам же Эратосфен отметил пределы Тавра как диафрагмы.

По Арриану, ссылающемуся на Эратосфена, «Тавр начинается от моря около Памфилии, Ликии и Киликии и тянется вплоть до восточного моря, перерезая всю Азию» (Ind., 2, 2 = фр. IIIA, 4); он «идет от мыса Микале, находящегося против острова Самос, перерезает Памфилийскую и Киликийскую землю, доходит оттуда до Армении; от армениев же идет к Индии, вдоль земли парфиеев и хорасмиев. В земле бактров он смыкается с горой Паропамис, которую македоняне, воины Александра, назвали Кавказом... Этот Кавказ простирается до индов и великого моря, лежащего к востоку» (V, 5, 2, 3 = фр. IIIA, 5). Следует заметить, что ссылка на Эратосфена у Арриана не связана непосредственно с цитированными сообщениями, к тому же рядом Арриан называет еще имена некоторых своих авторитетов. Поэтому возникли колебания в определении источника Арриана. В.В.Тарн, например, считает второй из цитированных отрывков заимствованием у «неизвестного автора (Эратосфена?)» [Tarn, 1951, с. 478]. Все же мы думаем, что правы те, кто возводил эти сообщения к Эратосфену [так Schwartz, 1957, с. 144]. Г.Бергер с уверенностью включал их в число фрагментов географического сочинения Эратосфена. Арриан описывает и реки «Тавра или Кавказа»: «Одни из них текут, повернувшись на север, и впадают: некоторые в Меотийское озеро, а некоторые в так называемое Гирканское море, а оно есть залив великого моря. Другие текут к югу: это Евфрат, Тигр, Инд, Гидасп, Акесин, Гидраот, Гифас и прочие [реки], находящиеся между ними и Гангом, которые тоже впадают в море или разливаются по болоту и исчезают, как исчезает река Евфрат» (V, 5, 4, 5).

По Страбону, «Тавр тянется от вершин Памфилии к восточному морю у индов и [живущих] там скифов» (II, 5, 31); он опоясывает всю Азию и «оканчивается у восточного моря между Индией и страной скифов, живущих за Бактрианой» (II, 5, 14); начинаясь у Памфилии и Киликии, Тавр простирается на восток непрерывной цепью, так что если «идти от Гирканского моря на восток, то справа будут горы, тянущиеся вплоть до Индийского моря», к северу от которых живут сначала гелы, кадусии, амарды и некоторые из гирканиев, затем народы парфиеев, маргианов и ариев, а за областью ариев следуют Бактриана, Согдиана и скифские кочевники (XI, 8, 1). Реки текут с Тавра, по словам Страбона, «в противоположных направлениях: одни в северную область, другие в южные, — так по крайней мере сначала, хотя потом некоторые поворачивают на восток и запад» (XI, 1, 4).

Из каких источников заимствовал Эратосфен в данном случае? Общую концепцию он, очевидно, взял у Дикеарха. Но Эратосфен опирался и на другие источники. Обосновывая свое положение о том, что горы тянутся по прямой линии с запада на восток, Эратосфен приводил сведения многих авторов (Strabo, II, 1, 2, 3 = фр. III A, 2), в основном Патрокла, но кроме него и других, так как, по словам Страбона, он прочитал много ученых сочинений (имея под руками Александрийскую библиотеку), в которых излагались факты, засвидетельствованные людьми, побывавшими на месте (II, 1, 5).

Эратосфен основывался прежде всего на данных Патрокла. Этому автору принадлежал итинерарий, хорошо известный Эратосфену; в нем описывался путь от Диоскуриады до горы Каспий (Strabo, II, 1, 39 = фр. III B, 65) и затем от горы Каспий до города Бактры и реки Яксарт (Strabo, XI, 8, 9 = фр. III B, 20; Plin., VI, 45 = фр. III B, 21). Указанный итинерарий и послужил Эратосфену источником при описании Тавра. На итинерарий намекает уже сама манера описания в цитированном сообщении Страбона: «Если идти на восток, то справа будут...» (προιόντι ἐπὶ τὴν ἕω δεξιὰ μὲν ἐστι) (Strabo, XI, 8, 1). Сообщение Патрокла о пути через Бактры вплоть до Яксарта действительно было истолковано — но еще самим Эратосфеном, а не Страбоном — так, будто в нем описывался путь, проходящий прямо с запада на восток. Об этом свидетельствует вся картографическая схема Эратосфена.

Но среди сочинений, использованных Эратосфеном, были и труды Гекатея, основанные на свидетельствах путешественника Скилака [Пьянков, 1972, с. 5—7]. В качестве одного из доказательств своего тезиса о Тавре Эратосфен приводил краткое изложение итинерария (Strabo, II, 1, 3 = фр. III A, 2), отнесенное Страбоном к числу свидетельств, не принадлежащих Патроклу (II, 1, 5). Выше мы цитировали его как фрагмент итинерария

Скилака в связи с описанием древнейших представлений о горах и реках Верхней Азии. В нем прямо говорилось о горах, и Эратосфен, конечно, использовал эти сведения. Использование Эратосфеном данных Скилака и Гекатея в описании гор подтверждается цитированным выше сообщением Арриана (V, 5, 2, 3). Еще В.В.Тарн обратил внимание на то, что это сообщение отражает условия эпохи до Александра [Tarn, 1951, с. 478—480]. Действительно, оно восходит к Гекатею и повторяет порядок перечисления племен, принятый в итинерарии Скилака: миды, парфиеи, хорасмии, бактрийцы [Пьянков, 1972, с. 7—9]. Вполне соответствуют данным Гекатея и Скилака также цитированные сообщения Страбона (II, 5, 14, 31), согласно которым на крайнем востоке за бактрийцами живут скифы, а напротив скифов, по другую сторону гор, — инды.

Тавр проходит через земли многих народов. Эратосфен, описывая Тавр, следует, как мы видели, в основном двум традициям. Согласно одной из них, восходящей к Патроклу, Тавр в восточной своей части связан с гирканиями, тапирами, ариями, затем Бактрианой, Согдианой и, наконец, скифами (Strabo, XI, 8, 1; 10, 1; XI, 8, 8 = фр. III B, 63). Все эти народы, кроме тапиров, Эратосфен представлял себе расположенными вдоль северной стороны Тавра, последовательно друг за другом в направлении с запада на восток. Согласно другой традиции, восходящей к Гекатею, Тавр в восточной части проходит через страны мидов, парфиеев, хорасмиев, бактриев и, наконец, отделяет скифов, живущих за Бактрианой, от индов (Arrian., V, 5, 2, 3 = фр. III A, 5; Strabo, II, 5, 14, 31). По данным Гекатея, указанные народы тоже связаны с горами и обитают последовательно один за другим в направлении с запада на восток. Поэтому попытка М.Кисслинга истолковать сообщение Арриана так, будто парфиеи помещены в нем к югу от гор, хорасмии — к северу, а между ними, в самих горах, — пропущенные Аррианом гиркании [Kiessling, 1914, с. 486, 487], кажется неудачной [Пьянков, 1972, с. 7, примеч. 39]. Страбон считает жителями гор паропамисадов, парфиеев, мидов, армениев и другие племена (II, 5, 32) и размещает в пределах гор такие страны, как Парфия, Мидия, Армения (XI, 1, 4; 12, 4).

Части Азии, разделенной Тавром, носили каждая свое название, показывавшее их положение относительно хребта. Страбон говорит, что эллины называют часть материка, обращенную к северу, лежащей «внутри», или «по эту сторону» (ἐντός) Тавра, а часть, обращенную к югу, лежащей «вне», «по ту сторону» (ἐκτός) Тавра (II, 5, 31; XI, 1, 2). Но Страбон, происходивший из Амасии в Понте, отражал точку зрения не всех эллинов, а лишь тех, которые жили к северу от Тавра. Для подданных Селевкидов оба названия имели значения, несомненно, прямо обратные тем,

которые приписывал им Страбон. У самого Страбона выражение «вне» (ἔξω) Тавра дважды употреблено в смысле, противоречащем его собственной позиции (XI, 9, 2; 11, 6), причем в первом случае Страбон определенно имел в виду «страны от Гиркании до Согдианы», а во втором указание на Бактриану и ее соседей очень вероятно [Schmitt, 1964, с. 71, 72, 160]. Думают, что эти случаи объясняются влиянием Аполлодора, у которого Страбон заимствовал. Аполлодор, живший в Артемите в Вавилонии, действительно мог бы определить местоположение упомянутых стран подобным образом, но ему, по-видимому, была чужда Эратосфенова концепция Тавра. Скорее, прямым источником Страбона здесь являлся Посидоний, через посредство которого он и получил сведения Аполлодора. Посидоний тоже происходил из мест к югу от Тавра, из Апамеи, находившейся недалеко от столицы Селевкидов, а кроме того, воспринял представление Эратосфена о Тавре.

Вся разделенная Тавром Азия ориентирована у Эратосфена по ветрам: сам Тавр простирается от Зефира до Апелиота, северная половина Азии обращена к Борею, южная — к Ноту (Arrian., V, 6, 1 = фр. IIIA, 6). Естественно, что, по Страбону, северные части Азии, открытые к Борею, — холодные, а южные, обращенные к Ноту, теплые (ср. XI, 1, 4). Вообще, по словам Варрона, Эратосфен разделил всю землю на две половины «в полном согласии с природой» (De re rust., I, 2, 3 = фр. IIIA, 1). Ясно, что здесь имеются в виду прежде всего различия половин по степени тепла [Berger, 1903, с. 78; Tozer, 1935, с. 67]. Возможно, что и в этом отношении он противопоставлял свой принцип деления ойкумены распространенному в его время делению на три части света и в какой-то мере возродил древний ионийский способ деления ойкумены на две части света, северную и южную [Berger, 1903, с. 435, 436; Junge, 1939, с. 51; Ельницкий, 1961, с. 51]. Однако схема Эратосфена не имеет ничего общего с принадлежащим Гекатею делением ойкумены на части света. Если Эратосфен действительно обосновывал свое деление ойкумены фактом произрастания ели в Верхней Азии, в частности в северной, горной Индии (Strabo, XI, 7, 4), [см.: Bretzl, 1903, с. 233, 234], то он, очевидно, отрицал традиционное представление, разделявшееся и Гекатеем, согласно которому ель как растение, любящее холод, произрастает только в Европе и прибрежной Нижней, но не Верхней Азии, — представление, где Европа и Азия противопоставляются, скорее, как запад и восток.

Представление Эратосфена о Тавре восприняли не только Страбон и Арриан. Концепцию Тавра заимствовали и многие другие античные писатели, в том числе Полибий [Walbank, II, 1967, с. 236], для которого Эратосфен вообще был авторитетом в вопросах, касающихся географии Азии. О Тавре, изобилующем

ключами, в сохранившихся частях сочинения Полибия упоминается в связи с пустынной местностью между Мидией и Гекатомпилом (X, 28, 4). Название «Тавр» здесь введено в материал, явно не имеющий к Эратосфену никакого отношения. Видимо, Полибий и в других случаях, в частности в описании западных частей горной системы Азии, обильно дополнял концепцию Эратосфена материалом из других источников. Источники эти неизвестны [Walbank, 1972, с. 121, примеч. 130]. Предполагают, что это были данные Каллисфена [Pédech, 1964, с. 568—570] или какого-то автора, писавшего в период между Эратосфеном и Полибием [Schmitt, 1964, с. 59, 60]. Но как именно совмещал Полибий схему Эратосфена с дополняющими ее данными — остается неясным [ср.: Kiessling, 1914, с. 462, и Schmitt, 1964, с. 52—61].

Тавр делится на много частей, более или менее четко отделенных одна от другой, которые, согласно Арриану, ссылающемуся на Эратосфена, и Страбону, тянутся, принимая то одно, то другое название (Arrian., Ind., 2, 3 = фр. III A, 4; Strabo, XI, 1, 4; 8, 1). Западные части Тавра Страбон описывает (XI, 12, 2, 4), вряд ли близко следуя Эратосфену. Но о самой восточной из этих частей, Парахоафре, тянущейся от Армении мимо Мидии и Каспийских ворот примерно до Арии, Страбон говорит (XI, 8, 1; 12, 4), видимо, с учетом данных Эратосфена (ср. XI, 8,8 = фр. III B, 63).

Согласно Арриану, ссылающемуся на Эратосфена, и Страбону, в земле бактрийцев или ариев Тавр смыкается с горой, простирающейся вплоть до восточного моря, которую македоняне называли Кавказом, а варвары — Паропамисом, Эмодом, Имаем и другими именами (Arrian., Ind., 2, 3 , 4 = фр. III A, 4; Anab., V, 5, 3 = фр. III A, 5; Strabo, XI, 8, 1). Страбон заимствовал сведения о Кавказе тоже у Эратосфена: в другом месте, описывая Индию, он прямо ссылается на Эратосфена, когда снова говорит о крайних частях Тавра, которые македоняне называли Кавказом, а местные жители — Паропамисом, Эмодом и Имаем (XV, 1, 11 = фр. III B, 6). Страбон же, возможно опять по Эратосфену, называет эти горы Индийскими (XI, 5, 5). Страбон говорит и о том, что Имай, самая крайняя часть Тавра, выдается мысом Тамар в море у Индии, хотя не все признают существование такого мыса (XI, 11, 7). Последнее замечание, видимо, относится к Посидонию, поскольку в этом месте своего сочинения Страбон вообще излагает Эратосфена с поправками по Посидонию. Сам Эратосфен взял данные о Кавказе, возможно, у Неарха; Арриан, рассказывая по Неарху о природе Индии, приводит тот же перечень соответствующих Кавказу местных названий: Парапамис, Эмод и Имайская гора (Ind., 6, 4); [см.: Schwartz, 1957, с. 154; Paassen van, 1957, с. 272]. Видимо, Кавказ, связанный с Бактриа-

ной и Индией, у Неарха был более локален, чем у его современника Каллисфена. Понятно, что Эратосфен предпочел именно такую трактовку Кавказа, открытого спутниками Александра.

Ясных указаний на то, как делятся на части сами Кавказские, или Индийские, горы, в источниках нет. О расположении Паропамиса можно судить лишь по следующему сообщению Страбона, и здесь заимствующего у Эратосфена: южные части горы Паропамис относятся к Индии и Ариане, из северных же те, которые к западу, принадлежат бактриям, а те, которые к востоку, — варварам, соседним с бактриями (XV, 2, 10). Страбон по этому поводу замечает, что взаиморасположение областей вокруг горной страны легче понять, если проследить путь Александра, преследовавшего Бесса, через Ариану и Бактриану и затем возвращение его обратно (XV, 2, 10). Конкретный материал, использованный Страбоном с этой целью (XV, 1, 26; 2, 10), восходит к Аристобулу. Но так же поступал и Эратосфен, используя тот же материал [ср.: Bunbury, II, 1959, с. 311]. Имеются и прямые свидетельства использования Эратосфеном сообщений о переходе Александра через Кавказ в стране паропамисадов на пути в Бактры (Strabo, XV, 2, 9). Характерно, что Эратосфен, вступая в противоречие с собственной концепцией Тавра, помещал Бактриану «слева» (πρὸς ἀριστερόν)[17] от страны паропамисадов (Strabo, XV, 2, 9 = фр. III B, 23) — так же, как это делали историки Александра.

Вокруг Кавказа, или просто Индийских гор, преимущественно вокруг Паропамиса, и группируются элементы, знакомые нам по предшествующей схеме. Но теперь они выглядят совсем по-другому. Изменения в представлениях о них тесно связаны с историей общих географических воззрений античности.

Предшествующая схема строилась на том, что Каспийское море является замкнутым бассейном, хотя и сливающимся периодически с Меотидой. А это представление, в свою очередь, хорошо сочеталось с континентальной теорией. Вопрос о природе Каспийского моря вообще часто бывал связан в античности с общим представлением об ойкумене, выраженным или в континентальной, или в морской теории. К морской теории античная география обычно возвращалась всякий раз после более или менее значительного и известного плавания по «внешним» морям; об одном из таких случаев мы уже говорили, рассматривая историю создания карты Агриппы.

Морская теория и соответственно представление о Каспийском море как заливе океана были выработаны задолго до походов Александра. Но Александр и его спутники отдавали предпочтение континентальной теории. Перелом наступил после

[17] Издатели принимают чтение πρὸς ἄρκτον, «к северу».

выхода Александра через устья Инда в Океан и особенно после плавания Неарха по Эрифрейскому морю. Александр убедился в справедливости морской теории, а в связи с этим у него появились сомнения и в правильности прежних представлений о Каспийском море. Разрешить сомнения должно было предприятие, описанное Аррианом: Александр послал Гераклида в Гирканию строить флот, чтобы узнать, соединяется Каспийское море с Понтом или с великим [внешним] морем (Arrian., VII, 16, 1, 2). Смерть Александра, видимо, помешала осуществлению этой экспедиции.

Тем временем вновь возобладали прежние, привычные для окружения Александра представления о Каспийском море. Из них, очевидно, и исходил Селевк в своих планах о соединении Каспийского моря с Меотидой. В связи с этим опять встал вопрос об исследовании Каспийского моря. О новой экспедиции, как бы продолжившей дело Гераклида, сообщает Плиний: Селевк и Антиох поручили ее Патроклу (VI, 58; ср.: Strabo, II, 1, 6). Но Патрокл, специально подчеркивавший свое знакомство с документами архива Александра (Strabo, II, 1, 6 = фр. 1), видимо, a priori признал доказанным тезис о Каспийском море как заливе Океана, распространенный к концу жизни Александра, и во время своего плавания «подтвердил» его. К тому же незадолго до этого плавания Демодам, тоже посланный Селевком и Антиохом, переправился через Яксарт, принятый Александром и его воинами за Танаис, и показал, что это иная река. Данные Демодама должны были еще больше убедить Патрокла в правоте указанного тезиса. Показательно, что закаспийские реки Патрокл называл только Оксом и Яксартом, а не Оксом и Танаисом.

Таковы в общих чертах условия, послужившие предпосылкой для сформулированной Эратосфеном локальной орогидрографической схемы, к рассмотрению которой мы переходим [ср.: Neumann, 1884, с. 182, 183; Berve, 1942, с. 186; Bunbury, I, 1959, с. 573, 574].

Эратосфен взял за основу положения Патрокла. В качестве главной, наиболее полной формулы, в которой выражены представления Эратосфена о реках северного склона Индийских гор, можно принять следующие слова Страбона: «Ведь из тех самых Индийских гор, из которых текут Ох, Окс и многие другие [реки], вытекает и Яксарт и впадает, подобно им, в Каспийское море, [будучи] самой северной из всех [этих рек]» (XI, 7, 4). Хотя эти слова Страбон цитирует в связи с обсуждением географических взглядов Поликлита, их нельзя возводить, как мы уже отмечали, к этому автору (как думает, например, И.Маркварт [Marquart, II, 1905, с. 66; Markwart, 1938, с. 4]). О взглядах Поликлита Страбон говорит, излагая текст Эратосфена, в который последний вводил и собственные положения. К числу таковых

относятся и цитированные слова. Характерно, что здесь говорится об Индийских горах, а не о Кавказе. С южных склонов Кавказа, согласно Эратосфену, текут индийские реки, в том числе Инд (Strabo, XV, 1, 13 = фр. III B, 12), причем Инд течет именно с Паропамиса (Arrian., V, 4, 1 = фр. III B, 13).

Сообщение Эратосфена, дополняющее указанную формулу, касается устьев Окса и Яксарта. Эратосфен приводил это сообщение один раз от себя: от устья реки Окс до Яксарта — 2400 стадиев (Strabo, XI, 6, 1; Plin., VI, 36 = фр. III B, 68); а другой раз с прямой ссылкой на Патрокла: устья рек Окс и Яксарт отстоят друг от друга приблизительно на 80 парасангов (Strabo, XI, 11, 5 = фр. 6). Страбон там же приводит и оценку парасанга: 60, 30 или 40 стадиев (XI, 11, 5). Из сравнения цифр Эратосфена и Патрокла видно, что Эратосфен выбрал второе соотношение. Однако, конечно, не исключено, что сам Патрокл мог иметь в виду иное значение парасанга [ср.: Berthelot, 1930, с. 223]. Плиний в указанном месте (VI, 36), ссылаясь, как и Страбон, на Эратосфена, тем не менее говорит об устье реки Zoni, а не Окса; весьма проблематичен вопрос, имеем ли мы здесь дело просто с искажением текста или, как иногда полагают, Эратосфен действительно приводил два названия, одно из которых, Zonos или Zonius (=Сарний), являлось будто бы настоящим местным названием реки, отождествленной Патроклом с Оксом [Marquart, 1901, с. 221, примеч. 1, ср. с. 320; Kiessling, 1914, с. 464, 467].

Направление течения Окса и Яксарта, принятое в схеме Эратосфена, давно уже было правильно определено: реки текут с Индийских гор, или Кавказа, тянущегося в строго широтном направлении, сначала на север, а потом на запад [Berger, 1880, с. 319, 320; Junge, 1939, с. 49, 50]. Именно Окс и Яксарт имеет в виду Страбон, когда, характеризуя систему рек Эратосфеновой концепции Тавра, говорит, что некоторые из рек сначала текут на север, а потом поворачивают на запад (XI, 1, 4).

Завершает характеристику рассматриваемой схемы сообщение Эратосфена, переданное Страбоном, которое касается размещения племен относительно гор и рек нашей схемы: «Саки и согдианы противолежат Индии всей [своей] территорией, бактрии же — небольшой частью, так как бóльшая часть [их земли] расположена вдоль Паропамиса. Река Яксарт отделяет саков от согдианов, а Окс — согдианов от бактриев» (XI, 8, 8 = фр. III B, 63). Последнее утверждение Страбон повторяет еще раз в другом месте своего сочинения: Согдиана «расположена выше Бактрианы к востоку, между рекой Окс, которая разграничивает [страну] бактриев и [страну] согдиев, и Яксартом. Этот последний разграничивает также согдиев и номадов» (XI, 11, 2). К югу от хребта, согласно Эратосфену, Инд разделяет Индию и Ариану (Strabo, XV, 1, 10 = фр. III B, 6; Arrian., V, 6, 3; Ind., 3, 2 =

фр. III B, 9, 10). Каким бы странным ни казалось на первый взгляд такое взаиморасположение народов [ср.: Junge, 1939, с. 50; Савицкий, 1941, с. 9, 10; Дьяконов, 1954, с. 123], оно не случайно и является частью тщательно разработанной схемы. Саки и согдианы здесь «всей территорией» (τοῖς ὅλοις ἐδάφεσιν) противопоставлены Индии — эти слова, дополняемые другими данными, позволяют заключить, что в схеме Эратосфена страны согдианов и саков были расположены прямо на восток друг за другом и за Бактрианой и размещены между верхними, долготными участками Окса и Яксарта, вдоль горного хребта, отделявшего их от Индии [Berger, 1880, с. 320].

Для объяснения происхождения таких своеобразных представлений предложена альтернатива: они возникли или в окружении Александра, или выработаны Эратосфеном, хотя признается, что в обоих случаях они явились результатом логической дедукции, а не реальных наблюдений [Bernard, Francfort, 1978, с. 6]. Согласно первому объяснению, спутники Александра представляли себе истоки Окса и Яксарта по аналогии с притоками Окса, текущими с юга на север, а функции границ Бактрианы и Согдианы, которые эти реки имели в своем среднем течении, они обобщили и распространили их до истоков [Bernard, Francfort, 1978, с. 6, 7]. Но такое объяснение не очень согласуется со схемой Эратосфена, а главное, противоречит представлению о северо-восточном направлении Кавказа, принятому в окружении Александра. Более вероятно, что линии рек и размещение народов определены самим Эратосфеном. От историков Александра и из других источников он узнал, что Окс и Яксарт текут с Кавказа и служат границами Бактрианы, Согдианы и саков. Восприняв от Дикеарха концепцию Тавра, пролегающего прямо на восток вплоть до Индии и включающего в себя Индийский Кавказ, он должен был поместить истоки Окса и Яксарта на одной и той же широте Кавказа, а связанных с этими реками Бактриану, Согдиану и саков — вдоль Кавказа и напротив Индии, друг за другом и тоже примерно на одних широтах. Это был основной фактор, определивший контуры схемы Эратосфена, но к нему могли присоединяться и подкреплять его и другие соображения [ср.: Markwart, 1938, с. 179; I, 1946, с. 140].

Любопытно, что та же схема проступает в следующем сообщении Плиния: «Этот народ [бактрийцы] занимает противоположную сторону горы Паропамис против истоков Инда и ограничивается рекой Окс[18]. По ту сторону [находятся] согдианы, город [Мара]канды и Александрия на крайних пределах их

[18] Издатели обычно принимают чтение Ocho. Но среди вариантов чтения этого слова есть Oxo. Такого чтения требует контекст сообщения (о написании этого слова и построениях, основанных на чтении Ocho, см. [Пьянков, 1982, с. 36, 37]).

[земли], основанная Александром Великим». Далее следует река Яксарт, «которую скифы зовут Силис, а Александр и его воины приняли за Танаис»; через него переправился Демодам, «которому, — говорит Плиний, — мы главным образом и следуем в этом [описании]». Наконец, «по ту сторону [Яксарта] живут скифские народы», они же саки (VI, 48—50). Здесь налицо все характерные черты схемы Эратосфена: Паропамис, являющийся рубежом бактрийцев; Окс, отделяющий бактрийцев от согдийцев; Яксарт, отделяющий согдийцев от саков; Инд, текущий с противоположной стороны Паропамиса. Если к Демодаму действительно восходит все это сообщение [Ельницкий, 1961, с. 142, 143], то можно считать, что уже Демодам сформулировал прообраз схемы Эратосфена, содержащий основные ее элементы. До Эратосфена он мог дойти через посредство Патрокла.

Окс в цитированных сообщениях рисуется следующим образом. Начало он берет в Индийских горах, именуемых Кавказом. Но находятся ли его истоки именно в Паропамисе или в более восточных участках горной цепи — не вполне ясно (ср.: Strabo, XI, 8, 8 и XV, 2, 10). Сначала он течет на север, затем на запад и впадает в Каспийское море. Сведения об Оксе Эратосфен получил от историков Александра и из более поздних источников, но главным образом от Патрокла. О заимствовании Эратосфеном у Патрокла описания пути по Оксу и Гирканскому морю прямо говорится в источниках (Strabo, XI, 7, 3). У Патрокла взяты [например: Gisinger, 1949, с. 2265—2268] вместе со всем периплом Каспийского моря также сведения Эратосфена об устье Окса: побережье гирканов тянется «вплоть (μέχρι) до устья реки Окс» (Strabo, XI, 6, 1 = фр. III B, 68; ср.: Plin., VI, 36), а «по другую сторону (ἐπὶ θάτερα δὲ μέρη) гирканов» живут дербики (Strabo, XI, 8, 8 = фр. III B, 63).

В верхнем, долготном, течении Окс служит границей между Бактрианой и Согдианой. Страбон и еще в одном месте своего сочинения говорит, что Окс отделяет Бактриану от Согдианы (II, 1, 15). В широтном течении Окс ограничивает Бактриану. Далее он протекает по скифским землям. Эратосфен в связи с этим сообщал: арахоты[19] и массагеты «живут рядом с бактриями, на запад [от них], вдоль (παρά) Окса» (Strabo, XI, 8, 8 = фр. III B, 63). Здесь Эратосфен заимствовал у историков Александра, из рассказов о событиях, связанных с бегством к массагетам и хорасмиям Спитамена и Бесса (ср. XI, 8, 8 и 11, 6).

Основываясь на цитированных сообщениях, можно составить общее представление и о Яксарте. Он берет начало тоже в Ин-

---

[19] Относительно упоминания здесь арахотов и предложенных исправлениях этого слова см.: [Пьянков, 1977, с. 55]. О других чтениях, из которых самым удачным нам кажется Χωρασμίους, см. [Berger, 1880, с. 318, 319].

дийских горах, или Кавказе, восточнее Окса, и впадает тоже в Каспийское море, севернее Окса. Страбон дает еще и такую общую характеристику этой реки: «Яксарт от начала до конца отличен от Окса и впадает в то же море» (XI, 11, 5). И эти слова заимствованы у Эратосфена: Х.Бергер даже относит их к числу фрагментов его сочинения (фр. III B, 69). Сведения о Яксарте Эратосфен получил из тех же источников, что и сведения об Оксе. Известно, что он цитировал итинерарий Патрокла, в котором говорилось о реке Яксарт, «до которой дошел Александр» (Strabo, XI, 8, 9; Plin. VI, 45). Очевидно, сам Патрокл основывался здесь на данных о походе Александра, но учитывал и более новые данные Демодама, называвшего реку Яксартом.

В верхнем, долготном, течении Яксарт отделяет Согдиану от саков. Страбон еще однажды говорит об этой пограничной функции Яксарта, пересказывая сообщение Аполлодора о кочевниках, вторгшихся в Бактриану. Как уже отмечалось выше, сам Аполлодор, по-видимому, называл пограничную реку Танаисом. Но Страбон говорит, что кочевники пришли «из заречной области Яксарта, [лежащей] напротив саков и согдианов, которая была занята саками» (ἀπὸ τῆς περαίας τοῦ Ἰαξάρτου τῆς κατὰ Σάκας καὶ Σογδιανοὺς, ἣν κατεῖχον Σάκαι) (XI, 8, 2). Этот не очень вразумительный текст толковался по-разному. Прежде всего неясно, где обитали те саки и согдианы, напротив которых находилась заречная область Яксарта. Так, В.В.Тарн склоняется к тому, что здесь идет речь о саках и согдианах левобережья Яксарта [Tarn, 1951, с. 291, 534], а Б.А.Литвинский, наоборот, помещает этих саков и согдианов на правобережье Яксарта [Литвинский, 1972, с. 171]. Но не имеем ли мы здесь стандартное для Страбона определение Яксарта как рубежа между согдианами и саками, лишь затемненное небольшой неточностью текста? Возможно, что первоначально в тексте говорилось о Яксарте, «[протекающем] напротив саков и согдианов» (τοῦ κατὰ Σάκας καὶ Σογδιανοὺς), т.е. протекающем так, что саки остаются по одну его сторону, а согдианы — по другую. В таком случае, Страбон просто вставил здесь Эратосфеново определение Яксарта, принятое им как аксиома, в изложение сведений, восходящих к Аполлодору. Страбон и в других случаях сопровождает упоминания о Яксарте таким определением. Кстати, в одном из них это определение вместе со всей речной схемой Эратосфена, касающейся Окса и Яксарта, тоже добавлено к данным Аполлодора (XI, 11, 2); [см.: Tarn, 1951, с. 80].

Об Охе говорится лишь в одном из цитированных сообщений. Ох, как и Окс, течет с Индийских гор и впадает в Каспийское море (Strabo, XI, 7, 4). Считается, что этот Ох протекает через Гирканию и Несею, впадая в море южнее Окса отдельным от него устьем, и что сведения об этой реке вместе со всем упо-

мянутым сообщением восходят к Поликлиту [Behr, 1888, с. 14; Marquart, II, 1905, с. 66; Markwart, 1938, с. 4]. Античные источники дают противоречивую информацию об Охе, которая и современными исследователями толкуется неоднозначно [обзор проблемы см.: Sturm, 1937, с. 1769; Вязигин, I, 1946, с. 39—41; Olshausen, 1970a, с. 228, 229]. Еще Страбон сопоставлял разные, не согласующиеся между собой известия об Охе (XI, 7, 3; 11, 5). Среди современных исследователей правы, как нам кажется, те, которые считают, что в античных источниках под одним названием «Ох» скрываются две разные реки [Herrmann, 1914, с. 33; Khlopin, 1971, с. 141—143; Хлопин, 1983, с. 35—38]. Сведения об одной из них принадлежат традиции Аполлодора, о другой — традиции Аристобула. Ох Аристобула — это река, о которой Страбон говорит, что она протекает через Бактриану и впадает в Окс (XI, 7, 3; 11, 5); [Behr, 1888, с. 13; Markwart, 1938, с. 3]. К этой традиции определенно относится и рассматриваемое известие об Охе; сообщение Страбона построено так, что оно отнюдь не обязывает понимать впадение Оха в море именно как впадение отдельным от Окса руслом. Аристобул в данном случае, видимо, и послужил источником Эратосфена.

Исследователи, возводившие рассматриваемое известие об Охе к Поликлиту, считали, что такое происхождение сведений об Охе, впадающем в Каспийское море, позволяет предполагать пребывание македонян Александра в Несее, через которую протекала названная река [Marquart, II, 1905, с. 66]. В действительности же источником сведений об Охе в эпоху Александра был Аристобул. Он, видимо, описывал эту реку как очевидец, опираясь на свои наблюдения, сделанные во время похода из страны паропамисадов в Бактриану и в период пребывания в Бактриане. На свидетельство очевидца, например, похоже заявление о том, что Ох имеет шесть или семь стадиев ширины (Strabo, XI, 11, 5). Все это придает рассматриваемым сведениям об Охе особую ценность.

8. СХЕМА: ТАВР, РЕКИ ОКС, ЯКСАРТ И ДРУГИЕ. ПОЗДНИЕ ВАРИАНТЫ

Орогидрографическая схема Эратосфена представлена у ряда поздних авторов в обработке с характерными изменениями, указывающими на единый их источник. Мы думаем, что и в этом случае автором обработки был Гиппарх. Сама обработка в дошедших до нас источниках представлена двумя вариантами: один — в традиции Посидония, другой — в традиции Агриппы. В каждом из них на общую схему, предположительно восходя-

щую к Гиппарху, наслаиваются и свои модификации, свойственные лишь данной традиции. Так, Посидоний, видимо, дополнял основу данными Аполлодора.

Предметом обсуждения была для Гиппарха прежде всего концепция Тавра, созданная Эратосфеном. Гиппарх, принимая линию от Столбов Геракла до Киликии, полемизировал с Эратосфеном по поводу направления гор «от Киликии до Индии» и предлагал оставить линию гор «кривой», какой она была на «прежних картах» (Strabo, II, 1, 11 = фр. 14). Очевидно, Гиппарх был знаком и с материалами, использованными Эратосфеном, и с ионийскими «древними картами». Но он располагал и другими источниками, которые также противоречили выводам Эратосфена. Гиппарх считал, что данные Патрокла, на которые в основном опирался Эратосфен, не очень достойны доверия, так как им противоречат данные многих других свидетелей, и потому впредь до получения новых сведений, основанных на астрономических наблюдениях, не следует исправлять изображения гор на древних картах (Strabo, II, 1, 4 = фр. 12; II, 1, 11 = фр. 14); [см.: Dicks, 1960, с. 124, 125]. Из числа авторов, использованных Гиппархом для опровержения Эратосфена и Патрокла, Страбон называет лишь Деймаха и Мегасфена (II, 1, 4), известных и Эратосфену, но Гиппарх пользовался и многими другими свидетельствами, не дожидаясь пассивно поступления астрономических данных, а стремясь, по всей видимости, найти подтверждение своим взглядам в оригинальных работах, в частности в итинерариях.

У поздних античных авторов концепция Тавра засвидетельствована в двух вариантах: один из них представлен в традиции Посидония, т.е. у Дионисия, другой — в традиции Агриппы, т.е. во фрагментах работы самого Агриппы и в сочинениях Мелы, Плиния и некоторых других авторов. В обоих вариантах Тавр охарактеризован очень близко. В общем, эта характеристика исходит из представлений Эратосфена, но вносит в них существенные коррективы. Та и другая традиции подчеркивают, что Тавр во многих местах извилист, что от него отходят во всех направлениях отроги. Общей для них является и весьма своеобразная трактовка собственно Кавказа как долготной ветви Тавра. Во всех этих моментах, нам кажется, нельзя не видеть влияние утверждений Гиппарха относительно линии Тавра. Как Гиппарх трактовал собственно Кавказ — неизвестно, но есть намеки на то, что в области Армении он отодвинул хребет Тавра на более северные широты (ср.: Strabo, II, 1, 29 = фр. 22); [см.: Berger, 1880, с. 174; Томсон, 1953, с. 296], а это позволяло соединить Тавр с Кавказом (ср.: Strabo, XI, 2, 15).

Первый вариант. Дионисий говорит о горе, которая прошла «по середине всей Азии», от Памфилиды до индов; «то кривой и

изогнутой, то снова прямой ее находят, Тавром (Ταῦρος, букв. „бык") ее именуют, ибо проходит она, островершинная, словно бык, там и тут ветвясь вытянутыми хребтами»; с Тавра «текут с грохотом бесчисленные реки», одни в сторону Борея, другие — Нота, третьи к Эвру и Зефиру, и невозможно назвать все их имена (638—646). Одной из ветвей Тавра является Кавказ. Евстафий и схолии, черпая, видимо, у более ранних схолиастов, опиравшихся в своих толкованиях на карту, приложенную к тексту Дионисия, поясняют, что Кавказ — это отрог Тавра, самая северная его часть, которая достигает Кронийского моря и переходит близ него в Рипейские горы (Eustath. Dion. Per., 663; Schol. Dion. Per., 7, 666).

В основе этого сообщения Дионисия, как и других многих его сообщений, лежат материалы Посидония, которому были известны сочинения и Эратосфена и Гиппарха [Laffranque, 1964, с. 131, 132, 175]. Великий азиатский хребет здесь, как и у Эратосфена, носит название Тавр и имеет те же функции делителя материка и водораздела. Явная близость этих данных представлениям Эратосфена побудила Х.Бергера даже прямо отнести рассматриваемое сообщение к числу фрагментов Эратосфена (фр. IIIA, 7). Но оно является одним из элементов общего теоретического вклада Эратосфена в географическую картину мира, выработанную Посидонием. Зато конкретно Посидоний представляет себе Тавр совсем не так, как Эратосфен: если у Эратосфена хребет вытянут по прямой линии и приближается по форме к параллелограмму, то у Дионисия он извилист и ветвится длинными отрогами. Здесь Посидоний ближе к Гиппарху и, возможно, заимствует у него: видимо, не случайно определение хребта, «кривой» (λοξής), совпадает у Гиппарха и Дионисия (640).

Слегка изогнутый хребет, mons Taurus, проходящий через Азию начиная от Армении, изображен и на карте Пейтингера (XI, 5 — XII, 3). К западу от Гирканского моря, между этим хребтом и Океаном, показаны отдельные горы (XI, 2 — 5), изображающие, видимо, части Кавказа [об этих горах см.: Miller, 1916, с. 849]. Во всяком случае, они точно соответствуют отдельным горам той ветви Тавра, которая соединяет Тавр с Рипейскими горами (ср.: Mela, I, 109; Plin., V, 99). О Тавре знает и Равеннат: на востоке самые крайние горы Тавра достигают пределов ойкумены (I, 12, 6), а на западе Кавказ, огибая Каспийское море, соединяется с Римфейскими горами (II, 20, 6).

Второй вариант. Агриппа также говорил о Тавре. Этот хребет и у него пересекает всю Азию, проходя на севере вдоль Армении и прикаспийских народов вплоть до Серского океана (Plin., VI, 37; Div., 18; Dim., 6 = фр. 23), а на юге вдоль Месопотамии (Plin., VI, 137; Div., 22; Dim., 3 = фр. 30), Мидии, Парфии и, может быть, Арианы (Plin., VI, 137; Div., 23; Dim., 2 = фр. 31), а

также Индии вплоть до Серского или Эойского океана (Plin., VI, 57; Div., 24; Dim., 1 = фр. 32). И Кавказ у него является северным отрогом Тавра, достигающим Скифского океана, что видно по следующим данным: «хребты Кавказа» тянутся между прикаспийскими народами, с одной стороны (Plin., VI, 37; Div., 18; Dim., 6 = фр. 23), и Сарматией, Скифией, Таврикой — с другой (Plin., IV, 91; Div., 15; Dim., 9 = фр. 22), от Тавра и Понтийской провинции до Океана. Не случайно часть Тавра, ограничивающая с севера Мидию и другие страны, названа «Кавказским Тавром» (Tauro Caucasio, Plin., VI, 137 = фр. 31): эта часть, возможно являвшаяся северной ветвью мидийского Тавра [Klotz, 1931, с. 70], непосредственно переходила в Кавказ. И замена Кавказа на Тавр в качестве восточной границы Сарматии, Скифии и Таврики (Dim., 9 = фр. 22) совсем не произвольна [как думает Klotz, 1931, с. 59, примеч. 1]: этим подчеркивается, что Кавказ является частью Тавра.

Описание Тавра у Мелы и Плиния принадлежит к числу тех их сообщений, которые явно имеют общий источник, но в то же время не обнаруживают сплошных текстуальных совпадений между собой и описывают свой объект вполне самостоятельно, что заставляет признать их источником не текст, а карту. Мела говорит о хребте так: «Сам Тавр, поднимаясь у Эойских берегов, возвышается достаточно сильно и тянется оттуда на запад непрерывной цепью, правая сторона которой обращена на север, а левая — на юг; этот хребет служит границей, отделяющей одни большие народы от других; разделив землю, он уходит в море» (I, 81). И далее: «Поднимающиеся отсюда (в местностях около Фасиса. — *И.П.*) горы тянутся длинным хребтом до соединения с Рифеями; они одной стороной обращены к Эвксину, Меотиде и Танаису, а другой — к Каспийскому морю; их называют Кераунскими...» (I, 109). В том же духе описывает хребет Плиний. Тавр у него «тянется от Эойских берегов, где он впервые поднимается от Индийского моря», до Хелидонийского мыса, Ликии и Памфилии (V, 97). Тавр — это хребет «огромный сам по себе и зритель бесчисленных народов, правой стороной обращенный к северу, [начиная с того места], где он впервые поднимается от Индийского моря, а левой — к югу. В своем устремлении на запад он разрезал бы пополам всю Азию, если бы при его нападении на земли ему не оказали сопротивление моря. Поэтому он делает прыжок на север и, повернув, старается проложить широкий путь, причем природа словно с умыслом противопоставляет ему море — то Финикийское, то Понтийское, то Каспийское и Гирканское, и напротив — Меотийское озеро. Сдавленный в этих тисках, он извивается и все-таки победоносно достигает своими изгибами родственных хребтов Рипейских гор» (V, 97, 98). Об этом отроге Тавра, направленном на север, справа от

которого — Гирканское и Каспийское моря, а слева — прибрежные места Эвксина и Меотиды, Плиний говорит и более подробно, отмечая, что общее его название у греков — Керавнский хребет (V, 99) и что поворот к Рипейским горам «хребты Кавказа» делают в понтийской области Колика у Фасиса (VI, 15).

Сходство цитированных сообщений Мелы и Плиния, указывающее на использование ими одного и того же источника, давно уже обращало на себя внимание. Одни исследователи считали этим источником «Хорографию» Агриппы, другие — сочинение Варрона. А.Клотц, возражая против первого предположения, почему-то считал, что Агриппа трактовал Тавр иначе, чем Мела и Плиний, — он якобы отделял от Тавра Кавказ [Klotz, 1906, с. 62, примеч. 4; ср. 1931, с. 425]. Приведенные здесь материалы показывают, что как раз весьма своеобразная трактовка связи Тавра с Кавказом является общей для Агриппы, Мелы и Плиния. Д.Детлефсен и вслед за ним некоторые другие ученые полагали, что драматизм и динамический стиль изложения характерны для перипла Варрона, а описание Мелой и Плинием рек, гор и берегов, отличающееся такими чертами, является заимствованием из этого перипла. Действительно, цитированные здесь сообщения Плиния являются образцом такого стиля и Тавр изображен в них в виде ползущего чудовища [Sallmann, 1971, с. 224]. Но, как сейчас показано, нет необходимости приписывать этот стиль Варрону — он был характерен для латинской литературы как раз времен Мелы и Плиния [Sallmann, 1971, с. 120, 121, 221—225]. Следует заметить, что в своей итоговой работе о Плинии Д.Детлефсен вообще отказался определить общий источник рассматриваемых сообщений Мелы и Плиния [Detlefsen, 1909, с. 88]. Мы думаем, что, во-первых, сама природа соответствий между цитированными сообщениями Мелы и Плиния и, во-вторых, совпадение характерных деталей и имен в данных Агриппы, с одной стороны, Мелы и Плиния — с другой, в том числе совпадение в таком специфическом моменте, как изображение Кавказа в виде северного отрога Тавра, свидетельствуют в пользу того, что источником всех этих сведений явилась работа Агриппы, и в частности его карта.

О частях Тавра, отдельных его хребтах, особенно на востоке горной цепи, сведения в источниках довольно неопределенны. В первом варианте, в традиции Посидония, связного описания частей всего Тавра вообще нет. Лишь на карте Пейтингера вдоль восточного участка Тавра, ограничивающего с севера Индию, надписано: mons Imeus (XII, 3). Другие хребты, о которых обычно сообщается как о частях Тавра, здесь выступают как отдельные горы. Больше сведений на эту тему во втором варианте, в традиции Агриппы. Интересующие нас данные Мелы и Плиния

указывают на тот же источник, из которого они черпали и другие сведения о Тавре, т.е. на карту. На карте, с которой они списывали, были, видимо, обозначены и части хребта, и горные проходы, «ворота». И Мела и Плиний говорят, в общем, об одних и тех же частях и проходах, но Мела называет «ворота» среди частей — в том порядке, в каком те и другие значились на карте, а Плиний перечисляет части и проходы отдельно. Мела знает следующие части хребта к востоку от Каспийских ворот: Тавр на крайнем востоке, затем Гемод, Кавказ и Пропанис (I, 81). Тавр здесь появился, наверное, лишь потому, что на карте, использованной Мелой, надпись Taurus стояла у восточного конца хребта как общее его наименование. Соответствующие части у Плиния: Имай, Эмод, Паропанис; описывая западные части, Плиний прибегает к образному сравнению их с руками, которые хребет выпускает, чтобы дотронуться в разных местах до морей (V, 98). В другом случае Плиний, рассказывая о горной стране на севере Индии, говорит о «непрерывной цепи, образованной Имавом, Гемодом, Паропанисом и Кавказом» (VI, 60).

При сопоставлении всех этих сообщений можно заключить, что в их общем источнике были названы следующие горы: Имай, Эмод, Паропанис. Но Солин, имевший возможность консультироваться с картой Агриппы независимо от Мелы и Плиния, дает названия только двух из этих гор: Имай, Паропанис (XXXVIII, 12). Эмод здесь выпадает. Создается впечатление, что Имай, составляющий прямое продолжение Паропаниса, с одной стороны, Эмод — с другой, образуют две ветви на востоке Тавра. Действительно, Плиний прямо говорит, что Имай является «отрогом» (promunturium) Гемодских гор (VI, 64) — поскольку последние образуют у него границу Индии (VI, 56), то именно они считаются продолжением главного хребта.

На карте, которой пользовались Мела и Плиний, фигурировали два горных мыса: Там и Табис. Мысом Tamus оканчивался в Индии Тавр (Mela, III, 68, 70). В этом названии нетрудно распознать мыс Тамар Эратосфена и Страбона [Herrmann, 1932, с. 2092; 1938, с. 50]. Другой хребет, возвышавшийся над морем, Tabis, был, видимо, изображен простирающимся севернее Тавра и параллельно ему (Mela, III, 59; Plin., VI, 53). Как Там является концом Имая, расположенного на той же линии, что и весь Тавр, так Табис, видимо, заканчивает северную ветвь азиатского хребта. Относительно истории появления Табиса на карте было высказано два суждения. Согласно одному из них, это название является искажением слова Τάπουρα — названия гор, в действительности никак не связанных с морским побережьем [Herrmann, 1932b, с. 2273; 1938, с. 33; Ельницкий, 1961, с. 172]. Согласно другому, известия о Табисе обязаны реальному знакомству с восточноазиатским побережьем и были использованы

уже Эратосфеном [Treidler, 1956a, с. 790, 791]. Первое суждение кажется нам более вероятным. Что касается отношения этих известий к Эратосфену, то можно определенно сказать, что на карте Эратосфена места Табису не было. Указанные два мыса также не могли быть тождественны друг другу [как думает Bunbury, I, 1959, с. 666; II, 1959, с. 364, 414, примеч. 8]. Табис далеко отстоит от Тама (Mela, III, 60); чтобы достигнуть его, нужно пройти примерно половину того побережья Азии, которое обращено на летний восток (Plin., VI, 53); между Тавром и Табисом живут серы (Mela, III, 60; Plin., VI, 54).

Характерной чертой Тавра в традиции Агриппы является изгиб линии хребта в восточных его частях, между Бактрианой и Индией, на северо-восток. Но так же изображали хребет «древние карты», одобренные Гиппархом. Сам Гиппарх подразумевал под «кривизной» хребта такой же поворот на северо-восток; взаимное расположение Бактрианы и Индии на его карте, как мы пытались показать выше, позволяет предполагать, что изгиб хребта Гиппарх локализовал тоже между указанными странами. Вместе с тем в традиции Агриппы наряду с главным хребтом фигурировала ветвь, продолжавшая прежнее направление гор прямо на восток. Видимо, автор этой схемы, следуя обычному в античной традиции методу компромисса, пытался совместить «древние карты» с картой Эратосфена и оставил Имай на прежнем месте в качестве отрога основного хребта, пересекавшего Азию. Ранее, реконструируя систему климатов Агриппы, мы сделали вывод, что на карте Агриппы «области по другую сторону Имая» располагались в одной широтной полосе с областями, простиравшимися вдоль северных склонов Паропаниса. Заключение, к которому мы здесь пришли, вполне согласуется с этим выводом.

Индийский Кавказ занимает неопределенное положение среди других восточных частей Тавра: в цитированных перечнях место его неодинаково, иногда он и вообще отсутствует. Возможно, что этот Кавказ и в традиции Агриппы понимался так же, как в традиции Эратосфена, т.е. служил общим обозначением для трех восточных частей Тавра, а именно Паропаниса, Эмода и Имая. Дионисий говорит о Кавказе, который образует северную сторону Индии, изображенной в виде ромба (1134), и с которого течет Инд, образующий западную сторону индийского ромба (1091); Кавказ же, видимо, является и северной стороной Арианы (ср. 714). И Равеннат говорит о горах Кавказа, достигающих вместе с Тавром пределов ойкумены (I, 12, 6).

Паропанис, или Пропанис, у Мелы и Плиния является, видимо, самым западным из трех восточных хребтов Тавра. Об этом хребте Мела и Плиний говорят еще в описании Индии как о месте истока реки Инд. Мела: «Инд вытекает из горы Паро-

парнас»[20] (III, 69). Видимо, Мела сохранил подлинное название, под которым хребет фигурировал в его первоисточнике [ср.: Markwart, I, 1946, с. 129, примеч. 3]. Плиний: «Инд течет с хребта горы Кавказ, именуемого Паропанисом, напротив восхода Солнца» (VI, 71). Изолированное упоминание о том же хребте имеется и у Дионисия, но это упоминание не дает возможности судить об отношении хребта к горной цепи Тавра или к системе рек востока ойкумены. Именно Дионисий говорит о многочисленных племенах ариенов, т.е. арианов, обитающих «близ ущелья Парпаниса» (1097). Указание на «ущелье» (πτυχή), возможно, намекает на итинерарий как источник данного сообщения. Отдельный хребет Paropanisos изображен к югу от Тавра и на карте Пейтингера (XII, 3, 4). На этом хребте берет начало один из истоков Ганга, но, поскольку изображение Ганга на карте вообще искажено [Miller, 1916, с. 847], данному показанию нельзя придавать большого значения.

Эмод, или Гемод, у Мелы и Плиния расположен восточнее Паропаниса. Об этом хребте Мела говорит как о месте, где берет начало река Ганг: «многочисленные истоки» Ганга находятся на горе Гемод (III, 68). И Плиний передает, что Ганг начинается в Скифских горах, принимая девятнадцать притоков (VI, 65). Поскольку Эмод отделял Индию от Скифии, то он вполне мог входить в состав «Скифских гор». Но Плиний соединил эти сведения, взятые из общего с Мелой источника, с данными другого источника. У Дионисия Эмод упомянут как хребет, с которого реки Гипанис и Магарс текут в Гангетийскую область (1145–1147). Отдельный хребет Lymodus показан к югу от Тавра и к востоку от Паропаниса и на карте Пейтингера (XII, 4, 5). С южной ветви этого хребта текут реки Paleris и Aunes, т.е. Акесин. И у Равенната реки Aunes и Parelis упомянуты вместе (II, 1, 3). Но Дионисий упоминает и гору Οἰμωδόν, с которой течет река Окс (747, 748). Безымянный хребет как место истока Окса показан к северу от Тавра и на карте Пейтингера (XII, 4, 5).

Мы думаем, что представление об Эмоде рассматриваемой схемы сложилось из разных компонентов. Во-первых, это данные об индийском Эмоде. О нем знали уже современники Александра. Об этом хребте упоминает Страбон в рассказе об одном эпизоде из походов Александра в Индию; судя по его данным, Эмод находился где-то в районе верховьев Гидаспа и Акесина (XV, 1, 29). Но Эмодом и Имаем тогда называли одни и те же горы. Впервые Мегасфен стал различать Эмод и Имай, понимая под ними два разных хребта [Kiessling, 1905, с. 2502, 2503; Herrmann, 1938, с. 24; ср.: Мандельштам, 1957, с. 30]. Возможно, что на Эмоде он помещал истоки Ганга и что именно к нему

[20] В тексте: Caroparnaso.

восходят данные общего источника Мелы и Плиния об этом предмете (ср.: Arrian., Ind., 4, 3). И Артемидор, судя по Страбону, считал Эмод местом истока Ганга (XV, 1, 72). Во-вторых, данные о другом Эмоде, находившемся в районе верховьев Окса. В традиции Посидония, как мы видели, оба эти Эмода еще различаются. Но в традиции Агриппы они, по-видимому, слились. Об аналогичном процессе как будто свидетельствуют данные Мегасфена, изложенные Диодором. Этот последний автор, определяя границы Индии, говорит, что на севере Эмод отделяет Индию от «Скифии, которую населяют скифы, известные как саки» (II, 35, 1 = фр. 4). В другом месте тот же автор, перечисляя страны, окружающие Индию, называет рядом скифов и бактрианов (II, 37, 5 = фр. 4). По-видимому, Мегасфен совместил два разных Эмода: настоящий, индийский, и другой, скифский, близ которого и обитали саки. Ставя рядом саков и бактрианов, Мегасфен мог исходить, например, из того факта, что по землям тех и других протекает Окс: у первых — в верховьях, у вторых — ниже по течению.

Система рек рассматриваемых вариантов свидетельствует о существенных изменениях, внесенных в первоначальную схему. Первый вариант, традиция Посидония, целостного представления об этой системе не дает. Здесь о реках говорится лишь в связи с упоминанием какой-либо области или народа. Более полно схема рек изложена во втором варианте, в традиции Агриппы. Собственно, схема как таковая представлена только у Мелы: «Яксарт и Окс, [протекая] через пустыни Скифии из местностей сугдианов, впадают в Скифский [залив]; первый велик благодаря своему истоку, второй еще больше вследствие впадения других [рек]; некоторое время устремляясь с востока на запад, он первый раз поворачивает близ дахов и, обратив течение на север, открывает устье между амардами и песиками» (III, 42). Остальные сведения относятся к отдельным рекам этой схемы.

Устье Окса Мела, как видим, выводит в Скифский залив Каспийского моря. В другом месте Мела, описывая Каспийское море и три его залива, говорит, что у одного из них, Скифского, живут амарды и пестики; по одну сторону от этих народов у Гирканского залива находятся гирканы, по другую, уже у пролива Каспийского моря, — дербики (III, 39). Перипл Каспийского моря, воспроизведенный Мелой, построен в своей основе на данных Патрокла. Но эти данные представлены у Мелы в почти неузнаваемом виде. Причина этого не в искажениях, обусловленных списыванием с карты, как иногда полагают [Ельницкий, 1962, с. 174], а в том, что перипл Патрокла, видимо, уже в источнике, общем для Агриппы и Посидония, подвергся обработке. По периплу Патрокла, устье Окса должно бы находиться

между гирканами и дербиками. Но в процессе обработки гирканы были отождествлены или сближены с иберами (Mela, I, 13; III, 41; ср.: Dion. Per., 695–700) и перемещены на запад, так что ближайшими к устью Окса слева оказались амарды [Markwart, I, 1946, с. 133, 134]. Песики, или пестики, первоначально принадлежали описанию Окса, восходящему к другому источнику, и попали в перипл вместе с данными об устье Окса.

Окс, согласно Меле, впервые поворачивает близ дахов. В другом месте Мела говорит, что дахи обитают «выше скифов и скифских пустынь» (I, 13), т.е. глубже на материке, дальше от Океана и его пустынных берегов, чем остальные скифские племена. Повернув на север, Окс, как говорит Мела, «открывает устье (os aperit)». Важным дополнением к описанию этого участка Окса является следующее сообщение Плиния: «...дребики, страну которых пересекает река Окс, вытекающая из озера Оакс; сирматы, окситтаги...» (VI, 48). Окситтаги, обитатели окрестностей озера Оакс [Marquart, II, 1905, с. 26, 27; ср. иное заключение этого ученого, сделанное им под влиянием своих же совершенно искусственных построений: Markwart, 1938, с. 84, примеч. 2], помещены здесь, как говорилось в предшествующей главе, на одних широтах с сирматами, т.е. к северу от параллели, проходящей примерно посередине между Оксом и Яксартом. Выражение «река Окс, вытекающая (ortus) из озера Оакс» до сих пор понималось, насколько нам известно, как указание на действительный исток Окса. Но возможно и другое объяснение. Озеро Оакс здесь расположено явно к северу от основного течения Окса. Не является ли оно тем местом, куда, по словам Мелы, впадает Окс, повернув на север? Вытекая из этого озера, река и пересекает страну дребиков. Лишь после этого Окс, как сообщает Мела, впадает в Скифский залив между амардами и пестиками. Скифский залив назван и Плинием (VI, 38), но это одно из очень немногого, что осталось у него от перипла Каспийского моря, общего с Мелой.

Дионисий, рассказав о бактрах и соседних племенах (733–745), продолжает: «За ними к северу [живут] хорасмии, за которыми [простирается] земля Сугдии, через [всю] середину ее катится священный Окс, который, покинув гору Эмод, впадает в Каспиду» (746–748). Похоже, что названные здесь хорасмии, земля Сугдии и гора Эмод образуют ряд, направленный снизу вверх по течению Окса. Если он весь ориентирован «на север» (πρὸς βορέην) по отношению к бактрам, то течение Окса здесь является широтным. Как мы видели, и Мела считает, что Окс течет сначала с востока на запад. Все это свидетельствует о весьма существенном изменении исходной схемы, т.е. схемы Эратосфена, и в то же время вполне соответствует представлениям Гиппарха и Посидония, которые мы пытались реконструировать

в предшествующей главе. Несколько необычное утверждение Дионисия, будто Окс катится «через [всю] середину земли Сугдии», перекликается с сообщением Мелы о том, что Окс течет «из областей сугдианов» [Markwart, I, 1946, с. 127]. Но у Дионисия Окс течет с горы Эмод. Мы объясняем это противоречие так: первоначально истоки Окса были показаны и на горе Эмод, и в «областях сугдианов»; Дионисий принял за основной первый исток; Мела счел основным второй исток, а первый у него, видимо, попал в число притоков Окса. На карте Пейтингера Окс изображен как река, впадающая в Гирканское море и текущая прямо с востока на запад, с какого-то хребта (XII, 2—5), в котором справедливо видят Эмод [Miller, 1916, с. 849]. И Равеннат упоминает Окс среди рек, текущих по Гиркании (II, 8, 4).

Первоначальное представление об Оксе, которое легло в основу схемы и традиции Агриппы, и традиции Посидония, мы думаем, оставило свой след у Плиния в его конспективном описании заяксартской Скифии по данным Демодама (VI, 50). Здесь в перечне скифских народов выделяется группа племен, Astacae, Rumnici, Pestici, явно объединенных по тому признаку, что все они обитали вдоль рек, впадающих в Каспийское море с севера и востока [ср.: Markwart, II, 1946, с. 302]. Пестики, согласно Меле, жили близ устья Окса. Если пестики были жителями устья Окса, то логично допустить, что названные сразу же после них Homodoti упомянуты в качестве обитателей области истока Окса. Флакк, использовавший общий с Плинием источник, среди скифских племен и местностей называет Emoda (другие чтения: Eumeda, Oemeda) (VI, 143). Очевидно, в этом источнике упоминались и гора Эмод, или Гемод, и ее обитатели гомодоты. У Авиена в его переводе сочинения Дионисия для Hemodi как названия горы, дающей начало Оксу, отмечено разночтение Hemodoontis (1351). Не заменил ли Авиен название горы названием племени, выглядевшим в его источнике примерно как Hemodontes? Авиен и в данном случае мог воспользоваться картой, сопровождавшей сочинение Дионисия.

Дополнительные сведения о Яксарте имеются только в традиции Посидония. Дионисий, описав Окс, продолжает: «За ним по течению Яксарта обитают... саки» (749, 750). Выражение Дионисия «по течению (προχοῆσιν) Яксарта» стало предметом различных толкований. Хотя вообще слово προχοή значит «устье», но большинство ученых в данном случае переводит его как «течение» [см. по этому поводу: Markwart, I, 1946, с. 148; Григорьев, 1871, с. 33, тоже переводит «по течению»]. В переводе Присциана саки занимают «поля (arva) близ реки Яксарт» (726). Но у Авиена смысл существенно изменен: «Где исчезает устье этой реки [Окса], берега населяют... яксарты» (929), т.е. под ре-

кой имеется в виду Окс, а настоящее название реки истолковано как племенное имя. В действительности саки обитали, скорее, у истоков Яксарта. И здесь, как и в случае с Оксом, наблюдается несоответствие данных Дионисия с данными Мелы: у последнего, как мы видели, Яксарт берет начало в «областях сугдианов». Но и это противоречие, видимо, тоже объясняется наличием истоков Яксарта и в стране саков, и в «областях сугдианов». Мела хотя и не говорит о первом истоке, но его сообщение о саках на северо-восточной окраине ойкумены (III, 59), несомненно, имеет в виду область этого истока. В источниках как будто имеется намек сразу на оба указанных истока Яксарта. Стефан, упоминая об Александрии в Сакасене, говорит, что «ее обтекает река Яксарт» (s.v. Ἀλεξάνδρεια). Поскольку река «обтекает» (παραρρεῖ) Александрию, можно думать, что в районе Александрии, несколько ниже ее, сливаются два истока Яксарта, между которыми и находится упомянутый город (ср. предположение о возможности именования Яксартом левого притока той же реки: [Горбунова, 1976, с. 28, 29]; но в целом с изложенной здесь концепцией мы не можем согласиться). Сведения Стефана могут восходить к карте Дионисия или к какому-нибудь сочинению, например к «Бассарика», где использован близкий «Периегесе» материал.

На карте Пейтингера место Яксарта занимает река Nigrinum. Она течет с безымянного хребта прямо на запад, параллельно Оксу, к северу от него, и впадает в Гирканское море (XII, 2–4). У хребта, близ северо-восточной окраины ойкумены, помещены Sagae Scythae (XII, 4), т.е. саки. Но Xatis Scythae, т.е. яксарты [Marquart, 1901, с. 221], показаны у истоков Окса (XII, 4, 5). И Равеннат указывает реку Nigrinus (II, 8, 4; 12, 11), но наряду с ней называет и Яксарт (II, 8, 4). Как Яксарт стал Нигрином? Мы думаем, что прав И.Маркварт, реконструировавший первоначальную форму названия реки на карте как Chrinum и сближавший ее с Chrinnorum Иордана [Markwart, I, 1946, с. 133]. Иордан, упоминая о реке Танаис, разделяющей Азию и Европу, замечает, что «есть еще и другой [Танаис], который, начинаясь в горах хриннов, впадает в Каспийское море» (45). Если Иордан заимствовал эти сведения у Трога [Marquart, 1893, с. 522], то через Трога они могут восходить к Посидонию. В пользу этого предположения говорит уверенность, с какой восточный Танаис отделен от настоящего, и, следовательно, знание того факта, что восточный Танаис — это Яксарт. Посидоний же, видимо, был обязан здесь, как и в других случаях, когда упоминался восточный Танаис, Аполлодору. Безымянные горы, изображенные на карте Пейтингера как место истока Нигрина, очевидно, и есть «горы хриннов», название которых в процессе копирования было

принято за название реки. Не исключено, что само племенное имя Chrinni является искажением первоначального Chunni, Χοῦννοι [ср.: Скржинская, 1960, с. 74].

Орогидрографическая схема традиции Агриппы представлена у двух поздних авторов, Оросия и Гонория, в весьма модифицированном виде, причем в некоторых случаях заметно, что отклонения от первоначальной схемы являются общими для этих авторов. Мы думаем, что географические представления Оросия и Гонория основаны на новой редакции карты Агриппы, произведенной по распоряжению императора Феодосия.

Схема Оросия

От орогидрографической схемы, которую имел в виду Оросий, осталось лишь описание великого азиатского хребта, Кавказа, содержащее, впрочем, и указания на истоки рек, берущих начало на этом хребте. Оросий начинает описание с обоснования своего тезиса, согласно которому началом хребта является собственно Кавказ, а не Тавр (I, 2, 36–38). Затем он описывает части хребта: сам Кавказ; Акрокеравнские горы; «от истока Тигра до города Харры между массагетами и парфами гора Ариобарзан; от города Харры до города Катиппы между гирканами и бактрианами гора Мемармал, где растет амом; ближайший к ней хребет зовется горой Парфау; от города Катиппы до селения Сафри между дахами, сакарауками и парфиенами гора Оскобар, где начинается река Ганг и растет ласер; от истока реки Ганг до истока реки Отторогорра, который на севере, где горные паропамисады, — гора Тавр; от истоков Отторогорра до города Отторогорра между хунами-скифами и гандаридами гора Кавказ; крайняя же между эоями и пассиадрами — гора Имав, где река Хрисороя и мыс Самара принимаются Восточным океаном» (I, 2, 39–46). Те же данные Оросий имеет в виду, когда говорит о рубежах отдельных частей Азии (I, 2, 13–20).

Приведенное сообщение, несомненно, является описанием карты [Marquart, 1901, с. 221, примеч. 1], а именно карты Агриппы в современной Оросию редакции. К этой же карте восходят и другие данные географического раздела работы Оросия. Но материал Оросия свидетельствует о значительных дефектах представленной в нем традиции. Примером вытекающих из него нелепостей служит то, что бактрийцы оказываются западнее парфиенов. Трудно сказать, чем объясняются эти дефекты: неудачным расположением текстового материала на карте, использованной Оросием, или какой-то путаницей в записях, копирующих этот материал.

Названия отдельных гор Кавказского хребта — от «Ариобарзан» до «Оскобар» — и пунктов, между которыми они прости-

раются, — от «Харры» до «Сафри» — списаны с итинерария, наложенного на карту Агриппы много времени спустя после ее создания — может быть, в процессе упомянутого пересмотра карты, предпринятого Феодосием. Эти названия представляются органической частью итинерария, и потому предположение, будто некоторые из указанных названий, наоборот, с карты попали в итинерарий [Miller, 1916, с. 794], кажется нам неубедительным. Тот же самый итинерарий был нанесен на карту Кастория, откуда скопирован автором карты Пейтингера и списан Равеннатом. В обоих случаях итинерарий был слабо связан со своим картографическим «фоном», который к тому же принадлежал двум разным географическим традициям. Считать этот итинерарий изначальной частью карты Оросия, восходящей вместе с последней к карте Агриппы [Tomaschek, I, 1877, с. 33; I, 1883, с. 203; Herrmann, 1920, с. 1618; Junge, 1939, с. 102, примеч. 2], нам кажется невозможным. Указанный итинерарий, видимо, был частью большой дорожной карты, составленной в связи с восточными походами императоров Каракаллы или Александра Севера.

Приведенные названия в тексте Оросия взяты из разных частей итинерария. Название Charrae принадлежало описанию пути от Ктесифона до Экбатан (реконструкцию этого описания см. [Tomaschek, I, 1883, с. 147, 148]). На карте Пейтингера пункт Charra показан за Ктесифоном и Артемитой (XI, 5; относительно этого пункта см. [Marquart, II, 1905, с. 34, 67; Herzfeld, 1968, с. 12]). Остальные названия взяты из описания двух ветвей пути, ведших от пункта Таги, расположенного у подножия хребта Тавр — Имай. Из описания северной ветви взяты названия Catippi и Safri. На карте Пейтингера им соответствуют пункты Catippa и Saphani (Saphar) (XII, 3, 4; вариант по: Géogr. Rav., II, 3). Из описания южной ветви взято название Oscobares. Списанное с карты, оно было принято Оросием за обозначение горы лишь по недоразумению. Город Ὀστοβάρα показан и у Птолемея на юге Бактрианы недалеко от хребта Паропанис (VI, 11, 9). Название этого города, видимо, и заменило у Оросия подлинное название хребта. На карте Пейтингера этому названию соответствует пункт Scabaru (Scobarum) (XII, 5; вариант по: Géogr. Rav., II, 3).

Но в рассматриваемом итинерарии, очевидно, содержались и действительные названия гор — может быть, упоминаемые в связи с перевалами и горными проходами между отдельными пунктами. Таковы новые названия гор, появляющиеся только у Оросия: Ариобарзан (Ariobarzanes), Мемармал (Memarmali). Последнее название, как считает И.Маркварт, сохранилось в более правильной форме у Этика, переписывавшего текст Оросия: Menalius (Cosm., 17); [см.: Marquart, II, 1905, с. 67]. Другое новое название горы, Парфау (Parthau), тоже связано с итинерарием.

Исидор упоминает ущелье Παρθαῦ[21] в Парфиене, а затем несколько пунктов, в том числе «деревню Сафри» (Mans. Parth., 12).

Сопоставляя данные Оросия с данными других авторов, восходящими в конечном счете к Агриппе, можно сделать такое наблюдение: четыре последние на востоке части Кавказа Оросия соответствуют, в общем, показаниям карты Агриппы, с той разницей, что Паропанис назван Оскобаром и раздвоен, так как к нему прибавлен Тавр. О том, как Паропанис у Оросия стал Оскобаром, мы уже говорили. На соответствие Оскобара Паропанису указывает сообщение о произрастании на Оскобаре ласера (laser), т.е. сильфия, — характерная для Паропаниса особенность в античных его описаниях [Marquart,. 1901, с. 221, примеч. 1]. Тавр в качестве отдельной горы является, видимо, рефлексом отвергнутого Оросием представления о всем азиатском хребте как Тавре. Но пункты Катиппы и Сафри и этническая номенклатура, связанная у Оросия с Оскобаром, т.е. дахи, сакарауки и парфиены, чужды этой горе. Первоначально они, очевидно, принадлежали горе Парфау [Tomaschek, I, 1883, с. 218; Marquart, 1901, с. 221, примеч. 1; II, 1905, с. 67; ср.: Junge, 1939, с. 102], названной перед Оскобаром и почему-то вообще лишенной у Оросия указаний на пункты и этнического сопровождения. С горой Оскобар первоначально были связаны скорее всего бактрианы и паропанисады. Но наряду с Паропанисом карта Оросия знает и индийский Кавказ в качестве отдельного хребта.

Состав племенных названий, связанных у Оросия с Паропанисом и индийским Кавказом, тоже несет следы подновления. Новым добавлением, видимо, является название Sacaraucae, неизвестное в более ранних работах традиции Агриппы. Chuni-Scythae заменили саков более ранних работ традиции Агриппы.

Схема Гонория

Другая разновидность той же схемы описана в «Космографии», автором которой считается Гонорий. Это описание дополняют данные Иордана, восходящие через Кассиодора к первоначальному, более полному, тексту сочинения Гонория.

В основе схемы и здесь лежит представление о великом азиатском хребте, теперь уже именуемом Кавказом. У Гонория содержатся лишь отрывочные данные об этом хребте. Среди гор Северного океана у него названы: «Гора Гиперборея Рипея, гора Гипанис, с другой стороны гора Кавказ... тоже гора Кавказ...» (A, 30). Кавказ назван и среди гор Восточного океана (A, 4). С Кав-

[21] К чтению этого места в сочинении Исидора см. [Marquart, II, 1905, с. 66, примеч. 2].

каза текут реки и в Понт (A, 33, 34), и в Каспийское море (A, 8; B, 5), и в южные моря (B, 10). Судя по этим списанным с карты данным, Рипейские горы где-то в районе истоков реки Гипанис, впадавшей в «Меотийское море» (ср. A, 33), имя которой Гонорий по недоразумению перенес на горы, меняют направление и смыкаются с Кавказом, а тот, в свою очередь, меняет долготное направление на широтное и тянется в качестве «тоже (item) Кавказа» до Индии [ср.: Riese, 1878, с. 41]. Иордан дает более связное описание той же горной цепи. Кавказский хребет у него «поднимается от Индийского моря», будучи обращен одной стороной на юг, другой — на север; «вскоре после этого он заворачивает, изогнувшись углом, в Сирию» и изливает множество рек в Красное море; затем, поворачивая на север, он «проходит крупными изгибами по скифским землям», изливая реки в Каспийское море, и, наконец, соединяется с Рифейскими горами (52—54). Здесь прямо говорится о том, как хребет поворачивает, «изогнувшись углом» (curvato angulo), — это далекий отголосок утверждения Гиппарха о «кривой» линии хребта в его восточной части.

В описании хребта у Иордана сохранился и след присущего Эратосфену противопоставления южной и северной половин Азии по степени тепла: южные склоны Кавказского хребта, проходящего по всему материку, пламенеют на солнце, а северные — подвержены холодным ветрам и обледенению (53).

Гонорий и Иордан говорят также о частях великого азиатского хребта. Но названия этих частей приведены у них в очень искаженном виде. Гонорий среди гор Восточного океана вслед за Кавказом называет Caumestes, Nysa [Паропанис?], Bodia [Эмод?], Libanus [Имай?] и другие (A, 4). Иордан на крайнем востоке, восточнее парфянских частей, помещает Lemmus [Imaus] и Пропанисс и связывает их с индами (55, ср.: Solin., 38, 12). Как бы там ни было, по этим данным видно, что на карте Гонория, как и на карте Оросия, был изображен и Паропанис, и наряду с ним индийский Кавказ. Гонорием упомянуты и некоторые народы, связанные у Оросия с Паропанисом и Кавказом: бактрианы, паропанисады (A, 13, 38), дахи (A, 38), может быть, и Scythae Thuni[22] (A, 13). Но у Гонория появляются сведения о хребте Комед, о чем сигнализируют новые имена, отсутствующие на других картах традиции Агриппы: гора Caumestes (A, 4), где берет начало Окс (A, 7) и народ Traumeda (A, 13, 38). Эти имена убедительно реконструируют соответственно как Caumedes и Caumedae [Tomaschek, I, 1877, с. 48; Markwart, 1938, с. 55; Herrmann, 1938, с. 153]. Судя по месту их в перечнях Гонория, они были помещены в северо-восточной части карты, к северу от непрерывного

[22] В рукописях: Scythei Cumi.

хребта Кавказа. Мы думаем, что сведения об этой горе и обитающем близ нее народе относятся к числу тех данных, благодаря которым новые названия гор и народов появились также на карте Оросия. Оросий не упомянул о Комеде по той причине, что эта гора непосредственно не связана с Кавказским хребтом. Как место истока Окса Комед заменил «области сугдианов» более ранних карт традиции Агриппы.

У Гонория сохранились и сведения о реках. Он называет пять рек Восточного океана, т.е. восточной части ойкумены: Theriodes, Oxos, Sygogan (Sygaton), Ganges и Hydaspes. Сведения его об этих реках поддаются объяснению лишь в том случае, если их брать в целом. Итак, Гонорий сообщает о реках следующее. «Река Theriodes начинается в [Скифских] полях; получив начало в трех местах, делается единой; впадает в Каспийское море; течет на протяжении 842 миль» (A, 7). «Река Окс начинается от горы Caumestes; делится на пять рукавов; они проходят через гору Кавказ и называются Saleantes; изливаются в большую реку, которая называется Гангом; пополненная ими, эта [река] впадает в Восточный океан под островом Солнца, называемом Perusta; обходит 727 миль» (A, 7). «Река Sygogan [Sygaton] начинается от горы Кавказ; разделяется на два [рукава], охватывает венцом названную выше гору Caumestes; а именно [река к ней устремляется] из той же части горы, из которой, как выше сказано, выходят пять рек, которые названы Saleantes, стремительно проходит через них насквозь, так что их вода и ее [не смешиваются, как кажется. Все, следуя своим путем, возвращаются к себе, т.е. к тому же венцу, в котором река, разъединяясь, удваивалась. Изливается в Каспийское море. Но перед этим из нее вытекает река, которая течет, прорываясь через гору Кавказ, и принимает имя Ганг. С ней соединяется другая, пять истоков которой, кои покинула река Sygaton, начинаются из другой части горы Кавказ». Далее сообщается, что навстречу этому потоку снова течет Ганг, затем с ним соединяются еще какие-то две реки, так что всего у него оказывается десять истоков. Все вместе они «проходят мимо городов Patale и Patalete, и эти десять образуют одну реку, и в таком виде она впадает в Восточный океан у острова Silenfantina; итак, река Ганг наполняется десятью реками, которые в верхних частях все называются Sygaton, так как текут из одного источника; течет на протяжении 10 453 миль, 631 шага]» (A, 8; дополнено по B, 5 — дополнения заключены в квадратные скобки).

Для того чтобы истолковать эти «невероятно запутанные представления» [Marquart, 1901, с. 149], необходимо учитывать прежде всего, что цитированные сообщения, как и вся работа, известная под именем Гонория, являются описанием карты, причем карты уже изрядно искаженной, — видимо, в результате

неоднократного копирования. Далее, на этих представлениях, мы думаем, сказались не только картографические ошибки, но и недоразумения, связанные с попыткой интерпретации первоначального отрывочного и, наверное, не очень ясного описания карты. Понять цитированные сообщения помогает карта Агриппы, лежащая в основе сведений Мелы и Плиния. Так, выясняется прежде всего, что под названиями Фериода, Окса, Сигогана и Ганга описывается, в сущности, целая речная система.

В тексте говорится о «венце» (corona) реки Сигоган, заключающем в себе гору Комед. Как понимать это сообщение? Выше уже отмечалось, что Комед как место истока Окса заменил собой «области сугдианов» карты Мелы. Если истоки Окса и Яксарта в этих «областях» были помещены на карте достаточно близко друг к другу, то на копиях они могли совсем слиться. Далее, как мы пытались показать, Окс на карте Агриппы в нижнем течении поворачивал на север и впадал в озеро Оакс. Если в это же озеро впадал Яксарт, то здесь круг «венца» замыкался. Итак, фигура «венца» могла быть образована Оксом и Яксартом, вытекавшими из «областей сугдианов», которые теперь стали «горой Комед». Но прежнее название места истоков Окса и Яксарта — нечто вроде Sugdianorum или Sugdion, — видимо, осталось на карте и было принято Гонорием за название рек или, в его представлении, одной реки, делящейся на две ветви, Sygogan или Sygaton (о связи названия этой реки с именем согдийцев см. [Tomaschek, I, 1877, с. 15]). Исток реки Сигоган на Кавказе — это исток Окса на скифском Эмоде, слившийся на карте Агриппы, как уже говорилось, с индийским Эмодом и ставший частью Кавказа как великого азиатского хребта. Течение реки Сигоган от «венца» до Каспийского моря — это Окс, вытекающий из озера Оакс и впадающий в Скифский залив Каспийского моря между амардами и пестиками. Народ Pasicae упоминается и Гонорием (A, 13; A, 38). Отметим в этой связи, что Мела хотя и говорит о впадении в Каспийское море и Окса и Яксарта (III, 42), но перипл Каспийского моря излагает так, будто Каспийское устье из этих двух рек имеет только Окс (III, 39, 42).

Окс описан у Гонория очень странно. В соответствии с новыми данными, исток его помещен на горе Комед. Но в остальном то, что Гонорий называет Оксом, является лишь изображением пяти кавказских притоков этой реки. Очевидно, новый исток и упомянутые притоки изображались на карте так, что их можно было принять за одну реку, расходящуюся на пять рукавов. Отсюда сообщение о реке Сигоган, пересекающей пять других потоков и не смешивающейся с ними. Но это пересечение было изображено на карте, видимо, так, что рукава Окса могли быть приняты и за рукава пересекающей их реки. Отсюда утверждение, что все реки, которыми наполняется Ганг, назы-

ваются в верхнем течении Sygaton, так как текут из одного источника. Обилие притоков Окса отмечено и Мелой (III, 42). Напротив, с южных склонов Кавказа, стекали пять истоков Ганга; они изображались на картах так близко к истокам Окса, что в процессе копирования в конце концов слились с ними. Отсюда утверждение, будто Окс проходит через Кавказ и соединяется с Гангом. Такие искажения линий рек — не редкость на древних картах. Так, например, на карте Пейтингера Ганг вследствие неправильного копирования оригинала соединен с Тигром [Томсон, 1953, с. 520; ср.: Marquart, 1901, с. 149].

Из Сигогана, согласно Гонорию, вытекает некая река. То, что Гонорий принял за эту реку, являлось, наверное, самым нижним притоком Окса. И он брал начало на Кавказе. На карте, использованной Гонорием, этот приток Окса тоже был соединен с притоком Ганга, текущим с противоположной стороны тех же гор. Отсюда утверждение, что и Сигоган прорывается через Кавказ.

Фериод представляет собой не меньшую загадку, чем Окс Гонория. Мы думаем, что под этим названием скрывается Яксарт, точнее, тот его исток, который на картах традиции Агриппы был показан в области саков. Гонорий, наверное, не нашел на своей карте настоящего названия реки, но близ изображения ее верховьев увидел название Theriodes, т.е. Θηριώδης, «изобилующая дикими животными»; как уже говорилось, так характеризовались на картах традиции Агриппы пустыни, расположенные на крайнем северо-востоке ойкумены, рядом со скифскими народами саков и антропофагов (Mela, III, 59, 60; Plin., VI, 53, 54); это слово Гонорий и принял за название реки.

Относительно Ганга тоже можно сделать интересные выводы при сопоставлении данных Гонория с другими работами традиции Агриппы. Оказывается, что почти все элементы описания Ганга у Гонория относятся в действительности к Инду, который Гонорием вообще не упомянут. Из сообщений Мелы, дополняемых сведениями Плиния, заимствованными из их общего источника, выясняется следующее. Инд берет начало на горе Кавказ, называемой Паропанисом, и имеет четыре основных притока: Коф, Акесин, Гидасп, Гипасис. Эти русла все вместе по ширине почти равны Гангу. Они далеко расходятся и, обогнув большими петлями огромный горный хребет, соединяются в одно русло, по которому река течет к морю и впадает в него двумя устьями. Между этими устьями находится остров Паталена с городом Патала, а в море напротив устьев — острова Солнца (Mela, III, 69, 71; Plin., VI, 71, 72, 80). На Ганг здесь указывает лишь сравнение с ним общей ширины русл Инда. У Гонория же все это перенесено на Ганг. Неясное упоминание Гонорием каких-то двух рек, с которыми якобы соединяется Ганг перед впадением в море, может быть, представляет собой отголосок сообщений о двух

устьях Инда. В описании самого устья Ганга у Гонория соединились сведения о низовьях Инда с островом Паталена и городом Патала со сведениями об устье Ганга в Восточном океане. Инд и Ганг на карте Гонория соединялись, видимо, через свои притоки где-то ниже слияния Инда с его основными кавказскими притоками. С этим обстоятельством, возможно, и связано сообщение Гонория о том, что Ганг течет навстречу Сигатону. Распространение названия «Ганг», по крайней мере, на верховья Инда встречалось и в других поздних редакциях карт традиции Агриппы. Так, по Оросию, Ганг начинается на горе Оскобар (I, 2, 43), под которой надо понимать, как уже говорилось, Паропанис. Даже и на карте Пейтингера один из двух истоков Ганга выведен с горы Паропанис (XII, 3, 4).

9. СХЕМА ПТОЛЕМЕЯ

Хотя Птолемей не самый поздний среди учтенных здесь авторов, он тем не менее подвел итог основным существовавшим в античности мнениям о географии Верхней Азии. На его карте нашли отражение почти все рассмотренные выше орогидрографические схемы. Правда, попытка Птолемея синтезировать методом картографирования данные всех предшествующих схем, слить их воедино и представить в виде одной новой схемы, с нашей, современной, точки зрения оказалась неудачной. К тому же метод Птолемея очень затрудняет выделение в его материале отдельных компонентов, которые можно было бы приписать тому или иному его источнику. Поэтому приходится рассматривать данные Птолемея в целом. В дальнейшем мы все же попытаемся наметить в рассматриваемом материале основные составляющие.

В отличие от всех предшествующих схем единого непрерывного хребта у Птолемея уже нет: вместо него на широтах между параллелями Геллеспонта и Родоса помещены отдельные «острова» гор. На востоке Азии карта Птолемея отмечает следующие «острова»: группа, состоящая из Паропаниса между Бактрианой и паропанисадами, «собственно Кавказских гор» между согдианами и Индией, Имая между саками и Индией, причем из сопоставления разных сведений Птолемея вытекает, что «собственно Кавказские горы» являются частью Имая (ср. VI, 12, 1 и I, 16; VII, 1, 1); к западу от нее — группа, состоящая из Корона между Гирканией и Парфией, Сарифских гор между Маргианой и Арией; к востоку — отдельно стоящие Эмодские горы и Отторокора в Скифии и Серике [Ronca, 1971, табл. II].

В первой группе и среди более восточных гор еще можно найти упомянутые у Эратосфена горы: Паропамис, Эмод и Имай, которые все вместе составляли у этого автора индийский

Кавказ. Но в целом эти горы у Птолемея трактованы в соответствии с более поздними схемами, хотя и эти схемы подверглись существенной переработке у Марина и Птолемея, которые пытались совместить с ними данные новейших итинериариев. На карте Птолемея еще сохранились следы представления о восточной части азиатского хребта как о двух ветвях [ср.: Мандельштам, 1957, с. 33]. Паропанис и Имай, как уже сказано, образуют там единую группу, непосредственно продолжая друг друга. «Собственно Кавказские горы», связанные с истоками Окса и Яксарта, были выделены, видимо, в угоду прежней традиции, согласно которой упомянутые реки брали начало именно на Кавказе. Эмодские горы показаны отдельно, несколько к северу от восточного окончания Имая и целиком в пределах Скифии и Серики (VI, 15, 2; 16, 2). На картах традиции Агриппы, как мы пытались показать, Тавр на востоке разделялся на две ветви, одна из которых была представлена Имаем, прямо продолжавшим Паропанис, другая — Эмодом, расположенным севернее и разделявшим в восточной своей части серов и скифов. Группа гор, состоящая из Паропаниса и Имая, тянется на карте Птолемея в основном по широте Родоса, хотя и с некоторыми отклонениями на юг; западные пределы Паропаниса имеют координаты 111°/36° и 111°30′/39° (VI, 11, 5; 17, 1), восточный конец Имая — 145°/35° (VI, 13, 1). На картах традиции Агриппы, как отмечалось выше, Имай тоже располагается примерно на широте Родоса. Видимо, и гора Отторокора имеет соответствия на картах традиции Агриппы.

Данные о других хребтах взяты тоже из более поздних по сравнению с Эратосфеном источников. Корон и Сарифские горы соответствуют у Птолемея Парахоафре Эратосфена и Страбона, являющейся непосредственным продолжением индийского Кавказа на западе. Но Птолемей не отбросил сведения о Парахоафре, а поместил этот хребет рядом с дублирующим его Короном и Сарифскими горами в качестве южной границы Парфии (VI, 5, 1); [см.: Kiessling, 1914, с. 461; Schmitt, 1964, с. 57].

С Бактрианой, Согдианой и соседними странами у Птолемея связана прежде всего локальная орогидрографическая схема, основу которой составляет первая группа гор, Паропанис, Кавказские горы, Имай и реки Окс, Яксарт и их притоки. Эту схему мы условимся считать первой и основной из двух рассматриваемых схем Птолемея.

В основу карты рек (Окса, Яксарта и их притоков) Птолемей положил схему Эратосфена [ср.: Markwart, 1938, с. 179]. У Птолемея, как и у Эратосфена, Окс и Яксарт текут с гор сначала на север, затем поворачивают на запад и впадают в Гирканское море [Ronca, 1971, табл. I]. Но на эту основу, восходящую к Эратосфену, наслоилось много более поздних данных, заимствованных у Гиппарха, Посидония и из новейших итинериариев.

Окс изображен у Птолемея, в общем и целом, по Эратосфену. Исток Окса помещен на рубеже между Кавказскими горами и Паропанисом; координаты — 119°30′/39° (VI, 11, 1). Еще современники Александра считали, что эта река начинается на Кавказе. Далее Окс, как и у Эратосфена, делает поворот с юга на запад. Широтное течение Окса помещено на карте в основном на широте 44° [Ronca, 1971, табл. I].

Устье Окса отнесено к югу, координаты — 100°/43° (VI, 9, 1), и помещено на одной широте с островом Талка карты Птолемея, координаты которого — 95°/43°5′ (VI, 9, 8); это позволяет предполагать, что устье Окса и упомянутый остров были связаны уже в источнике Марина и Птолемея [Roesler, 1873, с. 194; ср.: Neumann, 1884, с. 177, возражения К.Неймана, мы считаем, не снимают важности этого наблюдения]. В изображении нижнего течения Окса и связанных с ним объектов заметно влияние источников более поздних, чем Эратосфен. Похоже, что нижний участок Окса был направлен на юго-запад и на картах традиции Агриппы: не случайно Мела говорит, что Окс, повернув на север близ дахов, меняет здесь направление «первый раз» (primum) (III, 42). Видимо, по достижении озера Оакс река вытекала из него в юго-западном направлении, повернув, таким образом, второй раз. Остров Талка точно был известен Агриппе, поскольку о нем упоминают в форме Talge и Zazata и Мела (III, 58) и Плиний (VI, 52). Но этот остров был известен и традиции Посидония, так как о нем упоминает в форме Talartica также Равеннат (V, 19, 1); [см.: Herrmann, 1919, с. 2287]. Знакомство с этим островом обеих традиций позволяет предполагать, что он упоминался и в общем их источнике, у Гиппарха. Упоминание того же острова Птолемеем подтверждает это предположение. Следует заметить, что не только устье Окса и остров Талка, но и все Гирканское, или Каспийское, море, представленное у Птолемея замкнутым (VII, 5, 4), могло быть трактовано по Гиппарху, так как другие два авторитета Птолемея, Эратосфен и Посидоний, были представителями морской теории. В конечном же счете сведения об устье Окса и соседней территории должны восходить к какому-то итинерарию, в котором были использованы сообщения хорасмиев или других местных жителей [Толстов, 1962, с. 19; ср.: Ельницкий, 1961, с. 201].

Оксу Птолемей придает пять притоков; перечисляя их с запада на восток, он называет следующие реки: Ох и Даргоман, сливающиеся друг с другом перед впадением в Окс; Зариасп и Артамис, тоже сливающиеся перед впадением; наконец, Даргойд (VI, 11, 2–4). Все эти реки, кроме Окса, берут начало на горе Паропанис [Ronca, 1971, табл. I]. Число пять заставляет вспомнить пять притоков Окса в традиции Агриппы. Возможно, что Марин или Птолемей нашли упоминание о пяти притоках Окса

уже у Гиппарха. Но вряд ли они нашли там же имена этих притоков: приведенный перечень явно представляет собой искусственный набор пяти названий. Попытки истолковать этот перечень буквально и найти ему прямое соответствие на реальной карте [например: Tomaschek, 1896a, с. 2806; Berthelot, 1930, с. 183—185] явно обречены на неудачу. И.Маркварт предложил считать две пары рек, Ох с Даргоманом и Зариасп с Артамисом, заимствованными из разных источников и дублирующими друг друга [Marquart, 1901, с. 230; Markwart, 1938, с. 25—28; ср.: Bernard, Francfort, 1978, с. 8]. Мы все же считаем Ох и Зариасп разными реками, и не исключено, что сведения о них взяты из одного источника, а именно у Эратосфена. Страбон, излагая Эратосфена, говорил об Охе и «многих других реках», вытекающих из Индийских гор (XI, 7, 4). Среди этих «других рек» был, видимо, и Зариасп; во всяком случае, Эратосфен знал о «городе Бактры, именуемом также Зариаспой» (Strabo, XI, 8, 9 = фр. IIIB, 20; Plin., VI, 45 = фр. IIIB, 21), через который протекает одноименная река (Strabo, XI, 11, 2; Plin., VI, 48). Но сведения о реке Даргойд, близ которой находится город Бактры (Ptol., VI, 11, 9); [ср.: Ronca, 1971, табл. I], определенно заимствованы из новейшего источника, из итинерария Мая Тициана. Судя по Птолемею, Бактры были важным пунктом на пути, описанном в этом итинерарии (I, 12, 7). Даргойд действительно мог дублировать реку Зариасп, так как город Бактры локализовался и у той, и у другой реки, сведения о которых восходят к разным источникам [Bernard, Francfort, 1978, с. 8; ср., однако: Tomaschek, 1901, с. 2215; Duchesne-Guillemin, 1964, с. 1393; Гумбах, 1975, с. 73—75].

Яксарт изображен у Птолемея тоже в основном по Эратосфену. Эта река течет сначала на север, потом на запад. Широтное течение Яксарта помещено на карте в основном на широте 49° [Ronca, 1971, табл. I]. Устье Яксарта в Гирканском море имеет координаты 97°/48° (VI, 14, 2), т.е. находится значительно севернее устья Окса.

Но исток Яксарта Марин и Птолемей, следуя новейшим данным итинерария Мая Тициана [ср.: Herrmann, 1914a, с. 1187], переместили в горную страну комедов, на более северную широту; координаты — 125°/43° (VI, 12, 1, 3). Это — наиболее заметное изменение в первоначальной схеме, заимствованной у Эратосфена. Однако и в данном случае линия, проведенная на карте Птолемея от нового истока Яксарта к рубежу между Кавказскими горами и Имаем, координаты — 125°/38°30′, находящемуся почти на одной широте с истоком Окса, повторяет, в сущности, курс Яксарта первоначальной схемы.

Яксарт у Птолемея, как и у Эратосфена, поворачивает с юга на запад. Птолемей даже прямо говорит о «повороте» (ἐπιστροφή)

Яксарта, координаты 120°/48°30′ (VI, 12, 1; 13, 1); [см.: Ronca, 1971, с. 38]. Об этом повороте Марин и Птолемей располагали реальными сведениями из новых источников, но новым сведениям было дано такое толкование, какое подсказывала традиционная линия Яксарта в схеме Эратосфена [Herrmann, 1914a, с. 1187; ср., однако: Савицкий, 1940, с. 6; Гумбах, 1975, с. 73; Горбунова, 1976, с. 27, 28].

Яксарту Птолемей придает несколько притоков, которые можно разделить на левые и правые. Левых притоков два: Дим и немного западнее его Баскатис; оба они, как и Яксарт, берут начало в горной стране комедов (VI, 12, 3). Все три реки начинаются близко друг от друга, текут параллельно и сливаются в пределах верхнего, еще долготного, течения Яксарта, так что производят впечатление трех истоков одной реки. И эта картина соответствует данным традиции Агриппы о трех истоках Яксарта. Как уже отмечалось, у Гонория река Фериод, т.е. верхний Яксарт, берет начало в трех местах среди «Скифских полей» (A, 7). Возможно, что и здесь Марин или Птолемей, заимствовав у Гиппарха тезис о трех истоках Яксарта, наполнили его новым содержанием. «Поля» (campi) были заменены «горной страной комедов», о которой стало известно из новых источников; благодаря этим источникам узнали и о Диме, и о Баскатисе.

Сведения о «горной стране (ὀρεινή) комедов» Марин, безусловно, взял из итинерария Мая Тициана. Птолемей прямо говорит, что путь, описанный в этом итинерарии, проходит через горы комедов (I, 12, 7; ср. VI, 13, 2). К упомянутому итинерарию восходят и сведения об истоках трех рек в горах комедов. Любопытно, что координаты истока Яксарта совпадают у Птолемея с координатами «подъема» (ἀνάβασις) в горную страну комедов на пути от согдианов, 125°/43° (VI, 13, 2).

Что касается правых притоков Яксарта, то названий их Птолемей не дает. Он говорит лишь, что по нескольку рек течет с Тапурских гор, с Асписийских гор и с Нороссской горы, сливаясь с Яксартом (VI, 14, 5—7). Возможно, что эти сведения взяты из новых источников, во всяком случае не у Гиппарха, так как традиция Агриппы, видимо, о притоках Яксарта ничего не знала: судя по словам Мелы, на использованной им карте Яксарт был изображен без притоков (III, 42).

Диафеса племен, связанных с интересующими нас горами и реками Птолемея, имеет как бы два плана: первый — крупный и второй — мелкий. Диафеса первого плана — это народы и страны ранга «эпархии», или «сатрапии». Таковы Бактриана, согдианы, саки и соседние страны и народы. Здесь карта Птолемея (VI, 11, 1; 12, 1; 13, 1; 14, 2) следует в основном Эратосфену, лишь незначительно отступая от него. Окс отделяет Бактриану от согдианов, Яксарт вместе с линией, продолжающей его от истока до

Кавказских гор, — согдианов от саков; далее Окс и Яксарт протекают по Скифии. Бактриана расположена вдоль Паропаниса напротив паропанисадов, согдианы — вдоль Кавказских гор напротив Индии, саки — вдоль Имая тоже напротив Индии. Все эти народы обитают один за другим, с запада на восток. Правда, согдианы у Птолемея занимают пространство между реками и к северу от Бактрианы. В этом заключается наиболее существенное отличие рассматриваемой диафесы от схемы Эратосфена.

Во взаиморасположении Бактрианы и Согдианы отразился компилятивный характер карты Птолемея. Бактриана и Согдиана в схеме Эратосфена располагались по широте, с запада на восток, в схеме Гиппарха — по долготе, с юга на север. У Птолемея показано и то и другое. Судя по словам самого Птолемея, еще в его непосредственном источнике, в работе Марина, оба способа взаиморасположения Бактрианы и Согдианы были показаны раздельно: в одном месте Марин говорил о соседстве согдианов и саков на юге с Индией, в другом проводил через земли этих народов только одну параллель — параллель середины Понта (I, 16). В предшествующей главе мы отметили, что первое из этих положений принадлежит Эратосфену, второе — Гиппарху. И только Птолемей совместил их на своей карте. Содержание карты Согдианы показывает, что по Эратосфену изображена действительно только южная ее часть, заключенная между долготными участками Окса и Яксарта и граничащая с Индией. Здесь Птолемей поместил Александрию Крайнюю, сведения о которой восходят к историкам Александра, т.е. к обычному источнику Эратосфена. На первый взгляд этот город, возведенный на берегу Яксарта, занимает на карте очень странное положение: на крайнем юге Согдианы, много южнее истока Яксарта. Но его положение вполне соответствует представлениям Эратосфена: он находится прямо к востоку от Бактры; координаты Бактры — 116°/41°, Александрии Крайней — 122°/41° (VI, 11, 9; 12, 5). Отрыв его от Яксарта объясняется тем, что Марин, как уже говорилось, перенес начало Яксарта к северу, а Птолемей, согласившись в этом с Марином, не согласовал с новой трактовкой Яксарта координаты Александрии Крайней, оставив их прежними. Северная часть Согдианы Птолемея, как показывает ее номенклатура, принадлежит более поздним источникам.

Диафеса второго плана касается племен, являющихся, по мнению Птолемея, частями упомянутых выше крупных народов. Но списки «племен» отдельных стран, которые приводит Птолемей, не имеют никакого отношения к действительному племенному составу этих стран. Таковы и «племена» Бактрианы и Согдианы. Для заполнения карт указанных стран были использованы куски географических описаний, отнесенные к Бактриане или Согдиане только потому, что в них говорилось о географи-

ческих объектах левобережья Окса или междуречья Окса и Яксарта: в соответствии со схемой Эратосфена первые были отнесены к Бактриане, вторые — к Согдиане. В данном случае использованы сведения, заимствованные у авторов более поздних, чем Эратосфен.

Об обитателях гор Птолемей говорит так: «Между Кавказскими горами и Имаем находится [страна], так называемая Вандабанда» (VI, 12, 4); «у горы Имай [живут] билты» (VI, 13, 5).

Этническое окружение Окса и Яксарта от их нижнего течения до верхнего наиболее полно охарактеризовано у Птолемея в списке «племен» Согдианы: «...[земли] у северного отрезка Яксарта [занимают] ятии и тахоры, под ними [живут] аугалы... и вдоль Окса — оксианы и хорасмии; [земли] к востоку от них [занимают] дрепсианы, соединяющие обе реки, затем, восточнее этих — аристеи вдоль Яксарта и кирродеи вдоль Окса...» (VI, 12, 4).

В этом перечне вызывает подозрение название «дрепсианы», нигде более в источниках не встречающееся. Вопрос помогает разрешить упоминаемый Птолемеем город Дрепса, от названия которого, очевидно, и образовано данное этническое наименование. У Птолемея этот город — метрополия согдиан (VI, 12, 6). Давно уже показано, что под Дрепсой скрывается Мараканда, которая поменялась местами с Дрепсой на карте Птолемея [см. об этом: Пьянков, 1972а, с. 54–56]. Это позволяет думать, что народ, обитавший к востоку от хорасмиев и «соединяющий» Окс и Яксарт в их среднем течении, т.е. живущий между ними, который фигурирует у Птолемея под искусственным названием дрепсианов, — не что иное, как собственно согдийцы.

Вдоль Окса, согласно приведенному перечню, в низовьях обитают оксианы и хорасмии, в верховьях — кирродеи. Из других списков «племен» мы узнаем, что «северные [части] Бактрианы у реки Окс населяют салатеры и зариаспы» (VI, 11, 6) и что местности Маргианы «у реки Окс населяют дербикки, они же деркебии» (VI, 10, 2). Вдоль Яксарта, согласно цитированному перечню, живут ятии и тахоры, аугалы, а в верховьях — аристеи. Из других списков «племен» известно, что у Яксарта обитают саки, именуемые каратами и комарами, а также сакский народ гринеи где-то близ истоков этой реки (VI, 13, 3) и что «большой народ яксарты [живет] у одноименной реки вплоть до ее поворота у Тапурских гор» (VI, 14, 10). Наконец, области самого нижнего течения Окса и Яксарта, «между Оксийскими горами и отрезком Яксарта вплоть до его устья, а также побережье между двумя реками населяют: ариаки вдоль Яксарта, ниже [южнее] этих намасты, далее сагарауки и вдоль реки Окс рибии, у которых город Даваба...» (VI, 14, 1).

Каковы источники сведений, на которых построена эта вторая диафеса? Безусловно, здесь использован не один источник. Кое-что могло быть взято из новейших итинериариев. Однако сравнение цитированных материалов с данными других авторов обнаруживает особую близость этих материалов к традиции Посидония. Так, например, карта Пейтингера, несмотря на скудость и, в общем, случайность сохранившихся на ней племенных названий, к тому же сильно искаженных при неоднократном копировании, дает тем не менее целый ряд соответствий цитированным выше сообщениям Птолемея: Cirrabe Indi (индами они названы, видимо, по ассоциации с обозначенными рядом Cirribe Indi), Arote, Tanchire, Derbicce, Xatis Scythae (XII, 2—5); ср. кирродеи, аристеи, тахоры, дербикки, яксарты Птолемея [Herrmann, 1938, с. 49; ср.: Marquart, 1901, с. 221]. Название реки Nigrinum (XII, 2), видимо, возникло из племенного названия, стоявшего на карте близ истоков Яксарта; возможно, что этому племени соответствуют гринеи Птолемея [Markwart, I, 1946, с. 133]. Правда, на карте Пейтингера почти все упомянутые племена уже потеряли свою первоначальную связь с Оксом и Яксартом, что и неудивительно, если принять во внимание характер карты и историю ее создания. Общим источником этих соответствий, видимо, был Посидоний. В основе своей интересующие нас сведения Посидония восходят к тому же источнику, что и сведения традиции Агриппы, т.е. к Гиппарху. Но у Посидония эта основа обильно дополнена данными Аполлодора, на которого указывают хотя бы племенные названия в цитированных выдержках из описания Согдианы, Скифии и Маргианы Птолемея.

Посидоний, воспроизводя сведения указанных авторов, описывал также, как мы видели, схему, в которой фигурировали реки Аракс, Мард (Марг) и связанные с ними народы. Если рассматриваемая диафеса племен действительно основана на данных Посидония, то следует ожидать, что в ней найдет отражение и упомянутая схема. Действительно, слабые следы последней проступают у Птолемея в перечне племен Маргианы: «дербикки, они же деркебии» у нижнего течения Окса, в который впадает Марг, а вместе с тем и недалеко от Гирканского моря; массагеты «под ними» (VI, 10, 2). Все это напоминает картину, описанную Дионисием: Мард (соответствующий Маргу), который протекает по землям бактров и деркебиев; деркебии, обитающие «у Каспийских вод», и живущие напротив массагеты (733—740).

Вторая схема Птолемея. Особенностью интересующего нас участка карты Птолемея является то, что на нем с основной орогидрографической схемой, построенной по Эратосфену, совмещена другая орогидрографическая схема. Эта последняя по всем признакам близка прежде всего к традиции Агриппы, и мы объясняем эту близость, как и в других случаях, тем, что Марин

или Птолемей заимствовали у Гиппарха. Элементы данной схемы представлены на карте Согдианы, расположенной к северу от Бактрианы, что не случайно: выше мы уже говорили, что эта часть Согдианы изображена у Птолемея по Гиппарху. Видимо, прямой остаток описания схемы Гиппарха представляет собой следующее очень интересное сообщение Птолемея: «Примерно посредине между двумя реками [Оксом и Яксартом] простираются горы, так называемые Согдийские, пределы которых — 111°/47° и 122°/46°30′. С них течет несколько безымянных рек, сливающихся с теми [т.е. с Оксом и Яксартом]. Одна из них образует Оксианское озеро, середина которого имеет положение 111°/45°» (Geogr., VI, 12, 2, 3).

Эти данные рисуют довольно своеобразную картину. Почти посредине между Оксом и Яксартом простираются Согдийские горы, которые, судя по приведенным координатам, немного, на половину градуса, отклоняются к юго-востоку.

С Согдийских гор текут какие-то реки, впадая одни в Окс, другие в Яксарт. В соответствии с приведенными координатами, одна из них на пути к Оксу должна протекать через Оксианское озеро. Но если принять другое чтение для координат середины этого озера, 111°/49°, засвидетельствованное в рукописях, представляющих самостоятельную рецензию текста, то получится, что через Оксианское озеро протекает и Яксарт, так как широта основного его течения — 48°—49°. Следует отметить, что данные цитированных сообщений Птолемея не всегда точно воспроизводятся на картах, реконструированных по этим данным. Так, И.Ронка, стремясь, видимо, приблизить реконструируемую им карту к современной, отмечает лишь одну из рек, текущих с Согдийских гор: она направляется у него к югу и кончается в Оксианском озере [Ronca, 1971, табл. I]. Между тем еще на старинных картах, приложенных к рукописям «Географического руководства», Оксианское озеро соединено протоком с Оксом (Pinax VII; историю вопроса об авторстве этих карт см. [Фролов, 1963, с. 120, 121]).

Об Оксийском озере и впадающих в него реках говорит также Аммиан: «...[23] у самой подошвы гор, которые называют Согдийскими. Через их [землю] протекают две реки, вполне пригодные для судоходства, Араксат и Димас. Стремительно стекая через горы и долины на плоскую равнину, реки образуют озеро, называемое Оксийским, весьма протяженное в ширину и длину» (XXIII, 6, 59).

Это сообщение давно уже привлекало внимание исследователей. Считали, что Аммиан здесь использовал какой-то новый источник, например новый итинерарий, созданный после пар-

[23] Текст здесь испорчен.

фянской войны Марка Аврелия [Ельницкий, 1961, с. 210, 211]. Считалось ясным, что Аммиан приводит новые сведения, независимые от Птолемея, особенно об Оксийском озере [Бартольд, III, 1965, с. 31], хотя при этом Araxates и Dymas Аммиана сравнивались с Яксартом и Димом Птолемея [Herrmann, 1914, с. 40; 1914a, с. 1188]; впрочем, Araxates иногда сопоставлялся и с Араксом Геродота и Страбона [Herrmann, 1942a, с. 2004, 2005; Толстов, 1962, с. 19]. Однако, каким бы соблазнительным ни казалось такое предположение, мы не можем считать его убедительным. Цитированное сообщение является частью обширного описания Персидского царства (XXIII, 6, 10—74), которое Аммиан почти целиком построил на материалах Птолемея (о соотношении данных Аммиана и Птолемея см. [Polaschek, 1965, с. 771]). И если учесть, как вольно и небрежно, с какими искажениями передает Аммиан эти материалы, равно как и другие литературные данные, то будет понятным, почему нельзя придавать большое значение некоторым отличиям цитированного сообщения Аммиана от аналогичных данных Птолемея; кое-что Аммиан мог и просто добавить от себя в виде риторической привески [Томсон, 1953, с. 501; Bunbury, II, 1959, с. 642]. Под Araxates и Dymas Аммиана вряд ли могло иметься в виду что-нибудь иное, кроме Яксарта и Дима Птолемея. Вопрос об отношении этих рек к Оксийскому озеру, видимо, решается конъектурой: «...другие реки (alii fluvii) образуют озеро, называемое Оксийским...» (так, например, в издании Eyssenhardt); под «другими реками» нужно понимать те, которые, как и у Птолемея, текут с Согдийских гор, упоминаемых Аммианом тут же. Впрочем, если принять для координат Оксианского озера Птолемея чтение, отмеченное выше: 111°/49°, то отпадает нужда даже и в такой конъектуре. В этом случае текст Аммиана будет прямо повторять данные Птолемея, так как тогда и птолемеевский Яксарт со своими притоками будет впадать в Оксианское озеро.

Сообщение Птолемея о Согдийских горах и текущих с них реках многое разъясняет в данных традиции Агриппы и Посидония. Так, становится наконец понятным, почему эти данные связывали истоки Окса и Яксарта с Согдийскими землями. Очевидно, под последними имелись в виду Согдийские горы. В «областях сугдианов» (Sugdianorum regionibus) берут начало Окс и Яксарт у Мелы (III, 42). Мы думаем, что на карте, послужившей оригиналом для Мелы, около изображения гор стояло только одно слово, Sugdianorum (имелось в виду: montes). Мела, будучи не уверен, к какому объекту карты относится это слово, употребил неопределенное выражение regiones. То, что на античных картах названия далеко не всегда сопровождались указанием, к какому объекту они относятся (mons, fluvius, regio и т.п.), подтверждается частым смещением названий гор, рек, об-

ластей и т.п. в текстах, списанных с этих карт. Видимо, так же обстояло дело с картой, использованной Гонорием. Мы уже говорили, что в названии Sygogan или Sygaton, приложенном у Гонория к Оксу и Яксарту (A, 8; B, 5), скрывается слово Sugdion или Sugdianorum. И здесь, несомненно, имелись в виду «горы сугдианов». Может быть, на карте Гонория сохранился и другой след названия Согдийских гор. Мы имеем в виду название Saleantes, которое Гонорий прилагает к притокам Окса, текущим с Кавказа к горе Caumeste (A, 7, 8; B, 5). Возможно, что слово Saleantes относилось к горам и представляет собой искажение первоначального Sugdion или Sugdia montes. Предположение о том, что под Saleantes Гонория скрывается стоявшее на карте близ изображения рукавов Окса название племени Σαλατέραι [Marquart, 1901, с. 149, 150], которое у Птолемея помещено ближе к устью Окса, чем к его истокам (VI, 11, 6), кажется нам не очень убедительным. Примерно таково же происхождение сообщения Дионисия о том, что Окс течет по «земле Сугдии» (γαῖα Σουγδιάς) (746, 747); ср. «Сугдийские горы» (ὄρη... Σούγδια[24]) Птолемея (VI, 12, 2).

Безымянные реки, текущие с Согдийских гор и сливающиеся с Оксом и Яксартом, — не что иное, как Окс и Яксарт схемы, наложенной на схему Эратосфена. Ту безымянную реку, которая образует Оксианское озеро, выдает само название этого озера: не признавая в этой реке Окса, трудно будет объяснить происхождение указанного названия [ср.: Bernard, Francfort, 1978, с. 67] без большой натяжки. Действительно, в традиции, восходящей к Гиппарху, Окс и Яксарт текут из земель согдийцев, т.е., как мы выяснили выше, с Согдийских гор. Далее, сопоставляя сообщения Плиния и Мелы, мы пришли к выводу, что на картах традиции Агриппы Окс на пути к Каспийскому морю образовывал озеро Оакс (Plin., VI, 48; ср.: Mela, III, 42). Обычно считают, что Оксианское озеро и озеро Оакс — два разных бассейна [например: Markwart, 1938, с. 78, 85]. Однако такая возможность кажется маловероятной уже в силу того факта, что то и другое озеро упоминаются всего лишь по одному разу у авторов, сведения которых в данном случае восходят к одному первоисточнику. Истолкование сообщения Плиния таким образом, что его озеро Оакс не являлось действительным истоком Окса, снимает единственное препятствие к отождествлению обоих озер. Очевидно, в первоисточнике речь шла об озере, через которое протекал Окс и затем впадал в Каспийское море. Наконец, реконструируя карту Гонория, мы высказали предположение, что круг его «венца», образованного Оксом и Яксартом, замыкается (ср. A, 8) в озере Оакс. Действительно, Окс, впадая в Оксианское

[24] Другое чтение: Σόγδια.

озеро, приближался к Яксарту, а если принять уже отмеченное выше иное чтение текста Птолемея, то Окс в Оксианском озере вообще сливался с Яксартом.

На карте Птолемея сохранилась даже и диафеса племен, соответствующая рассматриваемой второй схеме. Об этом свидетельствует сообщение Птолемея о племенах Согдийских и Оксийских гор: «Земли этой страны [Согдианы] у Оксийских гор населяют пасики... затем вдоль Согдийских гор оксидранки, дрибакты и кандары, под горами мардиены...» (VI, 12, 4).

Названия всех перечисленных здесь племен являются частью довольно значительного слоя племенной номенклатуры Птолемея, включающего кроме цитированного отрывка из описания Согдианы почти весь список племен Бактрианы, — слоя, который находит соответствие у Мелы, Плиния и Гонория, т.е. в работах традиции Агриппы. В предшествующей главе мы пытались показать, что на картах традиции Агриппы все эти племена были отнесены к северо-восточной части ойкумены и что сведения о них восходят в конечном счете к Гиппарху.

Оксидранки, дрибакты и кандары живут вдоль Согдийских гор, но это указание, нам кажется, не следует принимать буквально и считать перечисленные племена горными жителями; просто в источнике Птолемея, видимо, именно эти племена были непосредственно связаны со схемой, группировавшейся вокруг Согдийских гор. Оксидранки, самое западное из трех племен, соответствуют, как уже говорилось выше, окситтагам Плиния (VI, 48). Название их совершенно явно свидетельствует о том, что именно это племя обитало возле Оксианского озера [ср.: Markwart, 1938, с. 78]. Дрибакты, обитавшие восточнее, соответствуют дребикам Плиния, «местность которых пересекает река Окс, вытекающая из озера Оакс» (VI, 48). Город Трибакта, определенно связанный с дрибактами [Humbach, 1972, с. 91], помещен у Птолемея недалеко от Оксианского озера, несколько северо-восточнее его, координаты 112°15′/45°30′ (VI, 12, 6). Следует подчеркнуть, что дрибактов и дребиков нельзя путать с дербиками [ср., например: Tomaschek, I, 1877, с. 114]. Наконец, кандары, самое восточное племя, соответствуют к(г)андарам Мелы (I, 13) и Плиния (VI, 48). Отметим, что кандары не имеют ничего общего с индийскими гандарами [на это обращал внимание, например, Kiessling, 1914, с. 477].

Пасики и мардиены принадлежат той же схеме. Размещение этих племен на карте Птолемея еще сохранило следы расположения тех же племен относительно Окса, какое придавалось им на картах традиции Агриппы. Согласно Птолемею, пасики к востоку от Оксийских гор и мардиены «под» Согдийскими горами, т.е. к югу от них, разделены рекой, текущей с Согдийских гор, — этого не сказано прямо в тексте Птолемея, но так полу-

чается на его карте [Ronca, 1971, табл. I]. Согласно Меле, между пестиками и амардами впадает в Каспийское море Окс (III, 39), текущий из «областей сугдианов» (III, 42).

Пасики соответствуют песикам, или пестикам Мелы (III, 39, 42) и Плиния (VI, 50) и пасикам Гонория (A, 13; A, 38). Это племя обитало близ каспийского устья Окса [Markwart, I, 1946, с. 134]. В то же время Птолемей помещает их близ Оксийских гор. Оксийские горы, по Птолемею, простираются западнее Согдийских, но тоже между Оксом и Яксартом, с юго-запада на северо-восток, между пунктами с координатами 103°/44° и 110°/49° (VI, 12, 1; ср. VI, 10, 1), примыкая на северо-востоке к Яксарту и, может быть, к Оксианскому озеру, если принять для последнего координаты 111°/49° (VI, 12, 3). Все же остается непонятным, почему эти горы в том их виде, в каком они изображены у Птолемея, названы Оксийскими: никакой особой связи их с Оксом на карте Птолемея не видно, от Окса они отстоят даже дальше, чем от Яксарта [Ronca, 1971, табл. I]. Может быть, в первоначальной схеме, которой эти горы принадлежали, они занимали другое место? Мы уже говорили, что в упомянутой схеме самый нижний участок Окса направлялся на юго-запад и именно вдоль этого участка и обитали пасики. Если Оксийские горы первоначально изображались вдоль указанного участка Окса, то будет понятным и юго-западное их направление на карте Птолемея, и соседство с ними пасиков.

Мардиены соответствуют амардам Мелы (III, 39, 42) и, по-видимому, мандруанам Плиния (VI, 47). Разница в форме названия племен у Птолемея и Плиния, с одной стороны, у Мелы — с другой, объясняется тем, что Птолемей и, возможно, Плиний отождествили амардов рассматриваемой схемы с маргианскими мардиенами [см. о последних: Markwart, I, 1946, с. 125, 126, 131], принадлежащими другой схеме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги нашему исследованию, а вместе с тем наметим перспективы дальнейшего изучения избранной нами темы и некоторые выходы к проблемам, постановка которых обусловлена рассмотренными в данной работе материалами, хотя сами эти проблемы и находятся вне компетенции источниковедения.

Античная географическая традиция, донесшая до наших дней сведения о Бактриане и соседних странах, восходит в конечном счете к наблюдениям очевидцев. Эти наблюдения могли быть записаны и самими путешественниками, и другими лицами, собиравшими сведения путем устных расспросов. Основной литературной формой, в которой накапливались все эти наблюдения, был итинерарий. Итинерарий обычно и служил первичным фондом географических данных, используемых античными учеными для своих теоретических построений. Итинерарий мог представлять собой отдельное сочинение, но мог быть и составной частью любого другого сочинения на географическую или историческую тему. В античных представлениях об ойкумене, и в частности о ее северо-восточных окраинах, намечается ряд этапов. Каждый из них характеризуется своими особенностями, на каждом этапе географический кругозор античного мира расширялся, границы ойкумены как бы раздвигались. Оригинальные географические сведения о Бактриане и соседних странах восходят в основном к следующим источникам: в эпоху Персидского царства — к сочинениям Скилака, Геродота и Ктесия, в эпоху походов Александра Македонского — к письмам самого Александра и к сочинениям Каллисфена и Поликлита, Клитарха, Птолемея и Аристобула, в эпоху преемников Александра Македонского — к сочинениям Мегасфена и Деимаха, Демодама и Патрокла, в эпоху Парфянского царства — к сочинениям Аполлодора, Мая, Дамиса и к одному из римских итинериариев. Сведения авторов этих сочинений преимущественно и использовались в античных географических теориях и картах, касающихся северо-востока ойкумены.

Представители собственно географической традиции основывались на фактическом материале указанных авторов, но не только на нем — в их распоряжении имелись и иные источники сведений о северо-востоке ойкумены. В античной географической традиции можно наметить несколько направлений, отличавшихся одно от другого и своими источниками, и проблематикой, и способом изложения материала; такие направления прослеживаются и по данным, относящимся к северо-восточной части ойкумены. Самое древнее направление, у истоков которого стоит, возможно, Анаксимандр, мы называем общей ионийской традицией. Ветвью ее является направление, наиболее видным представителем которого можно назвать Гекатея. В более поздние времена выделяются направления, основанные Демокритом и Эвдоксом, Эфором и Полибием, Дикеархом и Эратосфеном, Гиппархом и Посидонием. В латиноязычной традиции основателями подобных направлений можно считать Варрона Реатинского и Агриппу.

Наиболее общие темы античной географической традиции связаны с представлением об ойкумене. Ойкумены в целом касаются представления о секторах и поясах обитаемой Земли и о климатах; в них находят свое место и данные о северо-востоке ойкумены, о Бактриане и ее соседях. С очень раннего времени, возможно начиная с Анаксимена, античные ученые делили ойкумену на секторы с помощью «розы ветров». Засвидетельствовано два способа такого деления; если говорить о схемах, в которых более или менее подробно отражены данные о северо-востоке ойкумены, то к одному из указанных способов нужно будет отнести схему Гонория, к другому — схемы Тимосфена и Равенната. Достаточно рано наметилось в античной науке и деление ойкумены на пояса. Но настоящим создателем учения о поясах был Посидоний, активно использовавший и материалы о северо-востоке ойкумены. Учение о климатах тоже возникло не сразу. Большой вклад в его разработку внес Эратосфен, но в основном создание этого учения в его окончательном виде скорее всего было заслугой Гиппарха. Данные названных ученых, обычно контаминированные с иными материалами, сохранились у Страбона, Плиния и Птолемея, донесших до нас и сведения о северо-востоке ойкумены, связанные с учением о климатах. В античности разрабатывались и специальные схемы деления ойкумены на части; нас, разумеется, интересует прежде всего, как выглядел в этих схемах северо-восток ойкумены. Ранняя схема деления ойкумены на части засвидетельствована системой акте, представленной у Гекатея, поздняя схема — системой сфрагид, созданной Эратосфеном. Система сфрагид была предметом обсуждения у более поздних античных ученых, вносивших в нее различные изменения. Вариант этой системы, видимо, предло-

жил уже Гиппарх. На основе схемы Гиппарха созданы более поздние варианты Посидония и Агриппы. Схема Агриппы, в свою очередь, послужила основой для еще более поздних вариантов, в частности для схемы Оросия. Свою схему деления ойкумены на части создал и Птолемей.

Использование в настоящей работе материалов, касающихся античных представлений об ойкумене, не является исчерпывающим. Это особенно относится к учениям о поясах и климатах. Перспективным, в частности и для нашей темы, было бы более широкое изучение античной астрологической литературы, а также средневековой мусульманской географии, в изобилии вобравшей в себя античное наследие.

Специальные темы античной географической традиции посвящены картографическим схемам горных хребтов и текущих с них рек, размещению вокруг этих гор и рек различных народов и стран — схемам, которые мы называем орогидрографическими. В нашей работе рассмотрены орогидрографические схемы, имеющие прямое отношение к Бактриане и ее соседям. Первые намеки на такие схемы вырисовываются по данным древних ионийских карт и традиции Гекатея. Вполне оформившаяся схема представлена у Аристотеля, а следы той же схемы — у Гекатея Абдерского. Мы предполагаем, что творцами ее были Демокрит и Эвдокс. Эту схему, хотя и в измененном виде, античные авторы продолжали воспроизводить и после походов Александра Македонского, когда уже были выработаны новые схемы. Создателем измененного варианта старой схемы был, как мы думаем, Каллисфен. Позднее его описывал, видимо, и Посидоний. Во времена походов Александра Македонского возникла новая схема. Создателем того ее варианта, который представлен в традиции историков Александра, являлся скорее всего Поликлит. Но эта схема жила и независимо от литературной традиции в среде греческих поселенцев в Азии. К ним в конечном счете восходят схемы, засвидетельствованные Полибием и, возможно, Аполлодором. Географические представления современников Александра о северо-востоке ойкумены теоретически были по-новому интерпретированы Дикеархом, а со стороны фактической дополнены и исправлены Патроклом и Демодамом. Все эти материалы были учтены Эратосфеном, который создал новую орогидрографическую схему. Схема Эратосфена впоследствии подвергалась неоднократным обработкам. Мы думаем, что все они в конечном счете восходят к Гиппарху и что на основе данных Гиппарха были созданы схемы Посидония и Агриппы. Вариант Агриппы сам послужил основой для ряда поздних схем, таких, как схемы Оросия и Гонория. Свою орогидрографическую схему в соответствующей части карты дал Птолемей, механически совместив в ней данные Эратосфена, Гиппарха и Посидония.

Информация, которая содержится в античных орогидрографических схемах северо-востока ойкумены, имеет ценность двоякого рода. Во-первых, она позволяет проследить историю географических представлений о Средней Азии. И это касается представлений, бытовавших не только в античном мире, но и среди местного древнего населения Средней Азии. Очень перспективным в этом отношении представляется сопоставление античных данных с данными других письменных источников и некоторыми этнографическими рудиментами. Во-вторых, та же информация дает возможность сделать интересные историко-географические выводы. С ее помощью, например, можно проследить изменения в этногеографии древней Средней Азии. Более того, при ее посредстве устанавливаются важные факты из истории физической географии Средней Азии. Приведем отдельные примеры. Сведения об устье Окса в Каспийском море, о водопаде на Оксе и Араксе имеют отношение к проблеме Узбоя как древнего русла Амударьи [об этой проблеме см: Бартольд, 1965, с. 15—94; Толстов, 1948, с. 53, 54; 1948а, с. 296—316; Юсупов, 1976, с. 38—47 и др.]. Сведения об Оксийском озере и его связи с Оксом и Яксартом могут внести свой вклад в решение проблемы формирования аральских дельт Амударьи и Сырдарьи, колебаний уровня Аральского моря и времени обводнения Сарыкамышской впадины [об этой проблеме см.: Берг, III, 1960, с. 167—250; Проблема Аральского моря, 1969; Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене, 1980 и др.].

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Горы

Ариобарзан (Ariobarzanes, др.-иран. Hara bṛzati) — Эльбурз.

Имай (Imaon, Imaus, санскр. Himavat, пракр. Himavañ) — Гималаи или их часть.

Кавказ (Caucasus) — современный Кавказ и вся цепь гор, тянущихся на восток от него вплоть до Гималаев. В тех случаях, когда надо было отличить настоящий Кавказ от восточного — Гиндукуша и Гималаев, первый называли Скифским, второй — Индийским или просто Индийскими горами.

Комед (Caumedes), или горная страна комедов, — горные хребты междуречья Амударьи и Сырдарьи.

Корон (Coronos) — восточная часть Эльбурза.

Мемармал (Memarmali<Menalius? возможно, др.-иран. Mainaχa) — приблизительно Туркмено-Хорасанские горы и современный Парапамиз.

Оксийские (Ὄxeia) горы — видимо, южный обрыв Устюрта и горы Балхан.

Парахоафр (Parachoathras, др.-иран. Paruhvaθra) — приблизительно Эльбурз.

Парнасс (Parnassus, Parnēsus, др.-иран. Uparisaina, ср.-перс. Aparsēn) — Гиндукуш и Гималаи.

Паропамис (Paropamisus, Paropanisus, Propanisus и т.д.; Paroparnasus у Мелы; др.-иран. Parauparisaina, ср.-перс. Paraparsēn) — Гиндукуш.

Парфау (Parthau; др.-иран. Parθava) — Копетдаг.

Сарифские (Saripha) горы (возможно, др.-иран. Ṛzifya) — Сафедкох.

Согдийские (Sogdia) горы — горные хребты междуречья Амударьи и Сырдарьи.

Тавр (Taurus) — современный Тавр и вся цепь гор, тянущихся на восток от него вплоть до Гималаев.

Эмод (Ἔmōdon, Emodus; Oimōdon, Oemeda; Haemodes у Мелы; санскр. Haimavata, пракр. Haimōta) — два горных хребта, не различающихся в античной традиции: 1) Гималаи или их часть; 2) горы, где берет начало Вахш-Кызылсу.

Аракс (Araxēs, Araxus; др.-иран. Araχša, авест. Raŋha, ср.-перс. Arang) — названия многих рек; в исследуемой нами традиции так назывались три не различавшиеся древними авторами реки, впадавшие в Каспийское море: современный Аракс, Волга, Амударья. Сведения о водопаде Аракса, по-видимому, относятся к узбойскому руслу древней Амударьи.

Бактр (Bactrus) — Балхаб.

Зариасп (Zariaspēs) — Балхаб.

Инд (Indus) — современный Инд, но за верховья Инда часто принималась река Кабула и далее левый приток ее — Панджшер.

Марг (Margus) — Мургаб, но некоторые поздние античные авторы отождествили ее с рекой Мард (Mardus) — Сефидруд.

Окс (Ōxus, др.-иран. Vaχšu) — Амударья и ее правый исток Вахш. Оксийское озеро (Ōxeianē, Oaxus) — Аральское море, или Сарыкамышская котловина, или то и другое вместе. Сведения о водопаде Окса, по-видимому, относятся к узбойскому руслу древней Амударьи.

Ох (Ōchus, др.-иран. Vahu) — две реки, не различавшиеся в античной традиции: 1) Атрек и 2) река Кундуза.

Хоасп (Choaspēs, др.-иран. Hvaspa, санскр. Suvāstu) — две реки, иногда отождествлявшиеся в античной традиции: 1) Сват и 2) Керхе.

Ра (Rhā, др.-иран. Raha, авест. Raŋha), или Радан (Rhadanus, др.-иран. Raha-danu) — Волга.

Танаис (Tanais, др.-иран. Danu) — две реки, часто отождествлявшиеся в античной традиции: 1) Дон и 2) Сырдарья.

Яксарт (Iaxartēs, др.-иран. Yaχšarta) — Сырдарья. Другое название Яксарта — Силис (Silis; видимо, соответствует санскр. Sītā).

ПУТЕВЫЕ МЕРЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ АНТИЧНЫМИ АВТОРАМИ

Основные путевые меры — стадий и римская миля. Стадий мог иметь разное абсолютное значение; римская миля, как правило, содержала 1480 м. В зависимости от значения стадия менялось и соотношение стадия и римской мили.

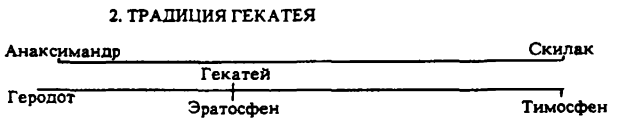
Основные значения стадия:

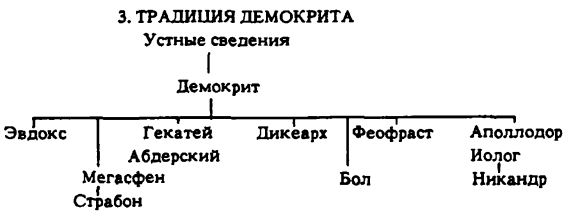
1) 148–149 м = 1/10 римской мили,
2) 165–166 м = 1/9 римской мили,
3) 178–179 м,
4) 185–186 м = 1/8 римской мили,
5) 198–199 м,
6) 212–213 м = 1/7 римской мили.

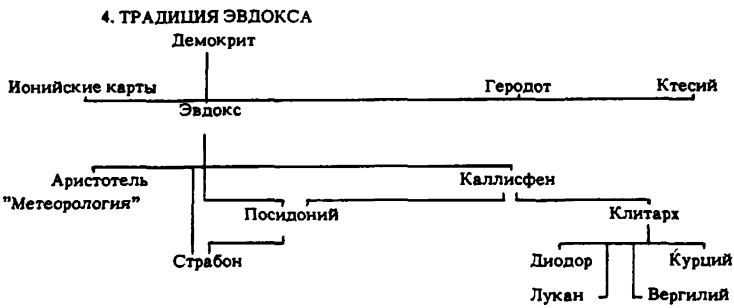
Есть основания полагать, что историки Александра придерживались четвертого из указанных значений стадия, а бематисты и Эратосфен — первого значения.

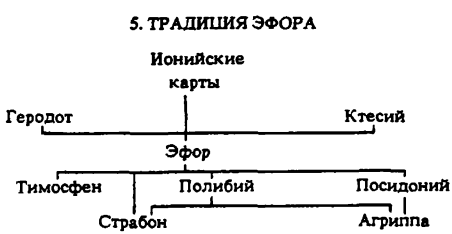
Более крупные путевые меры — парасанг и схен. И парасанг и схен сами античные авторы приравнивали к 30 стадиям. Абсолютные значения парасанга и схена также менялись. Есть основания считать, что схен Птолемея равнялся приблизительно 4,5 км.

СХЕМЫ РАЗВИТИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ У АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

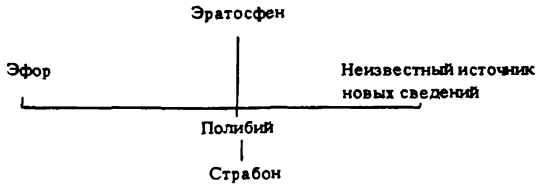






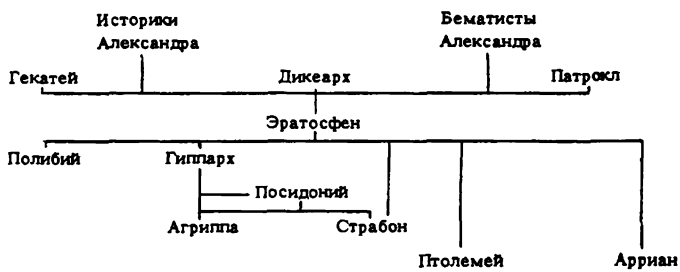


6. ТРАДИЦИЯ ПОЛИБИЯ

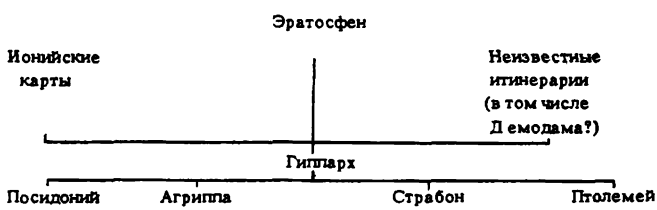


7. ТРАДИЦИЯ ДИКЕАРХА

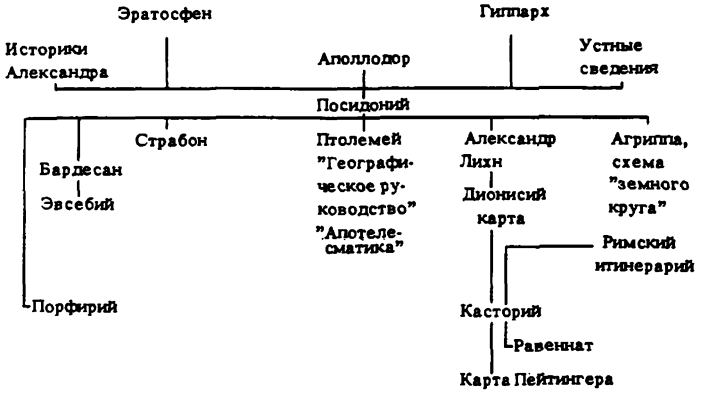
8. ТРАДИЦИЯ ЭРАТОСФЕНА



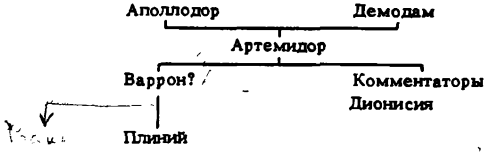
9. ТРАДИЦИЯ ГИППАРХА



10. ТРАДИЦИЯ ПОСИДОНИЯ

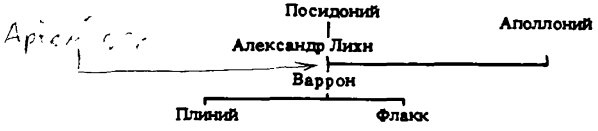


11. ТРАДИЦИЯ АРТЕМИДОРА

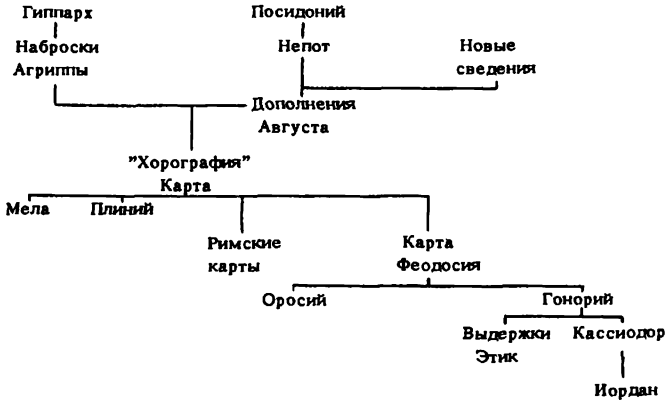


12. ТРАДИЦИЯ ВАРРОНА РЕАТИНСКОГО

13. ТРАДИЦИЯ ВАРРОНА АТАЦИНСКОГО



14. ТРАДИЦИЯ АГРИППЫ И АВГУСТА



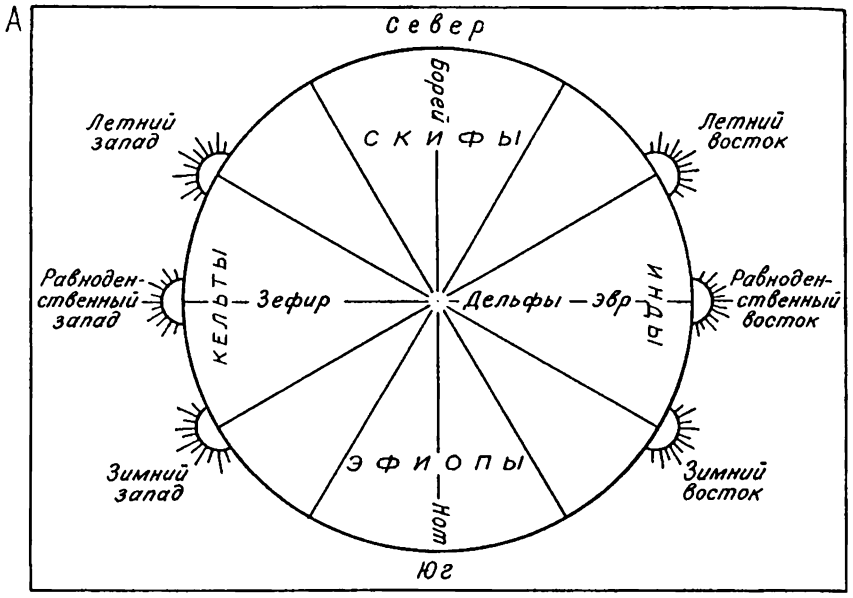
15. НАЗВАНИЯ (С РАЗНОЧТЕНИЯМИ) СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПЛЕМЕН У ПЛИНИЯ, МЕЛЫ И ПТОЛЕМЕЯ, ВОСХОДЯЩИЕ К ОДНОМУ ИСТОЧНИКУ (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО К ГИППАРХУ)

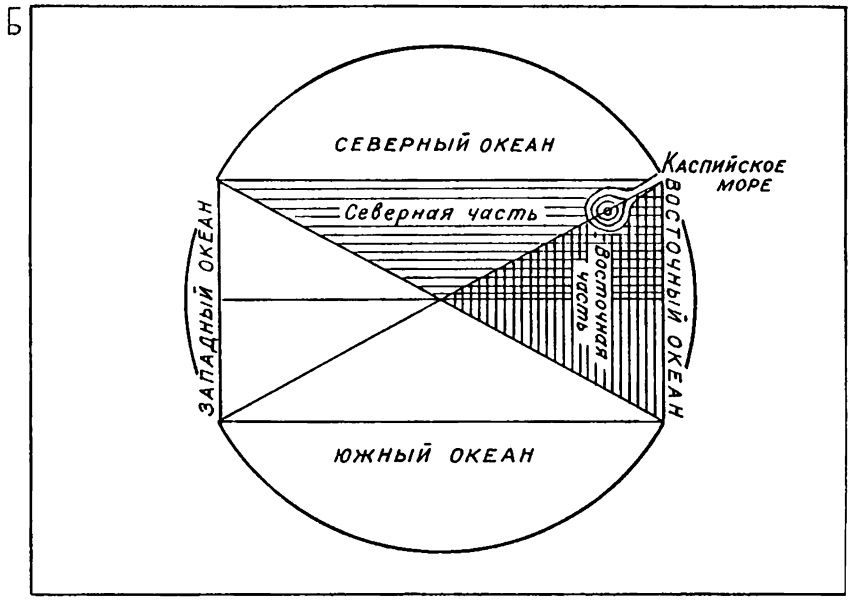
Плиний	Мела	Птолемей
Orciani		Ὄρσιτοι
Commori		Ἀμαρεῖς
Berdrigae (Vedrige)		Σαβάδιοι (Αὐάδιοι)
Harmatotrophi	Pharmacotrophi	Οὐαρνοι (Θάρνοι) Σκόρδαι
Citomarae (Chomarae)	Chomarae	Χόμαροι (Χόμανοι)
Comani (Coammani)	Choamani	Κῶμοι
Murrasiarae (Marucaei)		Μαρουκαῖοι
Mandruani (Mardieni)	Amardi	Μαρδυηνοί
Chorasmi		Χοράσμιοι
Gandari (Candari)	Gandari	Κάνδαροι
Paricani (Pariani)	Pariani	
Zarangae		
Drebices (Dribyces)		Δρυβάκται
Syrmatae		
Oxyttagae (Oxydracae)		Ὀξυδράγκαι (Ὀξυδράκαι)
Moci		
Bateni		
Saraparae		Σαλατέραι (Σαλατάραι)
[Zariaspae]		Ζαριάσπαι

АНТИЧНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СХЕМЫ И КАРТЫ

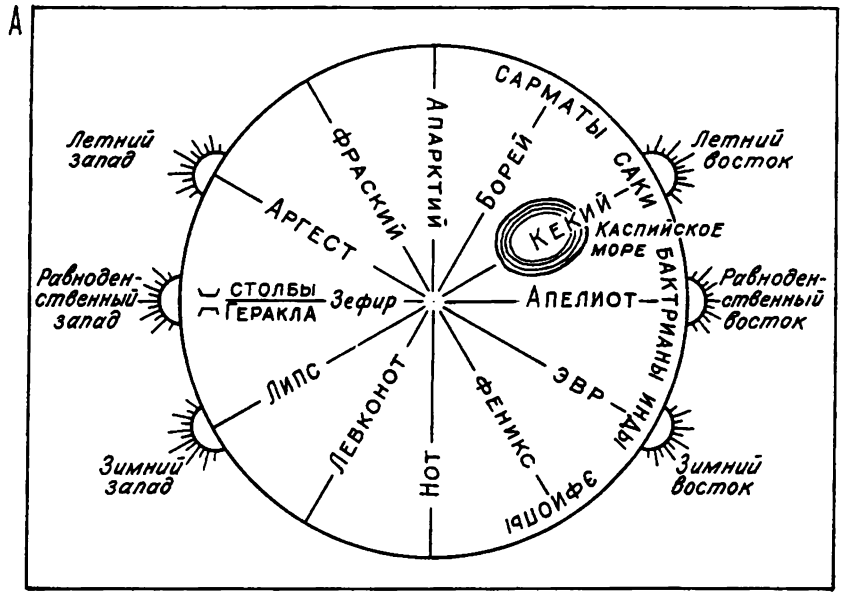
1. Схемы «земного круга»
   А. Общая ионийская схема
   Б. Схема Гонория
2. Схемы «земного круга»
   А. Схема Тимосфена
   Б. Схема Равенната
3. Климаты и параллели
   А. В традиции Эратосфена
   Б. В традиции Гиппарха
4. Тепловые пояса в традиции Посидония
5. Восток ойкумены в ионийской традиции
   А. В общей традиции
   Б. В традиции Гекатея
6. Восток ойкумены в традиции Эвдокса
   А. Основной компонент карты Эвдокса: представления Демокрита
   Б. Карта Эвдокса
7. Восток ойкумены в представлении спутников Александра
   А. До завершения индийского похода
   Б. После завершения индийского похода
8. Северо-восток ойкумены в традиции Эратосфена
   А. Карта Эратосфена
   Б. Географические представления Гиппарха, положенные в основу карт Посидония, Агриппы и Птолемея
9. Восток ойкумены на карте Дионисия:
   А. Основной компонент карты Дионисия: представления Посидония
   Б. Карта Дионисия
10. Восток ойкумены на карте Оросия
11. Речная система востока ойкумены на карте Гонория
    А. Карта Гонория
    Б. Прототип карты Гонория (карта традиции Агриппы)

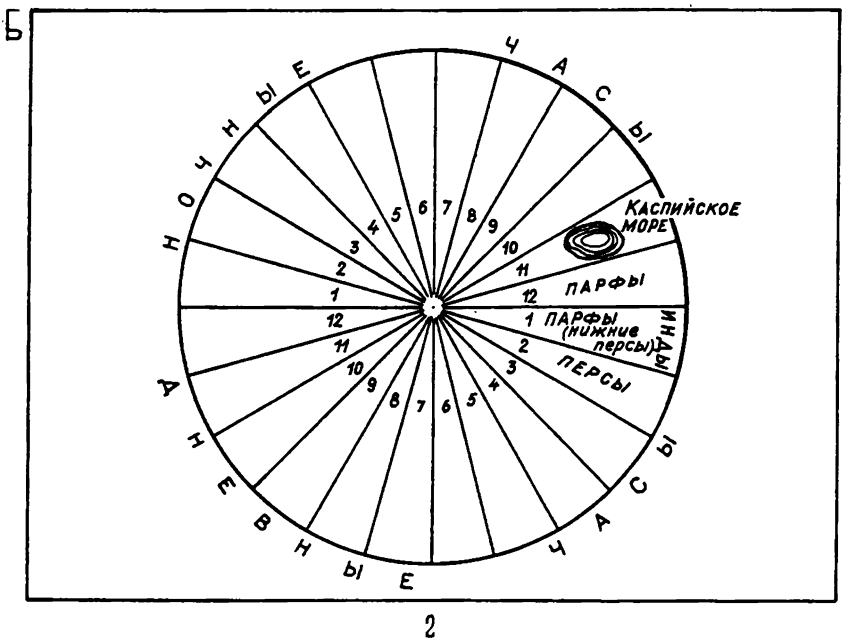
19 Зак. 230


А
Север
Борей
Летний запад
СКИФЫ
Летний восток
Равноденственный запад
Зефир
КЕЛЬТЫ
Дельфы — эвр
ИНДЫ
Равноденственный восток
Зимний запад
ЭФИОПЫ
Нот
Зимний восток
Юг


Б
СЕВЕРНЫЙ ОКЕАН
Каспийское море
Северная часть
ЗАПАДНЫЙ ОКЕАН
Восточная часть
ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН
ЮЖНЫЙ ОКЕАН

1

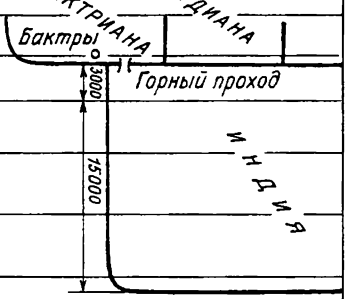

А
Летний запад
Летний восток
Равноденственный запад
Равноденственный восток
Зимний запад
Зимний восток
Фракский
Апарктий
Сарматы
Борей
Саки
Аргест
Кекий
Каспийское море
Бактриана
Столбы Геракла
Зефир
Апелиот
Липс
Левконот
Нот
Феникс
Эвр
Ливийские
Эфиопы


Б
Часы
Ночные
Северные
Каспийское море
Парфы
Парфы (нижние персы)
Персы
Индия
Южные
Антеборные
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

2

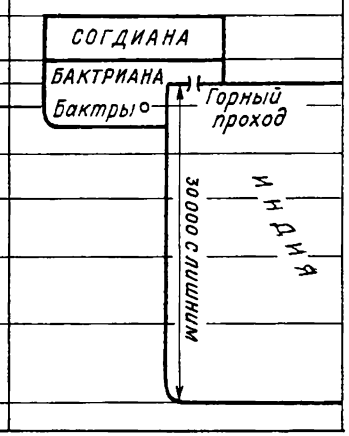
А

Параллели:	Расстояние между параллелями:
устья Борисфена	
	2500
середины Понта	
	2500
Геллеспонта	
	4000 ?
Родоса	
	4000
Александрии	
	5000
Сиены	
	5000
Мерое	
	11800
Экватор	

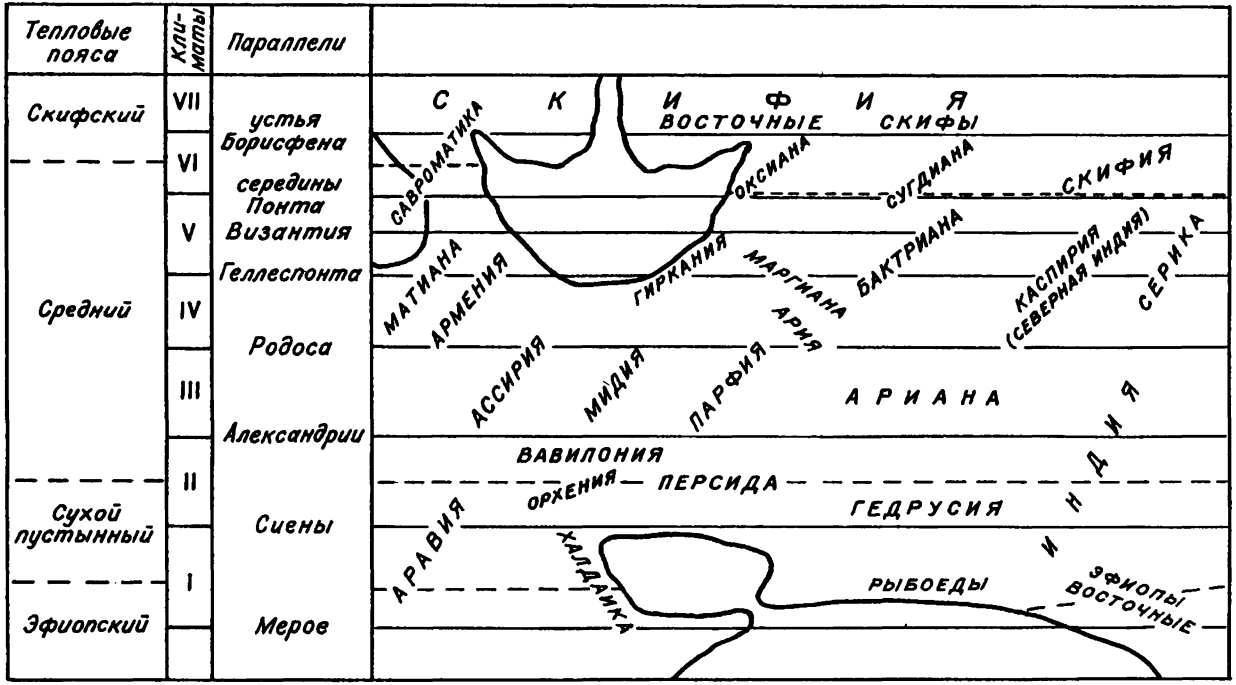


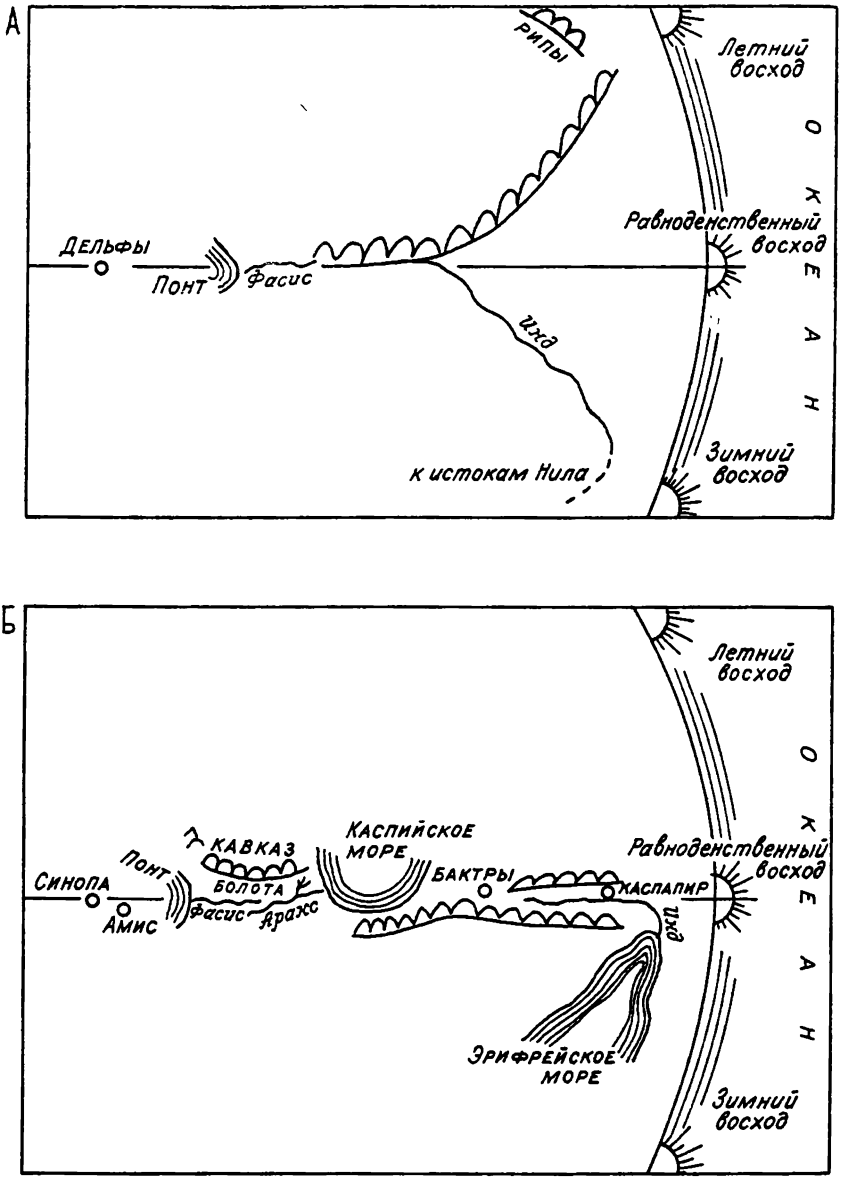
Б

Климаты	Параллели:	Широты	Расстояния между параллелями
VII	устья Борисфена	48°43′	
			2400
VI	середины Понта	45°17′	
			1400
V	Византия	43°17′	
			1500
	Геллеспонта	41°9′	
IV			3400
	Родоса	36°17′	
III			4000
	Александрии	30°34′	
II			4600
	Сиены	24°	
I			5000
	Мерое	16°51′	
			11800
	Экватор		

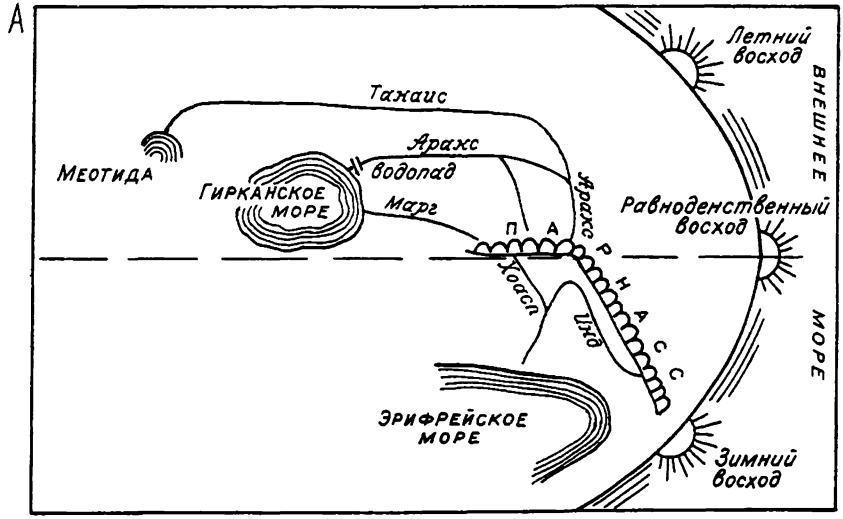


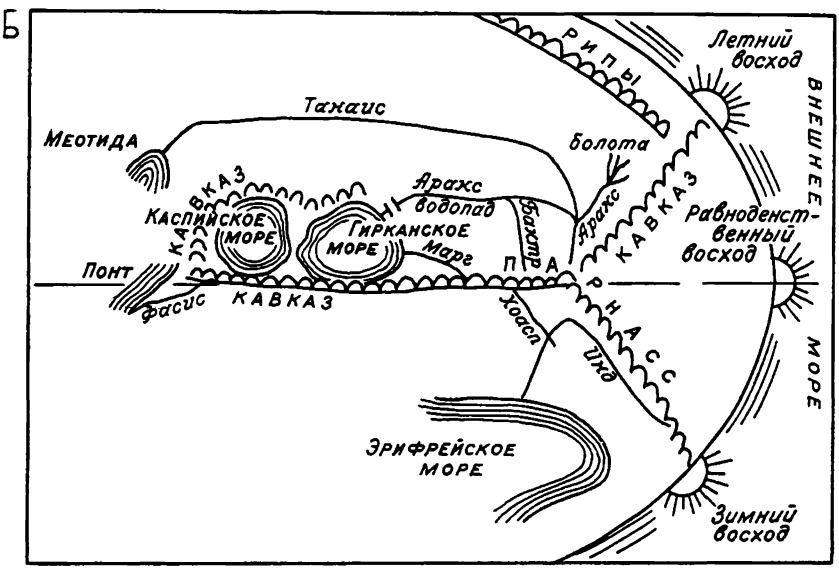
3


Тепловые пояса
Климаты
Параллели
Скифский
Средний
Сухой пустынный
Эфиопский
VII
VI
V
IV
III
II
I
устья Борисфена
середины Понта
Византия
Геллеспонта
Родоса
Александрии
Сиены
Мероэ
С К И Ф И Я
ВОСТОЧНЫЕ СКИФЫ
САВРОМАТИКА
ОКСИАНА
СУГДИАНА
СКИФИЯ
МАТИАНА
АРМЕНИЯ
ГИРКАНИЯ
МАРГИАНА
БАКТРИАНА
КАСПИРИЯ (СЕВЕРНАЯ ИНДИЯ)
СЕРИКА
АССИРИЯ
МИДИЯ
ПАРФИЯ
АРИЯ
А Р И А Н А
ВАВИЛОНИЯ
ОРХЕНИЯ
ПЕРСИДА
ГЕДРУСИЯ
И Н Д И Я
АРАВИЯ
ХАЛДАЙКА
РЫБОЕДЫ
ЭФИОПЫ ВОСТОЧНЫЕ

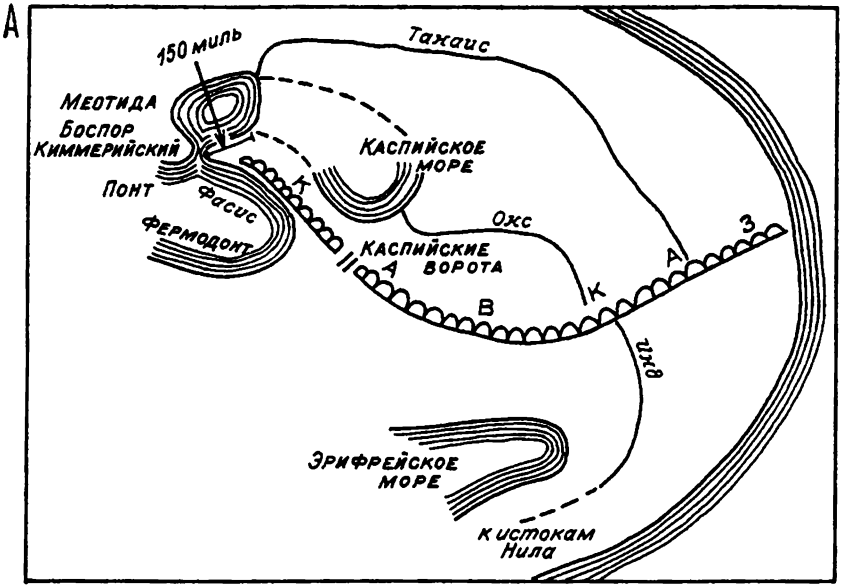

А
Рипы
Летний восход
О К Е А Н
Равноденственный восход
Дельфы
Понт
Фасис
Ихд
к истокам Нила
Зимний восход
Б
Летний восход
О К Е А Н
Равноденственный восход
Кавказ
Каспийское море
Понт
Синопа
Амис
Болота
Фасис
Дракс
Бактры
Каспапир
Ихд
Эрифрейское море
Зимний восход

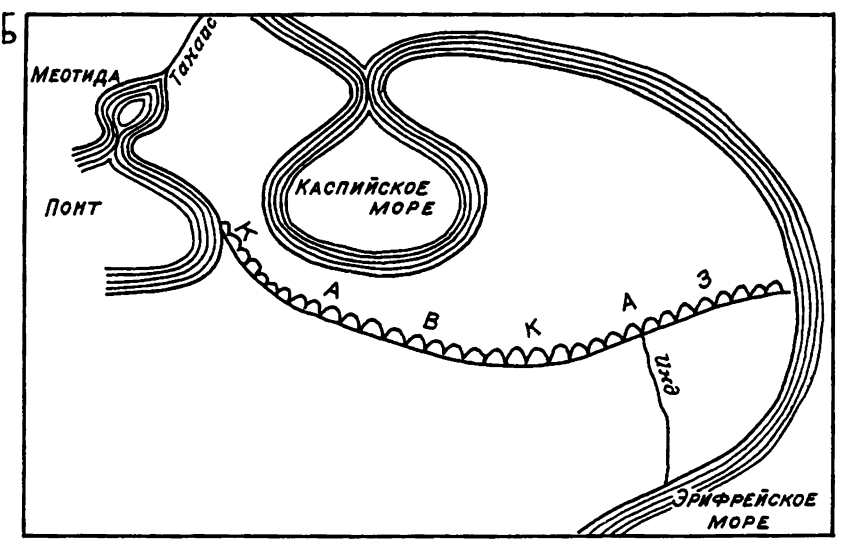
5


А
Летний восход
Внешнее море
Танаис
Меотида
Аракс
водопад
Гирканское море
Марг
Аракс
Равноденственный восход
П А Р Н А С С
Хоасп
Цнд
Эрифрейское море
Зимний восход


Б
Рипы
Летний восход
Внешнее море
Танаис
Меотида
болота
Аракс
водопад
Каспийское море
Кавказ
Гирканское море
Марг
Бахтр
Аракс
Кавказ
Равноденственный восход
Понт
Фасис
Кавказ
П А Р Н А С С
Хоасп
Цнд
Эрифрейское море
Зимний восход

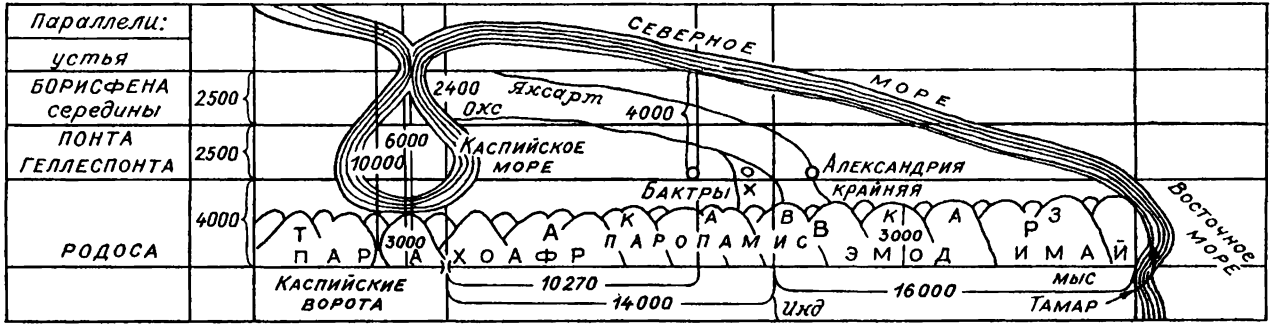
6


А
150 миль
Танаис
Меотида
Боспор
Киммерийский
Понт
Фасис
Фермодонт
Каспийское
море
Окс
Каспийские
ворота
Эрифрейское
море
к истокам
Нила

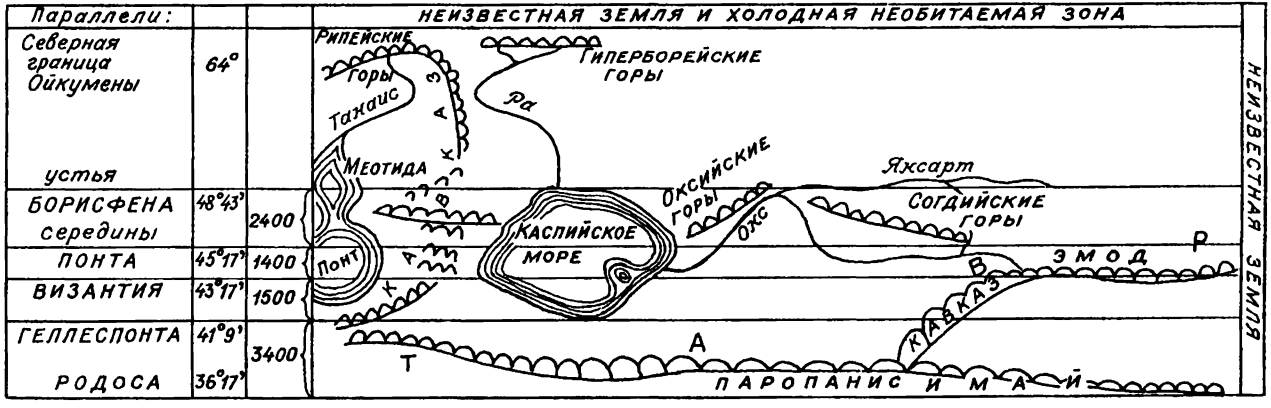

Б
Меотида
Танаис
Понт
Каспийское
море
Эрифрейское
море

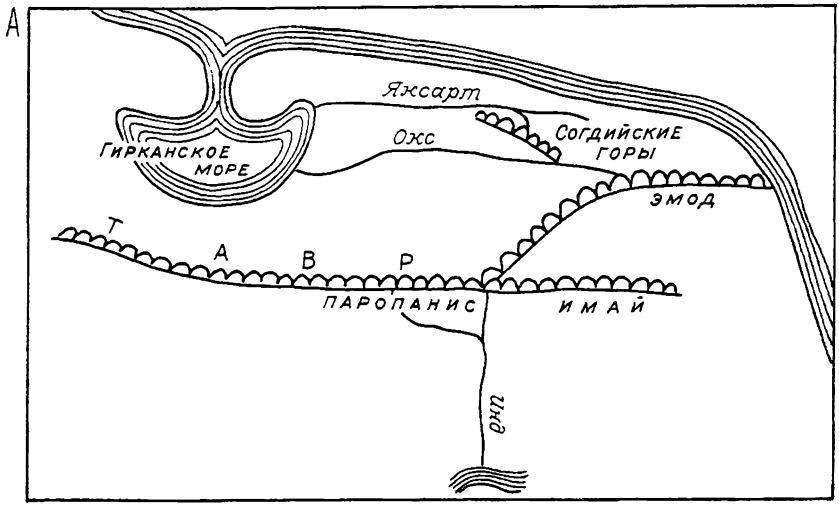
7

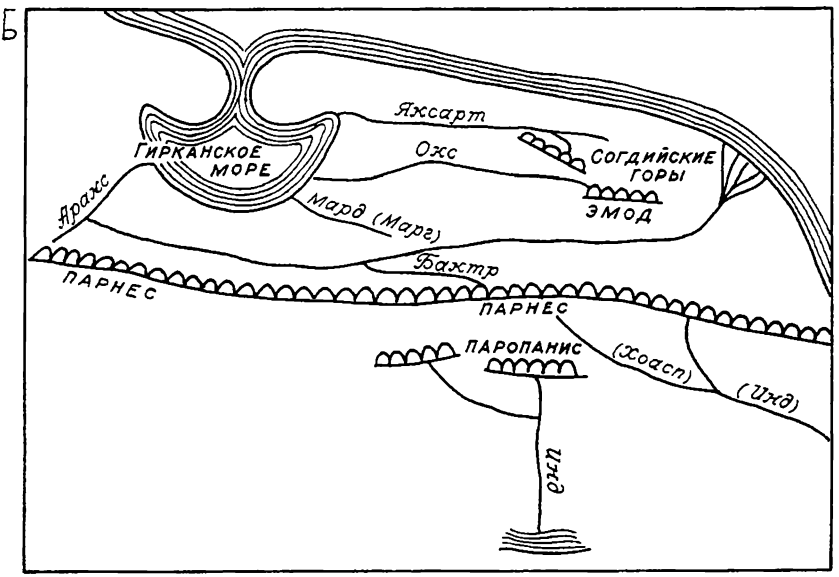
А


Параллели:
устья
БОРИСФЕНА середины
2500
ПОНТА ГЕЛЛЕСПОНТА
2500
РОДОСА
4000
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
2400
Оксс
Яксарт
4000
6000
10000
Каспийское море
Александрия крайняя
Бактры
Восточное море
ТАВРИКА
3000
ПАРОПАМИСАДЫ
КАВКАЗ
3000
ЭМОД
ИМАЙ
Каспийские ворота
10270
14000
Ихд
16000
мыс Тамар

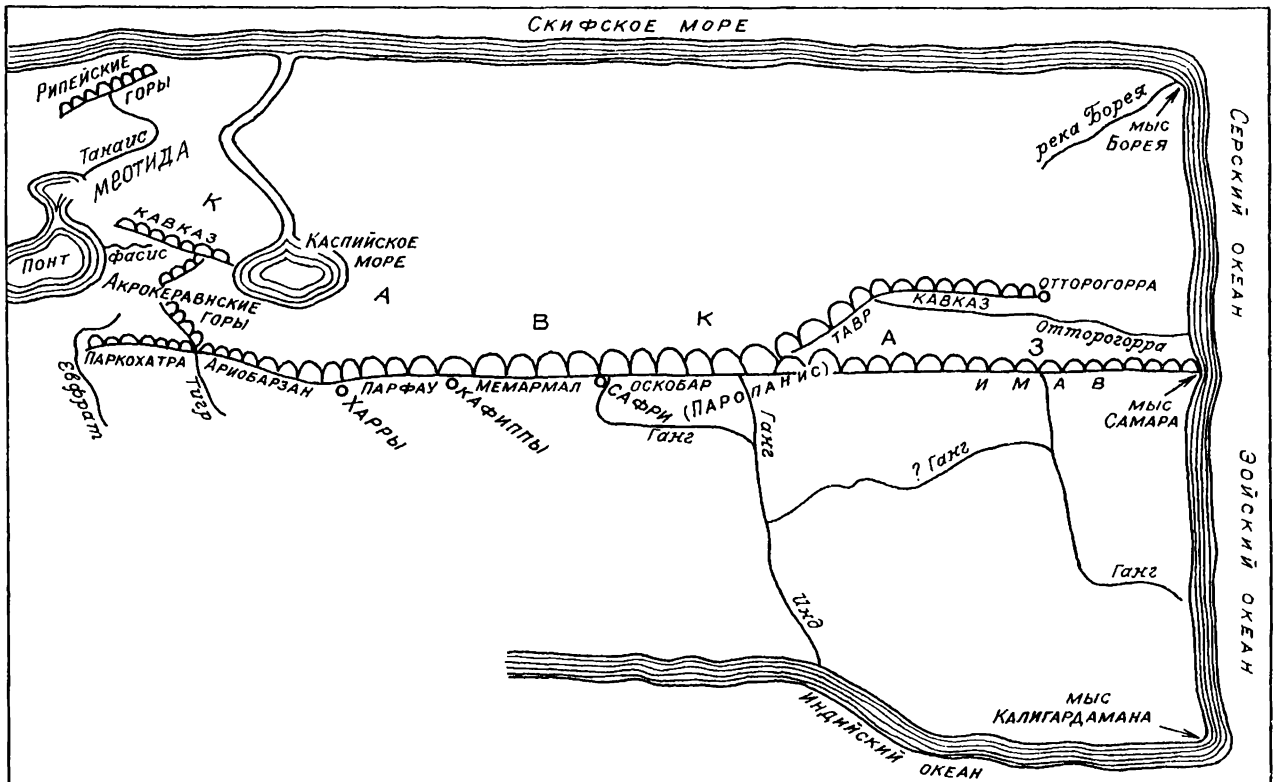
Б

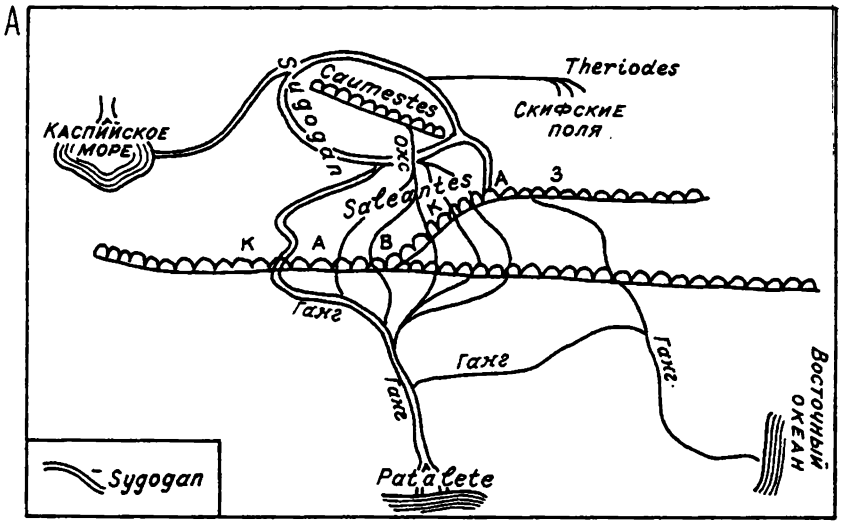

Параллели:
НЕИЗВЕСТНАЯ ЗЕМЛЯ И ХОЛОДНАЯ НЕОБИТАЕМАЯ ЗОНА
Северная граница Ойкумены
64°
устья
БОРИСФЕНА середины
48°43'
2400
ПОНТА
45°17'
1400
ВИЗАНТИЯ
43°17'
1500
ГЕЛЛЕСПОНТА
41°9'
3400
РОДОСА
36°17'
Рипейские горы
Гиперборейские горы
Танаис
Ра
ТАВРИКА
Меотида
Понт
КАВКАЗ
Каспийское море
Оксийские горы
Оксс
Яксарт
Согдийские горы
ЭМОД
КАВКАЗ
ПАРОПАНИСАДЫ
ИМАЙ
НЕИЗВЕСТНАЯ ЗЕМЛЯ

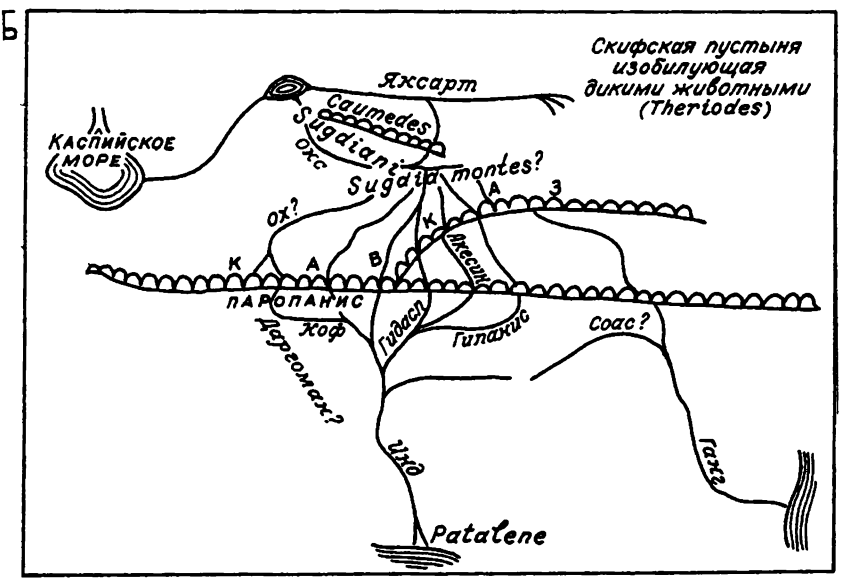

А
Яксарт
Согдийские горы
Гирканское море
Окс
Эмод
Т
А
В
Р
Паропанис
Имай
Инд


Б
Яксарт
Гирканское море
Окс
Согдийские горы
Эмод
Арахс
Мард (Маргиана)
Бактр
Парнес
Парнес
Паропанис
(Хоаспа)
(Инд)
Инд

9


Скифское море
Рипейские горы
Танаис
Меотида
Кавказ
Понт
Фасис
Каспийское море
Акрокеравнские горы
Паркохатра
Ариобарзан
Парфау
Мемармал
Оскобар
Сафри (Паропанис)
Тавр
Кавказ
Оттороггорра
Оттороггорра
Имаз
Мыс Самара
Река Борея
Мыс Борея
Серский океан
Эойский океан
Евфрат
Тигр
Харры
Сафиппы
Ганг
Ганг
? Ганг
Ганг
Инд
Индийский океан
Мыс Калигардамана


А
Theriodes
Скифские поля
Caumestes
Sygogan
Каспийское море
Oxc
Salea ntes
К
А
В
З
Ганг
Ганг
Ганг
Ганг
Восточный океан
Sygogan
Patalete


Б
Скифская пустыня изобилующая дикими животными (Theriodes)
Яксарт
Caumedes
Sugdiani
Oxc
Каспийское море
Sugdia montes?
А
З
Ох?
К
А
В
Яксарт
ПАРОПАНИС
Хоф
Гидасп
Гипанис
Соас?
Дардомах?
Инд
Ганг?
Patalene

11

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии. М.
СА — Советская археология. М.
СЭ — Советская этнография. М.
LA — Der kleine Pauly. Lexicon der Antike. Stuttgart—München, 1965—1975.
RE — Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G.Wissowa. Stuttgart—München, 1894—1980.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Античная география. Книга для чтения. Составитель проф. М.С.Боднарский. М., 1953.

Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893—1900; Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904—1906.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Изд. 2-е. — ВДИ. 1947, № 1 — 1949, № 4.

Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil I. B., 1923; Teil II. B., 1926—1930; Teil III. Leiden, 1950—1958.

Müllerus C. Fragmenta Historicorum Craecorum. Vol. 1. P., 1846 (C. et Th. Mülleri); Vol. 2. P., 1848; Vol. 3. P., 1849; Vol. 4. P., 1851; Vol. 5. P., 1870.

Müllerus C. Geographi Graeci Minores. Vol. 1. P., 1855; Vol. 2. P., 1861.

Müllerus C. Scriptores rerum Alexandri Magni. — Dübner F. Arriani Anabasis et Indica. P., 1877.

Peter H. Historicorum Romanorum Relliquiae. Vol. 1. Lipsiae, 1870; Vol. 2. Lipsiae, 1906.

Riese A. Geographi Latini Minores. Heilbronn, 1878.

Аммиан

Аммиан Марцеллин. История. Пер. с лат. Ю.А.Кулаковского и А.Сонни. Вып. 1—3. Киев, 1906—1908.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt. Rec. F. Eyssenhardt. B., 1871.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt. Rec. V.Gardthausen. Vol. 1—2. Lipsiae, 1874—1875.

Аристотель

Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1—4. М., 1976—1983.

Aristotelis Opera omnia. Graece et latine... Vol. 1—5. P., 1848—1874.

The Works of Aristotle. Transl. into Engl. under the editorship of W.D.Ross. Oxf., 1910—1931.

Aristoteles. Meteorologie. Hrsg. u. übertr. ... von P.Gohlke. Paderborn, 1955.

Alexandri in Aristotelis Meteorologicorum libres commentarium ed. M.Hayduck. B., 1890.

Арриан

Арриан, Флавий. Поход Александра. Пер. с древнегреч. М.Е.Сергеенко. М.—Л., 1962.

Арриан. Индия. — ВДИ. 1940, № 2.

Flavii Arriani Quae exstant omnia. Ed. A.G.Roos. Vol. 1—2. Lipsiae, 1907—1928.

Вергилий

Вергилий, Публий Марон. Энеида. Пер. В.Брюсова и С.Соловьева. Ред. ... Н.Ф.Дератани. М.—Л., 1933.

P.Vergilii Maronis Opera ad optimorum librorum fidem ed. ... A.Forbiger. Vol. 1—3. Lipsiae, 1872—1875.

Vergilius, Publius Maro. Texte établi par Goelzer. T. 1—3. P., 1935.

Commentarii in Vergilium... qui M.Servio Honorato tribuuntur. Vol. 1—2. Göttingae, 1826.

Геродот

Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф.Г.Мищенко. Изд. 2-е. Т. 1—2. М., 1888.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А.Стратановского. Л., 1972.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Herodoti Historiarum Libri IX ed. H.Kallenberg. Vol. 1—2. Lipsiae, 1903—1906.

Диодор

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Пер. М.Алексеева. Ч. 1—6. СПб., 1774—1775.

Diodori Bibliotheca Historica. Rec. F.Vogel et C.Th. Fischer. Vol. 1—5. Lipsiae, 1888—1906.

Иордан

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступит. статья, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской. М., 1960.

Касторий

Miller K. Die Weltkarte des Castorius genannt die Peutingersche Tafel. Ravensburg, 1887.

Miller K. Itineraria Romana... Stuttgart, 1916.

Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324. Bd. 1. Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat. Bd. 2. Kommentar von E.Weber. Graz, 1976.

Курций

Курций Руф, Квинт. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Под ред. В.С.Соколова. М., 1963.

Q.Curti Rufi Historiarum Alexandri Magni Macedonis Libri qui supersunt. Rec. E.Hedicke. Lipsiae, 1908.

Curtius, Quintus Rufus. Histoires. Texte établi et trad. par H.Bardon. T. 1—2. P., 1947—1948.

Лукан

Лукан, Марк Анней. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. Пер. Л.Е.Остроумова. Ред. ... Ф.А.Петровского. М.—Л., 1951.

M.Annei Lucani Belli civilis Libri X. Ed. Hosius. Lipsiae, 1913.

Lucanus, Marcus Annaeus. La guerre civile (La Pharsale). Texte établi et trad. par A.Bourgery. T. 1—2. P., 1926—1929.

Мела

Pomponii Melae De Chorographia libri tres. Rec. C.Frick. Lipsiae, 1880.

Mela, Pomponius. Geographie des Erdkreises... Aus dem Lat. übers. und erl. von H.Philipp. T. 1—2. Lpz., 1911—1912.
Pomponii Melae De Chorographia. Libri tres. Ed. C.Ranstrand. Stockholm, 1971.
Ranstrand G. Textkritische Beiträge zu Pomponius Mela. Stockholm, 1971.
Оросий
Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII. Rec. ... C.Zangemeister. Vindobonae, 1882.
Плиний
C.Plini Secundi Naturalis Historiae libri XXXVII. Rec. et... ed. C.Mayhoff. Vol. 1—4. Lipsiae, 1892—1909.
Pliny. Natural History. With an Engl. transl. Vol. 1—10. Cambridge (Mass.), London, 1938—1962.
Die geographischen Bücher der Naturalis Historia des C.Plinius Secundus mit vollständigem kritischen Apparat. Hrsg. D.Detlefsen. B., 1904.
Полибий
Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Пер. Ф.Г.Мищенко. Т. 1—3. М., 1890—1899.
Polybii Historiae. Ed. a L.Dindorfio curatam retr. Th. Buettner — Wobst. Ed. stereotyp. ed. prioris. Stutgardiae, 1962.
Порфирий
Porphyrii philosophi Platonici Opuscula selecta iterum rec. A.Nauck. Lipsiae, 1886.
Птолемей
Claudii Ptolemaei Opera quae exstant omnia. Vol. 1—3. Lipsiae, 1898—1961.
Claudii Ptolemaei Geographia. Ed. C.F.A.Nobbe. T. 1—3. Lipsiae, 1843—1845.
Claudii Ptolemaei Geographia. Ed. ... C.Müllerus. Vol. I. Pt. 1—2. P., 1883—1892.
Schnabel P. Text und Karten des Ptolemäus. Lpz., 1938.
Ptolemaios. Geographie 6, 9—21. Ostiran und Zentralasien. Teil I. Griechischer Text neu hrsg. und ins Deutsche übertr. von I. Ronca. Rom, 1971.
Ptolemy. Tetrabiblos. Ed. and transl. into Engl. by F.E.Robbins. Cambridge (Mass.) — London, 1948.
Равеннат
Ravennatis Anonymi Cosmographia et Gvidonis Geographica... Ed. M.Pinder et G.Parthey. B., 1860.
Ravennas Anonymus. Cosmographia. Zum ersten Mal übers. von T.Schnetz. Uppsala, Copenhagen, 1951.
Страбон
Страбон. География в семнадцати книгах. Пер. Ф.Г.Мищенко. М., 1879.
Страбон. География в семнадцати книгах. Пер., статья и коммент. Г.А.Стратановского. Л., 1964.
Strabo. The Geography. With an Engl. transl. by H.L.Jones. Vol. I—VIII. Cambridge (Mass.) — London, 1944—1961.
Феофраст
Феофраст. Исследование о растениях. Пер. с древнегреч. и примеч. М.Е.Сергеенко. М., 1951.
Theophrastus. Enquiry into Plants and Minor Works on Odours and Weather Signs. With an Engl. transl. by A.Hort. Vol. 1—2. Cambridge (Mass.) — London, 1968.

Филострат
Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. Издание подготовила Е.Г.Рабинович. М., 1985.
Philostrate. Apollonius de Tyane. Ouvrages traduits du grec... par A.Chassang. P., 1862.
Philostratorum et Callistrati Opera. Rec. A. Westermann. P., 1978.
Флакк
Valerii Flacci Balbi Argonauticon libri VIII. Ed. O.Kramer. Lipsiae, 1913.
Valerius Flaccus. Argonautica. With an Engl. transl. by J.H.Mozley. Cambridge (Mass.) — London, 1934.
Эвсебий
Eusebii Caesariensis Opera. Rec. Gu. Dindorfius. Vol. 1—4. Lipsiae, 1867—1871.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арский, 1974 — *Арский Ф.Н.* Страбон. М., 1974.
Асмус, 1960 — *Асмус В.Ф.* Демокрит. М., 1960.
Баженов, 1940 — Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э.— III в. н.э.). Хрестоматия. Под ред. Л.В.Баженова. Таш., 1940.
Баммель, 1935 — *Баммель Г.К.* Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. М., 1935.
Бартольд, II, 1, 1963 —*Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. — Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
Бартольд, II, 2, 1964 — *Бартольд В.В.* Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток. — Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964.
Бартольд, III, 1965 — *Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. — Сочинения. Т. III. М., 1965.
Берг, III, 1960 — *Берг Л.С.* Очерки истории исследований в связи с историей картографии Аральского моря. — Избранные труды. Т. III. М., 1960.
Бокщанин, I, 1960; II, 1966 — *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. [Ч. 1]. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960. Ч. 2. Система политического дуализма в Передней Азии. М., 1966.
Бокщанин, 1981 — *Бокщанин А.Г.* Источниковедение древнего Рима. М., 1981.
Бонгард-Левин, 1962 — *Бонгард-Левин Г.М.* Аграмес—Уграсена—Нанда и воцарение Чандрагупты. — ВДИ. 1962, № 4.
Бонгард-Левин, 1973 — *Бонгард-Левин Г.М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
Бонгард-Левин, Ильин, 1969 — *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969.
Бонгард-Левин, Ильин, 1985 — *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985.
Борухович, 1976 — *Борухович В.Г.* В мире античных свитков. Саратов, 1976.

Виц, 1979 — *Виц Б.Б.* Демокрит. М., 1979.
Вязигин, I, 1946; II, 1949 — *Вязигин С.А.* Материалы по исторической географии Туркменистана [I]. Реки Туркменистана по сведениям античных географов. — Известия Туркменского филиала АН СССР, 1946, № 3—4; II. Растительность, животный мир и полезные ископаемые Туркменистана по сведениям античных географов. — Изв. Туркменского филиала АН СССР. 1949, № 1.
Гафуров, Цибукидис, 1980 — *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
Горбунова, 1976 — *Горбунова Н.Г.* Фергана по сведениям античных авторов. — История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
Грабарь-Пассек, 1969 — *Грабарь-Пассек М.Е.* Философский роман. Филострат. «Жизнь Аполлония Тианского». — Античный роман. М., 1969.
Грантовский, 1962 — *Грантовский Э.А.* Сагартии и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота (III, 93). — КСИНА. 46, 1962.
Грантовский, 1963 — *Грантовский Э.А.* Из истории восточноиранских племен на границах Индии. — КСИНА. 61, 1963.
Грацианская, 1978 — *Грацианская Л.И.* Особенности компилятивного метода Страбона. — Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978.
Грацианская, 1978а — *Грацианская Л.И.* Особенности компилятивного метода Страбона (Определение истинного—ложного). — Методика изучения древнейших источников по истории СССР. М., 1978.
Грацианская, 1979 — *Грацианская Л.И.* ΟΙ ΠΕΡΙ у Страбона. — Проблемы античной истории и культуры. Вып. 1. Ер., 1979.
Григорьев, 1871 — *Григорьев В.В.* О скифском народе саках. СПб., 1871.
Гумбах, 1975 — *Гумбах Г.* Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
Дандамаев, 1963 — *Дандамаев М.А.* Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.). М., 1963.
Дандамаев, Луконин, 1980 — *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
Десятчиков, 1973 — *Десятчиков Ю.М.* Сатархи. — ВДИ. 1973, № 1.
Дитмар, 1959 — *Дитмар А.Б.* К вопросу о космогонических и географических взглядах Демокрита. — Ученые записки Ярославского пединститута. Вып. 32. Ярославль, 1959.
Дитмар, 1961 — *Дитмар А.Б.* От Скифии до Элефантины. Жизнь и путешествия Геродота. М., 1961.
Дитмар, 1965 — *Дитмар А.Б.* Родосская параллель. Жизнь и деятельность Эратосфена. М., 1965.
Дитмар, 1968 — *Дитмар А.Б.* К истории возникновения и развития физико-географических идей в античной науке. — Очерки по истории геолого-географических знаний. Ярославль, 1968.
Дитмар, 1969 — *Дитмар А.Б.* Анаксимандр и начало древнегреческой географии. — Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2 (27). М., 1969.
Дитмар, 1972 — *Дитмар А.Б.* О географическом районировании ойкумены в античное время. — Вопросы истории и теории землеведения. Ярославль, 1972.

Дитмар, 1973 — *Дитмар А.Б.* Рубежи ойкумены. М., 1973.
Дитмар, 1980 — *Дитмар А.Б.* География в античное время (Очерки развития физико-географических идей). М., 1980.
Доватур, 1957 — *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
Доватур, Каллистов, Шишова, 1982 — *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
Дьяконов, 1956 — *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. М.—Л., 1956.
Дьяконов, 1954 — *Дьяконов М.М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии. — СА. Т. XIX, 1954.
Дьяконов, 1961 — *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
Ельницкий, 1961 — *Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.
Ельницкий, 1962 — *Ельницкий Л.А.* Древнейшие океанские плавания. М., 1962.
Ельницкий, 1977 — *Ельницкий Л.А.* Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.
Жебелев, 1953 — *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.—Л., 1953.
Заходер, I, 1962; II, 1967 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. [Т. I] Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962; Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.
Зубов, 1962 — *Зубов В.П.* Аристотель. М., 1962.
Иванов, 1973 — *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание (Методологические аспекты). Томск, 1973.
История таджикского народа, I, 1963 — История таджикского народа. Т. I. М., 1963.
Источниковедение древней Греции, 1982 — Источниковедение древней Греции. М., 1982.
Источниковедение истории древнего Востока, 1984. — Источниковедение истории древнего Востока. М., 1984.
Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене, 1980 — Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
Костюхин, 1972 — *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
Кошеленко, 1979 — *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
Крюгер, 1962 — *Крюгер О.О.* Арриан и его труд «Поход Александра». — Арриан. Поход Александра. М.—Л., 1962.
Кузнецова, 1969 — *Кузнецова Т.И.* Историческая тема в греческом романе. «Роман об Александре». — В кн.: Античный роман. М., 1969.
Куклина, 1985 — *Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
Литвинский, 1969 — *Литвинский Б.А.* Sakā Haumavargā в свете археологических исследований. — В кн.: Beiträge zur Alten Geschichte und

deren Nachleben. Festschrift für F.Altheim zum 6.10.1968. Bd. 1. B., 1969.
Литвинский, 1972 — *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
Лордкипанидзе, 1957. — *Лордкипанидзе О.Д.* О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху. — Сообщения АН Грузинской ССР. Т. 19. 1957, № 3.
Лунин, 1984 — История Узбекистана в источниках (Древний период). Сост. Б.В.Лунин. Таш., 1984.
Лурье, 1947— *Лурье С.Я.* Геродот. М.—Л., 1947.
Лурье, 1970 — *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты, переводы, исследования. Л., 1970.
Маковельский, 1946 — *Маковельский А.О.* Древнегреческие атомисты. Баку, 1946.
Максимова, 1956 — *Максимова М.И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.—Л., 1956.
Мандельштам, 1957 — *Мандельштам А.М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. Сталинабад, 1957.
Массон, 1959 — *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.—Л., 1959.
Массон, Ромодин, I, 1964 — *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI в. М., 1964.
Мончадская, 1961 — *Мончадская Е.А.* О правителях Бактрии и Согдианы VI—IV веков до н.э. (Из древней истории народов Средней Азии). — Культура и искусство народов Востока. Вып. 6. Л., 1961.
Мукашова, 1972 — *Мукашова Р.Р.* К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности. — Древний Восток и античный мир. М., 1972.
Нахов, 1981 — *Нахов И.М.* Киническая литература. М., 1981.
Немировский, 1974 — *Немировский А.И.* Полибий как историк. — ВИ. 1974, № 6.
Немировский, 1979 — *Немировский А.И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979.
Пигулевская, 1951 — *Пигулевская Н.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., 1951.
Подосинов, 1978— *Подосинов А.В.* К проблеме интерпретации античных историко-географических источников по истории народов СССР (Mela, I, 11—13). — Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978.
Подосинов, 1978а — *Подосинов А.В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы). — Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978.
Подосинов, 1979 — *Подосинов А.В.* Из истории античных географических представлений. — ВДИ. 1979, № 1.
Попов, 1958 — *Попов М.Г.* Плющ (hedera) в Западном Тянь-Шане (К истории развития флоры Туркестана). — Избр. сочинения. Аш., 1958.

Проблема Аральского моря, 1969 — Проблема Аральского моря. М., 1969.
Пьянков, 1964 — *Пьянков И.В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. — ВДИ. 1964, № 3.
Пьянков, 1965 — *Пьянков И.В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. — ВДИ. 1965, № 2.
Пьянков, 1968 — *Пьянков И.В.* «Саки» (Содержание понятия). — Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук, 1968, № 3.
Пьянков, 1969 — *Пьянков И.В.* [Рец. на]: *Daffinà P.* L'immigrazione dei Sakā nella Drangiana. Roma, 1967. — ВДИ. 1969, № 4.
Пьянков, 1970 — *Пьянков И.В.* Мараканды. — ВДИ. 1970, № 1.
Пьянков, 1971 — *Пьянков И.В.* Список восточных сатрапий державы Ахеменидов у Ктесия. — Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душ., 1971.
Пьянков, 1972 — *Пьянков И.В.* Хорасмии Гекатея Милетского. — ВДИ. 1972, № 2.
Пьянков, 1972а — *Пьянков И.В.* Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов (Собрание отрывков и комментарии). Душ., 1972.
Пьянков, 1975 — *Пьянков И.В.* Массагеты Геродота. — ВДИ. 1975, № 2.
Пьянков, 1975а — *Пьянков И.В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (Текст, перевод, примечания). Душ., 1975.
Пьянков, 1975б — *Пьянков И.В.* Ктесий как историк. — Античная древность и средние века. Сб. 11. Свердловск, 1975.
Пьянков, 1975в — *Пьянков И.В.* Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов. — Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции, ноябрь 1975 г. Л., 1975.
Пьянков, 1977 — *Пьянков И.В.* Массагеты, соседи индийцев. — Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
Пьянков, 1978 — *Пьянков И.В.* Таниоксарк и Бактрия. — Материальная культура Таджикистана. Вып. 3. Душ., 1978.
Пьянков, 1978а — *Пьянков И.В.* Кочевники Казахстана VII в. до н.э. и античная литературная традиция. — Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
Пьянков, 1982 — *Пьянков И.В.* Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). Душ., 1982.
Пьянков, 1983 — *Пьянков И.В.* Хорезм в античной письменной традиции. — Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душ., 1983.
Пьянков, 1985 — «Шелковый» путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок). — Памироведение. Вып. 2. Душ., 1985.
Рабинович, 1985 — *Рабинович Е.Г.* «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата. — *Флавий Филострат.* Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985.
Редин, 1906 — *Редин Е.К.* Страны света и народы по Эфору в лицевых списках сочинения Индикоплова. — Византийский временник. Т. 13. СПб., 1906.

Риттер и Григорьев, 1867 — *Риттер К.* Землеведение. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических замечаний и дополнений... В.В.Григорьев. СПб., 1867.
Риттер и Григорьев, 1873 — *Риттер К.* Землеведение. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил... В.В.Григорьев. Вып. 2. Дополнения. Отдел 1. Историко-географический. СПб., 1873.
Рожанский, 1981 — *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т. 3 (под ред. И.Д.Рожанского). М., 1981.
Ростовцев, 1925 — *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
Савицкий, 1940 — *Савицкий Г.И.* Древняя Согдиана (до эпохи греко-македонского владычества) по данным античных писателей. — Труды Самаркандского государственного пединститута. Т. 1. Вып. 1. Самарканд, 1940.
Савицкий, 1941 — *Савицкий Г.И.* Древняя Бактриана. Вып.1 (Известия античных писателей о Средней Азии. II.). — Труды Самаркандского государственного пединститута. Т. 2. Самарканд, 1941.
Сергеенко, 1951 — *Феофраст.* Исследование о растениях. Пер. с древнегреч. и примеч. М.Е.Сергеенко. М., 1951.
Скржинская, 1960 — *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Вступит. статья, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской. М., 1960.
Скржинская, 1977 — *Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
Скржинская, 1980 — *Скржинская М.В.* «Перипл Понта Евксинского» анонимного автора. — Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
Соколов, 1963 — *Курций Руф, Квинт.* История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Под ред. В.С.Соколова. М., 1963.
Ставиский, 1977 — *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
Стратановский, 1964 — *Страбон.* География в семнадцати книгах. Пер., статья и коммент. Г.А.Стратановского. Л., 1964.
Струве, 1968 — *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
Толстов, 1947 — *Толстов С.П.* Из предыстории Руси (Палеоэтнографические этюды). — СЭ. Вып. VI—VII, 1947.
Толстов, 1948 — *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
Толстов, 1948а — *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
Толстов, 1962 — *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Томсон, 1953 — *Томсон Дж.О.* История древней географии. М., 1953.
Тревер, 1959 — *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. — VII в. н.э. М.—Л., 1959.
Фарсобин, 1983 — *Фарсобин В.В.* Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.
Федчина, 1967 — *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967.
Фрай, 1972 — *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972.

Фролов, 1963 — *Фролов Ю.С.* От Клавдия Птолемея до Ригоберта Бонна. — Вестник Ленинградского университета. 1963, № 6 (Серия геологии и географии. Вып. 1).
Хазанов, 1975 —*Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
Хенниг, I, 1961; II, 1961 — *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. 1, 2. М., 1961.
Хлопин, 1969 — *Хлопин И.Н.* Этногеография державы Ахеменидов по Геродоту. — Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1969.
Хлопин, 1983 — *Хлопин И.Н.* Историческая география южных областей Средней Азии. Аш., 1983.
Чистяков, 1983 — *Полемон Периэгет.* Фрагменты. Вступит. статья, перевод и комментарии Г.П.Чистякова. — ВДИ. 1983, № 3.
Шахермайр, 1984 — *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984.
Шелов, 1977 — *Шелов Д.Б.* Из античной литературной традиции о Митридатовых войнах (Посидоний и Цицерон). — История и культура античного мира. М., 1977.
Шелов-Коведяев, 1988 — *Скилак Кариандский.* Перипл обитаемого моря. Пер. с древнегреч., вступит. статья и комментарии Ф.В.Шелова-Коведяева. — ВДИ. 1988, № 1.
Шибанов, 1968 — *Шибанов Ф.А.* Несколько новых фактов из истории картографии древнего мира (Греции и Рима). — Вестник Ленинградского университета. Л., 1968, № 6 (Геология, география. Вып. 1).
Шишова, 1982 — *Шишова И.А.* Представление об Океане у античных авторов. — ВДИ. 1982, № 3.
Шофман, 1974 — *Шофман А.С.* Каллисфен. — ВИ. 1974, № 6.
Шофман, 1976 — *Шофман А.С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
Шталь, 1975 — *Шталь И.В.* Гомеровский эпос в литературной критике Страбона. — Древнегреческая литературная критика. М., 1975.
Юсупов, 1976 — *Юсупов Х.* Узбой в античное время в свете новых археологических данных. — Известия АН Туркменской ССР. 1976, № 6 (Серия общественных наук).
Abel, 1974 — *Abel K.* Zone. — RE. Suppl. Bd.14, 1974.
Altheim I, 1947; II, 1948 — *Altheim F.* Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. 1. Bd. Halle, 1947; 2. Bd. Halle, 1948.
Altheim und Stiehl, 1970 — *Altheim F., Stiehl R.* Geschichte Mittelasiens im Altertum. B., 1970.
Aly, 1957 — *Aly W.* Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographika. Bonn, 1957.
Aujac, 1975 — *Aujac G.* La Géographie dans le monde antique. P., 1975.
Barber, 1935 — *Barber G.L.* The Historian Ephorus. Cambridge, 1935.
Bardon, 1947, 1948 — *Curtius, Quintus Rufus.* Histoires. Texte établi et trad. par H.Bardon. T. 1—2. P., 1947—1948.
Behr, 1888 — *Behr A.* De Apollodori Artamiteni reliquis atque aetate: Argentorati, 1888.
Berger, 1880 — *Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Lpz., 1880.

Berger, 1903 — *Berger H.* Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. 2. Aufl. Lpz., 1903.
Bernard, 1985 — *Bernard P.* Fouilles d'Ai Khanoum. IV. P., 1985.
Bernard, Francfort, 1978 — *Bernard P., Francfort H.-P.* Etudes de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum (Afghanistan). P., 1978.
Berthelot, 1930 — *Berthelot A.* L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolémée. P., 1930.
Berve, 1942 — *Berve H.* Das geographische Weltbild Alexanders des Grossen. — Forschungen und Fortschritte. 18, 1942, № 19—20.
Boer, 1959 — *Boer E.* Ptolemaios 66. Astrologische Schriften. — RE. Bd. 23, 1959.
Bolchert, 1908 — *Bolchert P.* Aristoteles Erdkunde von Asien und Lybien. B., 1908.
Boll, 1894 — *Boll F.* Studien über Claudius Ptolemäus. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Philosophie und Astrologie. Lpz., 1894.
Bolton, 1962 — *Bolton J.D.P.* Aristeas of Proconnesus. Oxf., 1962.
Borzsàk, 1979 — *Borzsàk* I. Zum Zeitansatz des Q. Curtius Rufus. — Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.
Bretzl, 1903 — *Bretzl H.* Botanische Forschungen des Alexanderzuges. Lpz., 1903.
Brown, 1949 — *Brown T.S.* Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography. Berkeley — Los Angeles, 1949.
Brown, 1950 — *Brown T.S.* Clitarchus. — American Journal of Philology. LXXI, 1950.
Brown, 1966 — *Brown T.S.* Callisthenes and Alexander. — Alexander the Great. The Main Problems. Cambridge — N.Y., 1966.
Brunt, 1962 — *Brunt P.A.* Persian Accounts of Alexander's Campaigns. — Classical Quarterly. N.S. Vol. 12. Oxf., 1962, № 1.
Bunbury, I, 1959; II, 1959 — *Bunbury E.H.* A History of Ancient Geography. Among the Greeks and Romans. From the Earliest Ages till the Fall of the Roman Empire. 2nd ed. Vol. 1, 2. N.Y., 1959; Vol. 2. N.Y., 1959.
Capelle, 1920 — *Capelle W.* Die griechische Erdkunde und Poseidonios. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. 45—46, 1920.
Capelle, 1935 — *Capelle W.* Meteorologie. — RE. Suppl. Bd. 6, 1935.
Cary, 1956 — *Cary M.* Maes, qui et Titianus. — Classical Quarterly. N.S. Vol. 6. Oxf., 1956, № 3—4.
Charpentier, 1934 — *Charpentier J.* The Indian Travels of Apollonius of Tyana. Upsala — Lpz., 1934.
Collinder, 1964 — *Collinder P.* Dicearchus and the «Lysimachian» Measurement of the Earth. — Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. Bd. 48. Lpz., 1964.
Dahlmann, 1935 — *Dahlmann H.* Terentius 84. — RE. Suppl. Bd. 6, 1935.
Dahlmann, Speyer, II, 1959 — *Dahlmann H., Speyer W.* Varronische Studien II. — Akademie der Wissenschaften und der Literatur (in Mainz). Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Kl. Jhrg. 1959, № 11.
Debevoise, 1938 — *Debevoise N.G.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938.
Derrett, 1969 — *Derrett J.D.M.* Megasthenes. — LA. 17—18, 1969.

Detlefsen, 1906 — *Detlefsen D.* Ursprung, Einrichtung und Bedeutung der Erdkarte Agrippas. B., 1906.
Detlefsen, 1908 — *Detlefsen D.* Die Geographie Africas bei Plinius und Mela und ihre Quellen. Die formulae provinciarum eine Hauptquelle des Plinius. B., 1908.
Detlefsen, 1909 — *Detlefsen D.* Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. B., 1909.
Dicks, 1960 — *Dicks D.R.* The Geographical Fragments of Hipparchus. L., 1960.
Diels, 1964 — *Diels H.* Fragmente der Vorsokratiker. 11. Aufl. Bd. I. Zürich —B., 1964.
Diller, 1934 — *Diller A.* Geographical Latitudes in Eratosthenes, Hipparchus and Posidonius. — Klio. Bd. 27. Lpz., 1934, Heft 3.
Diller, 1941 — *Diller A.* The Parallels on the Ptolemaic Maps. — Isis. Vol. 33. Pt. 1. Boston—Cambridge, 1941, № 87.
Dörrie, 1963 — *Dörrie H.* Apollodoros 5. — LA. 3, 1963.
Dörrie, 1971 — *Dörrie H.* Poseidonios 2. — LA. 21, 1971.
Drews, 1965 — *Drews R.* Assyria in Classical Universal Histories. — Historia. Bd. 14. Baden-Baden, 1965, Heft 2.
Drews, 1973 — *Drews R.* The Greek Accounts of Eastern History. Cambridge, Mass., 1973.
Dubois, 1891 — *Dubois M.* Examen de la Géographie de Strabon. Etude critique de la méthode et des sources. P., 1891.
Duchesne-Guillemin, 1964 — *Duchesne-Guillemin J.* Dargoidos. — LA. 7, 1964.
Düntzer, 1840 — *Düntzer H.* Die Fragmente der epischen Poesie der Griechen. Bd. 2. Köln, 1840.
Düring, 1966 — *Düring I.* Aristoteles: Darstellung und Interpretation seines Denkens. Heidelberg, 1966.
Edelstein and Kidd, I, 1972 — *Edelstein L., Kidd I.G.* Posidonius. Vol. 1. The Fragments. Cambridge, 1972.
Eyssenhardt, 1871 — *Ammiani Marcellini* Rerum gestarum libri qui supersunt. Rec. F.Eyssenhardt. B., 1871.
Fox, 1975 — *Fox R.L.* Alexander the Great. L., 1975.
Frye, 1984 — *Frye R.N.* The History of Ancient Iran. München, 1984.
Funaioli, 1914 — *Funaioli G.* Ravennas Geographus. — RE. Bd. I A, 1914.
Gärtner, 1965 — *Gärtner H.* Dionysios 30. — LA. 8, 1965.
Gärtner, 1971 — *Gärtner H.* Polykleitos 3. — LA. 21, 1971.
Gisinger, 1924 —*Gisinger F.* Geographie. — RE. Suppl. Bd. IV, 1924.
Gisinger, 1927 — *Gisinger F.* Skylax 2. —RE. Bd. 3 A, 1927.
Gisinger, 1937 — *Gisinger F.* Oikumene 1. — RE. Bd. 17, 1937.
Gisinger, 1937a — *Gisinger F.* Timosthenes 3. — RE. Bd. 6 A, 1937.
Gisinger, 1949 — *Gisinger F.* Patrokles 5. — RE. Bd. 18, 1949.
Gisinger, 1952 — *Gisinger F.* Pomponius 104. — RE. Bd. 21, 1952.
Gohlke, 1955 — *Aristoteles.* Meteorologie. Hrsg., übertr. ... von P. Gohlke. Paderborn, 1955.
Goossens, 1940 — *Goossens G.* L'histoire d'Assyrie de Ctésias. — L'Antiquité Classique. T. 9, 1940.
Hamilton, 1961 — *Hamilton J.R.* Cleitarchus and Aristobulus. — Historia. Bd. 10. Baden-Baden, 1961, Heft 4.

Hamilton, 1977 — *Hamilton J.R.* Cleitarchus and Diodorus 17. — Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. B.—N.Y., 1977.
Hammer-Jensen, 1924 — *Hammer-Jensen.* Pseudo-Demokrit. — RE. Suppl. Bd. IV, 1924.
Hanslik, 1961 — *Hanslik R.* Vipsanius 2. — RE. Bd.9A, 1961.
Harmattā, 1979 — *Harmatta J.* Darius' Expedition against the Sakā Tigraxaudā. — Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.
Haussig, 1959 — *Haussig H.W.* Die Beschreibung des Tarimbeckens bei Ptolemaios. — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 109, 1959, Heft 1.
Haussig, 1979 — *Haussig H.W.* Byzantinische Quellen über Mittelasien in ihrer historischen Aussage. — Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.
Hedicke, 1908 — *Q.Curti Rufi* Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt. Rec. E.Hedicke. Lipsiae, 1908.
Hehn, 1902 — *Hehn V.* Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa. Historisch-linguistische Skizzen. 7. Aufl. neu hrsg. von O.Schrader, mit Botanischen Beiträgen von A.Engler. B., 1902.
Heidel, 1937 — *Heidel W.* The Frame of the Ancient Greek Maps. With a Discussion of the Discovery of the Sphericity of the Earth. N.Y. 1937.
Herrmann, 1914 — *Herrmann A.* Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. B., 1914.
Herrmann, 1914a — *Herrmann.* Iaxartes — RE. Bd. 9, 1914.
Herrmann, 1916 — *Herrmann.* Issedoi. — RE. Bd. 9, 1916.
Herrmann, 1919 — *Herrmann.* Kaspisches Meer. — RE. Bd. 10, 1919.
Herrmann, 1920 — *Herrmann.* Sakai. — RE. Bd. 1A, 1920.
Herrmann, 1921 — *Herrmann.* Kaukasos 3. — RE. Bd. 11, 1921.
Herrmann, 1930 — *Herrmann.* Massagetai. — RE. Bd. 14, 1930.
Herrmann, 1932 — *Herrmann.* Tamaros. — RE. Bd. 4A, 1932.
Herrmann, 1932a — *Herrmann.* Tanais 1. — RE. Bd. 4A, 1932.
Herrmann, 1932b — *Herrmann.* Τάπουρα ὄρη. — RE. Bd. 4A, 1932.
Herrmann, 1938 — *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Lpz., 1938.
Herrmann, 1942 — *Herrmann.* Oxos. — RE. Bd. 18, 1942.
Herrmann, 1942a — *Herrmann.* Ὠξειανὴ λίμνη. — RE. Bd. 18, 1942.
Herrmann, 1942b — *Herrmann.* Oxia palus. — RE. Bd. 18, 1942.
Herzfeld, 1947 — *Herzfeld E.E.* Zoroaster and His World. Princeton, 1947.
Herzfeld, 1968 — *Herzfeld E.* The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.
Honigmann, 1927 — *Honigmann E.* Luca. — RE. Bd. 7, 1927.
Honigmann, 1929 — *Honigmann E.* Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929.
Honigmann, 1930 — *Honigmann E.* Marinos 2. — RE. Bd. 14, 1930.
Honigmann, 1931 — *Honigmann E.* Strabon 3. — RE. Bd. 4 A, 1931.
Hultsch, 1909 — *Hultsch.* Eudoxos 8. — RE. Bd. 6, 1909.

Humbach, 1972 — *Humbach H.* Historisch-geographische Noten zum sechsten Buch der Geographie des Ptolemaios. — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 19. Mainz, 1972.
Jacoby, 1909 — *Jacoby F.* Eudoxos 7. — RE. Bd. 6, 1909.
Jacoby, 1912 — *Jacoby F.* Hekataios 3. — RE. Bd. 7, 1912.
Jacoby, 1912a — *Jacoby F.* Hekataios 2. — RE. Bd. 7, 1912.
Jacoby, 1912b — *Jacoby F.* Hekataios 4. — RE. Bd. 7, 1912.
Jacoby, 1913 — *Jacoby F.* Herodotos 7. — RE. Supplement, Heft 2, 1913.
Jacoby, 1919 — *Jacoby F.* Kallisthenes 2. — RE. Bd. 10, 1919.
Jacoby, 1921 — *Jacoby F.* Kleitarchos 2. — RE. Bd. 11, 1921.
Jacoby, 1922 — *Jacoby F.* Ktesias 1. — RE. Bd. 11, 1922.
Jacoby, 1923, 1926, 1927, 1929, 1930, 1940, 1950, 1958 — *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. I. Teil. B., 1923; II. Teil. B., 1926—1930; III. Teil. Leiden, 1950—1958.
Jones, 1956 — *Pliny.* Natural History. With an Engl. transl. Vol. 7. Libri XXIV—XXVII by W.H.S.Jones. Cambridge (Mass.), 1956.
Junge, 1939 — *Junge J.* Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. Lpz., 1939.
Jürss etc., 1973 — *Jürss F., Müller R., Schmid W.* Griechische Atomisten. Lpz., 1973.
Khlopin, 1971 — *Khlopin I.* Zur Lösung des Rätsels des Akes-Flusses (Herod. III. 117). — Orientalia Lovaniensia Periodica. 2, 1971.
Kiessling, 1905 — *Kiessling M.* Emodon. — RE. Bd. 1, 1905.
Kiessling, 1913 — *Kiessling M.* Herakleia 22. — RE. Bd. 8, 1913.
Kiessling, 1914 — *Kiessling M.* Hyrkania. — RE. Bd. 9, 1914.
Kiessling, 1914a — *Kiessling M.* Ῥίπαια ὄρη. — RE. Bd. 1A, 1914.
Klotz, 1906 — *Klotz A.* Quaestiones Plinianae geographicae. B., 1906.
Klotz, 1931 — *Klotz A.* Die geographischen commentarii des Agrippa und ihre Überreste. — Klio. 24. Lpz., 1931.
Knaack, 1905 — *Knaack G.* Dionysios 94. — RE. Bd. 5, 1905.
Knaack, 1909 — *Knaack G.* Eratosthenes 4. — RE. Bd. 6, 1909.
Kornemann, 1935 — *Kornemann E.* Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios I von Aegypten. Versuch einer Rekonstruktion. Lpz. — B., 1935.
Kroll, 1936 — *Kroll W.* Nikandros. 10.11. — RE. Bd. 17, 1936.
Kroll, 1951 — *Kroll W.* Plinius 5. Die naturalis historia. — RE. Bd. 21, 1951.
Krumbholz, I, 1895; II, 1897 — *Krumbholz P.* Zu dem Assyriaka des Ktesias. — Rheinisches Museum für Philologie, N.F. Bd. 50. Frankfurt/M., 1895, Bd. 52, Frankfurt/M., 1897.
Kubitschek, 1916 — *Kubitschek.* Itinerarien. — RE, Bd. 9, 1916.
Kubitschek, 1919 — *Kubitschek.* Karten. — RE. Bd. 10, 1919.
Kubitschek, 1921 — *Kubitschek.* Klima 2. — RE. Bd. 11, 1921.
Kubitschek, 1935 — *Kubitschek.* Maes. — RE. Suppl. Bd. 6, 1935.
Laffranque, 1964 — *Laffranque M.* Poseidonios d'Apamée. P., 1964.
Laquer, 1922 — *Laquer.* Ktesiphon 2. — RE. Bd. 11, 1922.
Lasserre, 1967 — *Lasserre F.* Karten. — LA. 14, 1967.
Lasserre, 1970 — *Lasserre F.* Oikumene. — LA. 19, 1970.
Lasserre, 1970a — *Lasserre F.* Peutingeriana Tabula. — LA. 20, 1970.
Lasserre, 1971 — *Lasserre F.* Pomponius. B. 5. P. Mela. — LA. 21, 1971.
Lasserre, 1972 — *Lasserre F.* Ptolemaios. B. 1. Klaudios Ptolemaios. — LA. 22, 1972.

Lasserre, 1973 — *Lasserre F.* Skylax. — LA. 23, 1973.
Lasserre, 1974 — *Lassere F.* Strabon. — LA. 24, 1974.
Lasserre, 1975 — *Lasserre F.* Winde. Windrosen. — LA. 26, 1975.
Lenz, 1934 — *Lenz F.* Terentius 88. — RE. Bd. 5 A, 1934.
Löwenheim, 1914 — *Löwenheim L.* Die Wissenschaft Demokrits und ihr Einfluss auf die moderne Naturwissenschaft. B., 1914.
McCrindle, 1960 — *McCrindle J.W.* Ancient India as described by Megasthenes and Arrian. Revised 2nd.ed. by R.C.Majumdar. Calcutta, 1960.
Marquart, 1893 — *Marquart J.* Die Assyriaka des Ktesias. — Philologus. Zeitschrift für das klassische Altertum, Suppl. Bd. 6, 1893.
Marquart, I, 1896; II, 1905 — *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Heft I. Göttingen, 1896; Heft II. Lpz., 1905.
Marquart, 1901 — *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Exkursen. B., 1901.
Markwart, 1938 — *Markwart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
Markwart, I, 1946; II, 1946 — *Markwart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios. — Orientalia, XV, Roma, 1946; fasc. 1—2; fasc. 3.
Martini, 1905 — *Martini.* Dikaiarchos 3. —RE. Bd. 5, 1905.
Mau, 1965 — *Mau J.* Eudoxos 1. — LA. 9, 1965.
Mayhoff, 1892—1909. — *C.Plini Secundi* Naturalis Historiae libri XXXVII. Rec. et... ed. C.Mayhoff. Vol. 1—4. Lispsiae, 1892—1909.
Merkelbach, 1954; 1977 — *Merkelbach R.* Die Quellen des griechischen Alexanderromans. München, 1954; 2. neubearb. Aufl. unter Mitwirkung von J.Trumpf. München, 1977.
Meyer, 1969 — *Meyer E.* Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. — Der Hellenismus in Mittelasien. Darmstadt, 1969.
Meyer, 1970 —*Meyer E.* Oaxes. — LA. 19, 1970.
Miller, 1887 — *Miller K.* Die Weltkarte des Castorius genannt die Peutingersche Tafel. Ravensburg, 1887.
Miller, 1916 — *Miller K.* Itineraria Romana... Stuttgart, 1916.
Müller (Mülleri), 1846, 1848, 1849, 1851, 1870 — *Müllerus C.* Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol.1. P., 1846 (C.et Th.Mülleri); Vol. 2. P., 1848; Vol. 3. P., 1849; Vol. 4. P., 1851; Vol. 5. P., 1870.
Müller, 1855, 1861 — *Müllerus C.* Geographi Graeci Minores. Vol. 1. P., 1855; Vol. 2. P., 1861.
Müller, 1877 — *Müllerus C.* Scriptores rerum Alexandri Magni. — *Dübner F.* Arriani Anabasis et Indica. P., 1877.
Münzel, 1894 — *Münzel.* Apollodoros von Artemita. — RE. Bd. 1, 1894.
Myres, 1896 — *Myres J.L.* An Attempt to Reconstruct the Maps used by Herodotus. — Geographical Journal. Vol. 8. L., 1896, № 6.
Myres, 1953 — *Myres J.L.* Herodotus — father of History. Oxf., 1953.
Nenci, 1951 — *Nenci G.* Callimaco e la periegesi di Ecateo, in Ateneo II, 70 A. — La Parola del Passato. VI. Napoli, 1951, № 19.
Nenci, 1954 — *Nenci G.* Hecataei Milesii fragmenta. Firenze, 1954.
Neumann, 1884 — *Neumann K.J.* Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meer und der alte Lauf des Oxos.—Hermes. 19. Berlin—Wiesbaden, 1884.

Nobbe, 1843—1845 — *Claudii* Ptolemaei Geographia. Ed. C.F.A. Nobbe. T. 1—3. Lipsiae, 1843—1845.
Olshausen, 1970 — *Olshausen E.* Oxos. — LA. 20, 1970.
Olshausen, 1970a — *Olshausen E.* Ochos 1. — LA. 19, 1970.
Paassen van, 1957 — *van Paassen C.* The classical tradition of Geography. Groningen, 1957.
Partsch, 1916 — *Partsch J.* Die Grenzen der Menschheit. I. Teil: Die antike Oikumene. — Berichte über die Verhandlungen der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philol.-hist. Kl. Bd. 68, 1916, Heft 2.
Pearson, 1966 — *Pearson L.* The Diary and Letters of Alexander the Great. — Alexander the Great. The main problems. Cambridge—New York, 1966.
Pédech, 1964 — *Pédech P.* La méthode historique de Polybe. P., 1964.
Pédech, 1974 — *Pédech P.* L'analyse géographique chez Posidonius. — Littérature Gréco-Romaine et Géographie historique. P., 1974.
Pédech, 1977 — *Pédech P.* Les historiens d'Alexandre. — Historiographia antiqua. Leuven, 1977.
Peter, 1870, 1906 — *Peter H.* Historicorum Romanorum Relliquiae. Vol. 1. Lipsiae, 1870; Vol. 2. Lipsiae, 1906.
Pfligersdorffer, 1959 — *Pfligersdorffer G.* Studien zu Poseidonios. Wien, 1959.
Philipp, 1911, 1912 — *Mela, Pomponius.* Geographie des Erdkreises... Aus dem Lat. übers. und erl. von H.Philipp. T. 1—2. Lpz., 1911—1912.
Photinos, 1970 — *Photinos N.G.* Marinos von Tyros. — RE. Suppl. Bd. 12, 1970.
Podlecki, 1977 — *Podlecki A.J.* Herodotus in Athens? — Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. B. — N.Y., 1977.
Polaschek, 1965 — *Polaschek E.* Ptolemaios als Geograph. — RE. Suppl. Bd. 10, 1965.
Pötscher, 1966 —*Pötscher W.* Herodotos 1. — LA. 12, 1966.
Powell 1966 — *Powell J.E.* A Lexicon to Herodotus. 2nd ed. Hildesheim, 1966.
Prašek, 1904 —*Prašek J.V.* Hekataios als Herodots Quelle zur Geschichte Vorderasiens. — Klio. IV. Lpz., 1904.
Pury, 1963 — *Pury B.* India in Classical Greek Writings. Ahmedabad, 1963.
Rabe, 1964 — *Rabe I.* Quellenkritische Untersuchungen zu Plutarchs Alexanderbiographie. Hamburg, 1964.
Rackham, 1947 — *Pliny.* Natural History. With an Engl. transl. Vol. 2. Libri III—VIII by H.Rackham. Cambridge (Mass.), 1947.
Reese, 1914 — *Reese W.* Die griechischen Nachrichten über Indien bis zum Feldzuge Alexanders des Grossen; eine Sammlung der Berichte und ihre Untersuchung. Lpz., 1914.
Rehm, 1913 — *Rehm A.* Hipparchos 18. — RE. Bd. 8, 1913.
Rehm, 1916 — *Rehm A.* Griechische Windrosen. — Sitzungsberichte der Königl. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-philol. und histor. Kl. München, 1916, Abhandl. 3.
Rehork, 1969 — *Rehork J.* Einleitung. — Der Hellenismus in Mittelasien. Darmstadt, 1969.
Reinhardt, 1921 — *Reinhardt K.* Poseidonios. München, 1921.
Reinhardt, 1953 — *Reinhardt K.* Poseidonios 3. — RE. Bd. 22, 1953.
Reuss, 1907 — *Reuss F.* Hellenistische Beiträge 1. Bactra und Zariaspa. — Rheinisches Museum für Philologie. Bd. 62. Frankfurt/M., 1907.

Riese, 1877 — *Riese A.* Geographi Latini Minores. Heilbronn, 1878.
Robbins, 1948 — *Ptolemy.* Tetrabiblos. Ed. and transl. into Engl. by F.E.Robbins. Cambridge (Mass.). — London, 1948.
Roesler, 1873 — *Roesler R.* Die Aralseefrage. — Sitzungsberichte der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. Philos.-histor. Kl. Bd. 74, 1873.
Ronca, 1971 — *Ptolemaios.* Geographie 6, 9 — 21. Ostiran und Zentralasien. I. Teil. Griechischer Text neu hrsg. und ins Deutsche übertr. von I. Ronca. Rom, 1971.
Roos, 1907, 1928 — *Flavii Arriani* Quae exstant omnia. Ed. A.G.Roos. Vol. 1—2. Lipsiae, 1907—1928.
Ruge, 1934 — *Ruge W.* Tauros 5. — RE. Bd. 5A, 1934.
Sallmann, 1971 — *Sallmann K.G.* Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. B.—N.Y., 1971.
Sallmann, 1971a — *Sallmann K.* Plinius 1. — LA. 21, 1971.
Sallmann, 1975 — *Sallmann K.* Varro 1. — LA. 26, 1975.
Schmidt, 1975 — *Schmidt P.L.* Varro 2. — LA. 26, 1975.
Schmitt, 1964 — *Schmitt H.H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964.
Schnabel, 1935 — *Schnabel P.* Die Weltkarte des Agrippa als wissenschaftliches Mittelglied zwischen Hipparchos und Ptolemaios. — Philologus. Zeitschrift für das klassische Altertum. 90. Leipzig — Wiesbaden, 1935.
Schnabel, 1938 — *Schnabel P.* Text und Karten des Ptolemäus. Lpz., 1938.
Schnetz, 1951 — *Ravennas Anonymus.* Cosmographia. Zum ersten Mal übers. von T.Schnetz. Upsala, Copenhagen, 1951.
Schwartz, 1899 — *Schwartz E.* Bematistai. — RE. Bd. 3, 1899.
Schwartz, 1957 — *Schwartz E.* Griechische Geschichtschreiber. Lpz., 1957.
Schweder, 1879 — *Schweder E.* Die Concordanz der Chorographien des Pomponius Mela und des Plinius (Nat. hist. III—VI). — Jahres-Bericht über die Realschule in Kiel während des Schuljahres 1878/9. Kiel, 1879.
Seel, 1956 — *Seel O.* Pompei Trogi fragmenta. Lipsiae, 1956.
Signon, 1978 — *Signon H.* Agrippa: Freund und Mitregent des Kaisers Augustus. Frankfurt/M., 1978.
Spoerri, 1966 — *Spoerri W.* Hekataios 3. — LA. 12, 1966.
Spoerri, 1967 — *Spoerri W.* Kallisthenes 1, 2. — LA. 14, 1967.
Spoerri, 1967a — *Spoerri W.* Kleitarchos 2. — LA. 14, 1967.
Standish, 1970 — *Standish F.* The Caspian Gates. — Greece and Rome, 17. L.—Oxf., 1970.
Steier, 1927 — *Steier A.* Silphion. — RE. Bd. 3.A, 1927.
Stein, 1931 — *Stein O.* Megasthenes. — RE. Bd. 15, 1931.
Sturm, 1937 — *Sturm J.* Ochos 2. — RE. Bd. 17, 1937.
Tarn, 1940 — *Tarn W.W.* Two Seleucid Studies. 2. Tarmita. — Journal of Hellenic Studies. Vol. 60. L., 1940.
Tarn, I, 1948; II, 1948 — *Tarn W.W.* Alexander the Great. Vol. I. Narrative. Cambridge, 1948; Vol. II. Sources and Studies. Cambridge, 1948.
Tarn, 1951 — *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge, 1951.
Tomaschek, I, 1877 — *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877.

Tomaschek, I, 1883 — *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Persien. I. Die Strassenzüge der Tabula Peutingerana. — Sitzungsberichte der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. Philos.-histor. Kl. Bd. 102. Wien, 1883.
Tomaschek, I, 1888 — *Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden, I. Ueber das Arimaspische Gedicht des Aristeas. — Sitzungsberichte der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. Philos.-histor. Kl. Bd. 116. Wien, 1888.
Tomaschek, 1894 — *Tomaschek.* Apasiakai. — RE. Bd. 1, 1894.
Tomaschek, 1896 — *Tomaschek.* Araxes 1—4. — RE. Bd. 2, 1896.
Tomaschek, 1896a — *Tomaschek.* Baktriane. — RE. Bd. 2, 1896.
Tomaschek, 1899 — *Tomaschek.* Choaspes 2. — RE. Bd. 3, 1899.
Tomaschek, 1901 — *Tomaschek.* Dargoidos. — RE. Bd. 4, 1901.
Tozer, 1935 — *Tozer H.F.* A History of Ancient Geography. 2nd ed. with additional notes by M.Cary. Cambridge, 1935.
Treidler, 1956 — *Treidler H.* Scythicum promunturium. — RE. Suppl. Bd. 8, 1956.
Treidler, 1956a — *Treidler H.* Tabis. — RE. Suppl. Bd. 8, 1956.
Treidler, 1963 — *Treidler H.* Araxes. — LA. 4, 1963.
Trüdinger, 1918 — *Trüdinger K.* Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918.
Tucci, 1977 — *Tucci G.* On Swāt. The Dards and connected Problems. —East and West. N.S. Vol. 27. Roma, 1977.
Uhden, 1933 — *Uhden R.* Das Erdbild in der Tetrabiblos des Ptolemaios. — Philologus. Zeitschrift für das klassische Altertum. N.F. Bd. 42. Lpz.— Wiesbaden, 1933, Heft 3.
Uhden, 1933a — *Uhden R.* Zur Überlieferung der Weltkarte des Agrippa. — Klio. Bd. 26. Lpz., 1933.
Wagner, 1888 — *Wagner E.A.* Die Erdbeschreibung des Timosthenes von Rhodus. Lpz., 1888.
Walbank, I, 1957; II, 1967 — *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Commentary on Books I—II. Oxf., 1957; Vol. II. Commentary on Books VII—XVIII. Oxf., 1967.
Walbank, 1972 — *Walbank F.W.* Polybius. L., 1972.
Wardman, 1960 — *Wardman A.E.* Myth in Greek Historiography. — Historia. Bd. 9. Baden Baden, 1960, Heft 4.
Weber, 1976 — Tabula Pentingeriana. Codex Vindobonensis 324. Bd. 1. Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat. Bd. 2. Kommentar von E. Weber. Graz, 1976.
Webster, 1931 — The works of Aristotle. Transl. into Engl. Vol. 3. Meteorologica by E.W.Webster... Oxf., 1931.
Wehrli, 1944 — *Wehrli F.* Die Schule des Aristoteles. Text und Kommentar. Heft I. Dikaiarchos. Basel, 1944.
Wellmann, 1894 — *Wellmann M.* Apollodoros 69—71. — RE. Bd. 1. 1894.
Wellmann, 1921 — *Wellmann M.* Die Georgika des Demokritos. B., 1921.
Wellmann, 1928 — *Wellmann M.* Die ΦΥΣΙΚΑ des Bolos Demokritos und der Magier Anaxilaos aus Larissa. B., 1928.
Wells, 1909 — *Wells J.* The Genuineness of the Γῆς Περίοδος of Hecataeus. — Journal of Hellenic Studies. Vol. 29. L., 1909.

Wenger, 1914 — *Wenger F.* Die Alexandergeschichte des Aristobul von Kassandrea. Quellenkritische Untersuchung zur Alexandergeschichte. Würzburg, 1914.
Wethered, 1937 — *Wethered H.N.* The Mind of the Ancient World. A Consideration of Pliny's Natural History. L., 1937.
Wirth, 1959 — *Wirth G.* Ptolemaios I. als Schriftsteller und Historiker. — RE. Bd. 23, 1959.
Wirth, 1963 — *Wirth G.* Aristobulos 7. — LA. 4, 1963.
Wirth, 1972 — *Wirth G.* Ptolemaios I. Soter. — LA. 22, 1972.
Wissowa, 1901 — *Wissowa G.* Cornelius 275. — RE. Bd. 4, 1901.
Wolski, 1969 — *Wolski J.* Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft im Iran im 3. Jahrhundert v. Chr. — Der Hellenismus in Mittelasien. Darmstadt, 1969.
Wolski, 1969a — *Wolski J.* Die Iranier und das Graekobaktrische Königreich. — Der Hellenismus in Mittelasien. Darmstadt, 1969.
Wright, 1937 — *Wright F.A.* Marcus Agrippa. Organiser of Victory. L., 1937.
Ziegler, 1937 — *Ziegler K.* Tomyris. — RE. Bd. 6A, 1937.
Ziegler, 1952 — *Ziegler K.* Polybios. — RE. Bd. 21, 1952.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдеры 85, 86
Адрапса см. Драпсаки
Азия 8, 9, 11, 12, 14, 16—18, 20, 22, 25—28, 31—34, 36—38, 47, 63, 64, 66, 72, 83, 84, 89—92, 95, 97, 104, 140, 155, 157—169, 174—177, 179—181, 185, 187—191, 198—200, 206—208, 213, 221, 222, 227, 228, 231, 232, 234—240, 248—250, 253, 258, 259, 262, 266
  Азия Верхняя 31, 36, 48, 52, 55, 56, 63, 86, 88, 91, 140, 181, 182, 188, 189, 191, 197, 211, 220, 226, 228, 229, 231, 233, 238, 239, 266
Акес 22, 197
Акесин 32, 56, 187, 188, 236, 254, 265
Акрокеравнские горы см. Керавнские горы
Албания 107, 150, 174, 214
Александрия
  в Арии 62, 79
  в Египте 37, 38, 56, 92, 93, 104, 119, 141, 142
  у Кавказа 43, 44, 51, 196
  в Троаде 143
  у Яксарта (Крайняя) 53, 55, 154, 244, 258, 271
Амасия 238
Амис 12, 13, 15—17, 138, 143, 158, 192, 235, 236
Анкона 146
Антиохия
  в Маргиане 74, 79, 154
  в Сирии 77
  Фармата 79
Апамея 67, 97, 239
Апаортена 65, 70
Апсинф 140
Аравийский залив 16
Аравия 135, 136
Аракс 14, 17, 18, 20, 23, 27, 34, 35, 44, 45, 46, 59, 99, 100, 156, 160, 184—186, 195, 197—199, 203—207, 209—211, 213—219, 230, 231, 273, 282, 284
Араксат см. Яксарт
Аркесена 138
Арахосия 10, 42, 49, 50, 51, 53, 123, 124, 226
Арбелы 33, 35
Ардерикка 20
Ариана 49, 51, 120, 124, 136, 164, 166, 241, 243, 249, 253
Ариобарзан 80, 259, 260, 283
Ария 10, 22, 34, 42, 53, 54, 63, 70, 74, 137, 143, 153, 154, 164, 166, 167, 209, 240, 266
Армения 45, 72, 107, 133, 134, 138, 146, 147, 159, 168, 171, 174—176, 181, 185, 207, 214, 217, 236, 238, 240, 248, 249
Артамис 268, 269
Артемита 65, 67, 69, 232, 239, 260
Аскатанка 77
Аспакора 79
Асписийские горы 270
Ассирия 122, 124, 136
Атропатена 174
Афины 20, 21, 89, 107, 142, 146, 235
Африка 155

Бактр 34, 60, 62, 63, 143, 185, 197—199, 203, 211, 214, 218, 284
Бактрия 146, 168, 227
  Бактриана 3, 9, 10, 14, 20, 22, 26, 27, 29, 30, 32, 34—37, 40—46, 48, 51, 53—55, 64—66, 68—71, 73, 75, 76, 84, 93, 96, 102, 103, 116, 119—121, 127, 128, 133, 134, 136—138, 140, 143—145, 148, 149, 153—155, 157, 159, 161, 165, 166, 176, 178—180, 183, 184, 186, 190, 191, 194, 197, 198, 203, 208—211, 218, 220—223, 226—230, 236—241, 243—247, 253, 260, 266, 267, 270—272, 274, 277, 279—281
Бактры 12, 13, 15, 18, 19, 25—27, 42, 44—46, 53, 55, 60, 62, 69, 70, 74—76, 85,

102, 120, 121, 137, 142—144, 154, 157, 192, 193, 195, 209, 211, 223, 225, 227, 231, 232, 235, 237, 241, 269, 271
Барка 20, 22
Баскатис 77, 270
Борисфен 141, 142, 143, 150, 152, 153, 198
Боспор
Киммерийский 23, 57, 149, 227—229
Фракийский 15, 156, 157
Бреттания 143
Бубакена 30

Вавилон 20, 24, 28, 32, 39, 40, 58, 77, 85
Вавилония 65, 136, 239
Вандабанда 272
Византий 76, 138, 140, 143, 144, 150, 152, 153, 155
Вифиния 96

Галикарнасс 20
Галис 163
Галлия 138, 170
Ганг 50, 52, 71, 79, 140, 236, 254, 255, 259, 263—266
Гангетийская обл. 71, 254
Гедросия 50, 53, 136
Гекатомпил 69, 70, 74, 153, 154, 240
Геллеспонт 15, 76, 138, 140—143, 146, 150, 152—155, 159, 235, 266
Гемонд см. Эмод
Гераклея, Гераклея-Ахаида 70, 148
Германия 170
Гидасп 209, 236, 254, 263, 265
Гидраот 77, 236
Гиераполь 73, 74
Гиркания 9, 10, 17, 19, 29—32, 34, 60, 63, 64, 66, 68, 69, 71, 72, 74, 126, 133, 134, 137, 138, 142, 143, 153, 154, 157, 165, 166, 168, 173, 174, 178, 189, 192, 193, 195, 209, 211, 216, 217, 222, 223, 226, 230, 233, 235, 236, 239, 242, 246, 257, 266
Гирканское море 13, 17, 18, 31, 32, 57, 60, 71, 72, 128, 143, 154, 163, 165, 173, 177, 180, 192—194, 203, 204, 207, 209—213, 219, 223—225, 229, 232, 236, 237, 245, 249—251, 257, 258, 267—269, 273
Гирканский залив 126, 127, 193, 215
Гипасис, Гифасис 32, 77, 78, 236, 265
Греция (Эллада) 21, 32, 86, 116, 123, 156, 209, 231

Даваба 272
Дара 65, 70
Даргойд 75, 268, 269
Даргоман 268, 269
Дельфы 116, 119
Дим 77, 270, 275
Димас 274, 275
Диоскуриада 10, 58, 63, 237
Дрангиана 10, 34, 42, 167
Драпсаки 49
Дрепса 76, 272
Адрапса 44

Европа 9, 14, 16, 20, 36, 47, 48, 56, 104, 119, 140, 155, 157, 158, 172, 187—189, 227, 231, 239, 258
Евфрат 69, 72, 74, 77, 78, 163, 181, 207, 209, 232, 236
Египет 12, 32, 35, 39, 129

Зариасп, Зариаспа 148, 225, 268, 269, 284
Зевгма 77
Золотой Херсонес 73

Иберия 146, 150, 214
Иерна 143
Иерусалим 126
Имай 34, 57, 74, 76, 77, 79, 103, 120, 157, 177, 178, 234, 235, 240, 251—254, 260, 262, 266, 267, 269, 271, 272, 283
Имав 146, 147, 152, 175, 252, 259
Инд 12, 13, 17, 19, 26, 27, 32, 34, 37, 49—51, 53, 55, 57, 64, 77, 127, 161—164, 190, 191, 194—199, 203, 211, 213, 214, 220, 228, 234, 236, 242—245, 253, 254, 265, 266, 284
Индийские горы 161, 183, 188, 221, 228, 240—246, 269, 283
Индийское море 170, 237, 250, 262
Индия 10, 13, 14, 19, 25, 28, 29, 32, 41—43, 49—53, 57, 60, 62, 64, 65, 69—71, 77, 78, 85, 120—122, 124—128, 135—141, 143—145, 147, 153, 155, 156, 158, 160, 165, 170, 181, 189—192, 196—198, 202, 207, 209, 221, 222, 228, 231, 235—237, 239—241, 243, 244, 248, 250—255, 262, 266, 271
Иония 129, 156, 158
Исам 68, 70, 71
Исс 17, 158, 236
Истр 9, 15, 23, 54, 152, 161, 227
Италия 20, 107, 108, 123

Кавказ 16, 34, 42—44, 46—48, 51—57, 69, 70, 72, 78, 83, 99, 120, 142, 143, 146, 161, 168, 171, 172, 175—177, 180—184, 191, 193, 198, 199, 201, 203—211, 214, 220—226, 228, 229, 231—236, 240, 241, 243—246, 248—254, 259, 261—269, 271, 272, 276, 283
Кавказский перешеек 10, 17, 225, 228, 229

Камбалид 69, 232
Каменная башня 73—76, 153, 154
Кампас 206
Каписена 51
Каппадокия 207
Карианда 12
Кария 142, 157, 234, 235
Кармания 50
Карсания 79
Картана 51
Касия 77
Каспапир, Каспатир 12, 13, 19, 121, 160—162, 196
Каспиана 26
Каспий 58, 59, 63, 237
Каспийские ворота 10, 13, 18, 26, 37, 42, 43, 62, 69, 70, 74, 79, 142, 146, 153, 154, 159, 163, 164, 168, 171, 175, 193, 195, 226, 235, 240, 252
Каспийское море 3, 8—10, 12—20, 27, 29, 35, 36, 46, 47, 55—64, 68, 71, 83, 84, 93, 96, 107, 119, 121, 123—128, 143, 146, 147, 150, 152, 153, 157, 160, 165, 166, 168, 170—177, 180, 184—186, 188, 189, 193, 195, 203—205, 207, 210—212, 214—219, 223—225, 228—231, 234, 241, 242, 245—247, 249—251, 255—258, 262—264, 268, 273, 276, 278, 282, 284
Каспийский залив 170
Каспида 256
Каспирия 71, 128, 133, 134, 138, 140
Кассандрия 40
Катаония 142, 235
Катиппы 79, 259—261
Каттигары 73
Кельтика 143
Кельтогалатия 135
Керавнские горы 250, 251
Акрокеравнские горы 259
Киликия 17, 157, 180, 181, 207, 208, 234, 236, 237, 248
Килиндрина 213
Кимврский мыс 116
Кимы 90
Кипр 157
Кир 59, 60, 62, 63, 163
Кирена 92
Киресхата 76, 77
Книд 23, 87
Колика 171, 251
Колофон 37
Колхида 18, 143, 163, 192, 221, 236
Кольские горы 172
Комед, Комедские горы 80, 153, 154, 262—264, 276, 283
Константинополь 126
Корон 177, 266, 267, 283
Кофен 51, 77, 78
Коф 265
Крит 157
Кроукасис 56, 183, 222
Ктесифон 77, 260

Ларисса 35
Лесбос 23
Ливия 12, 14, 104, 119, 155, 158
Ликаония 142, 235
Ликия 157, 234, 236, 250
Лисимахия 142, 192, 235

Магарис 79, 213, 214
Магарс 213, 254
Маргара 213
Македония 140
Мараканды 39, 55, 76, 244, 272
Марг 219, 220, 273, 284
Маргара см. Магарис
Маргиана 54, 70, 103, 137, 148, 153, 178, 219, 220, 266, 272, 273
Мард 57, 99, 212, 214, 219, 273, 284
Мардиана 127, 174, 219
Массабатена 69, 232
Массалия 152
Матиана 133, 134, 138, 174, 175
Матиена 16, 138
Мегалополь 91
Мемармал 80, 259, 260, 283
Мендес 87
Меотида, Меотийское оз. 18, 27, 31, 34, 36, 47, 56, 57, 68, 87, 149, 163, 171, 186—189, 199, 204, 209, 218—220, 223—225, 228, 229, 231, 233, 234, 236, 241, 242, 250, 251, 262
Мерое 141, 142, 144
Месопотамия 136, 249
Мессена 92
Мидия 13, 18, 20, 78, 122, 124, 136, 138, 142, 146, 159, 168, 174, 175, 193, 209, 228, 235, 238, 240, 249, 250
Микале 181, 236
Милет 53, 82, 83, 156
Мисия 142, 235
Митилены 108

Несея 68, 166, 246, 247
Нигрин 71, 72, 258, 273
Никея 96
Нил 15, 16, 26, 32
Ниневия 77
Нороссская гора 270

Оакс см. Оксийское оз.
Океан 62, 86, 87, 98, 101, 104, 105, 108, 114, 116, 118, 122—124, 151, 165, 168—173, 175, 204, 206, 207, 213, 214,

216, 218, 242, 249, 250, 256, 261—263, 266
Окс 29, 30, 39, 41, 42, 44—48, 55, 57, 59—62, 64, 68, 71, 76, 99, 147—150, 184—186, 188, 215, 217, 220, 223, 226, 228—231, 233, 234, 242—247, 254—258, 262—265, 267—278, 282
Оксиана 133, 134, 150
Оксийские горы 272, 277, 278, 283
Оксийское оз. 55, 274, 275, 282
Оксианское оз. 274—278
Оакс 148, 256, 264, 268, 276, 277
Олинф 32
Ольвия 20, 23
Опиана 196
Оресарт см. Яксарт
Ортоспаны 44
Оскобар 259—261, 266
Отторогорра 259
Отторокора 266, 267
Ох 48, 68, 69, 188, 233, 234, 242, 244, 246, 247, 268, 269

Пактиика, Пактийская земля 12, 121, 161
Палибофры, Палимбофры 49—52, 74, 123
Памфилия 157, 180, 181, 208, 234, 236, 237, 250
Памфилида 248
Паропамис(с), Парапамис(с), Паропанис(с), Парапанис(с) 7, 10, 42, 44, 53, 54, 57, 64, 70, 149, 150, 172, 177, 181, 182, 184, 198, 204—206, 220—222, 225, 233—236, 240, 241, 243—245, 252—254, 260—262, 265—268, 271, 283
Пропанис(с) 172, 252, 253, 262
Парпамис, Парпанис 7, 70, 127, 182, 254
Паропарнас 253, 254
Парахоафр, Парахоафра 240, 267, 283
Паркохатра 181
Паретакена 30
Парнас(с) 181—183, 191, 197—199, 201—203, 205, 206, 209, 212, 214, 220, 283
Парнес(с) 99, 182, 212—214, 283
Парфау 80, 259—261, 283
Парфия 18, 34, 42, 69, 124, 125, 136, 153, 164, 166, 195, 209, 238, 249, 266, 267
Парфиена 261
Патала 263, 265, 266
Паталена 263, 265, 266
Пафлагония 142, 235
Пелопоннес 157
Персидское море 232
Персия 20—23, 136
Персида 168
Политимет 218
Понт, Понтийское море, Понт Эвксинский 10, 12, 14, 16, 18, 20, 31, 32, 36, 54, 56—58, 60, 84, 141, 143, 146, 149, 150, 152, 153, 155, 161, 171, 175, 183, 207, 210, 220, 221, 225, 226, 234, 242, 250, 251, 262, 271
Понт, обл. 107, 238, 250
Пропонтида 15, 140, 143
Псифара 151

Ра 55, 177, 284
Радан 55, 284
Равенна 126
Раги 174
Реата 107
Рим 39, 108, 109, 116, 146
Рипеи, Рифеи, Рипейские (Рифейские) горы 171, 249—251, 261, 262
Римфейские горы 249
Родос 90, 93, 96, 97, 116, 119, 120, 123, 139, 141—143, 146, 152—154, 157—159, 162, 235, 266, 267

Савроматика 133, 134, 150
Сакасена 138, 258
Самара см. Тамар
Самос 20, 236
Сарды 22
Сарифские горы 177, 266, 267, 283
Сарматия 150, 250
Сарний 69, 243
Сафри 259—261
Селевкия на Тигре 65, 69
Сера 73, 74, 77, 127, 153, 154, 177
Серика 10, 71, 73, 128, 133, 134, 266, 267
Сигоган (Сигатон) 263—266, 276
Сиена 141, 144
Сикелия 157
Силис 56, 183, 187, 245
Синопа 15, 16, 17, 138, 142, 158, 235, 236
Сирия 67, 72, 97, 157, 262
Скифия 10, 54, 55, 103, 129, 135, 161, 165, 173, 177, 178, 187, 204, 206, 207, 209, 211, 218, 223, 235, 250, 254, 255, 257, 263, 266, 267, 270, 271, 273
Скифская акте 19, 160—162
Скифские горы 254
Скифский мыс 169, 170
Смирна 150, 152—154
Согдиана 9, 30, 31, 34—36, 39, 40, 42, 45—48, 53—55, 57, 72, 75, 76, 96, 102, 103, 116, 120, 149, 154, 155, 165, 166, 176, 179, 184, 190, 209, 210, 218, 220, 223, 237—239, 243—246, 267, 271—275, 277
Сугдиана 57, 133—135, 150
Сугдия 127, 172, 256, 257, 276
Согдийская пустыня 46
Согдийская скала 210
Согдийские горы 55, 149, 150, 274—278, 283

Сугдийские горы 276
Средиземное море 12, 16, 84
Столбы Геракла 13, 15, 119, 156—158, 202, 235, 248
Стоянка торговцев 74—77
Сугдиана, Сугдия см. Согдиана
Сузиана 26, 212, 214
Сузы 20, 22, 24, 25, 69, 156

Табис 151, 252, 253
Тавр 9, 30, 63, 64, 72, 79, 93, 96, 99, 138, 144, 151, 156—159, 163—168, 171, 174, 180, 181, 191, 201, 207, 208, 213, 214, 216, 224, 228, 232, 234—241, 243, 244, 247—254, 259—261, 267, 283
Таврика 250
Таги 10, 79, 260
Таксила 77
Талка 55, 268
Тамар 165, 240, 252
Там 252, 253
Самара 259
Танаис 26, 27, 30, 31, 34—37, 42, 47, 48, 54, 57, 63, 69, 72, 87, 99, 150, 163, 164, 183, 184, 186—189, 197—199, 203—207, 209, 210, 218—220, 223—231, 233, 234, 242, 245, 246, 250, 258, 284
Тапробана 139, 144
Тапурские горы 252, 270, 272
Тиана 77
Тигр 65, 168, 207, 209, 236, 259, 265
Тир 20
Трибакта 277
Троада 89

Фасис 10, 13, 14, 16—18, 20, 58, 60, 156, 157, 160, 171, 199, 205, 226, 250, 251
Фериод 123, 263—265, 270
Фермодонт 226
Финикийское море 250
Фракия 140, 227
Фурии 20

Харры 259, 260
Хелидонийский мыс 250
Хоасп 34, 35, 197—199, 203, 206, 207, 209, 211—214, 284
Хой 211
Хорасмия 195
Хрисория 159

Эгейское море 140
Экбатаны 20, 24, 25, 174, 260
Эллада см. Греция
Эмод 52, 55, 57, 99, 240, 252—257, 262, 264, 266, 267, 283
Гемод 71, 252, 254, 257
Эрифрейское (Красное) море 7, 12, 13, 18, 29, 72, 84, 85, 160, 202, 207, 242, 262
Эфес 22, 25, 85, 104, 156
Эфиопия 124, 135, 138, 139

Яксарт 10, 53—56, 59, 62—64, 75—77, 99, 147, 149, 163, 164, 183—189, 206, 215, 223, 228, 233, 234, 237, 242—247, 255—258, 264, 265, 267, 269—278, 282, 284
Орексарт 223
Араксат 274, 275

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

албаны 59
амазонки 36, 226
амарды см. марды
амареи 149
комморы 148, 150, 152
анариаки 122, 125, 174
апарны 68, 69, 71
апасиаки 229, 230, 233
пасики 122, 264, 277, 278
песики 55, 255, 256, 278
пестики 125, 255—257, 264, 278
арасмы 122, 125, 148, 174
арахоты 123, 126, 127, 164, 245
арахосии 209, 226
ариаки 272
арианы 70, 123, 254
ариены 70, 126, 128, 254
арии 22, 63, 69, 70, 164, 166, 237, 238, 240
аристеи 272, 273
армении 135, 136, 174, 211, 236, 238
атропатены 174
аттакоры 151
аугалы 272

бактрийцы 7, 19, 25, 29, 46, 47, 119, 121, 137, 149, 161, 176, 187, 193, 195, 209, 238, 240, 244, 245, 259
бактры 7, 99, 100, 124, 127, 134—136, 148, 149, 172, 173, 176, 198, 212, 213, 217, 219, 236, 256, 273
бактрии 7, 19, 53, 137, 164, 195, 210, 238, 241, 243, 245
бактрианы 7, 19, 25, 35, 37, 44, 51, 71, 119, 120, 122, 127, 137, 143, 150, 165, 173, 176, 213, 215, 222, 227, 255, 259, 261, 262
батены 148, 149
бердриги см. сабадии
билты 272
бистоны 140
бистониды 140
брисары 139

витии см. утии

гангариды 49, 71
гандары 277
гандарии 19, 196
гандариды 259
гарматотропы см. фарны
гедросы 127
гедрусии 126
гедросианы 127
гелы 125, 128, 135, 136, 166, 174, 237
гелоны 123, 125
гипербореи 87, 204, 205
гирканцы 176
гирканы 59, 123, 125, 137, 176, 245, 255, 256, 259
гиркании 22, 63, 70, 71, 99, 128, 165, 166, 195, 212, 237, 238
гомодоты 55, 257
греки (эллины) 30, 40, 48, 67, 140, 174, 222, 229, 238, 251
гринеи 272, 273 см. также хринны

даи 54, 55, 68, 71, 228, 233, 234
дахи 123, 124, 172, 256, 259, 261, 262, 268
дербики 59, 99, 125, 137, 220, 245, 255, 256, 277
дербикки 71, 72, 100, 122, 126—128, 213, 272, 273 см. также деркебии
деркебии 99, 100, 128, 172, 173, 212, 213, 217, 219, 220, 272, 273 см. также дербики
дранги 22, 23, 164 см. также саранги
дрепсианы 272
дрибаки 55
дрибакты 149, 277
дребики 148, 150, 256, 277

египтяне 132

заранги 148

зариаспы 148—150, 272

иберы 256
изы 71
индийцы (инды) 19, 25, 26, 29, 49, 71, 117, 119—121, 125, 126, 135, 140, 146, 147, 161, 170, 193, 195, 196, 207, 209, 236—238, 248, 262, 273
исары 71
исседы 125, 126, 217
  исседоны 23, 206, 217, 218
  эсседоны 127, 217

кадусии 126, 128, 166, 174, 237
кандары 148—150, 172, 277
караты 272
кары 181
касиры 139, 151
  косиры 71
каспии 29, 137, 139
каспиры 71, 139, 140
каумеды см. комеды
кельты 117
киконы 139, 140
кирродеи 272, 273
китомары см. хомары
колиады 170
колхи 16, 18, 160, 226
команы см. комы
комары 272
комеды 74—77, 269, 270, 283
  каумеды 123, 125, 262
комморы см. амареи
комы 149
  команы 148
  хоаманы 148, 172
косиры см. касиры
коссиеи 69

македоняне 9, 41, 46—49, 60, 72, 140, 184, 188, 220—222, 236, 240, 247
мандруаны см. марды
маргианы 70, 166, 237
марды 70, 125, 128, 148, 174, 219, 232
  амарды 166, 237, 255, 256, 264, 278
  мардианы 126, 174, 219
  мардиены 149, 219, 277, 278
  мандруаны 148, 219, 278
марукеи 149
  муррасиары 148
массагеты 17, 19, 23, 46, 47, 100, 121, 123, 137, 172, 185, 195, 206, 212, 213, 215, 217, 218, 220, 228, 230, 245, 259, 273
матианы 148, 174
  матиены 174, 184, 215, 216
мидяне (миды) 8, 11, 18, 19, 174, 195, 238
мики 18, 160
моки см. согдийцы
муррасиары см. марукеи

намасты 272

оксианы 272
оксидранки 55, 149, 150, 155, 277
  окситтаги 148—150, 152, 256, 277
опии 19, 195, 196
орситы 149
  оркианы 148, 150, 152
отии см. утии

париканы 148
  парианы 123, 124, 148, 172
паропамис(с)ады (парапамис(с)ады, паропанис(с)ады, парапанис(с)ады) 42—44, 153, 166, 167, 196, 221, 222, 223, 233, 238, 241, 247, 259, 261, 262, 266, 271
  паропанисиды (парапанисиды) 70, 123, 126
  пропанисады 124, 172
парфяне 7—9, 64, 66—69, 72, 73, 176, 232
  парфиеи 7, 18, 26, 70, 165, 166, 195, 236—238
  парфиены 259, 261
  парфы 7, 13, 18, 19, 22, 123, 125, 126, 135, 193, 195, 259
пасики см. апасиаки
пассиадры 259
персы 8, 9, 11, 18, 21, 23—25, 30, 32, 37, 57, 72, 125, 126, 135, 148, 160, 164, 185, 210, 232
песики (пестики) см. апасиаки
прасии 49

рибии 272
римляне 8, 9, 176

сабадии 149
  сабеи 126
  сабы 127
  бердриги 148, 150, 152
савроматы 150, 229
сакарауки 259, 261
  сагарауки 272
саки 19, 30, 47, 55, 71, 75, 76, 119—121, 126, 127, 151—153, 155, 161, 172, 178, 243—246, 255, 257, 258, 261, 265, 266, 270—272
  саги 127, 258
салатеры см. сарапары
саранги 126
  саранги 22, см. также дранги
сарапары 148—150
  салатеры 149, 272, 276

сарды 157
саспиры 18
сатраиды 70, 126, 127
серы 65, 68, 71—73, 123, 127, 128, 135, 136, 151, 152, 168, 169, 172, 173, 253, 267
сирийцы 8, 11
сирматы 148—150, 152, 155, 256
скифы 9, 13, 15, 19, 23, 30, 31, 35, 47, 48, 53, 59, 66, 71, 72, 117, 120, 122, 125—127, 129, 133, 137, 143, 151, 152, 157, 161, 162, 165, 166, 168, 172, 173, 176, 183, 185, 187—189, 192, 193, 195, 215, 217, 218, 220, 223, 227, 228, 237, 238, 245, 255, 256, 258, 259, 261, 262, 267
скорды 149, см. также фармакотрофы, гарматотропы
согдийцы 121, 137, 149, 210, 245, 264, 272, 276
согдианы 53, 75, 76, 126, 137, 143, 149, 153, 155, 165, 166, 178, 209, 210, 243, 244, 246, 266, 270—272
согдии 243
согды 150, 152, 155
сугдианы 122, 124, 148, 149, 172, 255, 257, 258, 263, 264, 275, 276, 278
моки 148—150
сузианы 69, 210

тапиры 63, 99, 128, 173, 212, 238
тапурии 126
тахары (тахоры) см. тохары
тибарены 137, 175
тибараны 174, 175
тохары 71, 75, 102, 127, 172, 176
тахары 69, 70, 72, 233
тохарии 71, 126
тахоры 272, 273

утии 126, 128
отии 127
витии 59

фаманеи 22
фарны (варны) 149
фармакотрофы 148, 172
гарматотропы 148
фауны 68, 70, 71
фуны 71, 122, 125, 151, 172, 262
фрины 128
фруны 127
фрунии 126, 128

халдеи 132
хоаманы см. комы
хомары 148, 149, 172
китомары 148
хорамнеи 26
хорасмы 124, 148
хорасмии 13, 18, 19, 22, 30, 47, 59, 123, 126, 127, 172, 193—195, 226, 236, 238, 245, 256, 268, 272
хринны 72, 258, 259, см. также хунны
хунны (хуны) 72, 259, 261

эллины см. греки
эои 259
эфиопы 117, 120, 129, 133, 139

яксарты 257, 258, 272, 273
ятии 272

INDEX LOCORUM

Claudius Aelianus
De natura animalium:
IV, 27 — c. 25
XVII, 32 — c. 27

Aethicus
Cosmographia
17 — c. 260

Agathemerus
[Geographiae informatio]:
1,3 — c. 17
1,5 — c. 120, 157, 234
1,6 — c. 119
1,7 — c. 119, 126

M.Vipsanius Agrippa [Klotz, 1931]
[Chorographia]:
фр. 21 — c. 116
фр. 22 — c. 250
фр. 23 — c. 168
фр. 30 — c. 249
фр. 31 — c. 124, 168, 249, 250
фр. 32 — c. 124, 250
фр. 53 — c. 173

Alexander Aphrodisiensis
In Aristotelis Meteorologicorum libros commentarium
A 13 — c. 202

Ammianus Marcellinus
[Res gestae]:
XXIII, 6, 59 — c. 274

Anaximenes [Milesius] [Diels, I, 1964]
фр. A, 7, 14 — c. 118

Apollodorus [Artemitenus] [Jacoby, III C, 2, 1958]
[Parthica]:
фр. 5a — c. 69
фр. 6 — c. 69
фр. 7a — c. 68, 69, 128, 138

Apollodorus [Atheniensis] (Jacoby, II B, 3, 1929)
[De orbe terrarum]:
фр. 311 — c. 71, 100
фр. 314 — c. 70, 233

Aristobulus [Cassandrensis] (Jacoby, II B, 1, 1927)
[De rebus Alexandri]:
фр. 19 — c. 189
фр. 20 — c. 41, 46, 62
фр. 23 — c. 34, 44, 183, 208, 222
фр. 25 — c. 47, 63, 223
фр. 28a — c. 48
фр. 28b — c. 219
фр. 35 — c. 41
фр. 54 — c. 34, 47, 62, 211, 223

Aristoteles [Stagiritus]
Meteorologica:
I, 13, 11—23 — c. 199
I, 13, 16 — c. 209
I, 13, 18, 19 — c. 180
I, 13, 18 — c. 208
I, 13, 29 — c. 203, 204
II, 1, 10 — c. 202, 203, 210
II, 1, 14 — c. 118
II, 5, 13 — c. 200
II, 5, 14 — c. 202
Historia animalium:
III, 22 — c. 200
VIII, 28 — c. 200
De *generatione animalium*
II, 2 — c. 200
De problematis ineditis:
III, 45 — c. 29, 255
De mirabilibus auscultationibus
46 — c. 29

Arrrianus [Nicomedensis]
[Anabasis Alexandri]:
III, 23, 1 — c. 17, 19, 193
III, 28, 4 — c. 43, 221
III, 28, 5 — c. 208, 222
III, 28, 6 — c. 183
III, 28, 9 — c. 45
III, 29, 1 — c. 43
III, 29, 2—4 — c. 45, 186, 223

III, 29, 2, — c. 46, 223
III, 29, 3, 4 — c. 45
III, 30, 6 — c. 221
III, 30, 7 — c. 223
III, 30, 8, 9 — c. 189—190
IV, 1, 2 — c. 227
IV, 3, 6 — c. 47, 223
IV, 4, 1, 2 — c. 47, 223
IV, 4, 2 — c. 48
IV, 6, 6 — c. 219
IV, 7, 7 — c. 46
IV, 15, 1 — c. 227
IV, 15, 4 — c. 226
IV, 15, 7 — c. 46, 223
IV, 16, 1 — c. 46, 223
IV, 22, 4 — c. 43, 221
IV, 23, 2 — c. 211
V, 3, 3 — c. 183—184, 221
V, 4, 1 — c. 243
V, 5, 2, 3 — c. 224, 236, 238
V, 5, 2 — c. 158
V, 5, 3 — c. 181, 183—184, 221, 240
V, 5, 4, 5 — c. 64, 236
V, 5, 4 — c. 224
V, 6, 1 — c. 158, 239
V, 6, 2 — c. 49, 163
V, 6, 3 — c. 243
V, 26, 1, 2 — c. 32
VI, 1, 2—4 — c. 32
VII, 10, 5, 6 — c. 19, 121
VII, 10, 6 — c. 18, 195
VII, 16, 1, 2 — c. 17, 242
VII, 16, 3 — c. 211, 223

Indica:
2, 2 — c. 158, 236
2, 3, 4 — c. 240
2, 3 — c. 240
2, 4 — c. 184
3, 2 — c. 243
3, 4, 5 — c. 51—52
5, 3 — c. 49
5, 10, 11 — c. 183—184, 221
5, 10 — c. 221
6, 4 — c. 29, 240

Athenaeus [Naucratitus]
[Deipnosophistae]:
II, p. 67 — c. 36
II, p. 70 — c. 14, 193—195
X, p. 442 — c. 36
XIII, p. 575 — c. 164

Rufus Festus Avienus
[Descriptio orbis terrae]:
29—32 — c. 218—219
911 — c. 213
914—916 — c. 212
916, 917 — c. 213
929 — c. 257
1351 — c. 213, 257

Ora maritima:
370 — c. 157

Baeton (Jacoby, II B, 1, 1927)
[Mansiones itineris Alexandri]:
Φp. 2a — c. 43

Basilius [Caesareus]
Hexameron:
III, 6 — c. 203

Callisthenes [Olynthius] (Jacoby, II B, 1 1927)
[Res gestae Alexandri]:
Φp. 38 — c. 16, 23, 34, 215

Martianus Minneius Felix Capella
[De nuptiis Philologiae et Mercurii]
VI, 692 — c. 53, 56, 187
VIII, 876 — c. 146

Chares [Mytilenaeus] (Jacoby, II B, 1, 1927)
[De rebus Alexandri]:
Φp. 5 — c. 164

Tiberius Claudius (Jacoby, III A, 1940)
[Historiae]:
Φp. 5 — c. 57, 58, 228—229, 229

Kleitarchus (Jacoby, II B, 1, 1927)
[De rebus Alexandri]:
Φp. 13 — c. 36, 225
Φp. 16 — c. 36, 226

Constantinus Porphyrogennetus
De caerimoniis:
II, 48 — c. 149

Ctesias [Cnidius] (Jacoby, III C, 1, 1958)
[Persica]:
Φp. 1b — c. 25, 26—27, 27, 227
Φp. 5 — c. 25
Φp. 15, § 51 — c. 25
Φp. 16, § 62 — c. 25
Φp. 33 — c. 25, 85

[Indica]:
Φp. 45 h — c. 25

[De tributis Asiatics]:
Φp. 53, 54 — c. 36

Ctesiphon (Jacoby, III A, 1940)
[Persica]:
Φp. 2 — c. 185

Q. Curtius Rufus
[Historiae Alexandri Magni Macedonis]:
IV, 5, 4, 5 — c. 34, 206, 207, 209
V, 9, 5 — c. 19, 121
V, 10, 3 — c. 37, 163
VI, 2, 13 — c. 227
VI, 2, 14 — c. 68
VI, 3, 9 — c. 19, 121
VI, 4, 16 — c. 17, 193

VI, 4, 18, 19 — c. 36
VI, 4, 18 — c. 225
VI, 4, 19 — c. 17, 193, 225, 229
VI, 4, 21, 22 — c. 30
VI, 5, 24—32 — c. 36, 226
VII, 3, 4 — c. 226
VII, 3, 7 — c. 44, 222
VII, 3, 19—21 — c. 34, 207
VII, 3, 19 — c. 23, 43, 209, 218, 221
VII, 3, 21 — c. 210
VII, 3, 22, 23 — c. 43
VII, 3, 22 — c. 44, 221
VII, 4, 6 — c. 19, 121
VII, 4, 20 — c. 209
VII, 4, 22 — c. 221
VII, 4, 26—30 — c. 36
VII, 4, 27 — c. 226
VII, 4, 30 — c. 37
VII, 4, 31 — c. 225
VII, 5, 1—12 — c. 46
VII, 5, 13—17 — c. 45—46
VII, 5, 13—18 — c. 45, 186, 223
VII, 6, 12 — c. 227
VII, 7, 1 — c. 47, 223
VII, 7, 2 — c. 227
VII, 7, 4 — c. 27, 227
VII, 8, 30 — c. 27, 227
VII, 9, 13—16 — c. 47
VII, 9, 15 — c. 48, 227
VII, 10, 3 — c. 37
VII, 10, 13 — c. 46, 186, 223
VII, 10, 15 — c. 46, 48, 223
VIII, 1, 7 — c. 227
VIII, 3, 1—16 — c. 46
VIII, 10, 22 — c. 35, 211

Deimachus [Plataeensis] (Jacoby, III C, 2, 1958)
[Indica]:
Фр. 2a — c. 53, 228
Фрю 2b — c. 53, 121, 143
Фр. 2c — c. 53
Фр. 3 — c. 53, 121

Democritus [Abderitus] (Лурье, 1970)
[Geographia?]:
Фр. 410 — c. 198

Demodamas [Milesius] (Jacoby, III B, 1950; Müllerus, II, 1848)
[Indica? Scythica?]:
Фр. 1 M. [ср. Фр. 2 J.] — c. 187

Dexippus [Atheniensis] (Jacoby, II A, 1926)
[Res successorum Alexandri]:
Фр. 8, § 6 — c. 210

Dicaearchus [Messenius]
[Terrae circuites]:
Фр. 110 — c. 34, 120, 157, 234

Dimensuratio provinciarum:
1 — c. 124, 250
2 — c. 124, 168, 249
3 — c. 249
6 — c. 168, 249, 250
9 — c. 250

Diodorus [Siculus]
[Bibliotheca Historica]:
II, 2, 1—4 — c. 227
II, 2, 1 — c. 26
II, 2, 3, 4 — c. 26
II, 2, 3 — c. 26, 27
II, 6, 1 — c. 26
II, 6, 3 — c. 26
II, 13, 5 — c. 26
II, 14, 2 — c. 26
II, 16, 1 — c. 26—27
II, 18, 1—8 — c. 26—27
II, 19, 10 — c. 26—27
II, 22, 5 — c. 25
II, 32, 4 — c. 25
II, 35, 1 — c. 255
II, 37, 5, 6 — c. 52
II, 37, 5 — c. 255
XI, 71, 2 — c. 36—37
XVII, prol., 24 — c. 46
XVII, 75, 3 — c. 36, 225
XVII, 75, 4—6 — c. 30
XVII, 77, 1—3 — c. 36, 226
XVII, 83, 1 — c. 43, 44, 221
XVIII, 3, 3 — c. 210
XVIII, 5, 1—6, 4 — c. 34, 206—210
XVIII, 39, 6 — c. 210

Diogenes [Laertius]
[Vitae philosophorum]:
V, 2, 14 — c. 199
IX, 83 — c. 218

Diognetus [Erythraeus] (Jacoby, II B, 1, 1927)
[Mansiones itineris Alexandri]:
Фр. 1 — c. 43

Dionysius Periegetus
[Orbis periegesis]:
14—17 — c. 224
47—50 — c. 219
570—579 — c. 140
587—592 — c. 170
591—595 — c. 139
638—646 — c. 133, 248—249
660—665 — c. 224
714 — c. 253
718—761 — c. 168
718—722 — c. 219
728—733 — c. 173
730—738 — c. 128

733—745 — c. 100, 212, 213, 217, 256
733—740 — c. 212, 273
734—757 — c. 99, 172
734—737 — c. 127
734 — c. 69, 134
736—738 — c. 172
746—757 — c. 127
746—750 — c. 56
746—748 — c. 256
746, 747 — c. 276
747, 748 — c. 254
749, 750 — c. 257
750 — c. 71
753 — c. 71
758—760 — c. 173
1001—1004 — c. 174
1016—1019 — c. 173
1018—1019 — c. 128
1073, 1074 — c. 212
1086—1106 — c. 127—128
1091 — c. 253
1097 — c. 70, 254
1134 — c. 253
1141 — c. 127
1143—1148 — c. 71
1145—1147 — c. 254
1146 — c. 213

Bassarica (Müller, II, 1861):
Φp. 16 — c. 71

Scholia in Dionysium, Per.:
7 — c. 171, 249
14 — c. 56, 187
666 — c. 171, 249

Divisio orbis:
15 — c. 250
18 — c. 168, 249, 250
22 — c. 249
23 — c. 124, 168, 249
24 — c. 124, 250

Ephorus [Cymaeus] (Jacoby, II A, 1926) [Historiae]:
Φp. 30 — c. 191, 231
Φp. 159 — c. 231

Eratosthenes [Cyrenensis] (Berger, 1880) [Geographia]:
Φp. III A, 1 — c. 239
Φp. III A, 2 — c. 15, 17—18, 19, 120, 142—143, 158, 159, 190, 192, 235—237
Φp. III A, 4—6 — c. 158
Φp. III A, 4, 5 — c. 29, 63—64
Φp. III A, 4 — c. 236, 240
Φp. III A, 5 — c. 19, 183—184, 221, 236, 238, 240
Φp. III A, 6 — c. 239
Φp. III A, 8 — c. 12, 15, 19, 142—143, 192, 235
Φp. III A, 9 — c. 53, 121
Φp. III A, 11 — c. 15, 18, 19, 192
Φp. III A, 15, 16 — c. 158
Φp. III A, 15 — c. 37, 142, 162
Φp. III A, 21 — c. 120, 142, 235
Φp. III A, 22 — c. 15, 19, 142, 192, 235
Φp. III A, 23 — c. 37, 159, 162
Φp. III A, 36 — c. 17
Φp. III B, 2, 3 — c. 158, 235
Φp. III B, 2 — c. 37, 162
Φp. III B, 6 — c. 29, 48, 52, 64, 64, 240, 243
Φp. III B, 9, 10 — c. 243—244
Φp. III B, 9 — c. 48, 64
Φp. III B, 10 — c. 48, 52, 64
Φp. III B, 12, 13 — c. 64
Φp. III B, 12 — c. 243
Φp. III B, 13 — c. 243
Φp. III B, 20, 21 — c. 63
Φp. III B, 20 — c. 59, 164, 237, 269
Φp. III B, 21 — c. 237, 269
Φp. III B, 23 — c. 48, 166, 241
Φp. III B, 63 — c. 47, 48, 59, 63, 64, 238, 240, 243, 245
Φp. III B, 65 — c. 58, 237
Φp. III B, 67 — c. 62
Φp. III B, 68 — c. 30, 59, 243, 245

Eusebius [Caesariensis] Praeparatio Evangelica:
I, 4, 7 — c. 137
VI, 10, 12—23 — c. 135
VI, 10, 15, 16 — c. 135
VI, 10, 18—22 — c. 136
VI, 10, 21, 22 — c. 136

Eustathius [Thessalonicensis] Commentarii in Dion. Per.:
14 — c. 56, 187
663 — c. 171, 249
737 — c. 182
1097 — c. 182

C. Valerius Flaccus [Argonautica]:
IV, 711—732 — c. 54
VI, 33—167 — c. 54
VI, 143 — c. 257

Hecataeus [Mileasius] (Jacoby, I, 1923) [Periegesis]:
Φp. 191, 192 — c. 172
Φp. 199 — c. 15
Φp. 209 — c. 172
Φp. 286 — c. 13, 18, 193
Φp. 289 — c. 18, 160

Φp. 291 — c. 17, 193
Φp. 292, 293 — c. 18, 195
Φp. 292 — c. 193
Φp. 294, 295 — c. 19, 196
Φp. 295 — c. 19, 160—161
Φp. 296 — c. 19, 194
Φp. 299 — c. 19, 195—196

Hecataeus Abderitus (Jacoby, III A, 1940)
[De Hyperboreis]:
Φp. 13 — c. 204
Φp. 14 — c. 204

Herodotus [Halicarnassensis]
[Historiae]:
I, 104 — c. 18
I, 201—216 — c. 217
I, 201 — c. 23, 217, 218
I, 202, 203 — c. 17, 193
I, 202 — c. 16, 23, 184, 215, 216
I, 203, 204 — c. 16, 180
I, 203 — c. 17
I, 204—214 — c. 23
I, 204 — c. 17, 193, 195
I, 205—211 — c. 185
I, 215, 216 — c. 23, 218
II, 34 — c. 17, 236
II, 99 — c. 21
III, 36 — c. 23, 185
III, 98 — c. 19, 126, 196
III, 102 — c. 19, 121, 195
III, 104 — c. 19, 126
III, 117 — c. 22, 197
IV, 11—13 — c. 218
IV, 11, 12 — c. 23
IV, 37—41 — c. 160
IV, 37 — c. 18, 160
IV, 38, 39 — c. 15, 160
IV, 38 — c. 17
IV, 40 — c. 16—19, 126, 160, 184, 215
IV, 44 — c. 12, 194, 196
IV, 204 — c. 20, 22
V, 52—54 — c. 22
VI, 119 — c. 20

Hipparchus [Nicaeensis] (Dicks, 1960)
[Contra Eratosthenem]:
Φp. 5 — c. 144
Φp. 12 — c. 52, 53, 143, 248
Φp. 14 — c. 53, 190, 248
Φp. 16 — c. 53, 122
Φp. 17 — c. 144
Φp. 22 — c. 248
Φp. 23 — c. 168
Φp. 25 — c. 190
Φp. 29 — c. 167
Φp. 31 — c. 59
Φp. 33 — c. 15, 19, 143, 168
Φp. 51 — c. 15, 19, 143
Φp. 52 — c. 143

Iulius Honorius
[Cosmographia]:
A, 2 — c. 123
A, 4 — c. 80, 122, 261, 262
A, 7, 8 — c. 263, 276
A, 7 — c. 56, 80, 262, 270
A, 8 — c. 56, 262, 276
A, 13 — c. 56, 123, 262, 264, 278
A, 14 — c. 122
A, 27 — c. 122
A, 28 — c. 123
A, 30 — c. 261
A, 33, 34 — c. 262
A, 38 — c. 56, 123, 262, 264, 278
A, 39 — c. 122
B, 4—7 — c. 122
B, 5 — c. 56, 262, 263, 276

Iordanes
[Getica]:
45 — c. 72, 258
48 — c. 68
52—54 — c. 262
53 — c. 262
55 — c. 262
61 — c. 185

Isidorus [Characenus]
Mansiones Parthicae:
12 — c. 261

M.Iunianus Iustinus
[Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma]:
I, 8, 2 — c. 185
XLI 1, 1—2 — c. 68
XLI 4, 6, 7 — c. 68
XLI 6, 8 — c. 69, 232
XLII, 2, 3 — c. 66

M.Annaeus Lucanus
[Pharsalia]:
III, 266—268 — c. 23, 211, 218
VIII, 431 — c. 269
Scholia Bern. in Lucanum, Phars.:
III, 280 — c. 23, 211, 218
Scholia Varia in Lucanmum, Phars.:
III, 267 — c. 211

Megasthenes (Jacoby, III C, 2, 1958)
[Indica]:
Φp. 4 — c. 52, 255
Φp. 6 — c. 52
Φp. 6a — c. 163
Φp. 6c — c. 52, 228

Pomponius Mela
[De Chorographia]:
I, 9 — c. 169

I, 12, 13 — c. 124
I, 13 — c. 56, 125, 148, 172, 174, 256, 277
I, 81 — c. 250, 252
I, 109 — c. 171, 250
III, 38, 39 — c. 56, 173
II, 38 — c. 124, 170
III, 39 — c. 59, 125, 149, 255, 264, 278
III, 40 — c. 217
III, 42 — c. 56, 255, 264, 268, 270, 275, 276, 278
III, 44, 45 — c. 115, 170
III, 58—60 — c. 125, 169, 173
III, 58 — c. 268
III, 59, 60 — c. 125, 151, 252—253
III, 59 — c. 151, 169, 252, 258
III, 68, 69 — c. 56, 57
III, 68 — c. 52, 252, 254
III, 69 — c. 253—254, 265
III, 70 — c. 144, 252
III, 71 — c. 265
III, 90 — c. 115

Cornelius Nepos (Peter, II, 1906)
Φp. 7 — c. 170

Nicandrus [Colophonius]
Therica:
890 — c. 198

Nicanorus [Miezensis? Alexandrinus?] (Jacoby, II B, 1, 1927)
[Vita Alexandri? Nominum mutationes?]
Φp. 2 — c. 56, 188

Onesicritus [Astypalaeensis] (Jacoby, II B, 1, 1927)
[Educatio Alexandri]:
Φp. 3 — c. 29—30
Φp. 4 — c. 29—30
Φp. 5 — c. 29, 137

Paulus Orosius
[Historiae adversum paganos]:
I, 2, 13—20 — c. 259
I, 2, 17 — c. 124
I, 2, 36—46 — c. 259
I, 2, 37, 38 — c. 181
I, 2, 41—43 — c. 80
I, 2, 43 — c. 266
I, 2, 47 — c. 175, 176

Patrocles (Jacoby, III C, 2, 1958)
Φp. 1 — c. 28, 58, 242
Φp. 2 — c. 228
Φp. 4a,b — c. 60, 165
Φp. 5 — c. 62
Φp. 6 — c. 30, 59, 243

Tabula Peutingeriana
XI, XII — c. 16, 23, 71, 72, 79, 100, 127, 173, 174, 213, 217, 219, 249, 251, 254, 257, 258, 260, 265, 266, 273

Philostratus
Vita Apollonii Tyanaei:
II, 2 — c. 78, 181, 228
II, 3 — c. 78, 221
II, 6 — c. 78

C. Plinius Secundus
[Naturals Historia]:
I, ind. 4—6 — c. 67
II, 119—121 — c. 123
II, 166—171 — c. 115—116
II, 167, 168 — c. 60, 170
II, 170 — c. 170
IV, 81 — c. 116
IV, 82—89 — c. 54
IV, 83 — c. 56, 187
IV, 91 — c. 250
IV, 94 — c. 204
V, 97—99 — c. 171
V, 97, 98 — c. 250
V, 97 — c. 250
V, 98 — c. 252
V, 99 — c. 251
VI, 15 — c. 171, 251
VI, 17 — c. 229
VI, 20—22 — c. 54
VI, 20 — c. 56, 57, 187
VI, 22 — c. 69, 233
VI, 28 — c. 203—204
VI, 31 — c. 57, 58, 228—229, 229
VI, 33 — c. 169
VI, 34—36 — c. 124
VI, 34, 35 — c. 124
VI, 36—52 — c. 147
VI, 36 — c. 57, 59, 243
VI, 37 — c. 168, 249, 250
VI, 38, 39 — c. 173
VI, 38 — c. 56, 59, 170, 256
VI, 41 — c. 72, 232
VI, 44 — c. 70
VI, 45 — c. 59, 226, 237, 246, 269
VI, 46 — c. 70
VI, 47, 48 — c. 56, 125, 172
VI, 47 — c. 70, 219, 232, 278
VI, 48—51 — c. 54
VI, 48—50 — c. 55, 56, 244—245
VI, 48 — c. 56, 70, 125, 174, 256, 269, 276, 277
VI, 49 — c. 31, 54, 56, 187, 223
VI, 50 — c. 56, 57, 183, 22, 257, 278
VI, 51 — c. 31, 206, 224

VI, 52 — c. 60, 226, 268
VI, 53—55 — c. 150, 151
VI, 53 54 — c. 125, 173, 253
VI, 53 — c. 124, 169, 252, 253
VI, 54 — c. 71, 253
VI, 55 — c. 70—71, 71, 139
VI, 56 — c. 252
VI, 57 — c. 124, 138, 250
VI, 58 — c. 57, 242
VI, 60 — c. 252
VI, 61—63 — c. 43
VI, 61, 62 — c. 43, 44
VI, 64, 65 — c. 71
VI, 64 — c. 57, 252
VI, 65 — c. 52, 56, 254
VI, 71, 72 — c. 265
VI, 71 — c. 56, 57, 254
VI, 80 — c. 265
VI, 92 — c. 51, 52, 228
VI, 94 — c. 51
VI, 112 — c. 72, 232
VI, 116 — c. 72
VI, 134 — c. 69, 232
VI, 137 — c. 124, 168, 249, 250
VI, 197 — c. 124, 138—139
VI, 211—220 — c. 145
VI, 214, 215 — c. 146
VI, 216, 217 — c. 146
VI, 218 — c. 146
VII, 160 — c. 132
XII, 34 — c. 29—30
XV, 68 — c. 29—30
XVIII, 331—339 — c. 123
XIX, 43 — c. 183
XIX, 46 — c.183, 197
XXIV, 160 — c. 197
XXIV, 162 — c. 198
XXIV, 164 — c. 198
XXIV, 167 — c. 197
XXIV, 178—181 — c. 183, 197
XXV, 13 — c. 197
XXXI, 75 — c. 29
XXXI, 86 — c. 29

Plautarchus [Chaeronensis]
Vita Alexandri:
44 — c. 31, 224
45 — c. 31, 223
46 — c. 226
52 — c. 208—209
De fluviis:
23, 1 — c. 185

Polybius [Megalopolitanus]:
[Hitoriae]:
III, 37, 4 — c. 231
X, 28, 4 — c. 239—240
X, 48 — c. 186, 229, 230
XI, 34, 10, 11 — c. 231
XXXIV, 7, 10 — c. 231

Polycleitus [Larissensis] (Jacoby, II B, I, 1927)
[Historiae]:
Φp. 3 — c. 36
Φp. 7 — c. 36, 188, 225
Φp. 8 — c. 36, 226

Porphyrius [Tyrius]
De abstinentia:
IV, 21 — c. 29, 137

Posidonius [Apamensis] (Jacoby, II A, 1926)
[De oceano]:
Φp. 28, § 2 — c. 130
Φp. 28, § 5 — c. 130—131
Φp. 28, § 23, 24 — c. 135
Φp. 87a — c. 137
Φp. 100 — c. 124, 138
Φp. 101 — c. 229

Priscianus [Caesariensus]
[Periegesis]:
714 — c. 213
715—717 — c. 212
718 — c. 213
726 — c. 257
1051 — c. 213

Claudius Ptolemaeus
[Geographia]:
I, 11 — c. 72—74, 77, 153, 154
I, 12 — c. 74, 76, 77, 153, 153—154, 154, 269, 270
I, 16 — c. 155, 266, 271
I, 17 — c. 73
I, 23 — c. 152
V, 8 — c. 149, 150
Y, 11 — c. 174
V, 12 — c. 174
VI, 2 — c. 77, 154, 174
VI, 5 — c. 76, 77, 154, 267
VI, 9 — c. 56, 77, 154, 174, 268
VI, 10 — c. 77, 100, 154, 272, 273
VI, 11 — c. 46, 56, 75, 77, 102, 149, 153, 154, 260, 267—272, 276
VI, 12 — c. 56, 75—77, 149, 153, 154, 154—155, 219, 266, 269—272, 274, 276—278
VI, 13 — c. 75, 77, 154, 267, 270, 272
VI, 14 — c. 55, 269, 270, 272
VI, 15 — c. 77, 267
VI, 16 — c. 77, 151—152, 154, 267
VI, 17 — c. 77, 154, 267
VII, 1 — c. 266
VII, 5 — c. 56, 268
VIII, 23 — c. 178
VIII, 29 — c. 176, 178

Sentaxis mathematica:
II, 6 — c. 152
Apotelesmatica:
II, 2—4 — c. 131
II, 2 — c. 133, 139
II, 3, 4 — c. 128, 133, 150
II, 3 — c. 69, 71, 133—136
III, 11 — c. 132
Oppida laudata: c. 177

Ravennas Anonymus
[Cosmographia]:
I, 1—3 — c. 125
I, 1 — c. 125
I, 2 — c. 19, 125
I, 4 — c. 125
I, 9, 10 — c. 118
I, 10—12 — c. 125
I, 12 — c. 23, 125, 126, 191, 217, 249, 253
I, 13 — c. 125
II, 1 — c. 125, 128, 254
II, 3 — c. 214
II, 4 — c. 70, 71, 126
II, 8 — c. 23, 72, 126, 217, 257, 258
II, 11 — c. 126
II, 12 — c. 72, 100, 214, 258
II, 20 — c. 249
V, 19 — c. 268

Scylax [Caryandensis]
[Terrae circuitus]: (Jacoby, III C, 2, 1958)
Φρ. 3 — c. 19, 193
Φρ. 4 — c. 19, 194
Φρ. 8 — c. 15, 157
Periplus:
102 — c. 17

Servius Maurus Honoratus
Commentarii in Vergilii Aeneidem:
VIII, 728 — c. 45
Commentarii in Vergilii Bucolica:
I, 66 — c. 186

Simmias [Rhodius] (Düntzer, II, 1840)
[Apollo]:
Φρ. 1 — c. 206

C. Iulius Solinus
[Collectanea rerum memorabilium]:
XIX, 4 — c. 60
XLIX, 5 — c. 53, 56, 187
XXXVIII, 12 — c. 252

Stephanus [Byzantius]
[Ethnica]:
Ἀλεξάνδρεια — c. 196, 258
Ἀπασιάκαι — c. 230
Γανδάραι — c. 196
Δανδάριοι — c. 172
Δερβίκκαι — c. 71, 100
Κασπάπυρος — c. 160—161, 196
Κάσπειρος — c. 71
Κῶλοι — c. 172
Μηδία — c. 13, 193
Μύκοι — c. 160
Παροπάμισσος — c. 233
Συρμάται — c. 150
Τάναις — c. 188
Τιπάνισσαι — c. 172
Χορασμίη — c. 195
Ὠπίαι — c. 195—196

***Strabo* [Amasensis]**
[Geographia]:
I, 2, 1 — c. 8—9, 65—66
I, 2, 28 — c. 191, 231
I, 2, 35 — c. 11
II, 1, 1, 2 — c. 235
II, 1, 1 — c. 120, 158, 159, 235
II, 1, 2, 3 — c. 237
II, 1, 2 — c. 190, 228
II, 1, 3 — c. 17, 18, 120, 131, 142—143, 158, 192, 235—237
II, 1, 4 — c. 143, 190, 248
II, 1, 5 — c. 12, 120, 142—143, 190, 192, 235—237
II, 1, 6 — c. 28, 58, 242
II, 1, 11 — c. 18, 120, 190, 192, 248
II, 1, 12—18 — c. 53
II, 1, 12—14 — c. 143, 144
II, 1, 14 — c. 30, 69, 70, 121, 137—138, 143—144, 144
II, 1, 15 — c. 48, 60, 245
II, 1, 17 — c. 53, 143, 165
II, 1, 18 — c. 143—144
II, 1, 19 — c. 121, 122
II, 1, 20 — c. 144
II, 1, 22 — c. 158, 162, 235
II, 1, 29 — c. 248
II, 1, 31 — c. 158, 235
II, 1, 33 — c. 162, 163
II, 1, 34 — c. 168, 190
II, 1, 35 — c. 142, 158, 162
II, 1, 37 — c. 158
II, 1, 39 — c. 59, 237
II, 1, 40 — c. 162, 163, 167
II, 1, 41 — c. 143, 168
II, 2, 2 — c. 130
II, 3, 2 — c. 130
II, 3, 7, 8 — c. 135
II, 4, 5, 6 — c. 231
II, 4, 5 — c. 231
II, 4, 6 — c. 224
II, 4, 7 — c. 231
II, 5, 12 — c. 64, 66

II, 5, 14 — c. 19, 60, 64, 165, 237, 238
II, 5, 31 — c. 9, 19, 48, 60, 64, 163, 165, 175, 237, 238
II, 5, 32 — c. 238
II, 5, 34—43 — c. 142
II, 5, 39 — c. 120, 142, 235
II, 5, 40 — c. 142, 143, 192, 235
II, 5, 41 — c. 143
XI, 1, 1 — c. 163
XI, 1, 2 — c. 238
XI, 1, 3 — c. 18, 235—236
XI, 1, 4 — c. 158, 159, 235, 237—240, 243
XI, 1, 5—7 — c. 163
XI, 1, 5 — c. 225, 229
XI, 1, 7 — c. 60, 165, 175
XI, 1, 17 — c. 9
XI, 2, 2 — c. 224
XI, 2, 14 — c. 149
XI, 2, 16 — c. 58
XI, 2, 17 — c. 13, 16
XI, 4, 2 — c. 59
XI, 5, 4 — c. 226
XI, 5, 5 — c. 183—184, 221, 240
XI, 5, 6 — c. 58
XI, 6, 1 — c. 57, 59, 243, 245
XI, 6, 2 — c. 8, 19, 23, 121
XI, 6, 4 — c. 66
XI, 7, 1 — c. 57, 71, 174
XI, 7, 2 — c. 30, 47—48, 69, 138, 189
XI, 7, 3 — c. 41, 48, 60—62, 68, 233, 245, 247
XI, 7, 4 — c. 36, 47, 47—48, 65, 188, 223, 225, 227, 239, 242, 246, 269
XI, 7, 5 — c. 216, 230
XI, 8, 1, 2 — c. 48, 166
XI, 8, 1 — c. 29, 60, 63, 69, 70, 165, 180, 237, 238, 240
XI, 8, 2 — c. 19, 23, 121, 218, 233, 246
XI, 8, 3 — c. 63
XI, 8, 6, 7 — c. 23, 218
XI, 8, 6 — c. 16, 23, 215
XI, 8, 8 — c. 57, 59, 63, 68, 233, 238, 240, 243, 245
XI, 8, 9 — c. 43, 44, 56, 59, 226, 237, 246, 269
XI, 9, 1 — c. 18, 99, 137, 195
XI, 9, 2 — c. 66, 68, 70, 72, 239
XI, 9, 3 — c. 68, 233
XI, 10, 1 — c. 70, 238
XI, 11, 1 — c. 68, 69, 128, 138
XI, 11, 2 — c. 48, 64, 243, 246, 269
XI, 11, 3 — c. 29, 137
XI, 11, 5 — c. 48, 63, 68, 233, 243, 246, 247
XI, 11, 6 — c. 9, 47, 60, 72, 165, 239, 245
XI, 11, 7 — c. 60, 69, 165, 240
XI, 11, 8 — c. 99
XI, 11, 12 — c. 64
XI, 12, 1 — c. 159
XI, 12, 2 — c. 240
XI, 12, 4 — c. 238, 240
XI, 12, 5 — c. 159, 162
XI, 13, 7 — c. 174
XI, 14, 13 — c. 215—217
XII, 3, 25 — c. 15
XIV, 5, 22 — c. 18, 68, 158—159, 236
XV, 1, 3 — c. 64
XV, 1, 8 — c. 183—184, 221
XV, 1, 10 — c. 243
XV, 1, 11 — c. 51—52, 240
XV, 1, 12 — c. 228
XV, 1, 13 — c. 243
XV, 1, 17—19 — c. 41
XV, 1, 17 — c. 221
XV, 1, 26 — c. 34, 44, 211, 223, 241
XV, 1, 29 — c. 254
XV, 1, 56 — c. 52, 228
XV, 1, 72 — c. 52, 255
XV, 2, 1 — c. 164
XV, 2, 8 — c. 43, 44, 164
XV, 2, 9, 10 — c. 44
XV, 2, 9 — c. 166, 241
XV, 2, 10 — c. 44, 183, 221, 222, 241, 245
XV, 3, 21 — c. 36

P. Cornelius Tacitus
Annales:
VI, 33 — c. 229

Theophanes [Mytilenaeus] (Jacody, III B, 3, 1929)
[De rebus Pompeii]:
Φp. 3 — c. 224

Theophrastus [Eresius]
Historia plantarum:
VI, 3, 4—6 — c. 29, 183
VI, 3, 7 — c. 182, 197
[De metallis]:
Φp. 248 — c. 29

Timosthenes [Rhodius] (Wagner, 1888)
[De portus]:
Φp. 6 — c. 19, 119, 126

Pompeius Trogus (Seel, 1956)
[Historiae Philippicae]:
Prol., XLI — c. 69
Φp. 29 a, b, f — c. 23, 185

Φp. 157 a, b — c. 68
Φp. 158 b — c. 68

M. Terentius Varro
De re rustica:
1, 2, 3 — c. 239

P. Vergilius Maro
Aeneis:
VIII, 728 — c. 45
Bucolica:
I, 66 — c. 186

SUMMARY

I.V. Pyankov. *Central Asia in Classical Geographic Tradition (A Source Study).* The classical geographic tradition, which has saved us the knowledge of Bactriane and its neighbouring countries, essentially derives to eyewitness accounts. These data could be recorded by both travellers and other people conducting oral enquiry. The principal literary vehicle for it was the itinerary which usually constituted a primary fund of geographic data for scholars in their theoretical deliberations. An itinerary could either be a work in its own right or part of any other geographic or historical study. Over time, there was a change which may be sorted out into several stages in classical ideas of the oecumene, notably its north-eastern reaches. Each stage is distinguished by its own features as the classical world learnt more about its geography, thus expanding its ideas of the oecumenical boundaries. Original geographic facts on Bactriane and its neighbouring countries came mainly from these sources: in the Persian Kingdom, from works by Scylax, Herodotus, and Ctesias; in time of Alexander the Great, from his own letters and writings by Callisthenes and Polycleitus, Cleitarchus, Ptolemaeus, and Aristobulus; under Alexander's successors, from works by Megasthenes and Deimachus, Demodamas and Patrocles; and in the Parthian kingdom, from writings by Apollodorus, Maes, Damis, and one of the Roman itineraries. Ancient geographical theories and maps on the north-eastern oecumene chiefly profited by these works.

Apart from these studies, the ancient geographic tradition relied on a number of other sources. The classical geographic tradition suggests several schools with their distinctive sources, problems, and their treatment; such schools are also indicated by data concerning the region in question. The earliest school started, perhaps, by Anaximander, is known as the general Ionian tradition. A branch of it had its foremost spokesman in Hecataeus. In later times there were schools founded by Democritus and Eudoxus, Ephorus and Polybius, Dicaearchus and Eratosthenes, Hipparchus and Poseidonius. Varro Reatinus and Agrippa may be considered the leading exponents of the Latin tradition.

The geographic tradition of the time most commonly dealt with the idea of the oecumene. Essentially, oecumene concerned the sectors and zones of the inhabited world and the climates, including data on the north-eastern oecumene, Bactriane and its neighbours. From earliest times, possibly from Anaximenes, classical scholars used to divide the oecumene into sectors making use of the wind rose. There were two recorded ways of doing it: one type of charts describing in a relative detail the north-eastern oecumene was compiled by Honorius and another by Timosthenes and Ravennatus. Much about that time the oecumene was being delimited into zones. However, it was Poseidonius, who was a genuine father of the theory of zones who keenly researched, among other places, the north-eastern oecumene. The theory of climates also took some time to evolve. A contributor of note was Eratosthenes, but perhaps the most credit goes to Hipparchus. Their data, normally in contamination with other materials, are found in Strabo, Pliny, and Claudius Ptolemaeus, who also provided our knowledge of the oecumene's north-east as related to the climate theory. In the classical period there existed as well special charts delimiting the oecumene sections; we, of course, are particularly concerned with its north-east. An earlier chart, known as the acte, was developed by Hecataeus and a later one, the sphragis, by Eratosthenes. The latter was discussed by later classical scholars who variously amended it. A variant of it was evolved by Hipparchus and built on by Poseidonius and Agrippa. The latter's chart was in turn used for still later ones, among them Orosius'. Claudius Ptolemy also came up with his chart.

The materials we are dealing with on the classical idea of the oecumene certainly do not tell the whole story, particularly as concerns geographic zones and climates. One promising thing to do in this respect would be to research more extensively the astrological treatises of the relevant period as well as medieval Muslim geographic works, known to have extensively borrowed from classical legacy.

The classical geographic tradition also concerned itself with cartographs of mountain ridges and rivers streaming down them, as well as the various peoples and countries nearby — charts we have called orohydrographic. We focused on those specifically relating to Bactriane and its neighbours. Initial glimpses of them are offered by Hecataeus' Ionian charts and traditions. Quite an elaborate chart was compiled by Aristotle, and its traces are observed in Hecataeus of Abdera. It might have been contrived by Democritus and Eudoxus. With some modifications this chart was reproduced in a follow up of Alexander the Great's conquests, when new charts were already in place. An amended version of the original chart may have come from Callisthenes, with a likely later description by Poseidonius. Quite a new chart was drawn during Alexander the Great military expeditions. Polycleitus may well have been responsible for the variant deriving from the tradition of Alexander's historians. It was also current, sepa-

rate from the literary tradition, amond Greek settlers in Asia. These charts must have given rise to those recorded by Polybius and, possibly, Apollodorus. The ideas of the oecumene's north-east current in Alexander's time were reinterpreted by Dicaearchus, with factual amendations furnished by Patrocles and Demodamas. All of these were drawn on by Eratosthenes in fashioning a new orohydrographic chart, later to be successively updated by other scholars. We believe them to be ultimately traceable to Hipparchus, whose ideas were used by Poseidonius and Agrippa. Agrippa's version of the chart formed a basis for a number of later charts, for example, by Orosius and Honorius. Claudius Ptolemaeus provided his orohydrographic chart in a relevant section of the map by culling data from Eratosthenes, Hipparchus, and Poseidonius.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ... 3

Глава I. **Истоки античной географической традиции о Средней Азии** ... 8

1. Эпоха Персидского царства ... 11
   Скилак ... 12
   Геродот ... 20
   Ктесий ... 23
2. Эпоха македонского владычества. Александр Македонский ... 27
   Александр ... 31
   Каллисфен ... 32
   Поликлит ... 35
   Клитарх, Птолемей и *Аристобул* ... 37
3. Эпоха македонского владычества. Преемники Александра Македонского ... 48
   Мегасфен ... 49
   Деимах ... 52
   Демодам ... 53
   Патрокл ... 57
4. Эпоха Парфянского царства ... 64
   Аполлодор ... 65
   Май Тициан ... 72
   Аполлоний и *Дамис* ... 77
   Римский итинерарий ... 78

Глава II. **Основные вехи античной географической традиции о Средней Азии** ... 81

1. Ионийская традиция. Анаксимандр и Гекатей ... 82
2. Традиция Демокрита и Эвдокса ... 85
3. Традиция Эфора и Полибия ... 90
4. Традиция Дикеарха и Эратосфена ... 92
5. Традиция Гиппарха и Посидония ... 96
6. Традиция Варрона и Агриппы ... 106

Глава III. **Средняя Азия в античной ойкумене** ... 114

1. Секторы ойкумены ... 116
   Схема Тимосфена ... 119
   Схема Гонория ... 122
   Схема Равенната ... 125
2. Пояса ойкумены ... 128
   Схема Посидония ... 130
3. Климаты ... 141
   Данные Страбона ... 142

Данные Плиния ... 145
Данные Птолемея ... 152
4. Части ойкумены ... 155
Система акте ... 159
Система сфрагид ... 162
Система сфрагид. Поздние варианты ... 167
Система сфрагид. Вариант Оросия ... 175
Части ойкумены у Птолемея ... 176
Глава IV. **Средняя Азия в античных орогидрографических схемах** ... 179
Горы ... 180
Реки ... 184
1. Древнейшие представления о горах и реках Верхней Азии ... 190
Схема древних ионийских карт ... 190
Данные традиции Гекатея ... 192
2. Схема: Парнасс, реки Аракс, Танаис и другие ... 197
Схема Аристотеля ... 199
Данные Гекатея Абдерского ... 204
3. Схема: Кавказ, реки Аракс, Танаис и другие ... 206
4. Схема: Кавказ, реки Аракс, Танаис и другие. Поздние варианты. 212
5. Схема: Кавказ, реки Окс, Танаис и другие ... 220
6. Схема: Кавказ, реки Окс, Танаис и другие. Поздние варианты ... 228
Схема Полибия ... 229
Данные Аполлодора (?) ... 232
7. Схема: Тавр, реки Окс, Яксарт и другие ... 234
8. Схема: Тавр, реки Окс, Яксарт и другие. Поздние варианты ... 247
Схема Оросия ... 259
Схема Гонория ... 261
9. Схема Птолемея ... 266
Заключение ... 279
Приложение ... 283
Локализация основных географических объектов ... 283
Путевые меры, используемые античными авторами ... 284
Схемы развития географической традиции у античных авторов ... 285
Античные географические схемы и карты ... 289
Список сокращений ... 301
Использованные источники ... 302
Цитированная литература ... 305
Указатель географических названий ... 321
Указатель этнических названий ... 326
Index locorum ... 329
Summary ... 339

Научное издание

Пьянков Игорь Васильевич

СРЕДНЯЯ АЗИЯ
В АНТИЧНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
Источниковедческий анализ

Утверждено к печати
Новгородским государственным университетом
имени Ярослава Мудрого

Редактор *Н.Б.Кондырева*
Младший редактор *Г.А.Парфенюк*
Художник *Н.Н.Ларский*
Технический редактор *О.В.Аредова*
Корректоры *Е.В.Карюкина, И.Г.Ким*
Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

Изд. лиц. № 020910 от 02.09.94
Сдано в набор 02.07.97
Подписано к печати 30.10.97
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. п. л. 21,5. Усл. кр.-отт. 21,5. Уч.-изд. л. 21,9
Тираж 1000 экз. Изд. № 7067
Заказ 230. «С»—1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ООО «Пандора-1»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28